

«Без цензуры» UNZENSIERT № 52

«Без цензуры» № 52

UNZENSIERT

№52

Межрегиональный проект

www.editagelsen.de

2023

Серия альманахов UNZENSIERT ("Без цензуры")
была основана в 2010-м году
в целях ускорения редакционной обработки
авторских материалов

Тексты публикуются в авторской редакции

Литературная редакция:

Сергей Булыга, *Евгения Халь, Сергей Катухов, Мария Шурыгина*
Редактор по связям с общественностью – Кирилл Берендеев

Графика обложки – из архива Ирины Добровской (Бад-Кёниг)

Издатель и главный редактор – Александр Барсуков

Copyright © 2023 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-910935-06-8

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo@gmx.de

Printed in Germany

РАССКАЗ

Владимир Вещунов

Нижний Новгород

ДЕВУШКА ИЗ «НАГАСАКИ»

В облике Виталия Львовича Шаронова ничего от «Львовича» не угадывалось. Напротив, неподходящая внешность. Ранние залысины, узко посаженные глаза; нос запытой, в боксе покривили. Безвольный, как бы раздвоенный подбородок; как сказала одна невоспитанная кнопка: жопка. И на этом, ничем не примечательном лице — сочные, как вишни, губы. Вот такой казус природы! И эти яркие губы ломким подростковым голосом произносили слова с дефектом: Витавий Вович, свова, вожка... Он провёл пальцем по бороздке на подбородке, усмехнулся.

— Хочешь быть счастливым — будь им! — мужественно отчеканил свой путеводный девиз.

Он долго тренировался, изгоняя из тембра несолидность. Иногда это ему удавалось, и теперь его судьбоносный девиз прозвучал со сталью в голосе. Да, он был почти счастлив. Хотя счастья много не бывает. Добился всего сам. Сделал себя сам! Выбросил «за борт» паршивую, как шавка, присказку: «Хочешь хорошо жить, умей вертеться!» Ох, как пришлось повертеться!.. Он, затюканный дворовой Шарик, — хозяин здания консульства Соединённых Штатов Америки. Мировой гегемон арендует у него, Виталия Львовича Шаронова, его личный особняк! Самонадеян? Самодоволен? Самоуверен! Самодостаточен!.. Вспомнил, как потрясённый Жека остолбенел, увидев на полке в прихожей денежный развал.

— Ты же знаешь, Марго — шопоговичка! — как бы виновато развёл руками. — Гардероб битком набит, а ей всё маво! Надоево мне ей отстёгивать, мевочиться. Теперь берёт сколько хочет. Коммунизм!..

Дабы прийти к этому светлому будущему в отдельно взятой шароновской семье, её главе пришлось пройти тернистый путь, говоря высоким слогом. А для низкого и слов не сыскать!..

От поднебесного высокогорного хребта разбежалась цепь гор, череда сопок. Озарённый вдохновением вечерней зари, поэт воспел эту горную грядку:

Парча зари в лучах шуршала.
Река сверкала, угасая.
Легко-легко земля дышала,
Согретая лучами мая.

От счастья задыхались птицы
И верещали оголтело,
И лес в зелёные ситцы
Рядил раскованное тело.

Молилось солнце на закате,
Спускались с гор в долину тени,
Вдыхали горы и горбато
Ворочались в своих постелях.

В этом Каменном Поясе выделялась гора Горбатая. Её и облюбовали геологи: кварцевый песок, глина разной жирности, строительный щебень... У подошвы Горбатой скоротечно возник город Горск: бутощепёночный завод, стекольный, фарфоровый, домостроительный комбинат.

Взрывы, рёв бульдозеров, экскаваторов, Белазов — террасный карьер «рос» в глубь земли. Была гора высокая — стала яма глубокая.

Неудачники, обиженные судьбой, с презрением, свойственным безнадежникам, обзывали Горск Ямой. Витальку Шаронова тоже обзывали по-всякому, до слёз: Шариком, Шнурком. В этой кличке он был сам виноват. Кеды звал «кетами» и шнурки завязывать перед школой не научился, не говоря уже о «бантике». Ходил с распущенными шнурками, спотыкался, падал под ржанье пацанвы. Слёзы и из носа «шнурки»... А ведь из культурной семьи! Отец — пожарник, мать — посудомойка в детсадыке. И как Шарик в школу пойдёт? Говорить толком не может: шкова, первый квас. Ну и умора!

Откупался от обидчиков, обзывальщиков. Из дома на улку выходил с куском хлеба, намазанным маргарином. Вечно голодная уличная пацанва тут же подлетала к «богатенькому Буратинке»:

— Шарик, сорокни!
— Сорок семь — дели на всех!..

Дружеское расположение кусочников было недолгим. Его обязательно заставляли с кем-нибудь драться до первой крови. От слова «кровь» он съёживался и хныкал:

— Давайте, я вучше песенку спою.

— Валяй! — позволяли драчуны.

Певец сдвигал кепарик на затылок, поддёргивал штанишки на лямке и тужился баском исполнить песню:

Я закавився в юности жестокой!
И обожав я кабаки и драки!
Я капитан! Я из Вадивостока!
Вюбив я девушку из Нагасаки.

У ней такая мавенькая грудь
И губы авые, как маки.
Когда я уходив в давёкий путь,
Я помнив девушку из Нагасаки.

У ней сведы проказы на руке
И татуированные знаки.
О как пвясава джигу в кабаке
Девушка из Нагасаки!

Однажды я вернувся из морей,
Мне рассказави о жестокой драке,
Как из-за ревности обкуренный зводей
Зарезав девушку из Нагасаки.

И в дикий шторм, когда ревёт гроза,
И в тихий час на повубаке
Я вспоминаю карие гваза
И девушку из Нагасаки.

Десятки раз слушала эту песню ребятня в исполнении Шарика. С дефектом поёт, но переживательно. И как этот шибздик такую длинную песню выучил?!.. Благодарные слушатели хлопали певца по плечу, а он чуть ли не рыдал от счастья.

Приукрашивал своё семейное положение: мамка не посудница, а воспитательница детского сада; папка не какой-то пожарник, а героический взрывник в карьере. У него, «героического», Виталька научился

«Девушке из Нагасаки». Лев Михайлович всю жизнь тосковал о море. А волны его шумели в недосягаемой дали: полсутки автобусом. И Шаронов-старший утишал свою неизбывную печаль не морской водой, а иной.

— А без огненной воды ни туды и ни сюды! — частенько говаривал, оправдывая свою «пожарную» зависимость.

Как-то раз после очередного исполнения отпетое хулиганьё доставило «известному» певцу известную в городе Лёлю-дурочку:

— Вот тебе девушка из Нагасаки! Лёля, покажь свою маленькую грудь!

Лыбясь, начала сдёргивать с себя замурзанное платье. Одутловатая, прыщавая, лупато-раскосая, повергла Шарика в ужас. Вот-вот сорвёт с себя поганое платье! Он рванулся, чтобы бежать. Его схватили, загогатали:

— Тили-тили тесто, жених и невеста!..

Шпора, Шапорин Жека, щелбанул в воздух пятак. Сверкая медью, монета акробатически закружилась. Жека по-жонглёрски поймал её и впечатал в грязную ладошку Лёли. Та одёрнула платье, показала язык обидчикам:

— Бе-бе-бе! А у меня денежка! — Поскакала к ларьку за монпасейками-леденцами, возвещая всех о своём богатстве: — У меня денежка!..

Шарик вырвался из рук негодяев. «Подлые» шнурки на «кетах» развязались. Споткнулся, упал. Шпора поднял его, зарёванного, отряхнул от пыли. Не стесняясь ржунов, завязал шнурки, нахлобучил на бедолагу кепарик, пуговка на котором болталась на одной нитке.

На обороте лацкана кургузого шапоринского пиджачка запасливо была пришпилена иголка с ниткой. Его всегда стлкнували драться с новенькими, появившимися во дворе. Заканчивал бой до первой крови. Но иногда попадался упёртый противник, приходилось даже барахтаться по земле. Дранные места на рубахе и штанах после схватки ловко штопал. Бывалого Шпору уважала даже отъявленная шпана. Мать его, дворничиха, ворочая сугробы в лютую стужу, нередко простывала, болела. И он, голоухий, в одной рубахе, метал широкой фанерной лопатой кучи снега, очищая дорожку благополучным гражданам. Иные, сердобольные, сокрушались:

— Мальчик, оденься! Простынешь!..

И никто ни разу не подмогнул. А от него облако пара клубилось. И никакая простуда не брала. И шайбу гонял в таком же виде, без хок-

кейной амуниции. Купальный сезон открывал уже в апреле, когда начинался ледоход, с восторгом барахтался среди льдин.

Шапорин накрепко пришил суконную пуговицу к кепке-шестиклинке соседа по двору Шаронова.

— Фамилии у нас с тобой, Виталик, похожи, будто сродственники. Держись за меня, не пропадёшь!..

Заядлый рыбак, грибник, ягодник, Жека повсюду таскал за собой подопечного. И тот восхищался своим другом: до чего же фартовый! В речке, сливной от автобазы, где все бактерии повымерли, умудрялся ловить пескариков. На берегах водохранилища, заросших тальником, отыскивал рясные кусты жимолости. В дремучем лесу под лапами шатровой ели у ручья построил шалаш. Сырые грузди, облепленные хвоинками вдоль ручья. Подберёзовики, лисички, волнушки, маслята в березнике. По осени весёлые семейства опят на пеньках. Алые куртинки брусники, костяники. Приятная оскомина на зубах от «чумазой» черники. И Виталька познал науку дикоросов в изобильных шапоринских грибных и ягодных местах. И ещё одну школу Шпоры прошёл Виталик Шаронов — школу мужества. Ему-то не впервой ночевать в шалаше, а Шаронону пришлось однажды пережить в тайге жуткую ночь. Филин дико ухал, ночные птицы и какие-то существа хохотали, верещали. Вопили звери рядом с шалашом, рычали, выли. Вздрагивал Шарик, дрожал, хныкал, прижимался к Шпоре. Чуть не умер от страха. А тому хоть бы хны!

— Не дрейфь! — хлопал по плечу скулящего. — У страха глаза и уши велики!.. Он только навлекает хищников. Заткнись и успокойся! На труса всякая зверушка норовит напасть. Закон — тайга!

— Тебе-то хорошо! — стуча зубами, просипел Виталик. — Ты-то не боишься.

— Да, не боюсь! — расхрабрился Жека. — И ты не бойся! Виду не подавай, что боишься. Мама говорит: всё, что ни есть, всё к лучшему! И ты смелым будешь!

Наставления бывалого утишали дрожь, и утром Жека едва разбудил Витальку: так крепко уснул.

— Молоток! — похвалил «бесстрашного» друга Жека. — Кувалдой будешь!

Уютно в шалаше. Головокружительный дух, настоящий на хвое и душистых травах. Нет слаще перины!

Лес купался в струях утреннего солнца. Искрился росными алмазами-изумрудами. Жека едва задел еловую лапу — радужный дождь окатил его и Виталика.

— Радуга! Радуга с нами играет! — воскликнули оба.

За шиворот сыпанули капли. Радостный визг, пляска дикарей! Барахтанье, борьба в росной траве. Мокрые, в изнеможении разлеглись на солнечной поляне просыхать. Братья «по крови». Журчал ручей, иволга вторила переливчатой мелодией флейты. Пригоршнями студёной водицы утолили жажду. Ни взрывов, ни рёва карьера, ни першащей пыли.

— И зачем вуди рюк Яму, когда здесь так хорошо! — набрал полную грудь воздуха Виталик, словно вдохнул всю тайгу и вскинул руки к лазурному небу.

Барабанная дробь дятла, соловьиные трели, рулады щура, стон выпи, хор лягушвы... Разноголосица и слаженное песнопение. Всей своей музыкой отозвалась природа на чувство мальчика. Вдохновлённый этим гимном, Жека запел:

Мы идём, как следопыты,
Все пути для нас открыты,
Все дороги нам видны!
Мы юннаты, мы счастливые ребята
Нашей солнечной страны!

С корешем Жекой Виталька быстро вырослел и мужал. Походы в тайгу, ночёвки, борьба, мирные драчки на кулаках — и затурканного Шарика уличные каналы стали навеличивать: Шар!

После октябрьской демонстрации у одноклассницы Сакуры, Сакуровой Лины, дерзкий ветерок вырвал красный воздушный шарик. Тот помотался в воздухе и уселся на телеграфном столбе. Сакура плаксиво поджала алые губки и беспомощно заозиралась, как бы надеясь на чью-то помощь. И помощь подоспела! У столба валялась проволока. Женька Шапорин окольцевал ею столб. Из хвоста её скрутил «стремя». Вставил в него ногу в ботинке, подтянулся, ловко перебирая руками и ногами, залез к макушке с беглецом. Зажал зубами пипку и спустился с ним к восхищённой Линочке. Кавалер! Четвёртый класс, мальчишки и девочки уже поглядывали друг на дружку. Чернявенькая, смуглая, Линочка с карими, чуть раскосыми глазами нравилась мальчикам. И Шаронову тоже. Вылитая девушка из Нагасаки! И он позавидовал другу, невпопад ляпнул:

— Я бы с «когтями» эвектрика тоже бы забрався.

— С «когтями» всякий дурак сможет! — посмеялись над ним.

Понурился от зависти и обиды. Вспомнился «телеграфный столб» пьяненького отца, который оправдывался перед матерью:

— Не пьёт только телеграфный столб. — И допытывался у сына: — Как ты думаешь, Виталька, почему он не квасит? А-а, не знаешь! Много будешь знать, скоро состаришься.

Заглаживая свои недобрые чувства, спросил:

— Жека, а почему телеграфный столб не пьёт?

Все расхохотались. Шапорин деловито распутал своё верхолазное приспособление: сгодится ещё. И ответил:

— Да, у нас в городе только он непьющий! У него «стаканы» вверх дном.

Приспособление, заменяющее «когти» электрика, пригодилось. С ним Жека и Виталька отправились в кедрач шишковать. Опытные шишкари бухали дубинами по стволу, шишки сыпались на подстилку у подошвы кедра. Иные смельчаки с помощью железных когтей карабкались в рясные кедровые лапы, дёргали одну за другой. Безмозглые же валили пилой богатый шишками кедр и ползали по великану ради наживы. Жека со своим проволочным «верхолазом» благополучно освоил пару изобильных кедров. Виталька с удовольствием укладывал смолистые пахучие шишки в рюкзаки. Когда под завязку был набит второй, укладчик запросился на кедр. Жека выбрал не сучковатый, удобный для лазания ствол. Кедровые лапы в паклях мха нависали шалашом. Шишкарь неуклюже заполз в него. Град ядрёных «бомбочек» гулко застучал по земле, как будто падали яблоки. Вдруг истошный крик раздался. Виталька свалился с кедра, но не упал, а повис на каких-то ремнях. В лоскутах, ветоши, обезумевший от страха, он мычал что-то неразумительное. Жека освободил его из пут, которые спасли бедолаге жизнь. По ним взобрался туда, откуда свалился напарник. И сам чуть не сверзнулся. В темноте кедрового «шалаша» на него щерился белый череп! Он был в лётчицком шлеме. В парашютных лохмотьях, в стропах на перекрестье корявых веток лежала изъеденная временем и грызунами мумия.

Жуткая картина потрясла Шапорина. Он даже забыл про свою «верхолазку», спустился по стропам. Подавленный, сидел меж двух рюкзаков с богатым урожаем Шаронов.

Четыре года назад весь город был взбудоражен крушением в тайге истребителя МиГ-19 и его поисками. Самолёт через месяц нашли, а пилота отыскать не удалось. И вот страшная находка! О ней сообщили юные шишкари Льву Михайловичу, а тот срочно доложил военным.

Стёрлись страхи, и через год добычливые шишкарки вновь отправились в кедрач. Теперь уже как заправские добыччики, опытные, с настоящими когтями. И не с рюкзаками, а с мешками, на своём транспорте, на велосипедах. Насшибали обширную поляну шишек, разложили на солнцепёке. На пне устроили молотьбу. Молотками колотили по просушенным шишкам. Обмолот, шелуху с орешками просеяли через сито. Шелуху бросили в огонь: ах какой занялся пахучий костерок! Туго набили два мешка: не шишек — орешек! «Туши» взвалили на велосипедные рамы и торжественно повели своих «коней».

Несмотря на презрение товарищей: торгаши, мол! — уселись со своим товаром на базаре. Выручку, весьма солидную, поделили пополам. Добыччики!

— Кормилец! — вздохнула болезная матушка Женьки.

Не только кормилец, но и лекарь. Сколько всего полезного и целебного хранится в крошечном орешке, плёночке, скорлупке! Минералы, витамины, изгоняющие многие хвори, укрепляющие здоровье. Вкусные орешки лущили, народные врачеватели делали на них настойки и отвары. Кондитеры сдабривали свои изделия кедровым маслом, украшали торты тёртым орехом.

К восьмому классу почти однофамильцы, Шапорин и Шаронов, артель двоих, побилла многих конкурентов на кедровошишечном рынке. Для высокой производительности труда смастерили дробилку-шелушилку. В бункер вставили вращающийся барабан с шипами для шелушения. Затем усовершенствовали крупорушку, купленную по дешёвке у соседнего совхоза. В общем, развернулись! Однако сезонный осенний прибыль уже не устраивал. Грезилась иные масштабы!..

Рубежное время настало. Перестройка наизнанку перекроила сознание добропорядочных советских граждан. Рыночный воздух свободы завихрил, как в нэповские годы, торгашескую чернь. Очумелые «челноки» возами пёрли из Суньки (Суйфэньхэ) к приграничной Полтавке китайское барахло. Добирались до Владивостока. Местные до отказа забивали свои торговые палатки дешёвым шумтём. Остальные продолжали свой «челночный» путь по железке, снабжая этим добром города и посёлки до Советской Гавани.

Ударилось в челночество и семейство Шароновых. Шапорин подрабатывал у них помогайкой. Нагляделся на бедлам челночных поездов. На иной станции остановка две-три минуты. Из вагонов, битком набитых «китайщиной», летели коробки, плюхались на перрон матрасовки, узлы. Даже на ходу поезда помогайки выпихивали из окон то, что не успели выбросить. Потная электричка стукотила дальше, а на

перроне копошилась куча мала, разбирая в свалке своё барахло. Чтобы не возиться в этом сброде, чета шароновых сгребала свой товар в отдельную кучу. Виталька с Женькой выбрасывали его на перрон из дверей и окон. Барахла было столько, что не всегда удавалось выкинуть его из вагона до отправки поезда. Шапорин на ходу выпихивал из окна оставшиеся мешки и узлы. Под тоскливый крик электрички приходилось катить до следующей станции, аж сто километров, и возвращаться на попутках.

Надоела эта карусель! Вот поезд дёрнулся, заскользил перрон... Рискнул выпрыгнуть из окна — и чуть не угодил под колёса! На глазах у Шароновых выполз на перрон изодранный, в ссадинах. С криками нагнулись на него супруги:

— Зарезало бы тебя, а нам отвечать!

И сынок заодно. Однако смилостивились и подарили «варёнки». Наладили их производство! Китайскую джинсу «купали» в корыте, наклеивали лейблы с «пумами» и продавали как «фирму».

Виталий не отставал от предков. Сдал на права, купил «шиньон» — «Москвич» с фургончиком. Решил заняться фотобизнесом. Написал на фургоне «Фотосалон» и начал окучивать деревни. Горячий навар восторгом обжигал душу в майские дни окончания учебного года: групповые снимки классов, детсадишных выпускников. «Трудовые будни — праздники для нас!» — фотопортреты передовых механизаторов и доярок на досках почёта. Всё бы ничего, да на просёлочных дорогах хозяйничали автопираты, в деревнях поджимали конкуренты. В одиночку держать такой бизнес небезопасно. Позвал на подмогу Шапорина. Тот получил права, в камуфляже и берцах, стал личным водителем и телохранителем. Облепили фургон рекламными фотообrazцами: семейные и свадебные торжества, выпускные балы, умильные мордашки детишек. На фанере намалевали джигита на скакуне, в черкеске с галунами, в папахе. На месте лица вырезали дырку. Подобно пляжникам в Сочи, детвора вставляла свои «мужественные» черты в прорезь. И взрослые не чурались такого джигитского образа.

Мелкотравчатого «шиньона» сменил микрик с аляповатыми художествами по бокам: Чип и Дейл, Микки Маус с надписью «Видео Салон». Очереди из детворы выстраивались на деревенских «площадях» к Чипу и Дейлу.

— Чему вы детей учите! — сокрушённо вздохнула одна сельская учительница и провела работу над ошибками.

Крупно написала на тетрадном листке: «Видеосалон» и преподнесла его грамотеям. В одном слове — три ошибки!

После восьмого класса оба школу забросили. Шапорин вынужден был зарабатывать на лечение матери. Шаронов же пристрастился к наживе. Разворотливость Шара удивляла Шпору, ставшего пристяжным у него. В скверике у аэропорта стоял заброшенный вертолёт. Шаронов выкупил его и погнал в нём Чипа и Дейла с Микки Маусом для пассажирской детворы.

Вырос из «детских штанишек», в цокольном полуподвале устроил видеосалон с вечерним и ночным показом: зубодробительные костоломы Чак Норрис и Джеки Чан, Шаолинь, Кама-сутра и прочая порнуха. Особо доставалось в этой чернухе русским императрицам. Подобный мерзобизнес Шпоре претил. А Шар ухмылялся:

— Все вюди братья, вюбю с них брать я!

Владивосток-восторг распахнулся в девяностые. Международные форумы, делегации: индусы в чалмах с подводных лодок; америкосы с крейсеров: белые и черные по отдельности; «лица жёлтые по Владиду кружатся»...

Порто-франко: беспошлинный ввоз и вывоз. Фрахт и фарт! На этом поприще подвизался новосёл Владика Виталий Шаронов. Его плашкоут швартовался раз в месяц с контейнерами, набитыми ширпотребом. Контейнеровозы доставляли из Японии стиральные машины, телевизоры, микроволновки и прочую «бытовуху». Ею Шар битком забил свой вместительный гараж. В «брехунке» помещал объявления о продаже.

И вот плашкоут ошвартовался с «тойотами». На автогоильнике в Йокогаме Шар собрал «отходы», привёз на свой авторынок, подшаманил и пустил в продажу.

Таможенная начальница поусердствовала в бизнесе Виталия Львовича, стала госпожой Шароновой. Некогда затюканный Шнурок представлял из себя важную персону, одевался в коверкот с бобриком и записался в боксёрский клуб своего «пристяжного» друга, к которому относился весьма благосклонно. Тот сохранил почётное место личного водителя и телохранителя. Боксота правила бал в торговом порту и в городе. Без их «ярлыка» никакое «княжение» не прокатывало.

Шароновский авторынок расширился, захватывая территорию судоремонтного завода, который банкротился. Суда за бесценно продавали китайцам и японцам на гвозди. На месте неказистой конторки вырос трёхэтажный офис. В просторном еврокабинете хозяин принимал покупателей. В малиновом пиджаке, с золотой цепурой, раскинувшись в кресле, небрежно задирает манжет рубашки, ошеломляя посетителей золотыми в бриллиантах «котлами». Не только ошарашивал, но и наме-

кал: время — деньги! Когда к шефу входил Шапорин, босс позволял себе развлечься. Секретарша, супружница Марго, чуть не загремевшая на зону за взятки на таможне, приносила чай с пирожками. Она ещё заведовала кухней и ублажала начальника-мужа выпечкой. Виталий и Евгений по старой дружбе заводили приятельские беседы. По ковру ползала, тыкаясь по углам, «шайба» робота-пылесоса. Хозяин с умилением любовался чудом техники на грани фантастики. Время от времени подкидывал в «пасть» бумагорезки лист за листом, с торжеством поглядывая на Шапорина: каково, а!.. Заботливый начальник, он всякий раз справлялся о здоровье своего друга-подчинённого. И тот каждый раз, зная его слабость, печалился:

— Мотаюсь по врачам. Как говорится, не понос, так золотуха.

Чужие горести доставляли Виталию Львовичу нескрываемое удовольствие. Он расплывался в улыбке и прямо-таки расцветал. Однако говорил:

— Есви что, то обращайся, помогу.

Иногда Марго приносила кофе с коньяком. Шапорин отказывался:

— За рулём!

— Хваваю! — одобрял трезвость своего шофёра Виталий Львович.

Однажды он позволил ему не только этот напиток, но и покрепче. Расслабились оба: фарт, бизнес на мази. После расспроса о zdraví, доставившего Шаронову истинное блаженство, Шапорин пьяненький и язвительный, рассказал анекдотец. Собрался рыцарь на войну и наделил супружницу поясом верности, а ключ взял с собой. Оруженосец спросил:

— Зачем вы, господин, надели на супругу пояс верности с замком? Ведь она такая страшная, на неё никто не позарится.

Промолчал рыцарь и выбросил ключ в реку.

Исподлобья посмотрел на анекдотчика Шаронов:

— Да, Марго страшновата, да червонцами богата! И пирожки печёт. И бваготворительница. Географическому обществу отстегнува. Её приняви и меня! — из ящика стола достал коричневые «корочки»:

— Гвянь, действительный чвен! Хочешь, и тебя примем!

— Не достоин такого высокого звания. Сказывают, там библиотека богатая, потому там и ошиваются всякие меценаты, благотворители, пожертвователи и прочие благодетели. Раритеты, фолианты можно сбаргить за границу.

— Хорошая мысвья приходит опосвя. А эта — вовремя!

Действительный член Русского географического общества Шаронов Виталий Львович начал сбывать в Гавайский университет ценней-

шие раритеты и архивные древности. Переправил дневники Арсеньева: секретные экспедиции по Уссурийскому краю. Донесения Блюмкина об экспедиции Рериха на Гималаи, в Тибет в поисках Шамбалы. Рапорты адмирала Завойко об изгнании англо-саксов от берегов Дальнего Востока во время Крымской войны. Следственное дело о загадочной гибели Фридольфа Кирилловича Гека, вольного шкипера. Он, таможня русского Дальнего Востока, квасил морды америкашкам-браконьерам, истребляющим котиков в русских водах. Отчёт исследователя ледников Памира Федченко о снежном человеке...

Цены не было этим документам. И недоучка, окончивший всего восемь классов, за заслуги стал почётным профессором Гавайского университета!

Американское консульство размещалось в здании бывшего Совнархоза. Объявило конкурс на строительство нового здания, соответствующее всем нормам международной дипломатии. Ушлый член Учёного совета ГО Шаронов пригласил консула США Дебору Смит посетить Географическое общество и провёл с ней познавательную экскурсию. Дебелая Дебора и сухопарый Виталий Львович сфоткались на фоне мемориальной доски Арсеньева. Она была осведомлена о заслугах Шаронова В. Л. перед Соединёнными Штатами и способствовала, чтобы он выиграл тендер на строительство здания консульства.

Услышав звонок Деборы о победе, Шаронов ворвался в квартиру с торжествующим воплем. Но был сурово охлаждён супругой:

— Чему ты радуешься? Мама померла!..

Он кинулся в ванную, чуть не сорвал кран. Загремел «водопад». В этом сладостном шторме он плеснул на себя охапку воды и заорал:

— Во попёрво! Во попёрво!..

Поглаживая бархат портьеры, он смотрел из окна консульского конференц-зала на бухту. Тёмная, тяжёлая вода с отливом смолы. «Жирафы» кранов торгового порта застыли во времени. И год назад они были в тех же позах: одни, понурившись, склонили головы, другие как бы в недоумении вытянули шеи... А век назад здесь у причалов стояли крейсера и фрегаты; по бухте сновали шлюпки, джонки, юли-юли, кавасаки. Японское слово привело в уныние... Он — человек мира, живёт в цветущей Новой Зеландии, где самые низкие налоги. У него растущий бизнес и весьма солидная рента. У него ранчо, он настоящий мачо! Устраивал сафари в саваннах Африки. В снегах Килиманджаро восходил к вершинам. Но много счастья не бывает. Открылся во Владике ресторан «Нагасаки». Не злчное место, а змеиное гнездо: ниндзя,

якудза. С появлением «Нагасаки» в городе участились убийства, исчезновения людей. Полный банзай. Оттяпывают у местных бизнес. Все-ильные микадо, гордые самураи, неустрашимые камикадзе — секотят перед америкашками. Те на них две ядерные бомбы бухнули, военные базы понатыкали — не пикнет Страна восходящего солнца. А сынки её начинают во Владике баловать.

Нагасаки... Песня из детства, про девушку и капитана. Хорошая песня. А вот название «Нагасаки» — мрачноватое, опрометчивое. Как бы чего не вышло!..

Стареющая луна над бухтой. Стареющий душой процветающий Шаронов. Решил тряхнуть стариной, расслабиться в этой самой «Нагасаки», глянуть на это «гнёздышко».

Парадный вход был оформлен в виде пагоды. Каменно застывший «самурай» не шелохнулся. К посетителю с угодливой улыбкой подсемила гейша в кимоно:

— Комбанва! Добрый вечер, господин-сан!

Провела в отдельную кабину с видом на сцену. За столиком перед сценой сидели местные братки из боксоты. Успокоился. Оглядел своё «купе». Декор в блестящих шелках с растительным орнаментом. Режущий высверк боевого меча-бушидо на стене. На изящной этажерке икебана в расписной фарфоровой вазе; бонсай — карликовый багульник; нэцке — буддийских божков; глянцевые рекламные журналы с голенькими девочками от пяти до десяти лет. Он сам привозил вместе с машинами пачки и раздавал «элитчикам». Марго начала сжигать этот позор:

— Соучастник растления!

И пристяжной дружок посвоевольничал, заставил потрудиться бумагорезку. И тоже: пособник растления. Будто сговорились, моралисты...

Гейша принесла крохотную чашечку саке, плошку риса с палочками и пару суши. Поцедил саке, поковырял рис. Гейша присела рядом на пуфик. Японческий городской! Водки с напёрсток, а захмелел! Чудо-зелье! Видя его лирический настрой, гейша прочитала стишок, так ей полагалось по должности:

Вечерним вьюнком
Я в плен захвачен...
Недвижно застыл в забыты.

Кукольное личико. Детский голосок. Лукавый взгляд:

— Карасиво, не правда ли? О-о, тринадцатый век, Басё, хокку.

— Очаровательно! — он протянул к ней руки.

Она отодвинулась: гейшам не положен интим, только церемонии, приятные беседы.

— Ты очаровательна! — он попытался растопить её сердце. — Ты выюнок, пвенивший меня! Как тебя звать? — вновь протянул к ней руки.

— Най-най (Нет-нет), капитана-сан! — погрозила пальчиком.

Он криво ухмыльнулся, взял с этажерки «глянец», осуждающе постукал пальцем по обложке с голенькой малышкой:

— Раствение!

Гейша ускользнула и быстро вернулась с графинчиком. Он сам налил саке и выпил, вздохнул:

— Да-а... Басё, карасиво, тринадцатый век... А вы в двадцатом тащите своих стариков перед смертью в горы на растерзание грифам! Видев я ваш фивьм «Вегенда о Нараяме». Там Вонючка вез к старухе, к собаке... И это ваша эстетика? Погано! То канава, то яма, японческий городской! Мрак! Герой-сёгун писатевь Мисима учинив кровавое зрелище: сэппуку, пубвичное харакири. Вспоров живот, кишки наружу... Друг говову отрубив, чтобы не корчився в муках. Очень эстетично! Самурайский дух. На цыпочках перед америкашками. Пепев Нагасаки довшен стучать в ваши сердца! А вы ресторан с такой кармой назвави. Как корабль назовёшь, так он и поповывёт. Как бы чего не вышво!..

Гейша безучастно, как заведённая, махала веером. Прервала обличительный монолог:

Весь долгий путь луны
Я проследил до самого рассвета.

Намекнула, что пора удалиться. Вздрогнул.

Я закалился в юности жестокой.
Я обожал и кабаки, и драки!
Я капитан! Я из Владивостока!
Любил я девушку из Нагасаки!..

На сцене на фоне Фудзиямы пела его песню девушка в кимоно и в капитанской фуражке с золотым «крабом».

— Кто это? — спросил Шаронов гейшу.

— Наша хозяйка, Сакура-фудзин.

Пьяненькая догадка мелькнула, чуть не закричал: «Сакурова!..» Осёкся. Трудно вообразить эту повелительницу в образе четырёхклаш-ки Линочки. Та обижалась, когда её звали Сакуровой...

А она уже в страстном порыве пела:

Дельфины, дельфины, в чужих краях
Расскажите, как счастлива я!..

Пела искренне, с чувством. Что за счастье ей привалило? Нет, это не Линочка Сакурова!.. Однако совпадения: и песня, и певица госпожа Сакура...

Гейша повергла его в смятение. Расплатился щедро, с чаевыми. Проводила до двери:

— Фицурэйси мас! До свидания, Виталя-сан!..

Они знали о нём всё! «Весь долгий путь я проследил до самого рассвета»... Он не спал всю ночь. Чуть забрезжило, рванул в Горск, к Жеке.

Шапорин и старички Шароновы отвергли Зеландию, да ещё какую-то Новую. Сын подкидывал им приличную сумму к их пенсии, они не бедствовали и даже помогали с лекарствами матери Евгения. Она умерла, он не торопился жениться: посмотрелся на распадные брачные союзы одноклассников. Брак!.. «Траурный» марш Мендельсона. Лина Сакурова, сказывали, удачно осела во Владике, расцвела в ресторанном бизнесе.

Шаронов застал друга уставшим, вернувшимся из карьера: работал взрывником. Набросился на него:

— Шпора, ты ви это?! Ты где?..

— Дана работа, а не успех, — по-христиански ответил тот: много поучений святых отцов услышал от матушки.

Шаронов смялся и рассказал о своём посещении «Нагасаки».

— Попала она в кришнаитскую секту, возомнила себя реинкарнацией средневековой пиратки. Якобы убили у неё мужа; она собрала флотилию, стала мстить, грабить японские острова. И вот она, реинкарнация двадцатого века! Похоже это она, наша Линочка, Сакура наша возомнилась... Любопытно взглянуть на неё.

— Поедешь со мной, Шпора, удостовериться?

— Лады! Кстати, а как Марго на новом месте?

— Привадиwa говопузыx аборигенов, чуть что, бегут к ней за помощью, к матушке Марго. Русских зауважави. Нормавьяная у меня баба, верная... Как ты думаешь, Жека, что они затеяви против меня? Шёв я

из «Нагасаки», тени кравились за мной. Что им надо? У меня и бизнеса не оставось почти. Живу за счёт ренты.

— Поедем, разберёмся. А пока не будем об этом. Вспомним наши лучшие денёчки! Проведаем наш шалаш.

— Жив ви? Четверть века прошло.

— Жив! Помнишь, как проходят пустые страхи, Шар?..

Два-три раза в год Евгений навещал шалаш с ночёвкой. Укреплял, подновлял, покрывал и выстилал внутри лапником. Жадно вдыхал целебный хвойный дух, очищая лёгкие от карьерной пыли.

Одетые в камуфляж, они слились с осенним лесом, словно были его частью. Шалаш выглядел справно и гостеприимно. Повалялись в нём, ощущая родство с ним, с тайгой, со всем миром. Развели костерок. Выпили шапоринской настойки на лимоннике. Ядрёная жгучесть погнала тугую кровь, взбудрила. Потрескивал костерок, ластился под дуновением ветерка. Нежные мерцали сумерки. Лес распевал на все лады: птицы, лягушки, цикады, ручей... Отраднo!..

Бросали печёнки с ладошки на ладонь, обжигались, дули. Разламывали, с наслаждением ели, чумазые, чуть ли не с угольной кожурой. Вели неспешный разговор с воспоминаниями: а помнишь?..

— Ты ахнул, увидев меня из карьера, — произнёс Евгений, когда рассеялся дым воспоминаний. — Помнишь, говорил: в карьере не сделаешь карьеры. А я стал проще и глупее, и мне стало легче. Столпотворение планов, смутность, нервность... «Спешить и пробежать закат, сна не увидеть второпях», — сказал поэт, точно вынес приговор. Любовь жизни и смерть найдут нас сами, если мы им понравимся, — усмехнулся Шапорин.

— Судьба, что ви? — спросил Шаронов.

— А понравимся тогда, когда Бог у нас будет на месте, тогда и у нас всё будет на месте. Учение о судьбе посеяно дьяволом. Нет никакой судьбы! Должно внимать себе!

— Высоким свогом сказано, пышно выражаясь! — съязвил Шаронов. — А краткость — сестра таванта. Надобна, чтобы отшить шантажистку-влюбницу, просящего в довг, занудного анекдотчика. Сидят над пропастью во ржи Евьцин и Буш.

— Боря, как ты думаешь, что нужно сдевать, чтобы нашим государствам быво вучше?

— Понимаешь, Жора, вучше будет, есви мы прыгнем!

Не выдержав я, уехав! Задавиви проверками, поборами, навоговики, повчища чинодравов, тому дай на вапу, другому. Рэкетеры, рейде-

ры, а тут ещё якудзы, триады. И этот беспредел став обычным. Обычай — враг среди вюдей. И я бежав от этого тирана.

— Богат не тот, кто приобретает, а тот, кто раздаёт, хотя бы сорадование ближнему, добромыслие с простотой сердца.

— Ты себя имеешь в виду?

— Святых старцев, поучениями которых и житиями меня матушка вразумляла, царство ей небесное!

Щёлкал, стрелял смолистый сушняк костра, веером взнимались огнистые иглы и рассыпались искристо. Ласковые, обволакивающие сумерки. Настоечка бодрящая, картошечка печёная... Благодать!

— Всё, что ни есть, всё к лучшему! — благостно произнёс Евгений. — Скорби врачуют. Благодаря им ты, Виталька, приехал.

Тот пьяно мотнул головой:

— Вады! — и отбил с другом «пятёрку».

Крепко выпили, казалось, и сон обнимет крепко, как Шапорина. Однако возился, мычал, стонал, уловляемый страхами. Мерещились исполинские нетопыри, летучие их тени хлопали крылами. Тени из «Нагасаки» и здесь достали!.. Ручей изливался русалочьим смехом. Заманная гейша... У излучины на перекате возбуждённые людские голоса. Шпора старается перекричать...

Евгений не кричал, мягко будил друга, разметававшегося в горячечном сне, приговаривая:

— Вот и настал новый день, светлый, славный день! Солнце с собою зовёт, пусть радость с нами живёт.

Виталий вскинулся, непонимающе уставился на Евгения:

— Где я?

Выглядел диковато: в траве, хвоинках.

Шапорин расхохотался:

— Чудо в перьях! Парень из мезозоя, реликт!

Выбрались из шалаша. Евгений поддел еловую лапу — радужный росный дождь окатил друзей.

— Ура-а! Радуга!

— Радуга играет!..

Побарахтались, поборолись на искристой от росы поляне. Раскинулись на солнышке, отдышались.

— Как в старые добрые времена! — с блаженством выдохнул Евгений.

— Я даже забыв, какое сегодня мартабря! — рассмеялся Виталий.

— Да, тёплая осень, благодатная. Сбор живицы ещё не закончился. Телега скрипит, лошадь фыркает, серокопы в сосняке живицу из конусов в бочку сливают.

— А что, Шпора, может, и мы тряхнём стариной, поишкуют?

— Проволоки нет, когтей.

— А мы по-обезьянью, с сучка на сучок, с ветки на ветку!

— Древолаз! — усмехнулся Шапорин, вспомнив его падение и ужас. Увидел в кустах лестницу, спрятанную шишкарями: — Везёт дуракам!

Приставили лестницу к ряскому кедру, шаткую, скрипучую.

— Я первый! — начал карабкаться по ней Шаронов.

На середине она треснула, и он с пронзительным криком рухнул с ней на землю. Шапорин кинулся к нему. Вытащил его кричащего из-под лестницы — и ужаснулся! В животе у него торчала длинная щепка! С воплем он корчился, силясь вырвать её. Шапорин схватил его за руки, чтобы не вырвал обломок: кровь хлынет — не остановить!..

Душераздирающие крики гулками эхами пронеслись в верховьях тайги. Лошадь заржала тревожно. Серокопы, артельщики-добытчики живицы, серы сгрудились вокруг телеги с бочкой. В накомарниках, они виделись инопланетянами. Добывали, однако, земную живительную смолку. Делали насечки-«шеvronы» на сосне, крепили конусы из нержавеющей стали. В них стекали янтарные смолистые «слёзы». Серу, застывшую зимой смолу, «копали» на стволах. Всё это чудодейство серокопы сдавали в фирму «Фармацевт».

— Но-но, тпр-ру!.. — осадил встревоженную лошадь старшой.

— Знать, стряслось что-то у городских, — предположила крепкого склада серокопка.

— Да вроде спокойный шалаш. Ходит изредка там один тихий мужик, грибы собирает, ягоды.

— В тихом омуте черти водятся. Что-то неладное там! Ишь, кто-то как резаный орёт.

Сгрузили бочку, сели на телегу, погнали лошадь.

— Уйди-и!.. — надрываясь в крике, хрипел Шаронов и твердил: — Ты-ы!.. Ты-ы!..

Шапорин не знал, что делать, изнемог от крика несчастного, от его боли и страданий, устал держать его руки. А он всё хрипел:

— Уйди-и!.. Ты-ы!.. Ты-ы!..

И Шапорин чувствовал себя виноватым. Страшился выдернуть дьявольский кусок дерева, а чем заткнуть полыхающую дыру-рану?.. В

кромешности своего положения, беспомощного и виноватого, молил Господа, уповая на что-то...

Телега подгрелась, серокопы с аптечкой, с живицей. Отодвинули Шапорина, склонились над раненым, осторожно вынули смертельную «занозу», захопотали над раной:

— Повезло тебе, сердешный, что живица подоспела! И боль утишит, рану затянет, кровь успокоит и нервы тоже.

А тот указывал трясущейся рукой на Шапорина и мычал:

— О-он!.. О-он!..

Скрутили серокопы подозреваемого, он и не сопротивлялся. Обоих, раненого и связанного, погрузили на телегу и доставили в город: одного в больницу, другого в милицию. Местные эскулапы заахали, заохали, забегали, засуетились: иностранец! Все силы медицинские бросили на спасение. Следователь приходил; несчастный, жертва невнятно бормотал:

— Мы-ы, мы-ы... О-он, о-он...

Сняли показания серокопов; те тоже: он, он!.. Органы шибко разбираться не стали, упрятали за покушение на три года.

Живица, медицинская помощь... Выписали Шаронова из больницы через месяц. Слетал в свою обетованную Зеландию, вернулся, уладил свои коммерческие дела, продлил аренду с консульством США. Бизнес-победителем заявился в «Нагасаки». Та же гейша встретила любезно и, к его удивлению, проводила в банкетный зал:

— Госпожа Сакура-фудзин хочет устроить в честь вас банкет!

Почуял неладное, пожалел, что рядом не было Шапорина. Попятился, но гейша по-мужски, до боли, схватила его за локоть и повела на «праздник».

Да, это была Линочка Сакурова, повзрослевшая. В кимоно, с причёской, утыканной палочками-дзифа: скрытое оружие в виде заколок. С веером, она восседала на золочёном троне посреди банкетного зала. Вокруг на почтительном расстоянии стояли подданные: ниндзя с нунчаками, самураи с мечами-бушидо. Гейша поставила обомлевшего Шаронова перед госпожой. Он, в джентльменской одежде европейского пошива, попылился выправить осанку, с усмешкой посмотрел на Сакуру.

— Дерзишь, недалёкий человек? Тебе неведом менталитет Страны восходящего солнца, её древние обычаи. Ты оскорбил память великого сёгуна Юкио Мисима, ты послал проклятие нашему заведению. Запомни, тому, кто послал проклятие, оно вернётся бумерангом! Не бумерангом даже — мечом-бушидо!.. Чем фея отличается от ведьмы? Настроением. Я сегодня — ведьма! И хочу увидеть твоё харакори!

Ниндзя мечом распорол, сорвали с него одежду. Полуобморочный, уронив голову к плечу, Шаронов едва стоял на ногах.

— Подайте ему меч! — приказала повелительница.

— Госпожа, он уже сделал себе харакири! — разглядел на его животе рубец от раны меченосец.

— Слабак! — поморщившись, помахала веером Сакура. — А где его дружок?

— В тюрьме! — пояснила гейша.

— Жаль, уж он-то бы сделал себе харакири. А этого слизняка выбросьте на помойку!

Случись мелкая неприятность, иной обязательно найдёт виновного и обвинит его во всех грехах. Даже друга! А если боль резанёт: все, кто рядом, окружающие, весь мир причинили ему эту боль. И виноваты уже в том, что им не больно, а он страдает.

Как побитый пёс приплёлся к воротам тюрьмы Шаронов. Он уже дал показания, оправдывающие Шапорина. К его изумлению, тот вышел из узилища бодрый и приветственно пожал руку:

— Рад видеть тебя здоровым!

— Ты что, не обижаешься на меня? — непонимающе посмотрел на весёлого Шапорина Шаронов.

— Из-за меня баванду хвевав.

— Да виноват я, что не удержал тебя от лестницы: она такая зыбкая, ненадёжная, опасная была! Виноват, прости!

Шаронов рассказал ему о позорном посещении «Нагасаки».

— Вот видишь, всё, что ни есть, всё к лучшему! Рана спасла тебя, а меня то, что сидел в тюрьме и не оказался рядом с тобой.

В одну из ночей в ресторане японской кухни «Нагасаки» произошёл страшный пожар. Здание спасти не удалось.

Ирина Невская

Санкт-Петербург

ВЕРНУТЬСЯ ИЗ ТЕМНОТЫ

Я больше не могу есть. Не могу. Вся еда отдаёт затхлостью.

Поначалу пыталась. Задерживала дыхание, запихнув в рот очередной тошнотворный кусок, торопливо прожёвывала, глотала. Чувствуя, как с каждым разом вкус становится всё отвратительнее, пока не стало казаться, что я жую кусок плесени. И тогда всё с таким трудом съеденное лезло назад.

Я не могу и спать. Сны превратились в вязкую густую жижу, которая затягивает, стоит едва задремать. Беспросветная тьма небытия совсем не то же самое, что обычный сон без сновидений. Я увязла бы в ней намертво, если бы в панике каждый раз не открывала глаза. Поэтому теперь я не сплю. Да и не хочется. Я заставляла себя лишь потому, что не знала, откуда ещё брать силы истощенному организму.

Когда всё это началось, никто теперь толком не помнит. Кажется, три года назад, а может, и пять. Болезнь разнеслась по миру мгновенно, не оставив нам шанса. Люди заражались стихийно, а смертность превысила все мыслимые пороги. Учёные так и не успели понять по какому принципу проявляются осложнения. И хроники, и прежде здоровые люди могли перенести болезнь с лёгкостью, а могли сгореть за два дня. Дети болели чуть легче, но и они не были застрахованы. Не был застрахован вообще никто и, конечно, это дико пугало, но что ввергало в настоящую панику — болезнь постоянно мутировала. Любой переболевший мог заразиться опять.

Дышать совсем трудно. Кашляю, давясь воздухом — он тоже отдаёт плесенью.

— Мам, ты чего? — из спальни выглядывает Вика.

Я пыталась скрыть болезнь от детей, до последнего надеясь, что пронесёт. Что переболею без осложнений. Проклиная себя за то, что где-то подцепила заразу, держалась до последнего, чтобы их не пугать. Конечно, это было ужасно наивно и даже глупо, но что я ещё могла? Они же совсем маленькие, что им делать, если я слягу? Если... умру?

— Всё нормально, Викуль, — дышать, дышать этой грёбаной гнилью. Вот так, давай, вдох-выдох, вдох...

Новый приступ, и я, держась за живот, кидаюсь в ванную. Едва успеваю нагнуться над умывальником, как из глотки льётся мутная жидкость. Отдышавшись, опускаюсь на пол. Вроде чуть полегчало. Надолго ли?

Перед глазами плывут круги. Кажется, темнота захватила мир. Теперь она совсем рядом, даже если держать глаза открытыми...

— Мамочка-а, — раздаётся за дверью и я, дёрнувшись, бьюсь о стену затылком так, что искры из глаз сыплются. Это чуть-чуть оживляет.

— Вот так дефибли...рлятор, — шепчу сама себе. С одной целью — понять, могу ли ещё разговаривать. Вроде могу. И вообще, похоже, действительно полегчало. Мутная жижа, бывшая когда-то водой, вышла из меня, захватив с собой часть сидящей внутри отравы. Вдруг, всё-таки, выйдет вся? Может, ещё попить?

Но воспоминания о недавнем приступе пока слишком свежи, и я малодушно решаю немного подождать.

К рёву за дверью добавляется ещё один голос. Пора выходить.

— Ну-ну, чего вы устроили? Тише... Тише. Видите, всё хорошо. Маме уже стало легче.

— Мамочка-а, — подвывая, заглядывает мне в лицо четырёхлетний Мишка, — ты заболела? Ты теперь тоже умрёшь? Как папа?

Обнимаю обоих, прижимаю к себе. Старшую дочь унесла первая волна эпидемии, мужа спустя год — вторая. Неужели настал мой черёд?

Качаю головой.

— Что ты ещё придумал! Никуда я не денусь, сынок.

Объятия очень удобная штука. Помогает прятать глаза.

Существует ли еще армия? Вряд ли.

Охранять государство незачем, раз государств больше нет. Остались города, в каждом свои законы.

Самые охраняемые места в городе — торговые точки. Стражники в противогазах стоят у дверей стеной, впуская внутрь по одному. Хозяева щедро им платят. Денег хватает — дерут с покупателей втридорога. Люди отдают последнее, куда им деваться? Жизнь — основной инстинкт, а чтобы жить, нужно есть. Только и всего.

Стараясь не шататься, стою у прилавка. Дородная продавщица отмеряет по граммам хлеб. Рядом, за прозрачной пластиковой перегород-

кой, мясник режет тушу. Запах мяса, сладковато-приторный, заполняет всю лавку, забывая даже вонь остальной еды.

До меня вдруг доходит — я не чувствую вони. И, прежде чем успеваю сообразить, от чего так, поспешно говорю:

— И двести грамм свиной печёнки.

Продавщица презрительно смотрит на меня, но бросает поданный мясником шматок на весы. Он плюхается на чашку, где только что лежал хлеб, и я равнодушно думаю, что тех, кого не прикончит эпидемия, наверняка добьёт старый добрый сальмонеллез.

— Триста шестьдесят граммов, — безапелляционно заявляет продавщица. — Берёте?

Я теряюсь. И так, покупая мясо, жертвую другими продуктами. Сама почти не ем, но детей кормить надо.

— Может, пополам? — предлагаю робко. Снова начинает мутить.

Она только того и ждет.

— Нет денег, чего вообще пришла, нищевродка?! — орёт визгливо, уперевав руки в бока. — Сколько вас таких ходит, только успевай дезинфекцию проводить!

Я потерянно хлопаю глазами. От шума в голове вспыхивает фейерверк, каждое слово — отдельная вспышка. Синяя, зелёная, алая... Алая...

Хватаюсь за прилавок. Она — что? Поняла, что я больна? Как? Я же в маске, а по глазам не определишь. Наверное...

Изнутри вырывается стон.

— Руки убрала! — визжит продавщица. — Охрана! Гоните отсюда эту шваль!

Меня хватают за руку, я вырываюсь. Тьма внимательно наблюдает сквозь пустые глазницы противогаза. Резиновые перчатки, красная нашивка на кармане плаща. Противогаз не спасёт от заразы: невозможно ходить в нём двадцать четыре на семь. Он нужен только, чтобы прятать лицо.

— Хватит, — подает голос мясник, и тётка тут же умолкает, будто выключатель повернули. — Прекрати. Отдай ей мясо. И остальное.

— Меценат хренов, — бурчит баба, но заворачивает мои покупки в бумагу.

Мясник отнюдь не меценат — за продукты я отдала перстень из старых запасов. Когда-то наша семья ни в чём не нуждалась. Когда-то мы жили в достатке. Когда-то...

Когда?..

Понятия не имею, что буду делать, когда запасы иссякнут. Подумаю об этом потом.

Выхожу.

Меня провожают стеклянные глаза тьмы.

Дома становится совсем худо. Ноги подкашиваются, отравленный воздух со свистом выходит из лёгких. Кое-как доползаю до кухни и падаю на пол, рядом с сумкой продуктов. Кафель холодный, я прижимаюсь к нему щекой. Одна плитка треснула пополам. Несколько лет назад, в прошлой жизни, Вадим уронил на неё молоток для мяса... Ох я и злилась. Будто знала, что буду подыхать, глядя на эту трещину.

Откуда-то тянет сладостью. Сумка. Бумага развернулась, печёнка матово поблёскивает внутри. Быть может...

Мои пальцы пробираются внутрь, цепляют влажный кусок. Он выглядит... аппетитно. Чёрт.

Впиваюсь зубами и проглатываю в момент, едва не урча, как голодная кошка. Чувствуя, как желудок наливается приятной тяжестью, а руки перестают дрожать. Я сажусь, а потом и вовсе встаю, прислушиваясь к ощущениям. Мне и правда лучше. Что за... О таких симптомах я раньше не слышала.

Сил хватает на то, чтобы разобрать сумку, приготовить парочку бутербродов детям, вскипятить чайник. А потом желудок скручивает такая резь, что я не могу даже орать, только тихо скулю, вцепившись руками в край раковины. Глядя, как сожранная печёнка выходит обратно серыми пористыми кусками.

Ночью, сидя в кровати, я пишу инструкцию Вике. «Что делать, если меня не станет?». Гайд по выживанию маленьких детей в апокалипсис.

«Украшения в стене подвала за отколотым кирпичом...»

«Не отдавай больше, чем...»

«Не бросай Мишку...»

«Никому не показывай это письмо. Выучи его и сожги...»

Останавливаюсь, чтобы вытереть нос и глаза. Платок покрывается сероватой слизью. Проклятье.

Я дура. Такая дура, господи. Письмо — полная хрень. Я должна была вовремя её всему научить. Что они будут делать, когда придут холода? Когда закончится всё, что можно продать? Когда люди прознают, что два беспомощных ребёнка живут в большом доме одни?

Что-то щёлкает в коридоре.

Я настораживаюсь. Вслушиваюсь в каждый шорох. Может быть, показались? Нет, за моим неровным дыханием хорошо различимы крадущиеся шаги.

Мне так плохо, что я даже не успеваю как следует испугаться, а шаги уже совсем рядом, прямо за дверью. Осторожные, но тяжёлые. Поступь того, кто не привык отступать.

Шорк, шорк. И вот он заходит в комнату. Белобрысый, рыхлый, здоровый. Словно откормленный боров.

Я вжимаюсь в подушки, хриплю из последних сил. Сердце бешеным боем в ушах.

На нём нет противогаза, но та же нашивка горит пламенем на кармане плаща. И нож.

— Где драгоценности? — шипит, наклоняясь ко мне. — Говори, тебе они всё равно уже не нужны.

С каждым словом из его рта вырывается смрад. Вот почему меня рвёт серой слизью, бьётся у меня в голове, мы же целиком состоим из неё. Мы же и есть эта гниль.

Мысли путаются, я забываю, где нахожусь. Удар по лицу отбрасывает меня на подушку.

— Чего застыла? Поторопить? — он подносит кончик ножа к моему шее. Потом опускает взгляд к зажатоу в пальцах блокноту. — Что это тут?

Мычу, пытаюсь засунуть блокнот в складки одеяла. Какой там.

Боров легко выдёргивает его. Ухмыляется — надо же, и трудиться не пришлось. Большая дура преподнесла ему своё добро на блюдечке.

— Детей, — сиплю из последних сил. — Только детей не трогай!

Он опять ухмыляется и выходит из комнаты. Я слышу, как он бродит по коридору, выискивая вход в подвал. И думаю только об одном: «Лишь бы дети не вышли, лишь бы не вышли!»

Скрип двери.

Нашёл.

Отчаяние бьёт под дых. Всё напрасно. Всё зря. Даже если мерзавец не тронет детей, как они выживут, когда он всё заберёт? Нельзя этого допустить!

Из последних сил выбираюсь из постели. Старая подруга тьма застилает глаза, на колени я опускаюсь почти что на ощупь. Кое о чём я не успела написать в прощальном письме. О том, что здесь, под кроватью, я держу старую двустволку Вадима.

Пальцы не слушаются, патроны выскальзывают... Ничего. Вот так, осторожно. Щелчок.

Слышатся тяжелые шаги из подвала. Иди сюда, тварь.

Шатаюсь, я выползаю из спальни. Становлюсь напротив дверного проема. Смотрю, как грабитель неторопливо шагает, разглядывая содержимое свёртка в руках. Ещё бы, спешить ему некуда: он чувствует себя полноправным хозяином в моём доме.

Всё же почуяв неладное, в последний момент он поднимает голову. Этого я и жду. Посмотреть на него, увидеть, как самодовольство сменяется ужасом на поросычьей роже. Потом нажать на спуск.

Приклад бьёт в плечо, бешеный гул сердца в ушах замирает. Я делаю последний судорожный вдох и падаю прямо на рухнувшую тушу бандита. И тьма, наконец, догоняет меня. Терпеливая сука... дождалась-таки своего часа. Ничего, мы ещё пово...

Треск. Свет. Слишком ярко. Что-то... Здесь...

Сладкое на губах.

Прижимаюсь и пью. Всасываю сладость вперемешку с чем-то ещё. Хрустит на зубах. Песок.

Глотаю, сколько хватает сил. После лежу, глядя, как яркий шар над головой превращается в тусклую подвальную лампочку. Чувствую себя... хорошо?

Прислушиваюсь к тишине долго-долго, прежде чем доходит — сердце больше не бьётся. Моё сердце не бьётся. Я умерла? Выходит, что зря боялась — быть мёртвой даже неплохо. Ничего не болит. И воздух больше не смрадный.

Липкое под щекой. Трогаю, гляжу на пальцы, нюхаю их. Сладковато-приторный аромат. Кровь. С удовольствием облизываю руки, и вдруг понимаю.

Вирус снова мутировал.

Теперь всё хорошо. Всё в порядке. Я чувствую себя куда лучше, чем до болезни. Все чувства обострились, и я слышу, как мышь роет ход от соседнего дома к нашему. Слышу, о чём шепчутся дети у себя в комнате. Слышу, как бежит кровь по их венам. Тьма встретила меня, приласкала и отпустила с дарами. Теперь никто не проникнет в мой дом бесшумно.

В холодильнике между брусочком сливочного масла и куском сыра стоит банка с остатками крови грабителя. Холодной она немного уступает по вкусу той, что толчками выливалась из ещё тёплого тела. Это ничего. Пары глотков достаточно, чтобы получить прилив сил на весь день. Мне бы хватило её надолго, но сегодня утром Мишку стошнило

сероватой жижей. А каждая мать знает, что ребёнку нужно только всё самое свежее.

Значит, пора выходить на охоту.

АРЕНДАТОР

По ночам стены сдвигались. Несколько дней они подбирались всё ближе, сводя с ума и не давая спать, и сегодня я вырубился прямо за столом в кабинете. Проснулся в последний момент от нехватки воздуха. Узкий каменный мешок, в который превратилась комната, сдавливал со всех сторон стол, грозя расплющить тонкое дерево, а вместе с ним и меня. Я с места дотянулся до дверной ручки и вывалился в коридор, с шумом втягивая кислород. Отдышавшись, поднялся и пошёл в ванную. Часы на стене показывали три ночи, но о том, чтобы снова лечь спать, не могло быть и речи. Замкнутый круг — Он становится гораздо сильнее, пока я сплю, но если не спать, усталый организм рано или поздно сдастся Ему. А сдаваться нельзя. Но сколько ещё я протяну таким образом?

Включил кран, плеснул ледяной водой на лицо и шею. Сунул голову под струю и подержал так с минуту, пока не заломило в затылке. Потом выдохнул и резко поднялся, уставившись в зеркало. Перемен почти не было, разве что глаза покраснели. Хотя с таким режимом не удивительно.

Отражение смотрело пристально, не мигая. Зрачки отливали красным, с волос стекала вода.

«Позволь напомнить, что по условиям контракта срок аренды увеличивается на число дней, проведённое в сопротивлении, — голос, чуть хрипловатый, как будто простуженный, но несомненно, мой собственный, раздавался сразу со всех сторон. — Ты не первый и не последний, кто пытается уйти от расплаты. Вы, люди, вообще не знаете, что такое обязательства. Предпочитаете только брать».

Боль обрушилась внезапно. Голову сжало в тисках, и я замычал, цепляясь за края раковины. Казалось, ещё чуть-чуть и череп лопнет, как мыльный пузырь.

— Переста-а-ань! — выдавил я. — Хватит, хватит!

Губы отражения сложились в усмешку.

События того дня я погрузил на самое дно собственной памяти и не думал о них долгие годы. Тогда вообще всё это показалось мне шуткой.

Розыграшем, на которые было богато телевидение того времени. Я всё ждал, что вот-вот выскочит длинноволосый хиппарь в мятой футболке с камерой наперевес, а мой собеседник ткнёт в него пальцем и воскликнет: «Улыбнитесь, вас снимают!» Когда этого не случилось, я убедил себя, что это было просто видение. А изменения в моей жизни — просто череда совпадений. И забыл о том разговоре, будто его и не было.

Но он был.

Мне напомнили, когда пришло время.

Тем летом я провалил экзамен по литературе. Для поступления нужна была только пятёрка, но седой вредный мужик из числа экзаменаторов закидал меня дополнительными вопросами, и я растерялся. Блеял в ответ что-то невразумительное, понимая, что сам засыпаю яму, в которой и так уже нахожусь. И когда седой, покачав головой, сухо спросил: «Молодой человек, вы сами себя слышите? По-вашему, так может изъясняться будущий журналист?», я только втянул голову в плечи, понимая, что это конец.

Потом, сидя на лавочке во дворе ВУЗа, вспоминал те вопросы и ругал себя последними словами. Что, что загнало меня в такой ступор?! Я ведь знал все ответы! А теперь как мне быть? Возвращаться обратно в свой город на посмешище местным клоунам, с которыми «посчастливилось» учиться все десять лет, поступить в ПТУ, любое, где будет недобор, или, того хуже, отправиться в армию? Оттуда вообще ещё попробуй вернись... Что делать-то?

Рассчитывать на поддержку родителей не приходилось, они и так сопротивлялись моей идее уехать на учёбу за тысячу километров.

В голове стоял звон, горло пересохло. Чем дольше я размышлял, тем логичнее казалась идея прыгнуть с крыши высотки.

— Волнуетесь о поступлении? — вдруг участливо спросил чей-то голос.

Я медленно выплыл из ступора и оглянулся. На лавочке рядом со мной сидел человек с портфелем в руках. Лето выдалось жарким, всю неделю в столице температура держалась под тридцать пять градусов. А он щеголял тёмно-серым костюмом в полоску, при этом даже не вспотев.

Я кивнул.

Он наклонил голову набок, будто раздумывая. Подобрал на лавочке листик берёзы, покрутил его в пальцах. И произнёс вполголоса:

— Могу вам помочь.

Всколыхнувшаяся было надежда угасла так же быстро, как и появилась. Ясно, что это был за помощник.

Я покачал головой и уныло сказал:

— Денег нет.

Но человек широко улыбнулся.

— Что вы, какие деньги, Сергей! Я знаю, что вам нечем платить... сейчас.

— Откуда вы?.. — его улыбка вдруг показалась мне хищным оскалом. Глаза блеснули металлом, и я отшатнулся.

— Знаю ваше имя? — подхватил он. — Я многое о вас знаю. Могу рассказать, хотите? Что предпочитаете: прошлое, будущее? А! Гулять так гулять! — махнул холёной рукой. — Давайте всего понемножку!

Перехватил портфель поудобнее и придвинулся ближе.

— Ни с какой крыши вы, конечно, не прыгнете. Поедете себе, как миленький, домой, но на поступление везде опоздаете. По осеннему призыву загремите в горы на ту забавную войнушку, навоюетесь та-а-а-ам! — он закатил глаза и присвистнул. — Мама не горюй! Но вернётесь живым, да. Только чуть-чуть покромсанным. Поначалу даже будете готовиться к поступлению снова, но потом бросите, уйдёте в загул, запьёте. От вас залетит Надька. Помните Надьку? Ту самую, Калашникову... Вы поженитесь, она родит сына, потом сразу ещё одного. Вы будете работать на кирпичном заводе, по выходным бухать и по пьяной лавочке бить жену и детей. Однажды, попытавшись вывезти с завода полтысячи бракованного кирпича, попадёте с поличным и угодите под суд... Не посадят, условным отделаетесь, но с работы погонят, конечно. Дальше... Дальше рассказывать? Там ничего интересного, скука смертная, но, если настаиваете, я могу.

Я хватал ртом раскалённый воздух. Кто он такой?! Откуда всё это знает? Ладно, завод и армию можно придумать, но Надька?.. Её фамилия была не Калашникова, а звали так за абсолютную безотказность. К десятому классу её не поимели разве что малолетки... И я. Откуда он знал про неё? И про крышу?

Глядя на моё перекошенное лицо, странный человек перестал улыбаться и натянул тревожную гримасу.

— Вам, кажется, плохо? — поинтересовался участливо. — Это всё от жары. Ах, что за погода нынче стоит, уму непостижимо! Позвольте, я... — он щёлкнул пальцами, и солнце скрылось за облаком. Подул ветерок, обдувая прохладой.

Я растерянно подставил ему лицо. Эти сведения о моей жизни и резкая перемена погоды... До меня что-то стало доходить, но не мог же я всерьёз думать... Или мог?

— Ещё не поздно всё изменить, — вкрадчиво произнёс человек. Хотя... А человек ли он? — Я вам больше скажу, — доверительно положил мне руку на предплечье, и меня словно током ударило, — сейчас самое время.

— И что взамен? — прошептал я. — Моя душа?

Он громко расхохотался. Смеялся долго, со вкусом, всплёскивая руками и утирая слёзы. Наконец, чуть-чуть успокоившись, сказал:

— Что за стереотипы! Честно, ума не приложу, откуда пошёл этот слух. Ну сами подумайте, Сергей, на кой она нам? Что с нею делать? Буквально едва уловимый сгусток эфира — эта ваша душа, и куда нам его применить? Этого добра бесплатно навалом. А вот ваше тело...

Он пожевал губами, мечтательно прищурившись на вновь выглянувшее солнце. И неожиданно по-собачьи встряхнулся, утратив минимальную расслабленность.

— Вот что мы предлагаем, Сергей, — продолжил деловым тоном. — Спокойную, интересную, наполненную счастьем жизнь. Всё, за что вы возьмётесь, будет обречено на удачу. Все идеи будут приносить прибыль и удовольствие. Даже самый рискованный шаг закончится вашим триумфом. Это редкое предложение, от него никто не отказывается.

Он смотрел на меня, не мигая, и только тут я обратил внимание, какие огромные у него зрачки — радужки совсем не было видно. Матовая чернота затягивала в бездну, которой не было дна.

— Кто это «мы»? — прошептал я. — И что вы возьмёте взамен?

Он хищно улыбнулся.

— Совершенно неважно, как называется наша... эээ... организация. А взамен мы возьмём ваше тело. Не насовсем, в аренду. На срок, равный предоставленным вам годам удачи. Честный обмен, правда же? Сколько выберете — столько и будет. Максимальный срок удачи — двадцать пять лет. Только подумайте, Сергей! Двадцать пять, наполненных успехом, лет... кто откажется от такого? Кто вообще даст гарантию, что хотя бы проживёт эти двадцать пять лет? Я вам скажу — никто. Никто никогда ничего не гарантирует человеку, Сергей. Кроме нас. Мы гарантируем вам не только жизнь, но жизнь полную удовольствий.

Он замолчал. Я сидел в ступоре. По виску стекал ручеек пота. Может быть, это розыгрыш? Или просто моя галлюцинация? Вызванный

тепловым ударом мираж? Не может же в самом деле это быть... как там его... Сатана?

Почувяв мои колебания, он резко взмахнул рукой.

— Ладно, вы мне нравитесь, молодой человек! И я готов предоставить вам скидку. Пожалуй, ммм... Двадцать процентов. Да. Пусть будет двадцать лет аренды за двадцать пять лет удачи. Вот такая, ха-ха, распродажа. Но решать надо сейчас, это моё последнее слово. Думайте-думайте, молодой человек. Я в любом случае не останусь в накладе — не поступивших, поверьте, в этот день будет гораздо больше, чем прошедших отбор. А предложение на сегодня у меня только одно.

— Допустим, я соглашусь, — осторожно сказал я. — Что дальше?

— Ах! — он оторвался от созерцания ногтей, встрепенулся и полез в свой портфель. — Вот, извольте ознакомиться с договором.

Я пробежался глазами по исписанным мелким шрифтом страницам.

«Срок аренды... Гарантируется исполнения желаний на срок, выбранный арендодателем...»

Буквы расплывались и прыгали, как будто я разучился читать. Раздражённо потрянув головой, я спросил:

— И что мне с ним делать? Кровью подписать, что ли?

— Ах, да не впадайте же вы в средневековье! — с досадой воскликнул он. — Это оферта. Вам достаточно дать согласие в устной форме.

— И всё? — недоверчиво уточнил я.

— Всё, — пожал плечами он.

— В таком случае, я согласен, — быстро, чтобы не передумать, выпалил я.

Он хитро улыбнулся, кивнул.

Наклонился ко мне близко-близко, так, что я уловил запах его дыхания. Какой-то тяжёлый, затхлый, будто воздух в заколоченном доме, где раньше жили одни старики, ветхом, пропитанном табачным дымом, мочой и ещё чёрт знает чем. Он вдруг дунул мне этой гарью прямо в лицо. Я отшатнулся, перекосившись от отвращения. И почувствовал, как по щеке что-то ползёт. Попытался стряхнуть, но оно, метнувшись по краешку рта, ввинтилось мне прямо в ноздрю. Я ощутил, как тварь пробирается внутрь через носоглотку, инстинктивно попытался выдохнуть её, потом наоборот сглотнуть... Но она впилась в горло и прожигала мне слизистую. Боль была невозможной. Я заорал, затряс головой, упал с лавки, чувствуя, как мерзкая тварь пробирается выше и выше, царапая, грызя меня изнутри...

Потом, наверное, потерял сознание. Очнулся, когда мне брызгали водой в лицо, приговаривая, что на такой жаре немудрено упасть в обморок. Какие-то ребята завели меня внутрь здания, обмахивая по пути газетами и платками, а я всё пытался оглянуться, рассмотреть того, кто остался сидеть на скамейке... Но там никого больше не было.

Всё оказалось бредом, вызванным солнечным ударом, бредом и ничем другим. А моё поступление и вся последующая череда счастливых событий... она ведь сама собой не возникла. Я сам привёл себя к успеху. Только я и больше никто. Я пахал, как проклятый, ради места, на котором оказался в итоге. Возможно, мне немного везло... ну и что? Мало ли кому насколько везёт. Не один я такой.

Так я говорил себе следующие двадцать пять лет.

— Ты вообще спишь когда-нибудь? — Олеся клюнула меня в щёку. Сонно потёрлась о макушку и ушлёпала умыться. Зашумела в душе вода, включилась музыка. Жена моя — натуральный жаворонок, дай ей волю — и сама начнёт петь прямо с утра. Я же всегда придерживался мнения, что утро добрым не бывает. Несмотря на это, мы отлично ладили все эти годы.

— Серё-ёж! — крикнула Олеся. — Принеси полотенце!

Я встряхнулся, прогоняя сонливость, и пошёл в ванную. За тонкой перегородкой просвечивал силуэт жены. Такой же стройный и подтянутый, как и двадцать лет назад, когда мы только познакомились. Хотя, пожалуй, за это время она стала ещё красивее — косметология и фитнес творят чудеса.

— Ну чего стоишь, — из душевой выглянуло хитрое лицо. — Думаешь, я и правда сама полотенце бы не взяла?

Протянула руку и потащила к себе прямо в рубашке.

Я засмеялся, пытаясь притормозить. Не слишком-то, впрочем, упорно.

— Погоди... Дай хоть раздеться.

— Мммм... — она прижалась всем телом, мокрая, распаренная. Тревожные мысли, вызванные ночным кошмаром (это ведь был просто кошмар?..) сами собой выветрились из головы. Я взял её за затылок и жадно прижался к губам. Мокрые пряди запутались в пальцах, но нам это совсем не мешало.

— Давай! — выдохнула мне в губы. — Пока девчонки не проснулись.

И повернулась спиной.

Не дожидаясь повторного приглашения, я быстро стянул одежду. Погладил её по груди, сжал ягодицу. Всё ещё медля, краем глаза заметил движение в зеркале.

Голова развернулась сама собой.

— Ну что же ты? — шепнула Олеся, вильнув задом.

Я-по-ту-сторону-зеркала ладонью прижал голову жены к стене и одним движением вошёл в неё.

Олеся подо мной застонала. Опустив взгляд, я увидел собственную руку, давящую на её затылок. Она, вроде, была и не против. С каким-то извращённым интересом я снова оглянулся на зеркало. Отражённый я наращивал темп, и я в реальности не отставал. Олеся шумно дышала, постанывая. С какой стороны стекла? Здесь? Или там?

В голове всё смешалось. Кто из нас чьё отражение? Это было не так уж и важно. Я уже был на грани. Мы... оба. Мой зеркальный двойник с рычанием двигался взад-вперёд, рука, держащая Олеся за шею, сдавливала её всё сильнее. Напряжённые пальцы запутались в волосах... Он дёрнул за прядь...

— Ай! — жена обернулась. — Потихе, герой!

Я одними губами шепнул:

— Извини... — и ослабил хватку.

Но мой двойник — нет. Его перекошенное страстью лицо исказилось от злости, он схватил Олеся за волосы и с силой приложил лицом о стену. Она повисла в его руках, по голубому кафелю, смешиваясь с водой, потекла кровь. Перехватив её за живот, он продолжал трахать обмякшее тело.

Потом посмотрел на меня. Улыбнулся. В зрачках полыхал огонь.

Я заорал и отпрыгнул к двери.

— Ты чего? — Олеся обернулась, недовольно уставившись на меня.
— Господи, что ты там увидел?

Проследила за моим взглядом.

— Что там? Мокрица? Не думала, что ты такой нежный.

Я уставился на неё.

— Ты разве не видишь?

— Что? — резко спросила она. — Сергей, ты пугаешь меня!

— Да посмотри туда!

Ткнул пальцем в зеркало.

Сквозь запотевшее стекло ничего не было видно.

— Впереди камера на полосе! — дружелюбно сообщил навигатор.

Я стоял в пробке уже сорок минут. Въезд в город намертво закупорили машины. Обычно я выезжал из дома, когда час пик уже миновал, но сегодня задерживаться не хотелось. После утреннего происшествия стало понятно, что закрывать глаза на то, что со мной творятся странные вещи, больше нельзя. Ночные кошмары, стены, норовившие задуть прямо в постели, боль и голоса в голове, теперь ещё и видения.

Эдик Тарковский, друг детства, а по совместительству известный нейрохирург, сказал мне по телефону, что это, возможно, переутомление. Или опухоль. Или что угодно ещё. Посоветовал не затягивать с обследованием и записал на приём прямо с утра. Это меня чуть-чуть успокоило. Пусть лучше просветят сверху до низу, может, и правда что-то найдут. Не экзорциста же мне, в самом деле, вызывать. Хотя, если не помогут в больнице, стоит рассмотреть и такой вариант. По крайней мере, в собор сходить. Хотя я никогда не был религиозен, но с такой жизнью станешь...

Я нервно рассмеялся и потёр глаза. Они отчего-то чесались, словно при аллергии. Надо бы таблетку выпить, но с собой нет, а дома всё было нормально.

Позади кто-то посигналил. Придурак, что ли? Полоса стоит мёртво. Сигналь — не сигналь, а с места не сдвинешься.

— На город движется циклон, возможны резкие порывы ветра и дождь, будьте осторожны на дорогах! — предупредило радио.

Мне бы из пробки выбраться, а дальше я, честное слово, буду очень осторожен.

Позади снова посигналили. Я посмотрел в зеркало заднего вида, забыв о том, что старался этого не делать. Сразу за мной стояла красная мазда, но кто в ней сидел, я не увидел. Невольно перехватив собственный взгляд, обнаружил, что глаза покраснели, налившись кровью. Должно быть, и правда аллергия. Но на что? Ладно, до клиники дотяну, а там видно будет.

Идиот в мазде нажал на клаксон и держал не отпуская. Я чертыхнулся и прибавил звук. Снова потёр глаза. Надо не увлекаться, а то совсем опухнут.

Сразу зачесалась щека.

Из колонок певец тоскливо заверял, что с удовольствием прыгнул бы в реку. И кто включает подобную муть в утренний эфир?!

Я побарабанил по рулю, пытаюсь унять раздражение. Не распухло ли лицо?

Одним глазом покосился в зеркало. Вроде бы всё нормально. Глаза даже чуть-чуть посветлели. А вот щека... Забыв об осторожности, уста-

вился в отражение. Кажется, или с левой стороны и правда появилось вздутие?

Я аккуратно потрогал пальцем. Да, определённо, изнутри нащупывался нарост. Может, флюс?

Щека зазудела, и нарост шевельнулся. Я вскрикнул, отдернул руку и отвернул зеркало в сторону.

— Там ничего нет, ничего, ничего нет, — забормотал, вцепившись в руль. Чувствуя, как что-то ползает под кожей. Твою мать, да что происходит?!

Рука сама потянулась к лицу. Нарост жил своей жизнью, перемещаясь от глазницы к переносице. Как ни странно, боли не было, но я чувствовал, как что-то движется внутри, и от омерзения заскулил. Мне срочно нужно в больницу. Срочно! Вырезать эту дрянь! Сколько ещё я здесь проторчу?!

Позади раздался оглушительный рёв клаксона, я дёрнулся, ударился о дверь, и в глазах потемнело.

Вдруг показалось, что я плыву. Барахтаюсь изо всех сил, пытаюсь выбраться из мутной и вонючей глубины на поверхность. Воздух заканчивался. Лёгкие жгло огнём, но я упорно грёб вверх, туда, где за толщей воды, просвечивал тусклый свет. Ещё немного... Ещё...

— Мужик, ты чего? Отвали! Эй! Уйди, говорю!

Я резко вдохнул и закашлялся. Первая мысль — я дышу! Я доплыл! Я... стоял у двери красной мазды с отвёрткой в руке. За рулём сидел перепуганный парень, почти мальчишка.

— Чё тебе надо? — хорохорился он, а в глазах стоял страх.

Я провёл рукой по лицу. Что происходит? Когда я успел выйти из машины? Что собирался делать?

Тряхнул головой. Отвёртка выпала из пальцев, но я не стал её поднимать. Медленно, через силу волоча ноги, вернулся к себе.

— Долбоёб! — крикнул вслед парень и быстро захлопнул дверь.

Пробка дрогнула и покатилась. Сначала медленно, затем всё быстрее, я нажал на педаль и уже спустя двадцать минут припарковался у клиники. Вышел не сразу. Сидел, прислушиваясь к своим ощущениям. Чувствовал себя словно во сне. Будто где-то внутри образовалась дыра, и теперь меня со свистом вытягивало туда, в то время, как тело разваливалось под действием чужой разрушительной силы.

Не знаю, сколько я просидел так, цепляясь за крохи своего сознания, пока не зазвонил телефон. Пару секунд я соображал, зачем нужна эта зудящая штука, затем нажал на зелёный кружок.

— Ну чего ты там застрял? — спросила трубка голосом Эдика. — Смотрю на тебя в окно — полчаса на парковке торчишь. Давай, поднимайся.

Я кивнул и выбрался из машины. Резкий порыв охладил голову, едва не сбив с ног. Я огляделся, приходя в себя. Вдруг резко вспомнил про опухоль и схватился за щеку. Она была тут... А сейчас?

Пальцы провалились куда-то внутрь. Подушечки уткнулись в мягкое, будто покрытое тончайшей шерстью. Я обмер, не в силах пошевелиться, ощупывая дыру в щеке.

Что...

Бездумно уселся обратно в машину. Развернул зеркало, уставившись в отражение. Там, где переносица соединялась с щекой, зияло отверстие. А в нём что-то белело.

Я включил на телефоне фонарик и поднёс его к лицу, освещая дыру. Внутри стягивала края, словно вырубленной в кости, ямы тончайшая паутинка. Нет... настоящая паутина. А под ней, уходя вглубь, копошились мелкие желтоватые комочки, выпирая наружу одним набухшим мешком. Это гнездо?

Я ткнул в него пальцем. Гнездо ожило, заволновалось, запульсировало. Паутинка надорвалась, и наружу выполз полупрозрачный паук. Будто только того и ждали, за ним лавиной хлынули собратья. Их были сотни, я как-то по-детски взвизгнул и стал стряхивать их с лица, но они тут же забивались в рот, глаза и уши, рассеивались под одеждой, прятались в складках на теле. Я чувствовал, как они ползают там, как лопаются на языке их полужидкие тельца и орал, орал и орал, пока они не забили мне глотку.

Потом появился свет. И воздух, и вода на лице.

— Несите его внутрь!

Я не мог дышать, только сипел и отбивался от чьих-то рук.

— Сергей! Сергей, слушай меня! Всё хорошо! У тебя паника. Дыши, ты в порядке! Слышишь?

Но горло сдавливало и смысл слов до меня никак не доходил. Я в порядке? Как я могу быть в порядке с провалом в лице?!

Меня затащили в лифт. Второй, третий, пятый этаж. Звон, выходим.

— Давай, Серёга, идём. Во-о-от, ты можешь сам, молодец. Вот сюда... Заносите его! Та-а-ак. Смотри на меня! Смотри! — и куда-то в сторону: — Помогите его уложить!

Перед глазами возник потолок. Белый, с квадратами плит и круглыми лампами. Мне подняли ноги. Чем-то острым ткнули под локоть.

Эд говорил, но я никак не мог понять, со мной или нет. Слова неслись мимо потоком, будто звучали на чужом языке. Я всё пытался нащупать дыру у себя на лице, пока мне силой не разогнули руки. Потом обнаружил, что не могу шевелиться и тихо заплакал от отчаяния.

— Он победил, — жаловался я каждому, кого видел. — Я больше не хозяин своему телу.

Мне сочувствовали, кивали, и от жалости к самому себе я всё сильнее заливался слезами.

Туманная серость за окном посветлела, затем затянула стекло чернотой. Только тогда до меня дошло, что я странно живой для человека, который не может дышать. Медленно-медленно возвращался рассудок. Выяснилось, что в руке у меня капельница, а сама рука крепко привязана, чтобы не дёргался. Вторая привязана тоже, и именно поэтому я не мог двигаться. До невозможности хотелось потрогать лицо, и я принялся извиваться, пытаюсь выбраться из пут.

Хлопнула дверь. Послышались шаги. Надо мной склонилось хмурое лицо Эда. Он разглядывал меня не меньше минуты, потом сказал:

— Ну ты, конечно, даёшь. В твоём-то возрасте надо быть осторожнее с психоделиками.

Я помотал головой. Попытался выдавить:

— Не принимал... — но вместо слов из горла раздалось только шипение. Однако Эд понял.

— Ничего? Ты уверен?

Кивнул. Попытался втянуть воздух. Получилось.

Эд подтянул к кровати стул спинкой вперёд и уселся на него, скрестив ноги.

— Ну тогда, друг, у меня для тебя плохие новости. Как ты, соображалка заработала?

Я неуверенно кивнул.

— Судя по всему, кто-то регулярно травит тебя наркотой.

Я закашлялся. Выдавил:

— Ка-кой ещё...

— Там адская кухня, неудивительно, что тебя так накрыло.

Я дёрнулся, и он отстегнул ремни. Онемевшее тело отказывалось шевелиться, но руки ощупали лицо ещё до того, как я осознал, что делаю. Никаких дыр не было.

— Слушай, — Эд побарабанил по спинке стула, — по-хорошему, мне надо бы вызвать полицию. Но ты сначала подумай, кто мог это сделать? Сколько, говоришь, это всё продолжается?

— Четыре дня, — шепнул я. Голос понемногу возвращался.

— Кому ты так насолил, что он решил тебя сбегать в психушку? Или до самоубийства довести? Кто мог все эти четыре дня подсыпать тебе наркотик?

Я покачал головой. Даже думать не хотелось. Ведь это должен быть кто-то очень близкий... Возможно, и самый близкий. Да ну, к чёрту! Не может этого быть!

— Останься до завтра, — сказал Эд, поднимаясь. — Олеське я сам позвоню, тебе лучше сейчас ни с кем не общаться. Понаблюдаем тебя, а завтра вместе решим, что делать. Но оставлять это так просто нельзя, понимаешь же.

Я так устал, что готов был согласиться на всё. Он ушёл, я переоделся в больничную пижаму и лёг на кровать. Капельница прочистила кровь, голова стала ясной и лёгкой. Я лежал и размышлял о том, кто мог подложить мне такую свинью. В первый раз я услышал голос у себя в голове на рассвете четыре ночи назад. Вечером мы пили в ресторане на встрече, и там кого только не было. Тогда я впервые проснулся от приступа клаустрофобии. В панике зажгёт свет. Сонная жена непонимающе уставилась на меня, и я решил, что мне всё приснилось. Но засыпая, чётко услышал: «Время пришло!». А на следующую ночь сон повторился. И снова. А потом я уснул в кабинете. Кто был рядом со мной всё это время? Только Олесь. Ещё дочки, но их я почти не видел, они взрослые и сами по себе. Катерина — художница и по уши увязла в богемной жизни, а Лика в последнее время, кажется, думает только о парне старшей сестры. Им не до меня. Или?..

Я почувствовал, что ещё немного и потеряю остатки разума. Для начала мне нужно выспаться. Подумаю завтра.

Уже засыпая, снова ощупал лицо. Всё было в порядке.

Это наркотики. Слава богу, всего лишь они.

Комнату заполняла вязкая тишина.

Сердце гулко стучало в ушах. Было очень темно. Где я? Что происходит? И куда делся весь воздух?!

Панически зашарил вокруг себя. Стены, стены, стены. Опять? Вспомнил — я ведь остался в больнице! Тогда почему...

Пальцы нащупали ручку, дверь распахнулась. Я кулем вывалился наружу и остался сидеть на полу, сотрясаемый крупной дрожью. Снова! Это опять повторилось! Сжимающиеся стены, словно тиски, выдавливающие меня из собственной головы. Но Эд сказал, это был наркотик. Может, он ещё не весь вышел из организма...

— Дыши! — приказал себе вслух.

Кто бы ни устроил эту диверсию, я не позволю ему победить.

Вдох-выдох. В голове прояснилось. В больничном коридоре горел ослепительный свет, но никого не было видно. Я встал и пошёл вперёд, пытаюсь отыскать хоть кого-нибудь. Подёргал за ручки — заперто. Всё будто вымерло, и даже воздух застыл. Только я и моя бледная тень, шагающая по стеклянным дверцам шкафов.

В приёмной на столе лежали бумаги. Увидев свою фамилию, полистал, но ничего не понял. Там были только общие данные — имя, фамилия, год рождения. И больше ничего. Пусто. Позади послышался стук о стекло, я резко обернулся и понял, что попался в ловушку. На противоположной стене, между окнами, висело большое зеркало в коричневой раме. Словно притягиваемый магнитом, я подошёл к нему, боясь, но не имея сил отвернуться.

Провал на щеке никуда не делся. Он темнел на лице, словно огромное родимое пятно, только с одним отличием — он был живым. Внутри непрерывно что-то копошилось и ползало, а на другой щеке ближе к уху уже образовался второй нарост, грозя вот-вот лопнуть, обнаружив ещё одно паучье гнездо.

Желудок подскочил к горлу, и меня вырвало. Больничная пижама, мокрая от пота, липла к спине.

— Ну вот, — послышался укоризненный голос. — теперь девочкам за тобой убирать.

Я медленно обернулся. В проходе стоял Эдик. В чистом наглаженном халате, будто только пришёл на смену. Всё ничего, если бы не глупокая ночь.

— В моей карте нет никаких отметок, — сказал я, лишь бы не молчать.

Он пожал плечами.

— Выходит, ты здоров. В таком случае, тебе осталось только одно.

Я тупо хлопал глазами, ожидая продолжения.

— Пора сдать, Серёга.

— Что?..

Я резко выдохнул. Ну конечно! Всё встало на свои места.

— Ты специально оставил меня здесь, — прошептал я. — После клиники я собирался заехать в церковь...

Тогда, двадцать пять лет назад, Эд, вдохновившись моим примером, прибыл покорять столицу и с первого раза поступил в медицинский, хотя в школе звёзд не хватало. И потом эта стремительная карьера нейрохирурга, место в одной из лучших клиник Москвы, жена с положением в высших слоях. Почему я ни разу не задумался о том, как он всё это получил? Почему я даже не связал это с собственной удачей?

— А ты думал, что один такой? — Эд покачал головой. — Да в твоём окружении, куда ни ткни — попадётся в арендатора. Вот этот не такой жадный, как ты, — улыбнулся краешком рта, похлопав себя по груди. — Ему хватило пятнадцати лет. Ещё пять — и будет свободен. Если уцелеет.

Сделал пару шажков и остановился прямо передо мной. Сочувственно улыбнулся, пожав плечами.

— Ваши тела — такие хрупкие конструкции. Редко какое выдерживает до конца срока аренды. Просто ужас, до чего обидно.

Его взгляд переместился куда-то поверх моей головы, и, против собственной воли, я обернулся.

В зеркале рядом со мной стоял разлагающийся труп. Лицо, покрытое язвами, с лоскутами отстающей от костей кожи, сочилось коричневым гноем. Волосы свисали с усохшего черепа клочьями, а в уголках улыбающихся губ шевелились белые нити червей. Белоснежный халат, надетый на мертвеца, выглядел странно нелепо.

— Боюсь, ещё пять лет он не протянет, — с сожалением заметило существо, бывшее когда-то моим другом, и положило руку мне на плечо.

Я заторможенно наблюдал, как из-под ногтя у него выползает что-то извивающееся, длинное, и ноготь, отслоившись, падает на пол.

Я ведь тоже не протяну. Моё тело сгниёт, но будет продолжать ходить по моему дому, жить мою жизнь, спать с моей женой.

Женой!

Наверное, произнёс это вслух, потому что тварь, наклонившись, мерзко хихикнула мне в ухо:

— Да она даже не заметит подмены!

— Нет... — я замотал головой. — Нет, нет, нет, нет, нет! Я не хочу, не хочу!

Резко сбросив полусгнившую ладонь со своего плеча, кинулся к лестнице, но, оступившись, проехался по площадке, на секунду завис, балансируя над пролётом, и полетел вниз. В голове успело мелькнуть: «Лучше уж так! Да, пусть лучше так!», а потом свет померк.

Эпилог

Сад усыпало жёлтой листвой. Солнце просвечивало сквозь ветви деревьев, лёгкий ветерок нёс аппетитный аромат барбекю.

Ли́ка сидела на лавке, поджав ноги, и делала вид, что читает, а сама посматривала поверх книги на парочку у мангала. С тех пор, как папа свалился с лестницы и застрял в травме с переломанными ногами, а мама почти поселилась в офисе, стараясь, чтобы его отсутствие не разорило бизнес, эта парочка практически не расставалась. Да Вадим можно сказать переехал к ним в дом! Какое это мучение и одновременно радость — видеть его по утрам у себя на кухне. Заспанного, взъерошенного и до ужаса сексуального!

В такие минуты она представляла, как проводит ладонью по этим вихрам, наклоняется и целует, и...

Почему, с какой стати он выбрал сестру, ведь познакомились они с ним в один день? Что за несправедливость, и как с ней смириться?!

Кто-то кашлянул, выдёргивая её из мечтаний, и Ли́ка подскочила, словно ужаленная.

Рядом сидел мужчина в костюме и с коричневым портфелем в руках. Как он оказался в их дворе?

— Мучаетесь от неразделённой любви? — сочувственно произнёс он. — Я могу вам помочь.

И широко улыбнулся.

ВЕРСИЯ

Анна Гройсс
С.-Петербург

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ
АГАТЫ КРИСТИ
Версия событий

На краю

В апреле 1926 года, когда нежный аромат цветущих гиацинтов наполнил сад, захлестывая сердце томлением и неопределенными надеждами, умерла мать.

После похорон Агата Кристи вернулась в осиротевшее гнездо, чтобы привести его в порядок и разобрать вещи: на семейном совете родительский дом решили продать. Чемоданы, бесчисленные свертки, шкафы и сундуки — все в особняке пропахло тленом и давно ушедшими временами. Кругом лежала пыль, — плотная, почерневшая. Ее бесформенные клочья, точно привидения, планировали в воздухе, забиваясь в нос и глаза, вызывая приступы удушья.

Переходя из комнаты в комнату, Агата доставала, перетряхивала, разглядывала каждую вещь — траченная молью одежда, древние бабушкины сундуки, набитые старомодными платьями, буфеты, полные столовой посуды. Их нескончаемая вереница плыла через её руки, словно просочившиеся сквозь пальцы месяцы, годы, десятилетия жизни — молчаливые свидетели цветущей юности, созревания и увядания, минут отчаяния и страсти.

В одном из рассохшихся шкафов, битком набитых всевозможным хламом, Агата обнаружила материнское платье, о котором давным-давно забыла, — так далёк был тот день, когда мать надевала его.

Стоило ей ощутить нежное прикосновение шелка, как воспоминания тяжело навалились на неё. В этом платье мать однажды водила её, маленькую, гулять в городской парк. Агата заплакала и приложила ткань к лицу. На один миг — сладостный и невыразимо прекрасный —

она ощутила себя трёхлетним ребёнком, уткнувшимся в материнские колени, среди цветов, на залитой солнцем полянке.

Внимательные глаза наблюдали за ней с каждой стены — повсюду в доме висели фотографии. Вот она сидит в колясочке, рядом счастливые родители. Здесь отец держит её на руках. Тут бабушка и дедушка, обнявшись, сидят на скамейке в саду, увитой белыми розами. Легкий ветерок колыхает кроны деревьев. Кудрявая тень еще бежит по улыбающимся лицам, но уже явственно проступает на них печать увядания и смерти.

Сколько раз в эти тяжелые дни Агата писала Арчи в Лондон! Но муж не приезжал, ссылаясь на важные дела, давно запланированные встречи и даже на предстоящий турнир по гольфу! В конце концов он появился — как всегда, подтянутый, безупречно одетый, красивый и отстраненный, словно вынырнул из другого — счастливого — мира, исполненного постоянства и благопристойности.

Агата выбежала ему навстречу — бледная, с красными заплаканными глазами, с растрёпанными волосами, без завивки и укладки, в домашнем платье. Если он и был разочарован, то не показал виду, сохранив свою обычную сдержанность и невозмутимость.

Участливый взгляд и нежные объятия — вот в чем она нуждалась более всего на свете, но в сердце Арчи не осталось места для Агаты! Отныне оно занято Нэнси Нил: смелой, дерзкой, уверенной в себе особой — той же породы, что и он. Её зубы, когда она смеется, сверкают ровной белизной. Её лицо, на котором ни единой морщинки, не сминает боль утрат и разочарований. К тому же, она мастерски играет в гольф. Поэтому он уходит к ней. Он любит её. Агата, блуждающая в безвременье, больше не интересуется его.

— А как же мы? — растеряно прошептала Агата.

— Развод, — коротко ответил муж и пожал плечами: неужели не ясно?

Он сел в машину и уехал в Лондон. К Нэнси Нил.

Если раньше боль оканчивалась там, где начиналась совместная с Арчибальдом жизнь, то теперь она заполнила собой весь мир.

Третьего декабря, осмотревшись в непроницаемой черноте, — хотя, право, в этом не было никакого смысла, ведь она везде совершенно одинакова, и чернота запада ничем не отличается от черноты севера или востока, — тем не менее, Агата обнаружила, что у нее есть пределы: за озером Тихий Бассейн, в меловом карьере, в ста метрах от дороги. Что там, за пределами тьмы? Агата не знала. Но предполагала, что,

возможно, райские сады, незаходящее солнце, вечное лето или безмолвный океан...

Она перечитала последнюю строку, поглядела на часы. Содержание письма, исполненное тоски и мрачных рассуждений, не оставит Арчибальду места для сомнений в серьезности ее намерений. Оставив на столике в прихожей три послания — мужу, деверю и секретарше, она тихонько поднялась на второй этаж и нежно поцеловала спящую дочь. Накинула меховое пальто и, сев за руль «Моррис-Коули», поехала по направлению к Гилфорду.

Через полчаса Агата свернула с дороги. В плотном тумане автомобиль запетлял по пересечённой местности, переваливаясь с кочки на кочку, словно неповоротливое животное. Ветки царапали стекло. Внезапно машина резко затормозила, врезавшись в густые заросли кустов. Агату швырнуло головой в лобовое стекло. Перед глазами взорвался фейерверк.

Паутина подозрений

В первый момент Арчибальд обрадовался. Разумеется, как порядочный человек, он пытался давить в себе чувство освобождения, засиявшее в нём, точно утреннее солнце, в ту минуту, как ему сообщили, что она пропала.

Пустой «Моррис-Коули» с включёнными фарами, уткнувшийся бампером в кусты, обнаружили ранним утром на самом краю мелового карьера.

Однако спустя время Арчибальд заметил, что улыбки его друзей и партнёров по гольфу стали холоднее, а глаза — насмешливей, и тогда он впервые осознал, какую изысканную и остроумную месть приготовила ему жена.

Пропала! Черт побери! Мало того, что не дает развода, так ещё и выкинула детективную шутку — в духе своих романов. Женщина должна быть предсказуема, — угрюмо размышлял Арчи, — а она изобретательна и чересчур умна. Впрочем, за двенадцать лет, что они прожили вместе, Агата вела себя как добропорядочная английская леди. Но он — то знал, что в её очаровательной голове бродят идеи, не поддающиеся разумению человека, наделённого здоровым смыслом. Выдумывать истории с убийствами, отравлениями и похищениями — занятие, совершенно не подходящее для дамы! Услышав иные из них, даже он, герой войны, отважный лётчик, удостоенный наградами за мужество, терял дар

речи, — главным образом, оттого, что автором их являлась его собственная жена!

Что бы с ней ни случилось, пусть будет так, как будет. В конце концов, это её личное дело. Он тут ни при чем. Она сама так решила.

Когда он сообщил Нэнси новость о странном исчезновении жены, его любовница изменилась в лице. Арчибалд ясно разглядел в нём тщательно скрываемое чувство удовлетворения, смешанное с настороженностью.

— Как, о Арчи? Неужели?.. — воскликнула она. — Что же ты будешь делать дальше?

Он пожал плечами.

— Полиция ищет.

Про письмо он умолчал.

В отеле «Хайдро»

Около четырех часов дня четвертого декабря в отель «Хайдро», расположенный в четырехстах километрах от злосчастного мелового карьера, вошла бледная молодая женщина. В руках она держала несколько свертков с покупками. Представившись как миссис Нил, путешественница, прибывшая из Кейптауна, она сообщила портье о намерении снять номер.

Служащий вежливо поклонился и протянул ей ключ.

— Пятый номер, миссис Нил. С ванной. Семь гиней в неделю. Сколько вы планируете пробыть у нас? — он раскрыл лежащий на стойке журнал постояльцев и быстро заполнил несколько граф.

— Десять дней, — улыбнулась миссис Нил. — Этого будет вполне достаточно.

Поднявшись в номер на второй этаж, она немедленно приняла ванну, а затем прилегла вздремнуть. Ближе к вечеру распаковала покупки и, принарядившись, спустилась в библиотеку гостиницы.

Праздное времяпрепровождение шло на пользу миссис Нил. Она музицировала в ресторане отеля — игра на фортепиано доставляла ей удовольствие, танцевала, разгадывала кроссворды и играла в бильярд, а через несколько дней, когда газеты запестрели сообщениями о пропаже известной писательницы, Агаты Кристи, миссис Нил с азартом принялась обсуждать всевозможные версии ее исчезновения. К тому же, между ней и литераторшей вдруг обнаружилось необычайное внешнее сходство.

— Поразительно, как мы похожи! Вы только поглядите! — удивлялась миссис Нил, протягивая газету своей собеседнице. Сидя за столом в оранжерее, они принимали лечебные воды. Первую полосу номера занимал портрет исчезнувшей сочинительницы детективов. — Полиция с ног сбилась, разыскивая её.

— Дама на фотографии выглядит значительно старше вас, — неодобрительно разглядывая изображение сквозь пенсне, ответила пожилая леди.

— За сведения о ней объявлено награда — целых сто фунтов! Как вы полагаете, её найдут?

— Вряд ли! — собеседница поджала губы. — Думаю, ее убил муж.

Вечером пятнадцатого декабря миссис Нил танцевала в ресторане под популярный фокстрот «Yes! We have not bananas!», когда в гущу отдыхающих ворвался служащий отеля и, шаря по лицу миссис Нил выпученными глазами, сообщил, что её ожидают в холле.

— Кто бы это мог быть? — пробормотала она и, завернувшись в белую шелковую шаль, последовала за ним.

В холле стояло несколько полицейских и мужчина с военной выправкой в безукоризненно сидящем костюме. Услышав шаги, он повернулся к ней лицом.

— О! — воскликнула она. — Это мой брат!

— Агата, — мрачно проговорил Арчибальд, — ты узнаешь меня? Я твой муж.

Карты на столе

Осенью 1931 года Агата Кристи и Макс Мэллоуэн, ее второй муж, прогуливались по Аллее Платанов в итальянском городке Белладжо и вели приблизительно такой диалог...

— Пришлось сделать вид, что у меня амнезия, — Агата усмехнулась и взяла под руку Макса. — Вполне подходящий способ, чтобы объяснить свое исчезновение, не вынося обстоятельств семейной жизни на всеобщее обсуждение. Арчибальд мгновенно ухватился за эту возможность. Вскоре все только и говорили о том, что Агата Кристи не отдает себе отчета в своих поступках.

Случившееся изрядно потрепало нервы Арчибальду! Все время, пока полиция разыскивала меня, мой бывший муж находился под следствием, опутанный подозрениями, словно липкой паутиной.

Эта история не оставила нашим отношениям никакого шанса на возрождение. В 1928 году мы развелись, и он тут же связал себя узами

брака со своей любовницей, Нэнси Нил, а еще через два года я встретила тебя. — Агата с любовью посмотрела на своего молодого супруга.

Макс шел, глядя себе под ноги, погруженный в раздумья. Казалось, его мысли витают где-то далеко.

— Значит, если бы не куст, задержавший автомобиль на самом краю мелового карьера, — медленно произнёс он, останавливаясь посреди аллеи, — то я никогда не женился бы на тебе?

— Куст и еще кое-что, — пробормотала Агата, увлекая его к беседке. — В ту ночь смерть дважды пыталась меня сцапать.

Они уселись на скамейку, нагретую солнцем, и некоторое время прислушивались к пению птиц.

— Вскоре я очнулась, вырванная из беспамятства головной болью. Выбралась из машины и, пошатываясь, сделала несколько шагов, не имея никакого представления о том, куда направляюсь.

На моё счастье, в непроницаемой тьме ночного неба вдруг раскрылся лунный глаз, ярко и плоско высветивший окружающий пейзаж.

Передо мной огромной воронкой в земле белел меловой карьер, глубокий, точно преисподняя. Еще миг — и я упала бы в него. Воздух вокруг загустел, и рассеялся туман. В мире остались только я и луна. Жёлтое око внимательно рассматривало меня в разрыве ночных облаков, и я ощущала себя то ли младенцем в люльке, безмятежно заснувшим на вершине мира, то ли бабочкой, наколотой на острие иглы. Я позабыла смерть матери, измену мужа и даже свое одиночество. Этот последний несостоявшийся шаг навсегда изменил меня. В ту ночь я выбралась из прошлой жизни, словно Алиса из кроличьей норы.

— Нанна, — сказал Макс. — На тебя смотрел Нанна — древний бог Луны. Он определяет судьбы смертных и объявляет предзнаменования.

— А потом глаз закрылся. Я повернулась и пошла обратно, к остановке, с которой чуть позже меня забрал автобус, чтобы доставить на железнодорожный вокзал.

— Значит, ты не собиралась сводить счёты с жизнью, дорогая?

— Разумеется, ни о каком самоубийстве я не помышляла. Могла ли я оставить сиротой Розалинду? — возмущенно воскликнула Агата.

Она с укоризной поглядела на мужа.

— План созрел быстро, — продолжила она. — Раз уж я не погибла, то почему бы мне, в самом деле, не отдохнуть и не подлечиться, как я и намеревалась с самого начала? Приехав в Лондон, первым делом я посетила «Уайтли», чтобы приобрести кое-что из одежды. Затем зашла к ювелиру и отдала ему кольцо для починки, — в нём давно уже рас-

шатался камень, — поручив доставить его в отель «Хайдро» на имя Терезы Нил.

— Но почему ты взяла в качестве псевдонима имя Нил? — спросил Макс.

— Оно вертелась у меня в голове несколько последних месяцев, — вздохнула Агата. — Я никак не могла от него избавиться. Направляясь к остановке автобуса, я уже знала, что скроюсь на время под чужим именем. Это позволило бы мне прийти в себя без лишнего шума. Мне так хотелось побыть одной! Всё обдумать и решить, как жить дальше! Когда ювелир спросил, кому доставить кольцо, я назвала первое пришедшее мне в голову имя, а вот с фамилией вышла заминка. Несколько секунд мне совершенно ничего не приходило на ум, пока, наконец, фамилия Нил, давно преследовавшая меня, не вылетела из моих уст почти против воли.

Всю дорогу до «Хайдро» я бранила себя за то, что не придумала псевдоним заранее. Однако позже мне пришло в голову, что за этим недоразумением проглядывает определённый символизм или, если угодно, насмешка — теперь карты пасьянса лежали картинками вверх, — она лукаво прищурилась. — Кстати, а что в это время подельвал ты, дорогой?

— Я был в Ираке, на раскопках шумерского города Ур, — помолчав, проговорил муж. — По странному совпадению, как раз в начале декабря 1926 года я стал участником происшествия, которое само по себе не представляет интереса, но в связке с твоим рассказом кажется крайне любопытным. Леонард Вулли подробно описал этот случай в дневниках экспедиции.

В тот день нашего земленоса, Ибрагима, одного из местных рабочих, настигло кратковременное помутнение рассудка, ставшее, вероятно, следствием солнечного удара. Схватив совковую лопату, он принялся ломать, крушить и топтать драгоценные археологические находки, в приступе безумия едва не уничтожив глиняную фигурку Владыки Мудрости — Нанны, одного из главных богов шумерского пантеона. В последний момент я бросился Ибрагиму под ноги и спас статуэтку. Удар лопаты, предназначавшийся богу, пришелся по моей руке.

Макс задрал рукав и показал Агате закружённый шрам на тыльной стороне запястья, по форме напоминающий узкий серп луны.

Агата вскинула брови.

— Выходит, Владыка Мудрости отблагодарил тебя, не позволив мне свалиться в карьер? И если бы ты не спас его фигурку, — шутливо произнесла она, — то я сломала бы себе шею в ту ночь?

— Нет, — мягко возразил муж, — Нанна никогда не допустил бы этого. Ты — самая прекрасная женщина на свете. Мог ли он позволить тебе исчезнуть?

— Но в чем же тогда смысл появления лунного бога в твоей и моей жизни? — спросила Агата, прислоняясь к его плечу.

— В том, что мы с тобой встретились, — ответил Макс.

Игорь Бэзрук

г. Иваново

СВИНЦОВАЯ СТРАСТЬ КАЗАНОВЫ

Ранним утром 25 июля 1755 года Джакомо Казанова был разбужен громкими ударами в дверь квартиры.

«Какого чёрта!» — подумал он с досадой, что сон его прерван так беспардонно. Он вовсе не собирался сегодня так рано вставать, тем более, что накануне с очередного свидания вернулся почти ни свет ни заря. Но удары в дверь становились всё громче и настойчивее.

Казанова поднялся и как был в нижнем белье пошел открывать.

Ворвавшимся самым бесцеремонным образом солдатам во главе с «великим господином», как именовался тогда шеф жандармов в Венецианской республике, он, однако, не удивился. Даже в какой-то степени был готов к встрече с ними. О том, что его могут в любой час за многие безрассудства арестовать, предупреждали и друзья, и добрый давний покровитель сенатор Брагадин. Причём, не далее, как вчера.

— Уезжай, пока не поздно во Флоренцию! — слёзно просил старик, давно считавший Казанову сыном. — Тут тебе не дадут покоя!

Но Казанова заупрямился, полагая, что ни в чём не повинен; и если теперь уйдет, то постыдным поступком только докажет свою вину.

Обычно в предчувствии несчастья, как было, скажем, на Корфу, когда за избиение самозваного принца ему грозило заключение в бастарду, или чуть позже в родной Венеции, когда его обвиняли в кошунственном осквернении могилы, нисколько не дожидаясь исхода, он бежал, куда глаза глядят. Но теперь, когда в нём прочно засела уверенность, что нет даже повода в задержании, повёл себя крайне неосмотр-

рительно, послушался умудренного опытом Брагадина и беспечно отправился на любовное свидание.

«Я был глуп, — напишет он впоследствии в мемуарах, — и рассуждал, как свободный человек».

Однако ни Венецианское правительство, ни тем более святая инквизиция шутки с Казановой шутить не собиралась, давно и пристально следя за похождениями своенравного гражданина. Только мощное заступничество влиятельного Брагадина на время оттягивало неминуемую развязку; и шумные кутежи, интриги с женщинами, картёжные игры и, наконец, волхвование, благодаря заступничеству, сходили Казанове с рук. Но недолго веревочке виться, наступил и час расплаты.

Шеф жандармов приказал Казанове одеться и беспрекословно следовать за ним.

— По чьему приказу я подвергнут аресту? — спросил Казанова, все ещё уверенный, что всё это несерьезно, формально, но шеф жандармов ответом поверг Казанову в ужас:

— По приказу Верховного суда.

С этой минуты Казанова словно впал в транс. Ничего вокруг сознательно не воспринимая, машинально оделся, побрился, зачем-то надел лучший костюм, роскошный шёлковый плащ и шляпу, отделанную испанскими кружевами и белыми страусовыми перьями. Расфрантился, точно ехал на бал, а не в тюрьму.

Сели в гондолу. Он, начальник и ещё человека четыре, хотя в квартире солдат было не менее сорока. Они, как хищники, рылись в каждой комнате, просмотрели бумаги и вещи, свернули в узлы все «подозрительные» книги, как будто Казанова являлся каким-то махровым преступником.

В канцелярии начальника его продержали в отдельной комнате часа четыре, затем шеф жандармов объявил, что, согласно полученному приказу, он должен препроводить его в свинцовую тюрьму.

Приказ вызвал у Казановы не меньший шок, чем слова «Верховный суд», произнесённые чуть ранее: в свинцовую тюрьму так просто не сажали; и многие, он знал, оттуда не возвращались вовсе. Значит, настал и его черёд прощаться с волей. А ведь только недавно он отметил тридцатилетие. Вся жизнь, можно сказать, была впереди...

За всю дорогу по пути в тюрьму Казанова не проронил ни слова. У канцелярии начальника сели в гондолу, проплыли по сети малых каналов, вошли в Канал Гранде и высадились на Тюремной набережной. Далее прошли по нескольким лестницам, перешли через крытый мост,

Мост Вздохов и оказались в здании пресловутой тюрьмы «Piombi», составляющей верхний этаж или чердак знаменитого Дворца Дожей.

Название «свинцовая» тюрьма получила потому, что располагалась непосредственно под крышей Дворца, который был покрыт свинцовыми листами. Отсюда появились и ходовые выражения венецианцев: «сидеть под свинцами», «попасть под свинчатки».

В одной из комнат, куда привели Казанову, его встретил секретарь инквизиции и передал в руки тюремщика. Пройдя с конвоирами ряд разделённых надёжными дверьми коридоров, Казанова в конце концов очутился у какой-то двери, за которой скрывалась грязная, скверная каморка, длиной в шесть и шириною в два шага, едва освещённая высоко пробитым узким окном.

Казанова поначалу решил, что это и будет его камера, однако тюремщик громадным ключом отпер находящуюся в каморке незаметную низенькую (чуть больше метра) массивную, окованную железом дверь с окном посередине и велел Казанове пройти в неё.

Как только Казанова прошёл, тюремщик захлопнул за ним дверь и запер на ключ. Казанова остался один на один с мрачным зловонным помещением и сворой огромных крыс в соседней камере. Он так боялся мерзких тварей, что сразу плотно закрыл окошко двери на внутренний ставень.

Положение своё он находил ужасным. Камера, в которую он попал, оказалась всего полтора метра высотой, так что рослому Казанове стоять пришлось, низко наклонив голову. Забранное железной решёткой в шестнадцать клеток окно здесь было чуть больше полуметра в квадрате. Однако достаточного освещения практически не давало, так как перед самым окном торчал конец громадной деревянной балки, выходившей из стены здания и не пропускающей свет. Из-за свинцовой кровли в камере стояла невыносимая жара. Треть площади камеры занимала ниша вроде алькова, но ни кровати, ни стола, ни стула нигде не было видно. Один грязный горшок на полу для отправления естественных надобностей да небольшая деревянная полка у стены, на которую Казанова и положил богатый плащ и роскошную шляпу со страусовыми перьями. Затем он облокотился на решётку окна и так простоял часов восемь.

Только теперь он начинал понимать, как опрометчиво поступил, не воспользовавшись советом своего благодетеля Брагадина, ведь его, Казанову, скорее всего давно негласно осудили, и только случай не давал осуществиться исполнению наказания.

Теперь стала понятна и та настойчивость, с которой один из его последних знакомых, некто Манудзи, ювелир и, как оказалось, доносчик, просил Казанову дать ему для оценки свои книги, особенно трактаты по белой и чёрной магии, для которых он, якобы, нашел выгодного покупателя.

Наверняка подействовал и донос одной полоумной, с сыновьями которой он дружил, обвинившей Казанову в совращении их в атеизм. К тому же, как хорошо знал Казанова, сам Государственный инквизитор того времени Антоний Кондульмер имел на Казанову зуб. Да и мелких, мало значащих для обывателя, зато достаточных для священной инквизиции, эпизодов и поступков в бесшабашной жизни Казановы венецианского периода накопилось достаточно, чтобы быть обвинённым по всей строгости тогдашних законов. Так, из того, что при неудаче в игре Казанова вместо того, чтобы, как всякий добрый христианин, бранить Провидение, поносил дьявола, следовало, что Казанова не верит в Бога, а верит в Сатану. С достоверностью было установлено, что в постные дни негодник Казанова употребляет скоромное, не посещает церковь, входит, кажется, в одну из масонских лож. Подозрительны и его приятельские отношения с некоторыми иностранцами, которым он мог выказать государственные тайны, так как водил тесную дружбу в то время с тремя венецианскими сенаторами... Однако всё это были лишь домыслы. А постоянные кутежи, разврат, картёжные игры вряд ли тянули на смертный приговор. Выходит, он страдает невинно и происходящее с ним, не более чем ошибка. Не далее, как завтра, священное судилище рассмотрит его положение, и он окажется на свободе.

Голова Казановы шла кругом. К тому же голод раздирали внутренности. Он теперь пожалел о том, что отказался от завтрака в канцелярии шефа жандармов и не заказал себе обед в «свинцах». Ужина, как видно, здесь не бывает вовсе. От этого удручающего состояния Казанова стал впадать в бешенство, клял на чём свет стоит своих мучителей, стучал, кричал, пытаясь произвести как можно больше шума, но все его усилия были напрасны: устройство тюрьмы позволяло глушить шум и поглощать звуки. Утомлённый и обессиленный, Казанова медленно опустился на горячий пол камеры и сразу уснул.

Проснулся глухой ночью. Жуткая кромешная тишина окружала его. Он зачем-то потянулся правой рукой за платком, оставленным где-то рядом, и ужаснулся: рука наткнулась на чьё-то мертвое тело, на чью-то неподвижную мёртвую руку.

Казанова от страха даже вскрикнуть не мог. Казалось, даже его способность мыслить парализовало. Когда наконец шок немного про-

шел, он попытался разобраться во всем происходящем. Но не находил никакого логического объяснения появлению трупа. Накануне, он точно знал, никакого трупа в камере не было. Выходит, его подбросили к нему тайно, пока он спал?

Опять мёртвая рука. Однажды Казанове представился случай иметь дело с мертвой рукой в Падуе. Не символично ли появление новой мёртвой руки? И потом, этот труп... Не подлый ли намёк Казанове на его жалкий конец?

Приступ бешенства овладел Казановой от этой мысли. Он в ярости схватил холодную руку трупа и вдруг понял, что это была его собственная, только онемевшая до полного бесчувствия, левая рука.

Вместо радости от открытия, на него, наоборот, накатило горькое уныние: онемевшая рука всё-таки доказывала, какой страшной участи его подвергли. И только стоическая выдержка позволила не впасть в горькое уныние. Казанова поднялся, приблизился к решетке, низко наклонив голову, и замер у окна в задумчивости.

Вскоре забрезжил рассвет, первые рассеянные облаками лучи начали пробиваться на землю. С ними в душе Казановы родилась надежда, что сегодня днем его обязательно выпустят. Не могут не выпустить. Он ни в чём не виноват. Он не совершил никакого преступления!

С каждым новым лучом, с каждой новой прогалиной в утренней пелене ночи уверенность крепла в нём. И с нею возникла и быстро стала расти жажда мщенья. Кем только он себя в ту минуту не представлял: и руководителем народного восстания, свергавшего ненавистное правительство, и правителем новой республики, перекраивающим государственное правление во имя добра и справедливости. В своих фантазиях без всякой жалости он избивал заносчивых венецианских аристократов, без малейшего сожаления мстил каждому обидчику и недоброжелателю.

Почему бы нет? Он ведь сегодня будет отпущен, оправдан, гнусные козни и злые проделки врагов будут раскрыты и посрамлены. Справедливость восстановится, и он получит удовлетворение. Сладкая месть Казановы...

Однако прибывший утром тюремщик сильно разочаровал его, побыденному выразив удивление тому, что Казанова не удосужился до сих пор заказать себе ни кровати, ни стола, ни стула.

— Если вы воображаете, — сказал он, — что вас заточили только на одну ночь, то очень заблуждаетесь.

Но заблуждения Казановы на этом не закончились, хотя он и продолжал жить верой в свою невиновность и в скорейшее окончание мрачного заточения.

Сначала срок приходился на сентябрь, потом на первое октября.

Слепая уверенность, что именно первого октября его отпустят, не покидала Казанову ни на день. Но вот прошел август, за ним сентябрь, минуло и первое октября, а он всё сидел в крохотной тюремной камере, и положение его не улучшилось. Тогда у него и возник план побега. Или он убежит отсюда, или принудит своих палачей убить его, но сидеть в тюрьме до скончания века он не намерен!

Десятки планов и проектов зароились в его воспалённом мозгу. Каждый из них он обдумывал до мельчайших подробностей, но потом с сожалением отбрасывал как неосуществимый, принимаясь выдумывать новый.

Доходило до безумия. Раз даже отзвук катастрофического землетрясения, разрушившего Лиссабон, сотряс стены его камеры, и Казанова, как безумец, обрадовался, надеясь, что от следующего толчка здание тюрьмы рухнет, и он волею Судьбы окажется на свободе. Но и этому желанию не дано было осуществиться. Тогда, хорошо знавший расположение всех помещений дворца, Казанова остановился на единственном варианте: бежать через пол. Под полом находился зал заседаний Совета инквизиции. Нужно было только пробуровать или выдолбить чем-нибудь в полу отверстие, спуститься в зал, а там — вон из дворца! Но где раздобыть соответствующие инструменты и как всё задуманное сохранить в тайне? Вдобавок бедняге Казанове подсадили ещё одного узника, потом ещё одного, когда первого перевели в другую тюрьму. Лишь с начала нового 1756-года, когда и второй сосед по камере был освобождён, Казанова стал действовать.

В соседнем помещении, где Казанове разрешали прогуливаться на время уборки камеры, в куче старого хлама он обнаружил массивную металлическую полосу и небольшой кусок чёрного мрамора, послуживший ему в качестве великолепного точила. Целую неделю он потратил на то, чтобы металлическую полосу превратить в замечательный стилет с восьмигранным остриём, который спрятал во внутреннюю обивку своего кресла (к тому времени, по просьбе, ему доставили кой-какую мебель). Оставалось только придумать, куда девать мусор, который неизбежно будет появляться, и как скрыть от бдительных глаз надзирателей само отверстие. Пришлось уговаривать тюремщика не убирать камеру, так как, якобы, у Казановы на пыль непереносимая аллергия.

Подозрения тюремщика были отвергнуты вызванным доктором, который принял уловку Казановы за правду, ибо в его врачебной практике был похожий случай, когда один молодой человек умер, надышавшись пылью(!). (Суеверия частенько помогали Казанове.) Однако начало работы Казанове пришлось все-таки отложить почти на полгода: сначала не давали покоя морозы, потом опять посадили товарища, набитого дурака, плута и ужасного болтуна, который был способен по своей природной глупости завалить тайное мероприятие. Но вот и последнего, к вящей радости нашего героя, увезли в другую тюрьму. Казанова, наконец-то, смог приступить к осуществлению задуманного.

Под своей кроватью Казанова стал долбить стык половых досок. Пол был из лиственницы. Под первым настилом обнаружился второй, под вторым — третий, но, к счастью, доски между собой скреплены не были. Мусор пришлось во время прогулки скрытно выносить в соседнюю камеру в известную уже кучу хлама.

Три недели понадобилось Казанове, чтобы пробиться через все три ряда пола, но когда дерево было снято, оказалось, что под ним находится слой мраморного цемента, который тогда применяли при строительстве зданий в Венеции. Он был настолько тверд, что долото Казановы скользило по нему, не оставляя даже царапин.

Другой бы в отчаянии опустил руки, но достаточно эрудированный по тому времени Казанова вспомнил, что Тит Ливий, описывая переход Ганнибала через Альпы, упоминал, что карфагеняне разбивали топорами скалы, предварительно поливая их уксусом. Уксус у него был. Он с жаром продолжил работу, убедившись, что уксус на самом деле размягчает мрамор.

Вере Казановы в скорейшее освобождение не было предела. В конце концов был пробит и слой цемента, и в маленькое отверстие, проделанное в последнем деревянном настиле, Казанова увидел зал заседаний инквизиции и Совета Десяти. Выходит, он не ошибся и его труд не был напрасен.

К 23 августа всё было закончено. Оставалось бежать. Сроком исполнения побега Казанова назначил день святого Августина, 27 числа. В этот день наверняка зал заседаний будет пуст. Но в полдень 25 знакомый грохот замка страшно перепугал Казанову. Шли, очевидно, к нему. Вели нового узника? Значит, опять придется отложить побег на неопределенный срок? На какой? И что случится за это время?

Тюремщик Лоренцо вошёл, однако, один. Его глупая физиономия сияла от радости:

— Вставайте и идите за мной, — сказал он восторженно. Казанова ничего не понимал.

— Вас переводят в новую камеру, более светлую и просторную, из окна которой вы сможете любоваться Венецией. Вы же этого хотели?

Казанова в отчаянии чуть не сошел с ума. Так неожиданно нелепо закончилась его первая неудачная попытка бежать из знаменитой «свинчатки». Но, как говорится, надежда умирает последней. Всё у него было ещё впереди...

ПОСЛЕДНЕЕ ПА МАТА ХАРИ

Они не могли не попросить её сделать это, доктор Бизар, тюремный врач, восхищённый необычайным мужеством и самообладанием хрупкой девы, и сестра Леонид, монахиня, последнее время не оставлявшая несчастную смертницу в камере почти ни на минуту. Они попросили станцевать. Блистательную Мата Хари, «Око утренней зари», как звучало её экзотическое имя в переводе с яванского, своим танцем покорившую едва ли не всю Европу. У её ног лежал салонный Париж, искрящийся Монте-Карло, Берлин, Милан, Мадрид, Вена. Ей аплодировала Россия и Америка, она танцевала в «избранном» кругу принцев и принцесс, графов и баронов, министров и генералов. Ею восхищались, её любили, в её честь при жизни один из предприимчивых нидерландских магнатов назвал сорт сигарет. Её слава соперничала со славой непревзойдённой Айседоры Дункан. К началу Первой мировой войны Мата Хари считалась самой высокооплачиваемой куртизанкой в Европе... И вот по злому Року она в тюрьме, потому что признана виновной в шпионаже в пользу Германии против Франции и единодушно приговорена к смертной казни.

— Это невозможно, невозможно! — воскликнула Мата Хари, когда защитник со слезами на глазах сообщил содержание приговора, но тут же быстро пришла в себя и потом ни разу за всё время пребывания в заключении вплоть до расстрела ничем не выдавала своего отчаяния. Повторяла только по несколько раз после каждого разговора с кем-нибудь: «О, эти французы. О, эти французы», — внешне оставаясь при этом такой же кристально холодной...

Уступив просьбе доктора Бизара, Мата Хари отрешённым взглядом обвела небольшую камеру, в которой находилось три кровати (денно и ночью с ней рядом находились ещё две заключенные, так, «на всякий случай»), подняла вверх изящную иссиня-чёрную головку с длинными

косами и через маленькое зарешёченное окно под самым потолком жаждущей воли птицей вырвалась на свободу. В ушах зазвучал ситар, зазвенели кастаньеты и колокольчики, негромко, задавая ритм, вступил барабан, — и вот больше нет дочери нидерландского шляпника Маргарет Геертруды Зелле, а есть Мата Хари, дочь знаменитой на весь Малабарский берег баядерки, в младенчестве отданная богу Шиве и там, в храме Шивы, с ранних лет изучавшая священные ритмы мистических плясок. Губы забормотали что-то нечленораздельное, красивые холёные руки отточено заходили, тело, как гибкая змея, стало неторопливо извиваться, босые ноги отстукивать какой-то такт, с каждым разом ускоряясь. И вот Мата Хари уже пляшет исступлённо, как будто в экстазе, как в последний раз (а ведь это и был последний раз, только она ещё не знала), и сестра Леонид смотрит на неё с растерянностью, а доктор Бизар со страхом.

Ему вдруг приходит в голову поразившая его некогда мадагаскарская сказка про Ревэре, танцора, который крал быков. Никто не танцевал так, как Ревэре! Но Ревэре и его родные были вдобавок бесстрашными ворами, угонявшими быков.

Однажды, когда в соседней деревне играли свадьбу, Ревэре и его родные угнали быков, но из-за своей безумной любви к танцам Ревэре вскоре вернулся и стал, никому не знакомый, танцевать. Он танцевал восемь дней и восемь ночей, пока на него не указал отец жениха:

— Кто этот человек, который так танцует?

— Мы не знаем, — ответили люди.

— Тогда подстерегите его и схватите, — приказал тот. — Я хочу знать, откуда взялся чудесный танцор.

Ревэре испугался и спрятался, узнав о приказании отца жениха. Но когда настал вечер и женщины в такт барабану забили ладонями, Ревэре не удержался и вышел из укрытия, чтобы танцевать.

Когда его схватили и спросили, кто он, Ревэре признался и в краже быков и в огромной любви к танцам. И тогда все вокруг потребовали смерти вора, и Ревэре согласился умереть, но только попросил дать ему возможность перед смертью ещё раз станцевать.

— Соберите всех женщин, — сказал он спокойно, — и пусть они бьют в ладоши, пока я буду танцевать, пока не настанет мой последний час.

— Будь по-твоему, — сказали люди.

И Ревэре стал танцевать, а люди кричали, свистели и били рука об руку, пока Ревэре совсем не обессилел и не упал изнурённый.

— Теперь убейте меня, — сказал он. — Я доволен, я умираю. Потому, что был великим танцором.

И люди убили его. А теперь убивают её, Мата Хари, так и не доказав определённо, была ли она на самом деле шпионкой. Все те чеки, бешеные суммы в 5000 франков, 30 000 марок, 15 000 песет, всплывшие на суде и представленные в качестве доказательства её диверсионной деятельности, она просто отмела, смело сказав:

— Столько стоили мои услуги. Любовники никогда не платили мне меньше.

И это было правдой, потому как, увидев её в танце то змеей, сладострастно извивающейся и постепенно превращающейся в страстную женщину, то индийской принцессой, борющейся с соблазном сорвать цветок любви, теряли голову не только крупные промышленники, банкиры или министры. В круг её горячих поклонников входили также немецкий кронпринц, наследник престола, и герцог Брауншвейгский.

Мата Хари блистала на сцене, вызывая острые, возбуждающие дряхлеющую кровь ощущения, когда постепенно в ускоряющемся ритме мистического «индийского» танца (будучи, впрочем, далёким от такового) она без всякого стеснения, шокируя публику, одну за другой скидывала тонкие шелковые одежды и оставалась только с металлическими чашками, закрывающими грудь, и дорогими браслетами на руках и ногах.

Неудивительно, что, имея таких любовников, она практически купалась в роскоши, разоряя одних и пользуясь услугами других. И может быть только страсть к русскому штабс-капитану Вадиму Маслову, альфонсу, которого привлекают её деньги и который впоследствии в самый критический жизненный момент бросит её, погубила Маргарет. Да, любовь её оказалась пагубной. Из-за неё она безрассудно соглашается стать французской шпионкой, из-за неё слепо мчится к Маслову во Францию, зная, что над ней сгустились тучи.

Мата Хари арестовывают в Париже и через пять месяцев выносят безапелляционный приговор: виновна и приговорена к смертной казни. И вот она по просьбе последних зрителей показывает лучшие па, наверняка зная, что самый блестящий свой танец она исполнит чуть позже и без движения, но и тот, последний, предсмертный танец будет не менее завораживающим, чем этот, отчаянный, испуганный, экстазный. Она, верная несгибаемому чувству собственного достоинства, на следующее утро, когда за ней пришли и разбудили, безжалостно сообщив, что в очередной раз президент республики отклонил просьбу о помиловании, обращаясь к сестре Леонид, со слезами на глазах моля-

щейся за её душу, собрав последние силы, как нельзя более суше произнесла:

— Не бойтесь, сестра моя, я сумею умереть, не побледнев. Вы увидите прекрасную смерть.

И Мата Хари сдержала обещание.

Все её поведение с этой минуты отличалось редким спокойствием и самообладанием. Она не спеша надела тёплое голубовато-серое платье, элегантную соломенную шляпку с широкими полями, пару любимых туфель. Отказалась от английской нюхательной соли, которая могла на некоторое время притупить чувства, резко оттолкнула от себя начальника охраны, который пытался взять её в коридоре за руку, презрительно бросив: «Оставьте меня, вы, не трогайте, я не хочу, я не воровка... Что за манеры...», не захотела, чтобы на месте казни её привязывали к дереву и завязали глаза. Мата Хари предпочла смотреть своим палачам в лицо открыто. И даже усмехнулась последней иронии Судьбы, когда насчитала, что стрелков напротив неё двенадцать, ведь номер камеры её был тоже 12, в Париж перед арестом она вернулась двенадцатого числа и даже кодовое имя её в германской агентуре было «Н-21» — то же, если читать в обратном порядке, роковое двенадцать.

Солдаты по команде направляют на неё свои ружья, но Мата Хари успевает улыбнуться безжизненно стоящей поодаль сестре Леонид, послать рукой прощальный привет и сказать командиру, взметнувшему резко вверх саблю: «Мерси, месье!». Вслед за тем тишину утреннего Венсенского поля громко разрывают двенадцать выстрелов, лишь один из которых попадает ей в сердце: все остальные солдаты стреляли в воздух, поражённые необычайным мужеством и хладнокровием сорокаоднолетней женщины, вступившей на дорогу смерти из-за любви.

Мата Хари стала медленно оседать, опустилась на колени, все ещё высоко держа голову, затем опрокинулась назад и, скорчившись, с лицом, обращённым к небу, застыла на песке. Какой-то фельдфебель приблизился к ней, достал револьвер и выстрелил в левый висок... Под звуки сигнальных рожков команда экзекуторов дефилирует мимо трупа, один из молоденьких солдат падает возле неё в обморок, не сумев перенести то, что Мата Хари встретила беспристрастно. Так в поединке со смертью Мата Хари тоже оказалась на высоте, её последнее па оказалось не менее неподражаемым, чем все те экзотические танцы, которыми она очаровывала публику при жизни. А была или не была на самом деле Мата Хари шпионкой — так и осталось недоказуемым.

ДЕТЕКТИВ

Денис Чебаевский

Бонн

АУДИЕНЦИЯ У ТВОРЦА, или РОЗА ДЛЯ КОРОЛЕВЫ

Многие уже догадались, что Большой Взрыв, следствием которого стало появление нашей Вселенной, это электрическая дуга, возникшая в результате попытки сварщика Петрова приварить решётку к окну подвала дома №22 по улице Толбухина.

В момент сотворения Мира Петров испытывал жесточайшее похмелье. Руки его, несмотря на все старания, отчаянно тряслись, и поэтому у него не получалось поймать дугу оптимальной для сварки длины. Вследствие этого прискорбного факта размеры Вселенной постоянно изменялись.

Учёные, не знавшие этих особенностей природы Вселенной, считали, что Тёмная Материя (сам сварщик, дом и всё остальное) заставляет её расширяться. В будущем им предстоит обнаружить, что она сжимается.

К самому сварщику глобальные катаклизмы, происходящие с нашим миром, отношения не имели, и на душе у него было легко и весело. Отличное расположение духа и оптимизм, с которым он смотрел в будущее, обосновывались знанием того, что его напарник Загулятко отправился в ближайший магазин за вином. Он с минуты на минуту вернётся и похлопает сварщика по спине. Тогда Петров прекратит работать, снимет маску и пойдёт пить вино.

С полной уверенностью можно сказать, что Вселенная не прекратит существовать даже тогда, когда сварщик покинет своё рабочее место.

Единственным логическим объяснением данного парадокса является то, что внутри электрической дуги Петров успел похмелиться со своим напарником Загулятко и, не дотянув до пенсии семи лет, умереть от отравления палёной водкой. У кладбища, на котором его похоронили, успел выйти срок давности. Бульдозеры сравняли с землёй могилу Творца. Вскоре на ее месте воздвигли новый торговый центр. Примерно в это же время обнаружили, что Вселенная сжимается, и светила

мировой науки спешно и вдохновенно переписали законы взаимодействия...

Правда похожа на коммивояжёра с баулом дешёвого барахла и частую стучит отнюдь не в те двери, за которыми её ждут.

Одним из тех, кому Вселенная, наконец, решила раскрыть тайну своего происхождения, стал пятидесятирѐхлетний учитель физики Виктор Петрович Одинцов. Знание вторглось в его жизнь внезапно и бесцеремонно, в четыре часа утра.

Учитель проснулся, почувствовав, как кто-то хлопнул его по спине. Он мгновенно подскочил с кровати, успев в то же время точным молниеносным выпадом включить ночник.

Лампа послушно осветила комнату. Тьма расступилась и затаилась под огромной, занимавшей большую часть помещения двуспальной кроватью. Перед глазами предстали знакомые до мелочей покои: затѐрые отклеившиеся на стыках обои, покрытый пылью стеллаж со стопками учебников и методических пособий. Сломанный кинескопный телевизор на столе-книжке служил пьедесталом для спатифиллума с листьями нездорового цвета.

Кроме Одинцова в помещении никого не было, хотя он мог бы поклясться, что внезапное пробуждение вызвал совершѐнный кем-то удар в область левой лопатки. Хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба, он растирал ушибленное место на спине и в смятении осматривался по сторонам. Что-то незримо изменилось вокруг. Обжитая квартира вдруг показалась неуютной и чужой. Всё в ней как будто излучало холод и враждебность.

Виктор Петрович обтѐр выступивший на лбу холодный пот. Сердце надрывно билось в груди, а в голове пульсировала тревожная мысль о том, что Вселенная – это электрическая дуга, возникшая в результате попытки сварщика Петрова приварить решѐтку к окну подвала.

Учитель теперь рассеянно бродил по комнате, пытаясь успокоиться и привести в порядок путанные мысли. Мысли, видимо, имели своё представление о порядке и, сколько он ни вышагивал из угла в угол, по-прежнему, словно пазл, собирались в одну пугающую картину, на которой вернувшийся из магазина Загулятко хлопает Петрова по спине и превращает всё сущее в Ничто.

Чтобы избавиться от наваждения, Виктор Петрович прошѐл в кухню и, осмотрев ряды пустых бутылок под умывальником, слил оставшиеся крохи. Набралось полстакана портвейна. Чуть поразмыслив, он

сходил в ванную и долил в стакан одеколон. Выпив, вышел на балкон, в тёплую сентябрьскую ночь, глотнуть свежего воздуха.

Наваждение не отпускало. Наоборот, апокалиптическое видение как будто обрело глубину и обросло деталями: Загулятку, несмотря на то что был напарником сварщика, почему-то носил неподходящий для выполнения своей работы твидовый пиджак с совершенно неуместной в подобных обстоятельствах алой розой в нагрудном кармане.

Сверху послышался злорадный хохот – то ли засидевшиеся до утра соседи, то ли недобро глядящая с небес на Одинцова луна. Под порывом ветра тополя и клёны возле дома зашипели и, покачиваясь, потянулись ветвями к учителю. Он зажмурился и попятился. Нащупав спиной стену, обхватил голову руками, вцепился в волосы и тихонько завыл. Из-за многоэтажек, с недалёкого проспекта долетел шум проезжающего троллейбуса, словно торжествующий вопль доисторического чудовища, нанёсшего врагу смертельную рану.

«Ну уж нет! – воскликнул в сердцах Виктор Петрович. – Так просто это не закончится!»

Первым делом учитель сбросил два мешка мусора, которые целую неделю забывал выбросить, на балкон, расположенный этажом ниже. Сосед нередко устраивал застолья с громкой музыкой, хоровым пением, а иногда и руганью. Одинцов никогда не жаловался, но подолгу лежал в кровати без сна, терпел и копил злость и обиду.

Совершив этот небольшой акт возмездия, он отправился к своей бывшей жене. Жила она неподалёку, и Виктор Петрович, подгоняемый жаждой мщения, за несколько минут примчался к её дому и просочился в подъезд вместе с предрассветными сумерками.

Заспанная Антонина Григорьевна открыла дверь после продолжительного и настойчивого стука неудавшегося мужа. Она попыталась высказать возмущение по поводу неожиданного и столь раннего визита, но Виктор Петрович быстро прервал поток упреков, с порога влепив ей размашистую оплеуху.

За годы супружеской жизни Одинцов ни разу не ударил жену. Когда-то он смог увести Тонечку от толпы ухажёров. Победа далась нелегко. Молодой, перспективный научный сотрудник забросил докторскую, поскольку все его мысли были направлены на поиск красивых слов для избранницы, на выбор оригинальных и утончённых подарков, чтобы был повод эти слова произнести и на организацию романтических и нескучных свиданий, чтобы появилась возможность достойно преподнести дары.

Вскоре Виктор Петрович покинул кафедру и устроился в школу, ведь зарплата учителя больше стипендии аспиранта, а он был убеждён, что подарок может доставить искреннее удовольствие только тогда, когда он дороже предыдущего.

Напряжённая гонка, наградой в которой было сердце Антонины Григорьевны, закончилась абсолютно несчастливым браком. За время совместной жизни когда-то в меру упитанный Одинцов высох, как берёзка на болоте, потерял большую часть волос и заработал язву.

После того как учитель ударил бывшую жену, он ожидал какой угодно реакции: истерики, слёз, мольбы о прощении, гнева, ругани и даже ответной агрессии. Но только не того, что произошло.

Женщина побледнела. Но не от страха. Её охватила ярость, холодная и жгучая, как январская вьюга. Губы искривила презрительная улыбка, а взгляд пронзил Одинцова колючей насмешкой. Она смотрела на него как на ничтожество, как на червя, способного лишь на то, чтобы оставить грязный отпечаток на подошве её изящных туфель.

Виктор Петрович увидел своё отражение в её глазах: жалкий пожилой неудачник.

Он остановился. Его трясло. Он задыхался.

— Дыши, дорогой. Удар хватит, — спокойно, всё с той же холодной улыбкой произнесла Тонечка. Тонкая струйка крови сползала с уголка её губ.

Учитель ворвался в кухню. Содержимое шкафчиков и полок — посуды, бытовая техника, коробочки и баночки, расставленные тут и там сувениры — всё с грохотом и звоном посыпалось на пол. Он ринулся в спальню, запрыгнул на кровать, грязными туфлями топча и сминая белые простыни. Разорвал подушки, ударом ноги сбил с тумбочки плазменный телевизор. Не зная на что ещё выплеснуть свою злость, Одинцов стоял и дико осматривался по сторонам. Кружащийся в комнате пух опускался на его голову и плечи, прилипал к покрытому потом лицу.

Гнев иссяк, и на смену ему пришёл стыд. Одинцов бросился прочь из квартиры. Смех Антонины Григорьевны, который учитель слышал сбегая по лестнице вниз, вырвался вместе с ним из подъезда. Он отражался в выкрашенных рассветом окнах, преследовал его. Гнал до самого дома.

Там Виктор Петрович, как был, в одежде и туфлях, забрался под одеяло. Он пытался выбросить из головы недавние события и напряжённо вслушивался в звуки пробуждающегося дома.

Утренний кашель курильщиков, приглушённый говор теледикторов, звон посуды и кряхтение старого лифта... Очень хотелось, чтобы Вселенная исчезла прямо сейчас, растворилась в тишине, как звук закрытой кем-то двери.

Когда раздался звонок, Виктор Петрович вздрогнул, нехотя вылез из-под одеяла и, шаркая ногами по вздувшемуся линолеуму, поплёлся открывать.

На пороге стоял сосед с двумя мешками мусора.

— Здорово, сосед! Вот ты мне, как учитель физики, скажи: можно ли с земли забросить мешок с мусором на балкон шестого этажа? — спросил он и опустил ногу на порог.

— Ну, теоретически возможно... — осторожно протянул учитель, понимая, к чему клонит сосед. — А что?

— А вот что...

Мощный удар в зубы сбил Одинцова с ног.

Когда мрак перед глазами рассеялся, он обнаружил, что сидит на полу, прислонившись спиной к стене, напротив входной двери.

Сосед убедился, что Виктор Петрович окончательно пришёл в себя, переступил порог и высыпал мусор из мешков ему на голову, после чего удалился, вежливо прикрыв за собой дверь.

Зазвонил мобильный. Учитель стряхнул с руки картофельные очистки и промасленную селёдочку газету, достал из кармана телефон.

Звонили с работы. Поднимать он не стал, дождался окончания вызова и отключил питание. Сплюнул кровь на пол.

Полученный удар заставил Одинцова почувствовать себя тем, кем он и был на самом деле — пятидесятирёхлетним лузером в куче мусора.

Это вынудило его задуматься о двух вещах.

Первая касалась окружающего мира. Что-то неправильное творилось вокруг. Много лет учитель отдал государственной службе, а итог — проживание в однушке покойного тестя. По договорённости с бывшей женой. После развода собственником совместно нажитой двухкомнатной квартиры суд определил Антонину Григорьевну. Сбережений Виктора Петровича хватило бы лишь на толковый ремонт в квартире, в которой он жил на птичьих правах. Вина за это лежала на плечах государства.

Вторая мысль была практичнее и фактически задавала направление дальнейшей деятельности — расплата за содеянное может наступить гораздо раньше, чем исчезновение Вселенной.

Внутри всё кипело. Учителю не терпелось сорваться с места и действовать. Но прежде всего следовало успокоиться и всё тщательно обдумать. Создать план, осуществление которого не сулило бы исполнителю больших неприятностей, и в тоже время должно было пробудить достаточный общественный резонанс.

Виктор Петрович сидел на лавке в комнате дежурного в отделении милиции. Кровь насквозь пропитала прижатый к носу платок и капала на идеально чистый нежно-зелёный кафель. Рядом с ним, свернувшись калачиком, спал бомж. В помещении сильно пахло перегаром и застарелым потом.

В дежурку вошёл капитан, широкоплечий и пузатый. Короткая щётка усов с проседью. Двойной подбородок, незаметно переходящий в толстую шею. Маленькие заплывшие глазки светились хитростью и довольством. Одинцову он напомнил добродушного и весёлого поросёнка, изображённого на вывеске фирменного магазина Берёзовского мясокомбината, что располагался недалеко от его дома.

Лицо капитана брезгливо скривилось. Он с отвращением помахал ладонью возле носа.

— Бурак, открой окно и забрось эту вонючку в обезьянник, — сказал он. — Потом — сюда. И Лося с собой приведи.

Бурак, коренастый и краснощёкий сержант, натянул кепку, открыл окно и вышел, прихватив с собой бомжа.

Капитан уселся за стол дежурного и стал перелистывать протоколы, выбрал один. Просмотрел и с интересом уставился на учителя.

— А ты тот ещё фрукт! — сказал он. — У центрального входа в резиденцию... Молодца! Под Ганди косишь? Непротивление злу насилием, и всё такое?

Виктор Петрович опустил глаза и жалобно шмыгнул разбитым носом.

Вернулся Бурак, а с ним высокий худой детина — чернобровый, с густыми ресницами и печальными глазами.

— Что с фэйсом-то у задержанного? — спросил капитан.

— По грибам ему кто-то до задержания надавал. Ну, до того, как я увидел, что он портки стянул и моститься супротив входа стал, — ответил Бурак и, виновато опустив глаза, добавил: — А нос он того... Сам... когда в машину запихивали. Стукнулся, короче.

Одинцов возмущился, убрал от лица окровавленный платок, набрал полную грудь воздуха и даже успел открыть рот, но капитан жестом остановил его. Встал из-за стола, подошёл и протянул чистую салфетку.

— А-я-яй... Осторожней надо быть, — сказал он. — Сержант Бурачок, может, вы желаете пару деньков парашу из обезьянника повыносить?

— За что, Михалыч?

— Не «Михалыч», а «товарищ капитан», — поправил Михалыч. — Это вы там, товарищ сержант, за пределами сего учреждения будете меня по отчеству величать, а здесь будьте добры соблюдать субординацию. Свиною мне в конце дежурства решили подкинуть? Протокол задержания составили, без ошибок даже... Если вы такой умный, может подскажите, как его оформить?

— Ну, хулиганство там... Гадил в общественном месте.

— А он успел?

— Михалыч! То есть, товарищ капитан! — возмутился Бурак. — Неужели надо было ждать пока он там насерет?! Может его, как этого... Ну, которые елду всем подряд показывают? Там людей хватало...

— Слышь, Бурак! Ты, наверное, точно на парашу напрашиваешься, раз такое авторитетное дельце подкидываешь.

Капитан взял со стола протокол.

— Короче, так. Вот это, — он помахал бумагой перед сержантом, — твоя проблема. Его здесь не было, ясно?

Бурак со вздохом кивнул, а Михалыч разорвал протокол и сунул обрывки сержанту в карман.

— Вечером чтоб оба у меня были... Лосев, спишь?

— Никак нет, товарищ капитан! — ответил Лосев, который всё это время хмуро смотрел в пол и мял в руках милицейскую кепку.

— Михалыч, Лосев! Ми-ха-лыч, — капитан потрепал Лося за щёку. — Машину у начальника выпрашивай как хочешь. Скажи, что картошку у Бурака из деревни забрать надо.

— В прошлый раз говорил...

— Придумай что-нибудь. Скажи — тещу на кладбище повезёшь... Хоронить, — Михалыч хохотнул, посмотрел на задержанного и ухмыльнулся. — Ганди, блин...

Ин вышел из дежурки. Из коридора послышался его смех.

— Ну, гнида, за разорванный протокол ты мне ответишь, — глядя Виктору Петровичу в глаза, процедил Бурак и снял с пояса дубинку.

Били учителя основательно. Первый раз он потерял сознание ещё в дежурке.

Пришёл в себя лёжа на полу, в машине. Милицейский бобик подпрыгивал на ухабах, и Виктор Петрович ударялся головой о ножку си-

дения. На поворотах, особенно левых, тянуло в сторону, и дикая боль вспыхивала в выкрученной и где-то зажатой ноге.

Одинцов приподнялся, чтобы осмотреться и освободить конечность, и тут же получил прикладом автомата по голове. Потом ещё пару раз по рёбрам. После этого лежал тихо и, стиснув зубы, чуть постанывая, терпел. Когда автомобиль остановился, выдержал ещё несколько ударов и провалился в спасительное глубокое забытё.

Учитель пришёл в сознание. Словно вынырнул со дна мутного озера, медленно поднимаясь к поверхности.

Сначала где-то рядом послышался шелест полиэтилена и позвякивание пустых бутылок. Потом — озорные детские голоса, скрип качелей и мерный гул автомобильного потока. В распухшие ноздри прокрался запах закисших пищевых отходов. А затем, как неоспоримое доказательство того, что Вселенная ещё не исчезла, ворвалась боль.

— А ты посмотри вокруг, подумай хорошенько. Везде закон, причинность, — Виктор Петрович как будто ухватился за пропитый сиплый голос и поднялся из бездны, наполненной страданием избитого тела. Попробовал открыть глаза. Подчинился только один, правый. Левая половина лица превратилась в большой заплывший синяк.

В нескольких шагах от себя Одинцов увидел бомжа. Тот копошился в мусорном баке и обращался к коту. Животное наблюдало с безопасного расстояния и дожидалось своей очереди попробовать отыскать в отбросах что-нибудь полезное.

— А может ли причинность ответить на вопрос: что было первым — курица или яйцо? — продолжал поучать кота бомж. — Причинность не принимает двойного потока. А сила, что направляет его? Что есть огонь, который пожрёт Вселенную и переплавит? Бог наш — не Отец и не Сын. Он един. А Духа Святого ни один закон не видит...

Учитель попытался приподняться на локте и застонал. Бомж попятился, затем, заметив, что очнувшийся не представляет угрозы, вернулся. Выхватил из контейнера пустую бутылку, забрал баул с пожитками и, боязливо оглядываясь, поспешил прочь.

Виктор Петрович смотрел ему вслед и думал, что туфли бездомного подозрительно похожи на его собственные. Глянул на ноги — так и есть. Даже носки забрал. Он тяжело поднялся и ощупал карманы. Пропали бумажник, мобильный и наручные часы.

Одинцов глянул по сторонам... — серые панельные многоэтажки и много зелени. Наверное, какой-то спальный микрорайон. А он босой, в

безнадёжно испорченном костюме и с лицом, похожим на один большой синяк...

«Чего бы я ни делал — становится только хуже, — сокрушённо признал учитель. — Стыд-то какой... Как теперь домой добираться?»

— Пацаны, смотрите! Подзаборник из помойки вылез! — раздался откуда-то из-за спины шаловливый детский голосок.

И тут же в плечо с силой врезался камень. Вслед за ним полетело ещё несколько снарядов. Один из них чуть было не попал в цель и заставил шевельнуться волосы на голове Одинцова.

Под воинственные крики детворы Виктор Петрович, как мог, прихрамывая, поспешил убраться. Спасаясь бегством, он думал, что наверное не так уж и плохо, что они с Тонечкой не обзавелись детьми.

Несколько дней учитель почти безвылазно пролежал дома, выходил только за продуктами и в ближайшую аптеку. Спал или попросту смотрел в потолок. Включал новости.

Политические и экономические кризисы, взлёты и падения цен на нефть, военные перевороты и мирные демонстрации, девальвация и деноминация... Суета в муравейнике, над которым навис ковш экскаватора.

Перестав ходить по нужде с кровью, Виктор Петрович попробовал выпить — и на следующий день пообещал больше не притрагиваться к спиртному. И не только потому, что утром ожидало похмелье и боль в распухших печени и почках. Главная причина заключалась в том, что на какой-то момент опьянения поток информации из телевизора стал интересен, пробудил сопереживание. Все эти триумфальные достижения и трагические неудачи, ничтожные победы и поражения маленьких человечков на крохотной пылинке твёрдой материи, затерянной в космосе, имели значение только для самих маленьких человечков, а Одинцов, глядя на экран, искренне негодовал, ликовал и огорчался. Заметив за собой такое проявление эмоций, он подскочил к телевизору и вырвал штекер антенны вместе с гнездом.

Учитель пролёживал бока. Долго и пристально, до рези в глазах, высматривал что-то в окне. Ничего конкретного... Просто Загулятку ещё не вернулся из магазина, Вселенная не исчезла, а заняться было совершенно нечем.

Наконец однажды, проворочавшись без сна несколько часов кряду, Виктор Петрович извлёк из-под кровати запыленную папку с незаконченной докторской диссертацией.

К утру он как следует изучил старые записи, обложился учебниками и приступил к расчётам. Работу можно было закончить и довести до ума. Привести в соответствие с новыми знаниями об устройстве Мироздания.

И Одинцов отключился от времени. Считал и проверял. Возвращался в начало, заходил с другой стороны, пересчитывал и перепроверял. Всё напрасно — Мир не вмещался в числа и протекал сквозь решето формул. Вселенная была Чудом.

Учитель переводил взгляд с одного исписанного листа на другой и чувствовал себя посетителем японского сада камней — что-то всегда оставалось невидимым, неучтённым.

Он знал, что любой мало-мальски сведущий физик поставил бы на его расчётах крест.

Он поступил так же: сгрёб бумаги в кучу, затолкал листы, особо не церемонясь, в папку и отнёс в мусорную корзину...

— Петрович! — откликнулся в трубке коллега. — Ты, что ли?! Ну, привет! Мы уже телефон оборвали, разыскивая тебя.

— Украли его. Вот, решил с домашнего набрать...

— ...Не надо. Перестань!.. Ой, прости, это я не тебе. Заболел, говоришь?

— Вроде нет. Я просто...

— ...Антон! Не дёргай Масика за хвост!.. Ещё раз прости... Плохо, что бюллетеня нет. Если хочешь, я поговорю с директором насчёт тебя, прикрою. Мол, так и так — развёлся человек, переживает... Столько-то лет рука об руку! Попрошу отпуск за свой счёт задним числом оформить.

— Брось ты, не надо. Я поговорить хотел...

— ...Ничего обещать не буду — он у нас с характером, сам знаешь. Но то, что ты уже давно сам не свой ходил, он заметил. Меня расспрашивал как-то... Мне сейчас тоже нелегко, уроки твои на меня повесили. Замену ищут. Но ничего — прорвёмся. Ты главное не раскисай... Антоша!.. А знаешь что? Ты давай, воспользуйся ситуацией. Ты ж свободен теперь! Развейся, погуляй на полную катушку! Воровать — так миллион, как говорится, а шпили-вили — королеву!.. Антон, осторожней!

Разговор складывался совсем не так, как рассчитывал Одинцов. Он стал раздражаться, воспользовался паузой собеседника и, скороговоркой выплёвывая слова, заговорил:

— Слушай, а ты никогда не думал, что бесконечность — это лишь математическая условность... То есть понятно, что так оно и есть, но

ведь не существует ничего бесконечного! Взять хотя бы космос. Мы можем высчитать его размеры: он расширяется тринадцать с половиной миллиардов лет со скоростью света. Он огромен, но далеко не бесконечен! И пусть эти подсчёты с каждой секундой будут устаревать — граница есть. А что за ней? Ничто не может двигаться быстрее света, но если провести мысленный эксперимент и отправить к этой границе тахион? Он либо выскочит с противоположной стороны из-за искривления пространства, что нам не интересно, поскольку...

— Стоп, Петрович. Подожди!

Но Виктор Петрович уже сорвался на крик:

— ...Куда он попадёт? В другую Вселенную?! Понимаешь, к чему я веду?.. Где всё это? В чёрной дыре?.. Мультивселенная?! А где эта чёртова Мультивселенная?

Одинцов затих и схватился за грудь. Он задышался, хрипел и всхлипывал в трубку.

— Мы не знаем, — после долгого молчания ответил собеседник. — Пока мы можем только предполагать. Не лезь, как говорится, вперёд батьки в пекло. Всему своё время. Возьми хотя бы Джордано Бруно — его идеи подтвердились спустя столетия! Хочешь выдвинуть свою? Вперёд! Но без фанатизма. Не забывай, что в своё время Бруно считался безумцем и жизнь закончил на костре...

— Да я просто...

— Петрович! Ну, ты подумай, даже если бы это стало известно достоверно, как это отразится на нас с тобой? Мы с тобой учителя, Петрович. Ну, стал бы учебник на параграф толще, в программу пару часов... Антон!

Из трубки послышался звон разбитого стекла.

— Твою ма-ать!.. Петрович, давай с тобой на выходных созвонимся, коньячку возьмём и про Вселенную поговорим, и про шпили-вили, и за жизнь... Не могу сейчас — дочка внука оставила, с женой на рынок полетела. Дома кавардак.

— Ага.

— А, нет! Стоп. Давай на следующих — мы на эти на дачу едем.

— Хорошо.

— Подожди... Там, вроде, у зятя день рождения... Антон! Порезься!.. Созвонимся, в общем. Всё, давай. Не раскисай.

— Ага.

Виктор Петрович некоторое время слушал гудки.

Потом отправился в кухню и достал выброшенную докторскую. Вышел на лестничную клетку, выкинул в мусоропровод туго перевязанную папку. Вернулся в квартиру и накинул пальто.

«И чего я раскис, в самом деле? — думал Одинцов, шагая по безлюдному парку, — Поговорить захотелось... Да он со мной как с психом. Успокаивал... О чём мне вообще с ним говорить?! Он даже kota Шрёдингера не осилил. Детям на уроках учебник пересказывает...»

Мелкая морось оседала на кронах деревьев, собиралась в крупные капли. С тихим шорохом они срывались и, как будто прицеливаясь, часто попадали за шиворот. Учитель стоял один-одинёшенек, жался в поднятый воротник и смотрел на подёрнутое лёгкой рябью отражение неба в лужах.

Затем в разрыве облаков появилось солнце и пожелтевшая листва засияла золотом.

Красота умиляла, но не радовала. Виктор Петрович перевёл взгляд на размокшую киноафишу: «Ищу друга на конец света». Одиночество и тоска, подобно кольцам удава, охватывали, сдавливали сердце Одинцова. Оно громкоподобно стучало в ушах учителя. Казалось, где-то неподалёку огромным метроном отсчитывал последние мгновения Вселенной. Его постукивание с гулким эхом разносилось вокруг и тонуло в липкой тишине осеннего парка.

В интернет-кафе Одинцов выбрал компьютер в углу, подальше от посторонних глаз. Он краснел от смущения, часто оглядывался и старался прикрыть телом монитор, опасаясь, что кто-нибудь заглянет ему через плечо. Зарегистрировался на сайте знакомств и некоторое время с интересом читал анкетные данные, всматривался в фотографии.

В трафаретных записях разными были только цифры. Простые, однотипные и банальные запросы. Лица, на которых сквозь улыбку просвечивались неуверенность в себе, закомплексованность, одиночество... Корзина с грязным бельём, в которой надо найти пару залежавшемуся носку.

«Всё без толку. Словно роюсь в останках кораблекрушения, надеясь отыскать сундук с золотом, — наконец устало подумал Виктор Петрович. — А волны выбрасывают на берег лишь никому ненужный хлам. Вроде меня».

Расширив параметры, он ещё раз обновил поиск.

Его внимание привлёк фотоснимок с разительными отличиями от всех предшествующих. На нём — совсем юная, сгодилась бы в дочери,

девушка: вздёрнутый носик, гордо приподнятый подборок. Ветер играет светло-русыми с золотистым отливом волосами. Во взгляде беспредельное одиночество, но в этом случае это был не тщательно скрываемый недуг, как в предыдущих анкетах, а выбор. Вызов каждому, кто посмотрит ей в глаза.

«Настоящая Королева! — восхитился Одинцов и прочитал имя. — Люба... Что ж ты здесь ищешь, Любочка?».

И он открыл профайл:

«О себе: Мужчины делятся на три типа: 1) умный, 2) весёлый и 3) красивый. В природе, хоть и редко, но всё-таки встречается сочетание основных типов, дающих в сумме: умный + весёлый = урод; красивый + весёлый = чмо; красивый + умный = мудило. Хочу найти четвёртый тип... Кого ищу? — спонсора».

Желание разгоралось медленно, как огонь в ворохе прелых листьев. Виктор Петрович не льстил себе. Если бы он был умным, то не работал учителем в школе, а сидел в университете ректором или, на худой конец, деканом, как один из его сокурсников, который ко всему прочему имеет неплохой доход с нескольких патентов. Времена, когда его, пусть и с большой натяжкой, можно было назвать красавцем, безвозвратно ушли. А одна из его давних попыток развеселить Тонечку завершилась её словами о том, что его несуразные потуги не пробуждают ничего кроме жалости. Однако, запись в графе «Кого ищу» выставила всё вышенаписанное в совершенно ином свете и давала надежду на обладание этой красотой даже такому пожилому неудачнику, как Одинцов.

Он ещё раз перечитал содержимое страницы и невольно поймал себя на размышлениях о том, откуда у столь юного создания опыт для таких зрелых суждений. И учитель не просто размышлял, а с чувством зависти и какой-то нелепой ревности пытался всё это представить.

Со стыдом приструнил разгулявшееся воображение, Одинцов выключил компьютер и покинул интернет-кафе.

Ничего не видя перед собой, он брёл по улицам города, сталкивался с прохожими, бормотал упрёки и отговаривал себя, апеллируя к огромной разнице в возрасте. Но чем сильнее он сопротивлялся, тем интенсивнее, как будто питаясь его доводами, становилось вожделение.

Виктор Петрович вернулся домой с тяжёлым сердцем, пребывая в сомнении и нерешительности. Долго и пристально, до рези в глазах, смотрел в окно. Потом лёг на кровать. Поворочался с боку на бок. Наконец, встал и отыскал на стеллаже учебник по астрономии, в котором

хранил свои скромные сбережения. Пересчитал и прикинул. Если учесть, что необходимо обновить гардероб — надолго не хватит. Но какое это могло иметь значение, если Загулятко неотвратимо приближался к Петрову.

На свидания с Любочкой Виктор Петрович неизменно приходил с букетом. Никакого пафоса, что-нибудь простое и милое, что мог бы подарить отец дочери, встретившись после долгой разлуки. Преподносил, стыдливо оглядываясь по сторонам. Краснел и из-за боязни, что его услышит кто-нибудь посторонний, мямлил загодя заученные с бумажки комплименты. Она принимала цветы со сдержанной улыбкой или, когда вокруг былолюдно, входила в роль соскучившегося по папуле ребёнка и карикатурно изображала восторг, чем ещё больше вгоняла ухажёра в краску.

Его смущение забавляло Королеву. Одинцов стушёвывался и без умолка говорил о цикле жизни звёзд, о загадках атома и прочих интересных фактах, которые хранила его память для привлечения внимания детей на занятиях. Люба с чуткостью слушала, изредка посматривала в по-собачьи преданные, полные нескромных желаний глаза учителя, кивала и задавала множество вопросов. И уверенно, словно опытный мореплаватель, обходящий подводные скалы, уводила беседу в нужную ей сторону — в сторону ни к чему не обязывающего трёпа.

Всякий раз разговор развивался совсем не так, как рассчитывал Виктор Петрович. Он смотрел на её прелести, восхищался красотой, но не мог подступить. Не знал, как добиться обладания этим прекрасным созданием. Возвращаясь со свидания, он обвинял себя в том, что ведёт себя как юнец, всячески поносил себя и призывал быть решительнее и настойчивее. А возвращался домой одинокий, унылый и подавленный. Садился на кровать, мял в руках затёртую бумажку, испсанную дифирамбами и с тоской посматривал на тающую, как снег по весне, стопочку купюр на тумбочке.

Люба тем временем как будто наслаждалась, наблюдая за тем, как вождение, не находящее выхода, постепенно душит и ломает Одинцова. Она растягивала удовольствие. Не тянула с него денег, не просила помощи и дорогих подарков. Всё что ей было надо — это нескучно провести вечер. Поэтому деньги по большей части тратились на посиделки в ресторанах. Не самых дорогих, но с живой музыкой. Королева обожала джаз, и учитель заранее подыскивал заведения с подходящим вечерним репертуаром. Как-то он даже сводил Любочку в филармонию на выступление какой-то джазовой звезды мирового масштаба. На сце-

ну глянул лишь мельком, в самом начале, и весь концерт бесстыдно косился на колени девушки, на вырез декольте и на изгиб тонкой шеи.

Лишь однажды Любочка попросила платье, сумочку и туфли. Одинцов без сожаления отсчитал на кассе бутика две зарплаты.

Он увидел девушку в обновках только в примерочной магазина. На randevу с престарелым ухажёром она почему-то подбирала другие наряды.

Ещё на первом свидании они договорились, что Люба сама будет звонить и сообщать время очередной встречи, а Виктор Петрович должен был назвать место. Множество раз Одинцов, потеряв терпение, набирал заветный номер, но телефон девушки был выключен. Создавалось впечатление, что она включает его лишь для того, чтобы связаться со своим воздыхателем.

В ожидании звонка учитель бродил по городу, изучая афиши, заглядывал в магазины и ювелирные лавки, приценивался. Заходил в парки и скверики, садился на лавку, щепетильно снимал с себя паутинки бабьего лета и устало размышлял о том, как умудрился загнать себя в угол, зная, что ничего, кроме унижения, муки сдерживаемого желания и болезненного самокопания свидание ему не принесёт, он уже боялся поднимать трубку — но каждый раз, когда из динамика телефона звучал знакомый рингтон, сердце бешено колотилось в груди, чуть не разрываясь от переполнявшей его садомазохистической радости. Слепая, по-юношески глупая надежда заставляла ответить. А потом помчаться на очередную встречу.

— Ой, спасибо, лапуля! — Люба с благодарностью смотрела на Одинцова. В блестящих от восторга глазах отражались горящие на столе свечи.

Саксофонист на сцене выжимал из своего инструмента тягучее романтическое соло. Ему аккомпанировал пианист монотонным и меланхоличным перебором клавиш рояля.

В ресторане было немногочленно. Сонный официант, позвякивая посудой, прибирал за ушедшими посетителями.

Вечер близился к концу, как и вторая бутылка вина, заказанная учителем. Девушка почти не пила, и он успел порядком набраться. Музыка зацепила тайные струны его души, вошла с ними в резонанс и пробудила огромное желание выпиться. Он был почти счастлив, видя искреннюю радость Любочки, и, казалось, до чувства полного единения и гармонии с Вселенной не хватало ещё одного маленького глотка.

— Изначально в космосе не было ничего кроме облаков водорода... — Язык Виктора Петровича заплетался, но взгляд светился вдохновением и страстью. — Это простейший элемент, один электрон и один протон. Своего рода строительный материал Вселенной. Из облаков водорода появились звёзды, где в результате термоядерной реакции атомы водорода превращались в гелий... Э-эм... В общем, все прочие элементы, включая золото, появились в результате гибели звёзд. Представляешь? Миллионы звёзд рождались и умирали, вспыхивали и гасли, для того, чтобы я смог преподнести тебе этот подарок.

— Прелесть какая, — сказала Королева, разглядывая сережки, и перегнулась через стол, чтобы обнять своего воздыхателя. — Ой!

Вино выплеснулось из опрокинутого бокала. Тёмно-бурое пятно, словно кровь из раны, медленно расплзлось на груди Одинцова.

— Ерунда, — отмахнулся он и, приложив к пиджаку салфетку, предложил. — Примеришь?

Учитель плеснул себе из бутылки остатки вина, и они прошли в гардеробную к зеркалу.

Пока Люба надевала сережки, он потягивал из бокала, стоя у неё за спиной. Достаточно близко для того, чтобы различить, как запах дорогого алкоголя смешивается с ароматом её духов, ваниль и сладкая слива, и едва ощутимым благоуханием юного тела.

— О, боже... Красота-то какая! — Сказала она. — А камни настоящие?

— Изумруды, — сказал он, пожирая глазами её отражение. — Ювелир сказал, что они сейчас в моде.

— Такое поведение заслуживает поощрения. Как насчёт поцелуя? — сказала Любочка и, поймав в зеркале взгляд учителя, повернулась. — А может, сыграем? На настоящий приз?

Королева чуть повела бровью, снисходительно улыбнулась. Игра шла по её правилам, и ей это нравилось.

— Как хочешь, — Одинцов с покорностью кивнул, признавая её право доминировать.

— Я загадаю, куда ты должен меня поцеловать. Угадаешь — обсудим твою награду. Ну, давай, действуй! Пока я не передумала, — она снова с нетерпением двинула бровью, её взгляд манил и призывал к активности.

Виктор Петрович страстно желал прильнуть к её губам. Он уже двинулся к ним на встречу, когда из зала ресторана вышла молодая пара. Учитель замер в нерешительности, а Любочка, заметив это, торжествующе усмехнулась. Он покраснел и опустил глаза. Сознывая, что мо-

мент навсегда упущен, растерянно подхватил её руку, поднёс к своим губам. Ладонь девушки чуть вздрогнула. Одинцов, повинуясь внезапному порыву, развернул её и поцеловал внутреннюю сторону запястья. Пальцы Королевы нежно коснулись его щеки.

— Ты угадал, — сказала она.

— Ты подсказала.

— Честность тоже идёт в зачёт. Обсудим твой приз?

Рука учителя с трепетом опустилась Любе на талию.

— Знаю, знаю...

На лице Королевы отобразились скука и разочарование, отчего Виктор Петрович вдруг почувствовал себя виноватым, словно ребёнок, не оправдавший ожиданий матери. Он попробовал осторожно притянуть девушку к себе, обнять её.

— Фу, от тебя пахнет кислятиной... Говорила же, заказывай сладкое, — она с раздражением, но без грубости, с лёгкой игривостью, оттолкнула Одинцова. — Я подумаю. О твоей награде. А сейчас вызови мне такси.

Когда раздался звонок в дверь, Виктор Петрович не спал, но всё ещё валялся в кровати. У похмелья были и приятные стороны. Учитель впервые за долгое время наслаждался душевным покоем и безграничным равнодушием ко всему. Голова раскалывалась, печень стонала, а испорченный желудок временами сковывали спазмы. Однако уютное безмыслие, в котором пребывал разум Одинцова, уверенно перевешивало чашу весов в пользу того, чтобы вечером непременно взять бутылочку портвейна.

Позвонили ещё раз, и он, покинув приятное оцепенение, пошёл открывать.

На пороге стоял почтальон.

Виктор Петрович расписался в получении заказного письма и прочитал обратный адрес. Антонина Григорьевна.

Он вскрыл конверт:

«Здравствуй, Витя!»

Обрати внимание, что здесь написано «здравствуй», то есть я, зная твоё состояние, желаю тебе здоровья. Во время нашей последней встречи ты был слишком взволнован. Береги себя, тебе нельзя нервничать! Мне ли это не знать? Поэтому я искренне сожалею, что приходится сообщать тебе неприятные известия.

Мы решили отменить устные договоренности, заключенные между нами при разводе. Во-первых, тебе надлежит съехать из квартиры отца

в кратчайшие сроки. Мы решили её продать и уже нашли покупателя. В нашу двухкомнатную ты вернуться не сможешь — она тоже продаётся. Ты, конечно же, получишь часть денег. Ту, которую заслужил — ни копейки. Так как ты всё ещё прописан в нашей квартире и у тебя есть постановление суда о праве пользования, без твоего согласия мы ничего сделать не можем, но ты явишься к адвокату по указанному ниже адресу и подпишешь все необходимые документы. Там же ты сможешь ознакомиться с материалами дела, которому дадут ход в случае твоего отказа подписать бумаги или неявишься. Вкратце, там перечень разбитого имущества (с видеозаписью последствий учинённого тобой погрома), акт о нанесении мне телесных повреждений (заверенный судмедэкспертом) и список пропавших драгоценностей, в который входит и крупная сумма денег в валюте.

На этом мы с тобой и распрощаемся. Ещё раз повторяю, что мы желаем тебе крепкого здоровья и долгих лет.

П.С.: Ты обратил внимание, что я постоянно писала «мы»? Нет, я не сошла с ума. Мы — это я и Ипполит. Помнишь своего сокурсника? Он до недавнего времени был деканом в университете. Его последний патент принёс ему кучу денег. Мы отправляемся путешествовать. Всё это время, с самого студенчества, мы встречались у тебя за спиной. Так что не переживай по поводу квартиры — тебе с твоими рогами в ней всё равно было бы тесно».

Душа Одинцова разрывалась пополам. Одна её часть хотела плакать от какой-то детской обиды на весь мир, от осознания жуткой несправедливости всего происходящего с ним. Другая собиралась разнести всё вокруг, ворваться к Тоне и устроить ещё больший погром, горячо надеясь, что Ипполит в этот момент окажется там...

— Ты куда лъёшь, сука! — раздался крик снизу.

Послышался грохот, звон бьющейся посуды и какие-то нечленораздельные возгласы.

— Да заткнитесь вы там! — в ярости проревел учитель в пол.

В бешенстве он бросился в кухню, бегло глянул по сторонам и, не найдя ничего более подходящего, схватил сковороду. Несколько раз с силой ударил по батарее.

Никакого эффекта на соседей эти действия не произвели, но по квартире, по всему дому и самому Одинцову пробежала едва заметная рябь.

Ошеломлённый Виктор Петрович выронил сковороду и прижал ладонь к стене, чувствуя как она дрожит.

Каждый атом вибрировал и распространял чуть различимый звон. Словно песня, полная неземной тоски и смертельной усталости. Скользящая законами взаимодействия, ионными и ковалентными связями, Вселенная страстно желала единственно возможной для неё свободы — свободы Небытия.

Учитель уже давно ощущал эту вибрацию, но, поглощённый мыслями о Королеве, забыл о ней, не обращал на неё внимания. А она значительно усилилась, и пьяная возня, ещё минуту назад так раздражавшая Одинцова, подобно тому как еле слышимые постукивания при работе двигателя говорят опытному автослесарю о необходимости капитального ремонта, свидетельствовала, что конец Вселенной уже совсем близко.

Виктор Петрович вернулся в комнату. Заметил, что всё ещё сжимает в одной руке письмо Антонины Григорьевны. «Этого следовало ожидать. Всякое действие рождает противодействие... Физика, и ничего более, — подумал он и вдруг неожиданно для себя посочувствовал Ипполиту. — Бедолага... Яду-то в ней не стало меньше...»

— Это уже не важно, дорогая, — сказал он вслух, скомкал письмо и швырнул в угол. — Всё не так уж важно.

Конец был близок, и Одинцов, за какие-то мгновения окинув мысленным взором прожитые годы, пришёл к выводу, что в них не было и малейшего проблеска счастья. И не было его не потому, что жизнь не предоставляла ему возможности быть счастливым, а оттого, что Виктор Петрович был жертвой заблуждения, будто счастья непременно надо добиться. Всякий раз, как в его жизни, словно свет в конце длинного тоннеля, появлялся этот согревающий душу огонёк, учитель бросался к нему, тянулся и стремился получить больше. Пребывая в уверенности, что борется за своё счастье, он на самом деле уходил от него всё дальше и дальше. Потому что оно, счастье, не бывает далёким или близким, большим или маленьким. И даже сейчас, когда в его жизни появилась Люба, вместо того чтобы наслаждаться временем проведённым рядом с молодой красивой девушкой он терзал и изводил себя.

Он присел на кровать. Та скрипнула, и звук этот слился с песней умирающей Вселенной.

«Любочка, свет жизни моей, — каялся в мыслях учитель. — Я так хотел залезть тебе под юбку, обладать тобой, что даже не попытался узнать тебя. Не разглядел в тебе человека. Не заметил яркую и интересную личность...»

Сумерки опустились на город.

Темнота струилась в квартиру Одинцова сквозь плотно завешенные шторы. Она вилась вокруг его ног, поглаживала по спине, собиралась в углах и вдоль плинтусов кралась в кухню, сочилась в щели между шкафчиков, дребезжала и постукивала чем-то за холодильником.

Виктор Петрович сидел на кровати в полумраке комнаты. Слёзы текли по щекам, капали на засаленный халат. От многочасовой напряжённой неподвижности появилась неприятная режущая боль между лопатками. Он боялся пошевелиться, едва дышал и трепетно вслушивался в голос Вселенной. Без усталости молился и просил дать ему ещё немного времени, ещё один шанс. Он изменится. Он станет лучше.

Звонок мобильного заставил его вздрогнуть, но, узнав по первым же нотам мелодию, учитель рванулся к телефону. Сделал несколько глубоких вдохов, утёр слёзы, прокашлялся и лишь потом ответил:

— Да.

— А чего это ты так долго трубку не берёшь? А? — Голос был весёлым и игривым.

— Так это... Хлопотал на кухне, руки мокрые были.

— Как же, как же... Нехорошо молоденьким девушкам лапшу на уши вешать!

— Честно, — сказал Одинцов и рассмеялся.

— Ладно, поверю на слово. Говори адрес, я приеду.

Виктор Петрович продиктовал Любе адрес, отложил телефон, включил свет и критически осмотрел комнату.

Принимать Королеву в таком беспорядке — никуда не годится! Он засуетился: собрал разбросанные тут и там вещи, протёр стеллаж и аккуратно расставил учебники. Немного подумав, поправил покрывало на кровати, не поленился и смахнул пыль с листьев спатиффиллума. Глянул на часы — ещё можно успеть подмести и вымыть пол.

Он уже принёс веник, тряпку и ведро, как вдруг вспомнил о цветах. Надо обязательно купить цветы.

Учитель переоделся и бросился в прихожую. Схватил пиджак, заметил на нём пятно от пролитого вина, отбросил в сторону и открыл шкаф. Среди повидавшего вида тряпья отыскал твидовый пиджак — старомодный фасон, но не слишком заношен, не помят и, главное, чист. Одевшись, Одинцов распахнул входную дверь...

— Ты меня встречаешь? — спросила Любочка с улыбкой, переступая последнюю ступень лестничного пролёта. — А почему без цветов?

На ней был расстёгнутый лёгкий плащ. Под ним платье, купленное учителем.

«Неужели для этого случая берегла? Потому и не показывалась в них раньше...» — подумал Виктор Петрович, краем глаза заметив, что туфли и сумочка тоже подарены им.

— Так я как раз собирался...

— Ты куда-то уходишь? — Она обиженно надула губки. — Ладно, я тоже пойду.

— Нет. Пстой.

Одинцов как можно деликатнее придержал её за локоть. Она неожиданно прильнула к нему и рассмеялась.

— Повёлся, да?

Он улыбнулся. Сегодня она казалась ему ещё прекраснее, чем обычно. В ней не было и намёка на фальшь или игру. Учитель чувствовал гулкие удары её сердца. Даже зрачки её глаз от волнения стали шире. Каждый её взгляд, каждая улыбка, были искренними, прозрачными и по-детски невинными. Она как будто светилась изнутри нежностью и теплом. Виктор Петрович ощущал на себе воздействие этого сияния. Его обволакивал покой, лёгкость и беззаботность.

Он долго смотрел на своё отражение в её расширенных зрачках. Ему нравилось то, что он видел.

— Пригласишь, или здесь постоим?

— Входи, конечно.

Одинцов подхватил снятый Любочкой плащ, а она прошла в кухню. Осмотрелась, вернулась в прихожую, выскользнула из туфель и босиком направилась в комнату. Он беззвучно, словно тень, последовал за ней.

— Не «Хилтон», конечно. И даже не «Метрополь», — сказала она. — Зато кровать большая. Простыни сменишь?

— Сейчас, — ответил он. — Скрипит, зараза этакая.

— Я это учту.

Учитель разобрался с постелью, замер в нерешительности и посмотрел на Любу. Она стояла посередине комнаты — ножки иксиком, руки скрещены на груди. Одна шлейка платья свободно повисла у локтя, отчего оно чуть сползло, почти обнажив правую грудь.

— Чё-ёрный во-орон! — послышался снизу нестройный хор пьяных голосов.

— Я так понимаю, что другой музыки не будет? — Озорная улыбка вновь осветила её лицо.

Виктор Петрович виновато развёл руками.

— Ну и ладно, — сказала Королева, стягивая вторую шлейку с плеча.

Она опустила руки, и платье бесшумно скользнуло на пол.

— Что здесь написано? — спросил учитель, поглаживая кончиками пальцев татуировку на теле Любы. В самом низу живота, в той его части, которую обычно скрывают трусики.

— Я подарю тебе джаз. На итальянском.

Девушка выглядела чем-то обеспокоенной, усталой и раздражённой. Её пальцы без конца трепали, мяли край простыни. Та воздушная аура лёгкости, волшебное свечение, окружавшее её совсем недавно, бесследно исчезли. Даже кожа её, казалось, побледнела. Волосы утратили блеск золота и стали цвета выгоревшей на солнце травы.

Не зная причин её тревоги, Виктор Петрович опасался, что это его вырвавшаяся на свободу похоть так измучила Королеву. И хоть в глубине души это ласкало его самолюбие и поднимало мужскую самооценку, он чувствовал себя виноватым и пытался отвлечь Любочку от тяжёлых мыслей непринуждённой беседой.

— Откуда такая увлечённость джазом? — спросил он.

— Оттуда же, откуда твоя страсть к звёздам! — нервно выпалила Люба.

Она отбросила руку Одинцова, укрылась простыней и, повернувшись на бок, отвернулась от него.

Учитель был раздавлен. Разбит на тысячи осколков, словно ваза из китайского фарфора, упавшая со своего постамента. Счастье больше не казалось ему огнём, согревающим душу, вспыхивающим в момент угасания стремлений и желаний. Он не мог отказаться от желания успокоить Королеву. Не мог не стремиться утешить её, развеселить. Ведь его счастье как по крупицам складывалось из кратких мгновений, когда глаза девушки наполняла искренняя радость, когда звучал её звонкий смех. Для Одинцова счастье превратилось в тяжёлый труд, награду за усердие и старание. Оно стало похоже на солнечный зайчик от зеркала в руках таинственных сил, которые осеняют этой благодатью лишь самого достойного. И пусть этим силам суждено в скором времени исчезнуть вместе с Вселенной, сейчас надо было заслужить их расположение и благосклонность, а для этого следовало что-нибудь сделать.

— Ой-ё-о-о! Ой-ё-о-о! Никто не услышит!

— Достали уже эти соседи, — сказал Виктор Петрович, чтобы хоть как-то нарушить напряжённое молчание. — С самого утра сегодня никак не успокоятся.

— Хочу шампанского, — тихо сказала Люба.

— Сейчас. Магазин прямо под домом. Я мигом!

Одинцов вскочил с кровати. «И цветы, — напомнил он себе, прыгивая в брюки. — В этот раз никаких георгинов, крокусов и лилий. Только розы, алые».

На лестничной клетке он остановился и прислушался, прижался ухом к стене. Вселенная пребывала в покое. Он опасался, что это может оказаться затишьем перед бурей. Хуля испорченный лифт, он слетел по лестнице, будто ему снова было семнадцать, и выскочил на улицу.

У подъезда тарахтел милицейский «Уазик». «Видно, не меня одного достал сосед, — порадовался в мыслях учитель. — Наконец-то с ним разберутся».

Одинцовым овладела пьянящая эйфория. Чувство полноты жизни, ощущение невероятной правильности всего происходящего захлестнуло его с головой, растрогало так, что в носу защипало и на глаза навернулись слёзы. Таинственные силы Вселенной ясно давали понять, что наблюдают за ним, симпатизируют ему. Даже его казалось бы безвыходное положение с Любочкой разрешалось наилучшим образом. Чтобы не потерять эту опеку, внимание могущественных покровителей, Виктор Петрович со всех ног мчался в магазин. Лёгкий осенний ветерок шептал ему на ухо, обещал, что всё будет хорошо.

В магазине Одинцов застрял в очереди. Он злился на кассира, который слишком медленно обслуживал клиентов, проклинал покупателей, набравших полные корзины продуктов, словно стране угрожала война или стихийное бедствие.

Он нервничал и выходил из себя в цветочном ларьке, пока скрупулёзная хозяйка, помогая себе степлером, тщательно упаковывала розы в газету. Она аргументировала это тем, что цветам, якобы, необходима защита от городского зловония и смога.

— Неужели вы хотите, чтобы ваша дама вместо прелестного аромата этих дивных роз вдыхала запах выхлопных газов автомобилей? — удивлялась она.

— Мне до дома три минуты!

— Вы поймите — когда вы преподнесите даме букет, она первым делом оценивает внешнюю красоту цветов. Потом она берёт цветы в руки, и они волей-неволей оказываются у её носа. Поверьте мне, это происходит на подсознательном уровне. Приятие и неприятие.

— Делайте что хотите! Только, умоляю вас, быстрее!

Дождавшись когда цветочница, наконец, упакует букет, Виктор Петрович выскочил из ларька и помчался к дому.

Земля дрожала под ногами учителя. С разных сторон то и дело доносился какой-то скрежет и треск. Раскачивались фонарные столбы, кренились и изгибались панельные многоэтажки. По тротуарам и проезжей части кругами, словно на поверхности тихого водоёма во время дождя, прокатывались волны.

...Виктор Петрович поздно среагировал на вздыбившийся у него под ногами асфальт, споткнулся и упал. Стоя на коленях и прижимая одной рукой к груди шампанское и цветы, он с ужасом взирал на творящийся вокруг хаос. Ужас в Одинцове пробудил не обрушившийся на город катаклизм, а внезапно мелькнувшая на задворках сознания мысль. Он закрыл глаза, устало потер двумя пальцами переносицу и ещё раз осмотрелся.

Пучки света от болтающихся фонарей рыскали по поверхности земли и зданиям. Один из них выхватил из темноты старушку с двумя полными авоськами. Она ловко перешагивала через бегущие по тротуару волны и, казалось, даже не замечала их.

Неподалеку дребезжала и подскакивала мусорная урна. Взъерошенный кот без тени смущения пометил её и лениво скрылся в кустах. Соседняя пятиэтажка ощутимо раскачивалась из стороны в сторону, но полный мужчина на балконе верхнего этажа, облокотившись на перила, невозмутимо дымил сигареткой.

Проанализировав свои наблюдения, Виктор Петрович сделал два вывода. Либо проблема была в окружающих, которые вследствие какого-то дефекта восприятия не замечали надвигающейся катастрофы, либо причина была в самом учителе.

На короткий миг разумом Одинцова завладела удивительная ясность. Теплый осенний вечер был полон покоя. Шум автомобильного потока плавно пульсировал, становясь то громче, то тише — будто дыхание мирно спящей Вселенной. Шелест листьев на ветру, заблудившееся во дворе эхо детских голосов — обрывки Её снов.

Виктор Петрович увидел себя со стороны — объятый страхом маленький человечек на крохотном кусочке материи, затерянный в космосе. Вселенная была совершенной, как чистый белый лист. А он — нет. Маленький человечек, безобразный комок страстей, неизбежно проявлял себя во внешнем мире, словно чернильная клякса накрытая промокашкой.

Надвигающийся рокот вырвал Одинцова из задумчивости. Постукивая тротуарной плиткой на гребне, к нему приближалась очередная волна. Она подхватила его и бросила под растущий неподалеку куст.

Затем раздался протяжный низкий звук, похожий на утробный рык огромного зверя, и всё стихло.

Виктор Петрович ещё какое-то время лежал не шевелясь. Он страшился повторения только что произошедших событий и выжидал. Наконец поднялся, отряхнулся и уже не спеша двинулся к дому.

В подъезде Виктор Петрович замер в растерянности посреди лестничного пролёта. Коснулся пальцами стены, крепко сжал поручень.

Некоторое время он скептически прислушивался к своим ощущениям. Ему было страшно возвращаться домой.

«А что если Любы там не будет? — думал учитель, заставив наконец себя сдвинуться с места. — Что если она не приходила ко мне? Или не было её в моей жизни вообще?»

Перед квартирой Одинцов опять остановился. Вспомнил, что надо распаковать цветы. Он кое-как сложил газету и сунул в карман пиджака. Перехватил одной рукой букет и шампанское и открыл дверь...

Кто-то схватил его за свободную руку, выкрутил её за спину. Мозолистая ладонь опустилась на шею, сжала её, словно клешня, и наклонила Виктора Петровича так, что его голова оказалась почти у самых колен.

В таком унижительном положении его протащили через коридор и втолкнули в комнату. Учитель во весь рост растянулся на полу.

— Лосев, ёлки-палки! Ты что творишь?

— Извините, товарищ капитан. Хлипкий он больно, силу не рассчитал.

— Михалыч, Лось! Просто Михалыч. Понял?

— Так точно, Андрей Михалыч!

— Да ну тебя...

Застигнутый врасплох Одинцов пытался сообразить что произошло. Его охватила паника. Он ползком добрался до стены, прижался к ней спиной и осмотрелся.

Люба сидела на кровати, поджав колени к груди и закутавшись в одеяло. Матрас и подушки были испорчены и выпотрошены. Рядом с ложем, на стуле, удобно устроился Михалыч. Лось загораживал собой выход из комнаты, а Бурак стоял у стеллажа. У его ног кучей свалены учебники и методические пособия.

Все трое, кроме девушки, внимательно изучающей свои ногти, глядели на учителя. Лосев — с жалостью, как будто заметил в подворотне

мяукающего бездомного котёнка или хрошую ущербную собачонку. Капитан — с живым интересом, как филателист, которому в руки попала редкая марка, а Бурачок — с презрительной ухмылкой.

— Вот так встреча! — сказал Михалыч. — Я ведь тебя на днях вспоминал. С коллегами в баньке парился, байки травили, как водится. Я им твой случай рассказал — так один мне и говорит: мол, ниндзя так ещё делали. Пачкали фекалиями имущество того, кого хотели оскорбить. Ты случаем не ниндзя?

Бурак захохотал, но осёкся, заметив, что капитан говорит без насмешки. Виктор Петрович молчал и, не в силах понять случившегося, выжидал.

— Да не... Что я, в самом деле?! Какой ты ниндзя? Ганди вылитый. Только очёчи на шнобель повесить.

Михалыч подошёл к учителю, помог подняться. Наклонился и отряхнул его колени, поправил лацканы пиджака. Было что-то пугающее в его вежливой непринуждённой манере разговора и навязчивом участии. Он словно сдувал соринки с упавшего на пол бутерброда.

Капитан положил ладони на плечи Одинцову, пристально посмотрел в глаза. От этого взгляда ладони Виктора Петровича похолодели и покрылись потом.

— Что скажешь, Бурак?

— Нищеврод какой-то.

— Экий ты недальновидный! Квартирка-то в самом центре... Поди пока в кухне осмотришь.

Бурак вышел.

Михалыч снял руки с плеч учителя, поднял с пола букет и шампанское. Положил цветы на тумбочку и уселся на прежнее место. В кухне захлопали дверцы шкафчиков, зазвенела бьющаяся посуда, загремели кастрюли и прочая утварь.

— Что, собственно, происходит? — наконец смог выдать из себя Виктор Петрович.

— Последствия того, что произошло. Как всегда, — сказал капитан, обрывая фольгу с бутылки. — Может, познакомишь, доча? За знакомство выпьем.

Люба — а последняя фраза была адресована ей — ничего не ответила и потянулась за сумочкой. Раскрыв, стала суетно что-то искать, но Михалыч вырвал её у девушки из рук.

Одинцов в это время переварил услышанное. От сердца у него отлегло. Напряжение последних минут выплеснулось нервным заискивающим смехом.

— Ах вот оно что! Виктор Петрович Одинцов. Приятно познакомиться, очень рад. Честь для меня, так сказать. У меня с вашей дочерью отношения ещё не достигли той стадии, когда знакомятся с родителями и планируют будущее, но, раз уж так сложились обстоятельства, смею вас заверить, что намерения мои чисты и...

— Насколько чисты твои намерения и как далеко зашли ваши отношения, я видел, — перебил капитан. — Она у меня со странностями. Я переживаю, приглядываю, как могу. Камеру вот в сумочку вшил. Если хочешь, можем ещё раз вместе посмотреть. Давай! Прокомментируешь, расскажешь поподробнее о намерениях.

Учитель залился краской и умолк. Михалыч достал из сумочки паспорт.

— А знаешь ли ты, что дочь моя, Воронцова Любовь Андреевна, ещё несовершеннолетняя? Взгляни! — он протянул документ.

— Дай сумку, — подала голос Люба. — Пожалуйста.

— Вот это ищешь? — капитан извлёк пакетик с горстью розовых таблеток, потряс им.

Девушка, как голодный удав, следила за движениями отца.

Чуть подразнив, он швырнул ей желаемое.

Одинцов смотрел, как Королева трясущимися руками вытащила пару таблеток, закинула в рот и разжевала. Моменты их недавней близости проносились перед его мысленным взором, переоценивались. Мнение о своих мужских способностях обрушилось ниже прежней отметки.

Из кухни вернулся Бурак.

— Голяк, — отчитался он.

Михалыч с хлопком открыл шампанское, надолго присосался к бутылке. Отпрянув, крикнул и утёр усы. Молча уставился Виктору Петровичу в глаза.

Жутко стало учителю от этого взгляда. Он вспомнил своё первое впечатление о капитане, когда увидел его в отделении милиции и сравнил с добродушным поросёнком. Сейчас он понял, что очень сильно ошибался.

— Чем обиду мою откупать думаешь?

Голос капитана звенел как стальной рельс под ударами тяжёлого молота. Одинцова пробил озноб. От страха его замутило.

— Я человек маленький. Скромный доход простого учителя, — пролепетал Виктор Петрович, борясь с приступами тошноты. — Но со своей стороны готов приложить максимум усилий для того, чтобы обеспечить Любочку, сделать её счастливой. И пусть я далеко не олигарх — в доску расшибусь ради неё, поверьте... Пусть обстоятельства сложи-

лись неожиданно и не лучшим образом — совсем не так представлял знакомство с родителями, — но я всё-таки осмелюсь просить руки вашей дочери...

— Ну, ты даёшь, как тебя там... Петрович! Как личность ты мне, конечно, импонируешь, но... Где залог благополучия моей дочурки? Гарантия благосостояния... Вот это? — Михалыч кивнул в сторону тумбочки, где прикрытая цветами лежала маленькая стопочка купюр — остатки сбережений учителя.

Одинцов молчал. Капли пота выступили на его лбу, но он с достоинством выдержал направленный на него взгляд.

— А что? — лицо капитана внезапно посветлело. — Коль у вас всё серьёзно и по взаимному согласию... По взаимному ведь?

Вопрос был адресован Любе. На её лице застыла блаженная улыбка. Зрачки настолько расширились, что серые глаза стали похожи на две чёрные пуговицы. Она никак не среагировала на голос отца и, казалось, чудесным образом, сквозь стены, созерцала космические дали.

— Приход поймала? Ладно... молчание — знак согласия.

Михалыч поднялся со стула, обломал бутон одной из роз и подошёл с ним к учителю. Воткнул цветок в нагрудный карман Виктора Петровича.

— Что скажешь, Бурак?

— Хоть сейчас в ЗАГС!

— Дело говоришь. Завтра с утра пораньше туда и отправимся, — капитан снова выглядел довольным жизнью, таким бесхитростным добряком. — А сейчас мне бы хотелось обсудить ещё некоторые нюансы. Мелочи, не имеющие для пылких и страстных сердец существенного значения... Однако эти детали смогли бы успокоить мою отцовскую душу, которая, честно говоря, всё ещё пребывает в некотором смятении от столь стремительного развития событий.

— Сделаю всё, что только возможно. И даже больше, — прижав руку к груди, пообещал учитель.

— Больше чем возможно не надо. Квартирку на Любу отпиши, всего-то. Всё равно жить вместе будете. А для меня это было бы гарантом того, что завтра ты заднюю не включишь. И кроме того я был бы уверен, что дочурка моя, отдав лучшие годы престарелому ухажёру... Не обижайся, Петрович, но так оно и есть, и на моём месте ты поступил бы так же... Так вот, чтобы дочурка моя в конце концов...

— Боюсь, тут всё не так просто.

— Не надо юлить, Петрович! А то я тебе мигом дельце сварганю. Сворачивание малолетних, с отягчающими. Как тебе? Я ведь напишу, что

это не она наркоманка, а ты её на колёса подсадил. А ещё мы у тебя целый склад опасных психотропных веществ можем найти... Так что давай. Прекращай мямлить! Будь мужиком, в конце концов. Взялся за гуж, как говорит народная мудрость...

— А вы сами взгляните, — Виктор Петрович кивком указал на угол, в котором валялось скомканное письмо Антонины Григорьевны.

Михалыч испытующе посмотрел на учителя, будто пытался понять, не лукавит ли тот, не задумал ли какую-нибудь хитрость, или действительно хочет сказать что-то важное. Затем перевёл взгляд на Бурака и с нетерпением взмахнул рукой. Сержант поднял скомканный лист, старательно разгладил и только после этого подал капитану.

Нехорошее предчувствие охватило Одинцова.

Счастье в очередной раз ускользало от него. Убегало, как вода сквозь пальцы. Он с обречённостью подсудимого ожидал, когда Михалыч окончит чтение. Возможность быть рядом с Любочкой зависела от его решения. И судя по тому, как менялось выражение лица капитана, решение не сулило учителю ничего хорошего.

Виктор Петрович с отчаянием смотрел на Любу. Надеялся, что девушка даст ему знак. Знак, что несмотря ни на что, они всё ещё могут быть вместе. Он жаждал, искал её взгляда. Следил за каждым движением. Но внимание Королевы было сосредоточено на ее собственных руках, которые без устали гладили, ласкали смятые простыни.

Она так увлеклась этим занятием, что не заметила, как одеяло, прикрывавшее грудь, сползло.

Молчаливый Лосев исподлобья пялился на обнажившиеся прелести. Заметив это, Виктор Петрович с негодованием шагнул к кровати, желая защитить Любу от этого взгляда.

— Ну, дай мне повод, — с недоброй улыбкой сказал Бурак, встав на пути учителя. — Если б ты знал, как ты меня бесишь...

— Та-а-ак, — протянул Михалыч, скомкав письмо. — Патрончик-то холостым оказался. Подумать надо...

Лицо его с каждой секундой становилось мрачнее.

На Одинцова он теперь смотрел как на бесполезный предмет интерьера, место которому на помойке. Словно тот вдруг превратился в стул с отломанной ножкой или перекошенный шкаф с незакрывающимися дверцами.

— Значит так, Бурак, действуем по плану. Вы везёте фрукт на склад, а я с девкой проверю, не созрело ли ещё что-нибудь.

Капитан поднялся и, наклонившись к самому уху Любочки, прокричал:

— Алё! Гагарин!

Девушка с изумлённой улыбкой осмотрелась вокруг, будто всё sucede только что возникло из Небытия, и это чудо материализации доставило ей неимоверную радость.

Взор её на мгновение коснулся Одинцова. Сердце его затрепетало от восторга. Ему вдруг очень захотелось поверить, что Королева взглянула на него, как совсем недавно на пороге его квартиры, с нежностью и желанием.

Мимолётной вспышкой возникло в голове учителя дивное видение: лазурный берег за окном; Люба в изящном зелёном платьице на балконе шикарных апартаментов; свежий средиземноморский бриз играет её волосами, обнимает гибкий стан. Сам он лежит на роскошном ложе с балдахином. И хотя Виктор Петрович никогда не был в Каннах, в открывавшемся за окном виде он тут же узнал панораму этой французской жемчужины.

Одинцов почувствовал себя так, словно за его спиной выросли крылья. Они расправились, с нетерпением захлопали, ожидая момента, когда он даст им волю и позволит унести себя навстречу мечте. Маленькое пятнышко на солнце, зависимость Королевы от таблеток, тонуть в ослепительном сиянии новой мечты. Таяло в обещании счастья.

— Собирайся, кататься поедем!

Девушка поднялась и обнажённой направилась в ванную.

Движения её были грациозными и плавными. В то же время в них присутствовала сосредоточенность и собранность, как у кошки, идущей по хрупкому снежному насту.

Бурак заржал. Лось в смущении опустил голову, щёки его покрылись стыдливым румянцем. Он отошёл от дверей, освободив Королеве путь, и проводил таким взглядом, что Виктор Петрович буквально закипел от ревности. Лосев смотрел на Любочку не как на голую бабёнку со страниц мужских журналов и не как на захмелевшую дамочку, с которой хотелось завести интрижку, а как на женщину, с которой собирался провести всю свою жизнь. Так, как смотрел на неё сам Одинцов.

Михалыч взял с тумбочки остатки сбережений учителя и протянул их Бураку.

— Держи. Пива с Лосём выпьете.

Капитан шагнул к Одинцову, с неожиданным проворством выхватил шокер. Электрическая дуга, потрескивая, впилась в шею учителя. Содрогаясь в конвульсиях, он повалился на пол.

Дальнейшее Виктор Петрович помнил смутно и неясно. Так, проснувшись утром, вспоминает вчерашний день алкашик, напившийся до беспамятства. Какие-то обрывочные размытые образы: свои ноги, волочащиеся по ступеням; мелкие мудрёные письма чёрного и красного цвета на зелёной стене подъезда; освещённый тусклой лампой потолок с облупившейся побелкой и пыльной паутиной и звук чьего-то тяжёлого, с хрипотцой и сильным запахом чеснока, дыхания над левым ухом.

Учитель окончательно пришёл в себя на полу в машине. Милицейский бобик подпрыгивал на ухабах, и Одинцов ударялся головой о ножку сидения. На поворотах, особенно левых, тянуло в сторону. Дикая боль вспыхивала в выкрученной и где-то зажатой ноге. Но его это не беспокоило. От удара электрошоком Виктор Петрович обделался по полной программе. Брюки были мокрыми от пояса до самых колен, а исподнее пропитано жидкой кашцей и липло к коже.

«Такой конфуз! — сгорая от стыда, убивался в мыслях учитель. — И Любочка должно быть видела меня таким...»

Когда автомобиль остановился, приклад автомата обрушился на голову Одинцова и, избавив от душевных страданий, отправил в спасительное глубокое забытьё.

Виктор Петрович очнулся лёжа на холодной сырой земле. Руки и ноги связаны, во рту кляп. Небольшое помещение, метра три на четыре, иллюминировалось бледным подрагивающим свечением крохотной лампочки. Под низким потолком змеилась пара ржавых чугунных труб. В спёртом воздухе витали и причудливо смешивались терпкие запахи подгнивших овощей, кошачьей мочи и собственных испражнений Одинцова.

Рослый Лосев двумя руками опирался на черенок лопаты, сутулясь, словно плиты перекрытия лежали у него на плечах. Штык его инструмента был погружён в кучу песка, похожую на хребет поверженного дракона. Скудное освещение придавало лицу Лося гротеск и неповторимую художественную глубину. С него можно было бы писать картину: «Богатырь одолел последнее чудище». Воин полон печали и растерянности, поскольку сражаться уже не с кем, а делать он больше ничего не умеет.

Бурак отлично вписывался в эту концепцию. Он сидел на корточках у края свежевырытой ямы и вполне сошёл бы за верного оруженосца или мудрого наставника, тонко уловившего состояние души своего подопечного и чётко осознавшего, что богатырскую удаль и энергию

нужно срочно направить в какое-нибудь полезное русло, пока тот не принялся крушить без разбора всё, что попадётся ему на пути.

— Может, ещё копнуть? — сказал Бурак. — Как-никак подвал не резиновый... Кто его знает, сколько их ещё закопать придётся?

Китель Лося на спине и под мышками пропитался потом. На лице его не отразился энтузиазм, однако он молча полез в яму.

— Закапывать не будем, — говорил Бурак, придерживая маленькую переносную лестницу, по которой спускался его товарищ. — Дождёмся звонка от Михалыча. Если всё хорошо, завтра к этому ещё два тельца докинем, до кучи. Как тебе, Лось? Могилку для шведской семьи роешь.

Из ямы с равными интервалами времени полетели небольшие кучки земли.

Одинцов наконец начал понимать, что в этот раз побоями ему не отделаться. Он уже давно смирился с мыслью об исчезновении Вселенной, но никогда не задумывался о том, что в этом случае произойдёт с ним. Нет, он, конечно, размышлял об этом, но Конец Света не ассоциировался у него с собственной смертью и казался переходом к какой-то совершенно незнакомой непостижимой форме бытия.

Виктор Петрович отказывался умирать. Только не сейчас, когда жизнь его снова наполнилась смыслом и заиграла яркими красками в лучах недалёкого счастья. Всё его существо протестовало против этого чудовищного акта насилия над собой.

Учитель обезумел от страха. Мышцы его произвольно сокращались: сжимались и разжимались. Он катался по земле, брыкался и извивался, как червяк. Из закрытого кляпом рта вырывались мычание и всхлипы.

— Не шуми, гнида! — процедил Бурак и несколько раз пнул Одинцова.

В боку у Виктора Петровича что-то глухо щёлкнуло. Неприятное онемение медленно расплзлось по левой части груди. Тело обмякло, он затих и жалобно заскулил.

— Чего хмурый такой, Лось? — Бурак с ухмылкой смотрел в глубину ямы. — Из-за шары этой, что ли? Запал? Так тут вопрос решённый. Засветилась она по полной. Сам знаешь.

Копшение в могиле для шведской семьи прекратилось. Оттуда вылетела последняя кучка песка, и послышалось хриплое дыхание Лося.

— Далась мне эта... девка, — на последнем слове, которое Лосев с заметным усилием выдавил из себя после небольшой паузы, голос дрогнул. — Не могу больше... Я в милицию не за этим шёл!

— Да? А за чем же? — И без того красные щёки Бурачка зардели от возмущения. — Чтоб ипотеку до конца жизни выплачивать?

— Ты фильм «Холодное лето пятьдесят третьего» видел? После смерти Сталина амнистия большая была. Орды уголовников по стране бродили. У меня дед милиционером был, в облавах участвовал... Ему даже медаль посмертно дали.

— Что ты мне заливаешь?! Какое лето? Какие облавы? Вся деревня знает, что твой дед пьяный в реку свалился.

— Да? А ногу он где, по-твоему, потерял? Ранение получил, гангрена началась... А медаль ему после смерти пришла.

— Байки про деда своего в дежурке травить будешь! Я тебя насквозь вижу. Мы ж с детства знакомы! И то, что ты у неё по ночам зависаешь — дело известное. Не отпирайся! Я помню, как ты на службу без фуражки явился. Ходил у всех кланчил... А где её потом Михалыч нашёл? Он уже давно заметил, что шмара эта тебе мозги пудрит, а ты уши развесил!

— Ничего я не развесил!

Лосев со злостью схватился за лопату. Работа возобновилась и пошла быстрее. Его инструмент со звоном вгрызался в почву.

— Да тише ты! Тише, — Бурак с насмешкой улыбнулся, обнажив покрытые жёлтым налётом зубы. — Не ссы, Лось! Найдём мы тебе бабу. Без манды, но работающую. Не дури, главное. Шмару эту из головы выкинь, Михалыч уже новую присмотрел. Его держаться надо. Он мужик правильный. Голова! Возьми хотя бы этот подвальчик — сейчас в лесах, сам знаешь, то клады ищут, то побрякушки военные... А кто сюда сунется? А если и сунется, то кто знает, чей он? Висит себе замочек, да и висит...

В кармане у сержанта завибрировал телефон.

— Михалыч. Наконец-то! Ало!.. Ало!.. Оборвалось... Подвал, гнида! — Бурак потряс телефон и глянул на экран. — Антеннок нет! Пойду на улицу выйду, перезвоню. Хорош рыть, Лось! Заканчивай тут с этой гнидой-интеллигентишкой.

Бурачок приоткрыл дверь подвала и осторожно просунул белобрысую голову в тёмный коридор. Осмотревшись, вышел и, подсвечивая себе дорогу телефоном, направился к выходу.

Лосев вылез из ямы, подхватил Одинцова за грудки и волоком подтянул к краю могилы. «За что? За что?» — хотел закричать Виктор

Петрович, но получилось лишь замычать и всхлипнуть. Лось присел, надавив коленом на грудь жертвы. Достал нож. На его лезвии мелькнуло отражение искажённого гримасой ужаса лица Одинцова.

— Мне твоего не надо, — сказал Лосев и сунул обратно во внутренний карман пиджака жертвы деньги, свою долю сбережений учителя. — Ты знаешь, что должен сделать?

Лосев долго смотрел в глаза Виктору Петровичу. Тяжёлый взгляд, как у Матросова, собирающегося грудью прикрыть амбразуру вражеского дзота. Потом он отвернулся и некоторое время прислушивался: чья-то неуверенная поступь в коридоре подвала, шарканье грубой ткани спецодежды по стене.

— Останови нас! Ради Неё... Тш-ш-ш, — горячо прошептал Лосев, перерезал верёвки стягивающие руки и ноги учителя, столкнул его в яму.

Одинцов грохнулся на дно, с трудом перетерпел боль, не издав ни звука. Услышал, как скрипнула дверь и как Лось несколько раз воткнул нож в землю, как будто чистил от крови.

— Всё тип-топ, Лосяра! — Бурак был в восторге. — Закончил? Закапывать не будем. Завтра у этого жмура компания появится. Давай сваливать отсюда. Жрать хочу как собака.

Виктор Петрович не шевелился и задержал дыхание. Из ямы потянули лестницу, земля посыпалась на его голову.

— Ещё один лох созрел! Михалыч говорит: на нём сегодняшний промах наверху. Тот ей сегодня кулон с брюликами подогнал. Да и раньше не скупился, платье дорожее купил... С картона, что ли?

— От Кардена.

— Ложил я, от чего там оно... Лось, поддержи дверь открытой — ни черта не видно, голову об эти трубы расшибить можно... Замок у тебя?

— Да. Иди, я закрою.

Свет в помещении погас. Скрипнув ржавыми завесами, закрылась дверь.

Выждав безопасное время, Одинцов со стоном поднялся. Его избитое тело протестовало, из-за сломанного ребра каждый вдох и выдох причиняли боль в груди. В голове — тугой комок из мрачных мыслей. Ум учителя хватался за них, но боль мешала сконцентрироваться, и они рвались, как истлевшее тряпье. Лишь эхом раздавались слова Лося: «Останови нас! Ради Неё!»

Учитель полез в карман за зажигалкой и осмотрел яму: гладко стёсанные лопатой стены; край слишком высоко, чтобы до него можно бы-

ло дотянуться. Единственный способ выбраться — подняться, упираясь в стены.

Виктор Петрович карабкался с отчаянным упорством. Как жук в банке удачливого энтомолога. Он упирался спиной, ногами и руками, сдирал пальцы в кровь, но раз за разом срывался на дно ямы.

Он неоднократно пытался звать помощь. Острая боль в левом боку не давала вдохнуть полной грудью — крик из него вырывался тихий и надрывный.

Выбившись из сил, Одинцов решил отдохнуть. Он подумал, что можно попробовать сделать подобие ступеней в стенах из каменистого твердого грунта. Небольшие ниши, в которые бы надёжно встала нога. Правда, для этого не помешал бы хоть какой-нибудь инструмент. В карманах он нашел лишь горстку мелочи, газету, в которую раньше был завернут букет, и зажигалку. Последняя казалась более-менее годной.

Учитель попробовал дыханием согреть изодранные руки. Нащупал в темноте газету, поджёг её и протянул к огню озябшие пальцы...

Через мгновение он уже неистово топтал ногами бумагу, пытаясь погасить занявшееся пламя. Там, на горящем листе, Виктор Петрович увидел фото Любы и крупный заголовок под ним: «Внимание! Розыск!»

Сердце гулко билось в груди. Дыхание перехватило от волнения. Тлеющая бумага тихонько потрескивала под его ногами. В трубах под потолком что-то тревожно зашуршало. Звук сливающейся воды быстро приблизился и умчался в сторону.

В горле у Одинцова пересохло, во рту растеклась вязкая горечь. Он наощупь распрявил газетный лист, чиркнул зажигалкой и прочитал:

«Внимание! Розыск!

Возбуждено уголовное дело по факту деятельности преступной группы лиц. Преступники путём вымогательства изымали у своих жертв денежные средства и материальные ценности, а также добывались переписи недвижимого имущества на одного из членов группы. В настоящее время выявлено три факта продажи квартир, переоформленных на имя Воронцовой Любовь Андреевны. Документы поддельные, сделки признаны недействительными, однако злоумышленники скрылись с деньгами. Хозяева недвижимости считаются пропавшими без вести. В ходе оперативно-следственных мероприятий удалось создать фоторобот одного из подозреваемых, возможно организатора преступной группы (см. фото). Опрос свидетелей установил, что одну из жертв последний раз видели в сопровождении работников правоохранительных органов, из чего следует, что преступники либо имеют доступ к милицейскому обмундированию, либо...»

Зажигалка обожгла пальцы учителя, и он её погасил. Где-то неподалёку в темноте капал конденсат, посвистывал в вытяжках ветер. Казалось, совсем рядом, в толще земли, под весом навалившегося сверху грунта чуть слышно хрустят гниющие кости похороненных в подвале жертв.

Стало жутко. Одинцовым вновь овладели одиночество и страх, но перекрывало их появившееся откуда-то отвращение к себе, невыносимый стыд за свою наивность и доверчивость. К горлу его подкатил ком, тяжёлый и угловатый, как армейский табурет.

Снова послышался приближающийся сверху шум. В этот раз в трубе что-то тревожно звенело, ударяясь о стенки. Затем над учителем что-то негромко брякнуло — и водопад из нечистот обрушился на его плечи и голову.

Виктор Петрович не думал выбираться из-под зловонной струи. Он её будто бы и не заметил. Маленький человечек внутри него разрывался от злости. Злость была бессильной и немощной, словно агония пригвождённого булавкой мотылька — на себя, на Любочку и её поделничков, на Тонечку и Ипполита, на правительство... На всю Вселенную.

«Какова шельма! Театр плачет — такой талант пропадает... Ищу четвёртый тип, — мысленно передразнил Любу Одинцов. — Как там Бурак говорил? Ещё один «лох» созрел? Ну, что ж, господин Четвёртый Тип, желаю вам сдохнуть прямо здесь. Вполне достойный, я бы даже сказал, блестящий финал для Вас!»

Учитель плюхнулся на дно ямы, в зловонную жижу, и закрыл глаза. Темнота проникала в его лёгкие вместе с воздухом, всасывалась в кровь и свинцовой усталостью растекалась по телу. Она лилась в сознание ласковой тишиной, растворяла беспокойные мысли и выдувала их словно пепел из потухшего костра, оставляя после себя черноту безразличия.

— Мужик, ты живой вообще?

Виктор Петрович открыл глаза. В помещении горел свет. На краю ямы стоял мужчина лет пятидесяти в спецодежде с надписью «ЖЭК» на груди. Строгий взгляд из-под нахмуренных бровей, выбритые до синевы щёки, две глубокие морщины от крыльев носа до подбородка. На голове чёрный беретик, какие обычно носят художники, промышляющие портретами в городских парках.

Одинцов не знал что сказать. Существовало два варианта ответа. Он сомневался и в том, и в другом и поэтому молча смотрел на вопрошающего.

— Ты что тут делаешь?

— Клад ищу, — учитель постарался вложить в голос весь сарказм, на который был только способен. Для придания большего эффекта он добавил матерное междометие.

Старший хмыкнул. Его серьёзность вмиг улетучилась.

В могилу осторожно заглянул ещё один работник ЖЭКа, совсем ещё молодой, коротко стриженный, с мальчишескими усиками и сросшимися на переносице густыми бровями. На лице его было выражение испуга: то ли от вида учителя, похожего на водяного, в яме, полной нечистот, то ли присущее ему от рождения.

— Нашёл?

— Ага, спускайте вёдра — и вам зачерпну.

— Вёдер у нас нет. Знал бы, что такое дело обломится — обязательно прихватил бы. Может тебе лучше лесенку подать? Шура!

Молодой исчез из поля зрения Одинцова и вскоре появился с лестницей. Спустил её в яму.

Учителя трясло от холода, конечности отказывались ему повиноваться. Он попытался встать и повалился на колени. На четвереньках, по локоть погружая руки в канализационную жижу, он добрался до лестницы и с трудом вскарабкался наверх.

— Да ты совсем плох, — констатировал старший. — Шура, дуй в кунг¹, возьми в моей сумке водку и закусить чего. Только перед Петровым не спались! От него потом не отвяжешься — налить придётся.

Молодой ушёл. Старший, придерживая ногой дверь, суетился с разводным ключом возле косяка со стороны коридора.

— Ты как попал-то сюда? — спросил он.

— За огурчиками неудачно ходил.

У сантехника, наконец, получилось крепко зафиксировать ключ, и он с силой навалился на него. Раздался скрежет ржавого металла, и из крана на трубе потекла вода.

Виктор Петрович подставил под струю руки и улыбнулся — она была тёплой.

Пока он умывался, вернулся молодой.

Одинцову протянули стакан и бутерброд. Он выпил, закусил. Еда не лезла и, словно крупномолотый щебень, ободрала пищевод. Хотелось выпить ещё, но никто больше не предлагал.

— Спасибо, мужики, — сказал он.

¹ КУНГ - кузов универсальный нулевого (нормального) габарита - армейское обозначение фургона на базе грузового автомобиля. - *Прим.ред.*

— И тебе не хворать, кладоискатель.

Учитель вышел в коридор. Боковое ответвление периодически оза-рялось мерцающим холодно-синим свечением.

Виктор Петрович заглянул в него, но там был ещё один поворот. Очередная вспышка выхватила из темноты лишь обшарпанные стены и трубы под потолком.

Одинцов, как загипнотизированный, стоял в этом сиянии и смотрел на свои руки. Они были мертвенно-синего цвета.

Маленький человечек внутри верещал, что надо бежать в милицию. Но чем дальше не шевелился Виктор Петрович, тем менее реальным ощущалось ему происходящее.

Он повернул голову и посмотрел в дверь, из которой вышел — работники ЖЭКа уже разобрались с водкой и занялись трубой. Учителю казалось, что на самом деле он мёртв: лежит на дне могилы, а всё, что сейчас происходит, лишь иллюзия, послесмертное путешествие души.

«Никакой милиции. Маленькие человечки сами разберутся со своими маленькими злодеями, — решил учитель и направился к выходу. — Надо же им чем-то в конце концов заниматься».

Снаружи ноябрьское утро, холодное и хмурое, стелилось туманом. Глухой дворик был заставлен припаркованными автомобилями. Между ними, постреливая выхлопными газами, пытался протиснуться грузовик-мусоровоз. Стая пухлых воробьёв беспокойно шныряла меж голых ветвей одинокой яблони.

Единственный выход был по правую руку, в арку, куда и направился учитель. На стене дома заметил табличку: «Толбухина, 22». Его с новой силой захлестнуло чувство нереальности происходящего.словно в чьём-то дивном сне, он повернул за угол...

Под сводом арки, всего в нескольких шагах, был Петров. Он стоял на одном колене возле окна в подвал. Вспыхнула нестерпимо-яркая сварочная дуга. На противоположной стене искажённая сводом огромная черная тень сварщика угрожающе нависла над Одинцовым.

Защищаясь ладонью от ослепительного сияния, учитель осторожно приблизился к Петрову и похлопал его по спине. Сварщик прекратил работу.

— Загулятку из магазина ещё не возвращался? — спросил Виктор Петрович.

Петров повернулся и снял маску.

Фейерверк мыслей и образов заискрился в голове Одинцова. На лице его застыла полоумная улыбка дрессированной обезьяны. Вселенная раскладывалась, как пасьянс. Карты легли на свои места.

Сварщик с недоумением смотрел на Виктора Петровича. «Уж не напрашивается ли этот обосранный избитый бомж в собутыльники?» — подумал Петров и спросил:

— А тебе чего?

— Да вообще-то ничего, — ответил учитель принялся в спешке рыскать по карманам.

Что-то укололо палец. Роза в нагрудном кармане зацепилась шипом за ткань и чудом не потерялась во время ночных приключений.

Виктор Петрович достал цветок. Растерянно повертел в руках, разглядывая, словно отброшенный сбежавшей ящерицей хвост, и уронил к ногам Петрова. Затем вынул из внутреннего кармана пиджака, того что ближе к сердцу, смятые бумажки и протянул их сварщику.

— Вот, — сказал он. — Мир вам, дуракам безголовым. Купите лучше водки.

Петров с сомнением помял в руках неожиданное пожертвование, просмотрел на свет. Учитель двинулся прочь, а сварщик с удивлением поглядывал то на зажатые в кулаке деньги, то на удаляющуюся фигуру.

Одинцов брёл со счастливой, чуть безумной улыбкой. Прохожие шарахались от него в стороны. Свежий утренний ветер шептал ему на ухо, обещая, что всё будет хорошо.

В голове, странным образом не нарушая общей безмятежности, вился рой беспокойных мыслей. О том, что надо срочно подыскать жильё и попросить прощения у Тонечки, чтобы она разрешила первое время пожить у неё. О том, что надо связаться с директором и попытаться вернуться на прежнее место в школу, а если тот не согласится...

Много о чём думал Виктор Петрович. Но природа Вселенной и её судьба его больше не беспокоили.

СТИХИ

Светлана Войтко

Минск, Беларусь

НАДЕЖДА
НА ГРАНИ БЕЗНАДЁЖНОСТИ

Отражения снов

Реальность или сон — мне всё равно.
Не напугают меж миров границы.
Миг встречи важен — где неважно, но
Когда-нибудь закончатся страницы.

Так пой, покуда голос не затих,
Пока стремятся точки к многоточью.
Ты помнишь? Сны смотрели на двоих.
Бродили под дождём осенней ночью.

В мерцании тревожных фонарей
Там наши тени замерли навечно.
И, глядя в отражение смелей,
В полночном мраке зажигаю свечи.

Во снах продолжим мы искать ответы,
Покуда жизнь на грани тьмы и света.

Семь криков в океане*

Чем больше знаю современников,
Тем меньше верится в людей.
Любой готов с толпой расстреливать
Во имя пафосных идей,
Прикрытых лозунгами-фразами.
(Крик первый: десять – девять – пауза)

Лет через сто иное будет всё?
Другие хаос, боль и мрак?
И умерших заменят новые?
Что и когда пошло не так?
Борьба с надеждой продолжается.
(И стрелки: восемь – семь – вновь пауза)

Бредут тела во тьме, ссутулившись,
Со страхом выколоть глаза.
Пора на солнечную улицу,
Оттуда ближе небеса?***
Близка концовка неизбежная.
(Отсчёт идёт: шесть – пять – по-прежнему)

А я останусь идиоткою –
Что сотни лет прошли, что миг.
Люблю!! Хватаю воздух глоткою,
Последний ожидая крик.
Любимый! Закричать не дай!
(четыре – (пауза) – три – два...)**

* «Семь криков в океане» – фильм 1986 на основе пьесы «Крики в океане» испанского драматурга Алехандро Касоны

** «Bürger! Wenn ein Gasangriff auftritt, gehen Sie auf die Sonnenseite der Straße!» (Граждане! При газовой атаке держитесь солнечной стороны улицы!) (Табличка на Steindamm, Кёнигсберг, датируется ~ 1918 годом). Снизу приписка от руки: «Von hier ist der Himmel näher» (Отсюда небо ближе).

*** До полуночи осталось 90 секунд. На данный момент это самое близкое к полуночи положение стрелок Часов Судного дня за всю их историю.

День возвращения

Мы вернёмся в покинутый город —
Яркой осенью, звонкой весной —
Заболевшие дикой тоской,
Извлекая саднящий осколок.

Встретит холод, безжизненность, серость.
Не такой ожидая приём,
Молча память мы пьём за углом,
Проливая её в повседневность,

Оживляя застывшее место,
Что хранит наши тени, следы,
Где повсюду живые цветы,
Где всё радостно, чисто и честно.

Бьётся города старое сердце.
Нас несёт городской кровоток,
Общей памяти тёплый поток.
Мы вернёмся. Согреть и согреться.

Элли

Элли, зачем мы свернули с дороги
В чащу лесную, в сплошной бурелом?
Ужас сковал, в сердце спазмы тревоги.
Элли, скажи нам, куда мы идём?

Элли, а как же наш план по спасенью?
Смелость для льва, путь обратно в Канзас?
Что вдруг случилось с твоим настроеньем?
Что ты молчишь, игнорируешь нас?

Милая Элли, вернёмся обратно?
Ты так бледна, изменилась в лице.
Мечутся тени, размытые пятна.
Каждая мысль в голове что свинец.

Элли хохочет залиvisto, жутко.
Голосом хриплым бормочет друзьям:
«Разве не ясно, что всё это шутка?
Города нет! Это ловкий обман».

Снег как надежда

По весне ветер старые листья метёт —
Прошлогодние жухлые черновики.
Прожит год. Ощущение, что «незачёт»:
Мы опять оказались в начале строки.

Понимая проклятие древних сполна:
Раз достались, чтоб жить, времена перемен, —
В тихом страхе гадаем, в чём наша вина,
Под защитою тщетной из мысленных стен.

Укрывает по-белому чёрное снег,
Оставляя надежду и мизерный шанс,
Что мы сможем унять свой безумия бег,
Что не станет макабром людской дека-данс.

Солёная весна

Я вожу ледяными пальцами
По засечкам застывшей памяти.
Как подачку прошу на паперти —
Солнца и тепла,
Но весна бела.

В камне главное обозначено,
Только к памяти шифр утраченный.
Мысли хаосом разлохмачены.
Жгучесть слёз в глазах.
Разъедает страх.

Уничтожив код безысходности,
Я плету слова, их свободен стиль.
Нет у памяти срока годности.
Пусть затянёт боль
Океана соль.

Черновик

Перечёркнуты страницы.
Манит новым чистота,
Где не проступили лица,
Только белизна листа.

Начать новый лист не сложно,
Почерк трудно изменить.
С оборота невозможно
Оборвать строк прошлых нить.

Иллюзорна перемена.
Гнётся «мыслящий тростник».
Обновляясь, неизменно
Продолжает черновик.

Найдите котёнка

Тонкие девичьи руки
Клеят на столб объявление:
«Котик... за вознаграждение...»
Горе случайной разлуки:

«Мой потерялся котёнок.
Ласковый, добрый, игривый.
Вдруг пробежал где-то мимо.
Мелкий смешной пострелёнок.

Пусть будет снова как прежде.
Кот пусть вернётся обратно.
Мир станет тёплым, понятным.
Люди, найдите надежду!»

Мир, он как эта девчонка,
Верит, что кто-то однажды,
Листик увидев бумажный,
Веру вернёт, как котёнка.

День полнолуния

Клубок бесконечной нежности,
Стынувший на ветру.
Не виделись мы две вечности.
Кажется, я умру,
Когда мне тебя столетьями
Выпадет вновь искать.
Наполнена междометьями
Черновика тетрадь.
Заветный день полнолуния
Встречу, пароль храня.
Исколоты руки рунами.
Ты прочитай меня.

Вдыхая сумерки

Помолчим, вдыхая сумерки —
Пену дней серообразных.
Всё давно уже придумано:
Эти буквы, эти фразы.

На двоих молчится искренней
Тишиною запредельной.
Теплота важнее истины?
Временами — несомненно.

Ты принёс букет жасминовый.
Просто к чаю. Так совпало.
Догорит закат карминовый.
Начинаем всё сначала?

Не измерить вечность числами.
Выпав белым снегом-пеплом,
Дышим морем, словом, смыслами,
Синим бесконечным небом.

Встретиться через вечность

Пока не встретишь — к счастью ли, к беде —
Наперекор всем никогда-нигде,
Ты не познаешь бесконечность мига.

Тогда пустыни в трещинах простор
Цветов покроет трепетный узор,
Тогда меж строк понятной станет книга.

И на двоих — свободный крыльев взмах.
В полёте можно всё, неведом страх.

От сердца к сердцу протянулась нить
И жгучая надежда сохранить
Её, меняя сотни оболочек.

Встречаясь снова как в последний раз,
Сияние родных, любимых глаз —
Одно, что видеть, может быть, захочешь.

Евгений Константинов

Москва

В детстве

В моем детстве, на нашу Верхнюю Шелепиху
Приезжала машина и принимала пустую посуду!
Бутылки из-под пива и водки — по 12 коп.
Бутылки из-под шампанского — по 15 коп.
И мы, мальчишки по 6-7 лет, радостно бегали
В поисках этих разбросанных бутылок
И сдавали, и получали конкретное бабло.
Только тратить эти деньги было не на что.
Квас? Три копейки за маленькую.
Так не всегда приезжала бочка.
Мороженое — так только на Нижней Шелепихе,
А туда идти — гимор...
В итоге забыл я про эти заработанные деньжищи,

А мама в моих штанах их нашла.
И получил я виртуальных тумачков
За то, что собирал по помойкам бутылки...
Такая вот жизнь была в середине 60-х...

Возвращаюсь...

Возвращаюсь утром домой
Из магазина — чуть позже восьми.
Понятно, что со вчерашнего распития.
Руки немного ходят ходуном,
В одной — баночка пива.
А до этого в самом магазине
Частично принял пятьдесят алкоголя
Точнее — из горла — водочки,
И закусил разломленной в руке сушкой...
Бывает...
У самого моего дома стоит мент с автоматом.
ДокуМЕНТЫ! Требуется сержант.
Документы, начальник у меня в порядке,
Предъявляю сначала пенсионное, затем паспорт.
И спрашиваю, — а в чем, собственно, дело?
А в том — отвечает ментура-молокосос, что
РАСПИТИЕ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ В ОБЩЕСТВЕННОМ МЕСТЕ!
Я ему вежливо говорю — охалпел, что ли?
Вот мой подъезд, я возвращаю к себе домой
Я — с бодуна, вчера собирался с друзьями
По поводу годовщины смерти хорошего человека.
Святое!
Я сделал всего-то несколько глотков пивчанского,
Кому-то нагрубил, кого-то обидел?
Никому под ноги не наблевал!
Сам я сейчас чистенький, даже побритый,
Вернусь домой, догонюсь, тяпнув еще пятьдесят,
И баюшки... Отстань, командир!
Но у сержанта, видите ли, рейд,
Надо выполнять план по задержанию.
Я ему вежливо говорю —
Сержант, на ком ты план хочешь сделать?

На мне? Дурак, что ли?!
Меня здесь, на Шелепихе каждая собака в лицо знает
И при встрече лапу подает.
А уж каркушии, которых я рыбами подкармливаю,
Вообще во мне души не чают.
И ты меня — в «воронок»,
Чтобы протокол, подпись, отпечатки пальцев?
Окстись, мил человек!
Но он по рации вызывает тот самый «воронок»,
Мне приходится в него сесть
И объяснять ситуацию сидящему за рулем
Более взрослому и более понятливому мужику,
Видимо, начальнику этого сержанта.
(Не знаю, погоны не разглядел).
И что бы вы думали?
Остановил начальник машину,
Вернул мне паспорт и пожелал всего хорошего.
Есть все-таки в нашей замечательной стране
Правильные менты...
А я все равно при возвращении из магазина домой
Буду пить пивчанское,
Правда, впредь на улице
Постараюсь более тщательно шифроваться...

Зеленый свет светофора

Мне не нравится песня «Дым сигарет с ментолом».
За некий ненужный пафос, что ли...
Не знаю...
Курить-то лично я начал в шесть лет,
Вместе с приятелем подбирал бычки
И типа смаковали их под Красным мостом,
Так называли мост через ж/д у нас на Шелепихе.
Но в четырнадцать я выкурил последнюю сигарету
Уже под мостом через Москва-реку,
Наверное, поумнел. Или просто курение – не мое.
Но не так давно, возвращаясь пешком домой с работы
Из башни «Империя», которая в Сити на Камушках
К себе, на родную Шелепиху,

Я почему-то прокручивал в голове
Именно ту песню, про сигареты с ментолом...
На Шмитовском проезде, неподалеку
От платформы Тестовская
Есть перекресток со светофором.
И я, как воспитанный с пеленок москвич,
Перехожу дорогу на зеленый свет светофора.
Машины стоят, пропускают...
Но, как оказалось, не все.
У меня в голове – «дым сигарет»,
Но краем уха слышу шум справа.
Каким-то шестым чувством успел отпрянуть,
Сделать шаг назад
От лихача, пролетевшего на красный,
Который не задел меня миллиметрами.
Я только развел руками и пошел дальше...
Но вот на фига мне надо было
Идти исключительно на зеленый?
Посмотрел сначала налево, затем направо,
Машин нет — иди!
При чем тут светофор?
А вы говорите —
Правила дорожного движения, блин...

Калининский проспект, родненький

В 70-е мой учитель в музыкальной школе
Перевелся в муз. школу в районе Арбата,
После чего я уже 2-3 раза в неделю
Ездил туда, чтобы помузицировать на баяне.
Тогда по Арбату ходили троллейбусы,
А улица-то узкая, пробки,
Проще от метро «Смоленская» пешком дойти.
Вот я и ходил — в вечернее время, в любую погоду.
Но это было вынужденно,
А вот параллельный старому Арбату
Калининский проспект
Я посещал с огромным удовольствием
И довольно-таки периодически.

Понятное дело, что кинотеатр «Октябрь»,
Понятное дело — магазин «Мелодия»,
В котором я, отстояв не слишком-то
Длинную очередь,
Приобрел винил Давида Тухманова
«По волне моей памяти».
Сегодня это воспринимается как-то наивно,
Я и диск сто лет тому назад подарил дугу.
Сейчас диск пылится у него на даче,
Но тогда...
А на Калининском проспекте
Висел огромный экран,
На котором вечерами показывали мультики.
К примеру, «Ну, погоди!»
Люди останавливались на улице и смотрели.
И я был в числе этих зрителей...
Главным же на Калининском для меня
Был «Московский дом книги»,
В котором находился отдел «Филателия».
Я приезжал туда и покупал почтовые марки.
Народ у прилавков толпился,
Но и я втискивался и приобретал марки
В основном по тематике, связанной с космосом
Но и не только. Нравилась мне почтовые марки,
Да и сейчас нравятся, как и Калининский проспект,
Который переименовали...

О кинотеатрах Москвы – с доброй памятью

Сложный человек вспоминает
Про кинотеатры любимой Москвы.
Их было много,
Но не всегда и не во все можно было попасть.
На какой-нибудь фильм
С популярными артистами —
Невозможно было достать билеты.
Но, все-таки! В кинотеатре «Красная Пресня»,
Где, ко всему прочему, были буфет и тир,
С пульками по цене 2 копейки

Он впервые посмотрел фильм
«Чингачгук — Большой змей» с Гойко Митичем.
Там же смотрел и «Белое солнце пустыни».
А еще — «В бой иду одни старики».
Этот фильм он смотрел вместе с пожилым ветераном ВОВ,
Который, покидая кинотеатр, плакал...
В шаговой доступности.
По железному мосту через Москву реку,
Где сейчас действует МЦК
В одном из жилых домов был кинотеатр «Киев»,
В котором показывали «Итальянцев в России».
На Кутузовском проспекте — «Пионер»,
А ближе к центру — «Октябрь»,
В котором довелось посмотреть (в специальных очках)
Фильм «Таинственный монах».
Кстати — не понравился.
Но однажды мы всем классом,
Прогуливая уроки, завалились в тот же «Октябрь»
На фильм про женитьбу арапа,
В главной роли — незабываемый Владимир Семенович.
Так еще и хорошенькая Ирина Мазуркевич
Частично продемонстрировавшая обнаженку...
А в кинотеатре «Россия» автор этих строк
Радовался (вместе с родителями)
Фильму «Сказка о царе Салтане».
А уж когда отец привел его в кинотеатр
«Алмаз» — на Шаболовке на фильм
«Виннету — вождь апачей»,
Это было вообще что-то!!!
Рядом с Тишинским рынком —
Кинотеатр «Смена»,
Который еще в те годы и снесли,
Но я успел посмотреть в нем
«Приключение желтого чемоданчика»
С замечательными Пельтцер и Лебедевым.
А еще в каком-то доме культуры
В районе той же Тишинки —
Что-то отстойное, типа «В сетях мафии»
Или же «Последний патрон»...
В «Темпе» на Беговой — «Пацаны»,

В «Баррикадах» — «Маугли», «Жил был пес»...
В кинотеатре «Мир» на Цветном бульваре
Довелось посмотреть на огромном экране
Фильм «Старое ружье» — про зверства фашистов
И содрогнуться от ужаса...
В кинотеатре «Украина» —
«Великолепный» с Бельмондо,
В «Доме культуры им. Ленина» (на Трехгорке) —
«Высокий блондин» с Пьером Ришаром,
В Кинотеатре «Повторного фильма»
В течение одного сеанса
Показывали короткометражки: «Самогонщики»
И «Пёс барбос...» — поржать.
А, спустя годы, автор этих строк повел
Двух своих сыновей, которым тогда — по 8 и 6 лет
В «Художественный», который на Арбате,
Смотреть «Вертикальный передел»
И вот это был действительно вынос мозга...
Но если уж говорить о многократном
Посещении автора этих строк
«Дома Кино» на Васильевской, 13,
Начиная с его раннего школьного возраста
И вплоть до женитьбы,
Так это — отдельная песня!
Московские кинотеатры, блин...

Контакт с котом

Любой контакт с котом
Продлевает человеку жизнь.
Я не знаю — почему, возможно, заблуждение.
Да и фиг бы с ним, с заблуждением...
Жизнь!
Но! Кот — он же не просто собака,
Он еще и человек,
Который тебя любит, все сопутствующие радости
В плане облизывания моих пивных усов
Покусывания щек. При этом мурчание.
Словно трактор работает...

Любимый кот — он сволочь!
Он в час или в два часа ночи
Начинает мяукать, прося покушать
Потом идет в лоточек, чтобы сделать свои дела,
Потом носится по комнате, как угорелый,
Потом царапает диван,
И потом ложится под бок,
Чтобы занять тепленькое место...
Сволочуга!
Но это же любимый кот,
Который зачем-то притащил
Ко мне в кровать живую мышь,
И она в итоге убежала, а он не догнал.
Кот, который теплый, ласковый,
У которого глаза — больше чем мои
И уши торчком...

Неуловимые

В середине 90-х, когда учился в Лите,
Наш МАСТЕР Владимир Викторович Орлов
Меня упрекнул: мол, чего ты упоминаешь
В своих рассказах неуловимых мстителей?!
Мол, там же какая-то фигня,
Мол, дети побеждают взрослых мужиков...
Но такого не должно быть!
А я не знаю.
Почему бы нет, если они отважные и неуловимые?
Мы в детстве, в середине 60-х, подражая неуловимым,
Запрыгивали на поезда —
Здесь, на Шелепихе, где были и кольцевая ж/д,
И отдельная ветка на Мелькомбинат,
И где поезда замедляли ход.
Мы запрыгивали на крыши
И перепрыгивали с вагона на вагон
Потом благополучно спрыгивали.
Хотя нам-то всего по 7-8 лет.
Но это было круто!
Очухались, когда одного ровесника,

Который оказался не слишком ловким,
Закрутило под колесами поезда
В кровавый фарш...
Неуловимые мстители, блин...
Шелепиха — она такая,
Здесь вам не кино...

Ричард Третий

Живет в Москве такой человек,
Которого знакомые называют
Ричардом Третьим.
Почему именно так — неизвестно.
Дело же в том, что этот Ричард
Любит ездить в электричках
Из Москвы в ближайшее Подмосковье —
На рыбалку, за грибами...
Но он очень не любит,
Когда в вагон электрички
Заходит кто-то с гитарой или
С другим музыкальным инструментом
И начинает играть и петь!
Вот зачем это надо слушать
Едущему в электричке человеку?
Не надо!!!
Ричард Третий взял себе за правило
Просто подойти к такому «певцу»
И без разговоров дать ему в рыло,
Чтобы не нарушал слух пассажиров...
Беда, конечно же. У певца из носа — кровяца,
И Ричарду Третьему приходится уходить
Из вагона, чтобы менты не повязали.
Зато в следующий раз певец подумает
И посмотрит — нет ли в вагоне
Ричарда Третьего, который может
Ему — за гребаную хореографию
В очередной раз сломать нос...

Сложный человек и байкеры

Сложный человек — на самом-то деле наивный.
Он не то чтобы не любит, не ненавидит
И не презирует байкеров,
Он тупо не понимает — от чего они ловят кайф?
Навороченный мотоцикл...
А зачем?
Перед кем выпендриваться?
Зачем, зачем, зачем???
Выпендриваться перед такими же как ты сам?
Которых всего полсотни на весь город.
В чем смысл?
Образ жизни? Какой, блин, образ
По сравнению с теми же охотниками,
Рыбаками, грибникам, филателистами,
Да и, в конце-то концов, с огородниками...
«Какой русский не любит быстрой езды» —
Ветер в голову, брызги из-под колес!
Так байкер еще и в шлеме...
Ну-ну, ага-ага...
Объясните...

Что такое секс

Моя крестница — дочь лучшего друга
В раннем возрасте однажды
Сказала маме — мол, а я знаю, что такое секс.
Мама (моя кума) удивилась и спросила:
И что же такое — секс?
Девочка привела маму за ручку в ванную комнату,
Показала на сливное отверстие в ванной и сказала:
Когда водичка в эту дырочку вытекает,
В самый последний момент, когда журчит —
Вот это и есть секс...

РАССКАЗ

Гузель Рахматуллина

г. Уфа

КЛУБНИЧНЫЙ ДЖЕМ

Легкий прохладный ветерок врывается в приоткрытое окно, принося с собой сладкий весенний аромат цветущей под окнами офиса сирени. Андрей наконец-то оторвал свой взгляд от компьютера, сцепив руки за спиной, с хрустом расправил уставшие плечи, и откинулся на спинку высокого кресла. Вдохнув, подошел к окну, поднял жалюзи и зажмурился от вечернего яркого солнца. Впервые за день он улыбнулся, подставляя лицо под теплые приветливые солнечные лучи. В последние годы работа отнимала у него все время. Жизнь проходила в какой-то суетливой агонии: планерки, встречи, контракты, банки, дни пролетали незаметно, казалось, только вернулся с работы, принял душ, проглотил ужин, коснулся щекой подушки, а уже звенит назойливый будильник — снова пора вставать. Он подумал, что последние три года даже не был в отпуске. В его жизни практически ничего не менялось, разве что пейзаж за окном офиса: зима — весна, лето-осень и так по кругу.

Тогда, три года назад, работа помогла ему пережить тяжелый развод с Ингой. Все считали их идеальной парой. Они поженились почти сразу после школьной скамьи, и первые годы были безумно счастливы. Он помнил то время, когда не спал ночами, разгружая вагоны, засыпал на лекциях, но институт все-таки закончил. Инга была заботливой, нежной, обеспечивала ему надежный тыл в карьере. Ему казалось, что жили они дружно и счастливо. Андрей души не чаял в жене и единственном сыне. В день сорокалетия Инги он был в командировке, с утра позвонил, предупредил, что вернуться не сможет. Однако через несколько часов заказчик перенес встречу на неделю, он успел заказать билет и вылететь домой. Инге звонить не стал, решил сделать любимой женщине сюрприз. Купил огромный букет ее любимых кремовых роз и красивую цепочку с кулоном в виде сердечка с россыпью бриллиантов, торт и бутылку хорошего вина.

Счастливым, вбежал в их загородный дом, но не увидел накрытого в столовой стола, гостей. Испугавшись, что жена заболела, и не хотела его расстраивать по телефону, поднялся в спальню...

Остальное Андрей помнил смутно, как в тумане. Только растоптанные кремевые розы на полу и разбитую бутылку красного вина... Убегающего по лестнице полураздетого Игоря и каменное лицо жены.

Объяснялись наутро. Инга даже не сменила сорочку, в которой была вчера с Игорем, его другом детства.

Он, собрав всю свою волю в кулак, хрипло спросил:

— Давно это у вас?

— Да, давно, я всю жизнь его люблю.

— Зачем же ты за меня вышла?

— Глупая была, молодая. Он мне сказал тогда, что любит Аню из параллельного класса, вот назло ему я и вышла первой замуж, за тебя...

— Не хочу больше видеть ни тебя, ни его...Славик останется со мной.

— Нет, не останется.

— Он мой сын, будет жить со мной.

— Прости, Андрей, Слава — сын Игоря.

Стакан с виски, который Андрей держал в руке, хрустнул и рассыпался на крупные осколки. В это утро на осколки рассыпалась его жизнь...

Когда он вернулся домой, ни Инги, ни Славика в доме уже не было. Так он остался один, впрочем, не один, вдвоем с работой.

А сегодня ему не хотелось вновь берeditь душу воспоминаниями. Глядя, как за окном бушует весна, решил, что пора перестать оглядываться назад...

— Андрей Ильич, это отчеты за неделю, это ваш традиционный кофе без молока и сахара, но с печеньем, — звонкий, чуть визгливый голосок секретарши заставил его вздрогнуть и вернуться к реальности.

— Лена, забери кофе, отчет оставь, я уеду сегодня пораньше.

— Хорошо, — брови Леночки, досиня откорректированные татуажем, взметнулись вверх. В последние годы шеф уходил позже всех.

Андрей сделал вид, что не заметил вопросительного взгляда своей помощницы, молча, взял плащ из шкафа, закрыл кабинет и быстрыми шагами сбежал вниз.

Ехать домой не хотелось. Он припарковал свой автомобиль возле небольшого заведения со странным названием «Клубничный джем» и

зашел в помещение. Официант любезно предложил ему столик у окна. На сцене тощая певичка в красном платье, неумело дергая частями тела, где обычно у женщины должны располагаться бедра, надрывно пела какую-то грустную песню. Сидящий за соседним столиком молодой мужчина с выражением лица, как у бультерьера, поедая стейк, постукивал под столом ногой в такт ее песне. Грустная женщина и интеллигентного вида старичок пили красное вино. Других посетителей не было.

Андрей заказал салат из креветок и любимую марку виски, потом повторил виски, потом попросил бутылку. Теперь ему казалось, что голос певички звучит где-то далеко-далеко...

— Простите, господин, мы закрываемся.

Андрей перевел мутные глаза на молоденького официанта. Зал опустел. Музыканты собирали свои инструменты. «Бультерьер» с молоденькой певичкой шли в обнимку к выходу.

— Нет, хочу остаться здесь, — хлопнул рукой об стол Андрей, — Жду продолжения. Почему не поют? Еще виски!

— Хотите я вызову вам такси, какой адрес? (Ишь, разошелся, не на шутку)

— К черту такси, неси еще виски!

— Вам уже хватило. Мы закрываемся.

Официант беспомощно огляделся вокруг. Уборщица Нина Ивановна, вздохнула.

— Что, Вадик, не желают убираться?

— Нет, тетя Нин, ни в какую. Я прямо не знаю, как быть. Витька охранник в больницу побежал, зуб у него болит. Я один с этим не справлюсь. А меня Аля ждет.

— А ты иди, Вадя, пусть сидит пока. Я полы помою, а потом его разбужу, может к тому времени очнется или Витек придет от врача.

— А вы справитесь?

— А у меня есть грозное оружие! — Нина Ивановна потрясла в воздухе палкой от швабры. — Беги уже, а то твоя Аля другого найдет.

— Спасибо!

Уборщица закрыла дверь за убегающим Вадимом, принесла воды и начала протирать пол. Мужчина, по-прежнему, спал, положив голову на белоснежную накрахмаленную скатерть. Нина Ивановна перемыла полы в зале, в баре, подсобных помещениях. Охранник все не возвращался. Она пошла в подсобку, переоделась. Наконец появился Виктор, весь белый, с припухшей щекой.

— Как ты, Витя, работать сможешь?

— Ой, да, закроюсь и полежу на диванчике, все-таки зубные врачи — садисты, чуть челюсть не вывернули.

— А с этим что делать?

— Может, выставить его на улицу и все, дальше сам.

— Да жаль человека, одет прилично...

— Да он лыка не вяжет...

— Ага, только вдруг с ним что случится.

— Ох, Нинка, тебе сороковник уже, а ты все всех жалеешь. Они вон, гады, тебя не жалели, какая девка была, а сейчас полы моешь в забегаловках.

— Ладно, Вить, давай вытащим его на улицу, может, очнется, адрес вспомнит.

— Подожди, давай я его вынесу на улицу, посажу на лавочку возле набережной, а тебе машину вызову.

Витька с трудом выволок невменяемого Андрея и усадил на лавочку. Вскоре подъехало такси. Охранник попрощался с Ниной Ивановной и пошел спать.

Нина села в такси, но душа ее была не на месте. Она попросила таксиста помочь ей, и они вдвоем загрузили нетрезвого мужчину в машину.

— Муж? — понимающе взглянул таксист, — Часто квасит?

— Нет. Не часто.

Нина Ивановна жила на окраине, в частном доме. Женщина с трудом втащила пьяного мужчину в сени и уложила на диванчик. Сама отправилась поливать грядки. Вернувшись, приготовила суп, перемыла посуду. После полуночи, приняв душ, провалилась в глубокий сон.

Она проснулась, когда уже светало, услышав грохот в сенях. Набросив на себя ситцевый халат в горошек, выбежала из комнаты.

— Очнулся, алкоголик?

У Андрея страшно болела голова. Он, с трудом разлепив глаза, рассматривал стоящую перед ним женщину с растрепанными с сединой волосами, без макияжа, полноватую, с каким-то усталым, серым лицом.

— Сгинь, нечистая.

— Сам ты... Я его, можно сказать, спасла, а он обзывается.

— Лучше бы я умер по дороге, чем рядом с такой ...бесцветной... теткой.

Нина вернулась в комнату, налила стакан воды, растворила две таблетки аспирина.

— Держи, полегчает.

Андрей жадно выпил стакан воды и начал звонить по сотовому. Он вызвал такси.

После отъезда спасенного ею и такого неблагодарного мужчины, Нина задумалась. Слова незнакомца ее задели. Она подошла к большому зеркалу в прихожей. А ведь он в чем-то прав. Давно не крашенные волосы, кое-как собранные в старушечий пучок, усталый взгляд, расплывшаяся фигура. После той аварии, в которой пять лет назад погибли ее близкие, она тоже словно и не жила... Существовала, как придется, работала, где придется... А ведь у нее высшее образование. А теперь...

Слезы отчаяния вдруг брызнули из глаз.

Так рыдающей ее и застала подруга Вера. Нина совсем забыла о том, что пригласила подругу на выходные.

Час спустя, за чашкой чая с мелиссой и клубничным джемом она поведала своей единственной подруге о причине своих слез.

— Дура ты, Нинка, дура... Возьми и отмести этому гаду.

— Как отомстить-то?

— Да влюби его в себя.

— Он и пьяный-то на меня не запал, а ты влюби... Пройду завтра мимо, а он и не заметит. Он такой... такой ...видный... а я старая и толстая тетка, — снова зарыдала в голос Нина.

— Значит, сделай так, чтобы твои недостатки превратились в достоинства.

— Ладно, я к тебе приехала на неделю. С сегодняшнего дня начинаем план «Барбаросса». Ты хоть знаешь, что за перец у тебя ночевал? Кого охмурять будем?

— Когда я его тащила, визитка выпала «Компания «ЭСТРЕЛЛА» и адрес есть, видишь, Кузнецов Андрей Ильич, директор.

— Ладно, понятно. Одевайся.

— Куда?

— Поедем менять имидж — преображать тетку в женщину.

К вечеру, вернувшись от парикмахера, визажиста, маникюрши Нина себя не узнала. Подобранный подружкой новый платъе выгодно подчеркивало ее пышную грудь, красивые очертания бедер. Волосы мягкими волнами спадали на красивые плечи, а глаза сияли.

— Ну, вот... а ты говоришь, старая тетка... Завтра будем брать твою «ЭСТРЕЛЛУ» на живца.

Кузнецов вышел из офиса и зашел в кафе. Он любил тихую обстановку этого небольшого заведения. Заказал чашечку кофе. Вдруг он услышал чей-то смех. Две женщины у окна о чем-то оживленно беседо-

вали. Он обратил внимание на одну из них, симпатичную брюнетку в васильковом платье. Допив свой кофе, Андрей вернулся на работу. День прошел быстро и насыщенно: совещания, встречи, работа с документами. Вечером он вышел из офиса и пошел к своей автомашине. На выезде с территории офиса он увидел на остановке общественного транспорта ту самую женщину из кафе. Она одиноко стояла на остановке, нервно поглядывая на часы. Кузнецов осторожно припарковался неподалеку, купил в газетном киоске журнал. Проходя мимо незнакомки, вдруг сказал:

— Девушка, вижу, что торопитесь, давайте подвезу вас.

— Это неудобно.

— Мне совсем нетрудно.

Она села в машину, потянулась за ремнем безопасности. В это мгновение ее платье, натянувшись, приподнялось, слегка обнажив край черного кружевного чулка, туго обтягивающего стройную ножку в туфлях на шпильке. Судорожно глотнув, Андрей отвел глаза. Женщина нравилась ему все больше. Легкий цветочный аромат ее духов расплел воображение.

— Я — Андрей.

— Очень приятно, Нина.

— Приказывайте, Нина.

Она улыбнулась, немного повернув к нему голову. Распахнутые серые глаза лучились каким-то теплым светом. Поправила волнистую прядку виска.

— Юбилейная, 3.

— Пойдите, Нина, у меня другое предложение. Давайте поужинаем.

— Не знаю...

— Я знаю ... что не могу отпустить вас без ужина.

Женщина звонко рассмеялась.

Они засиделись в «Элегии» допоздна. Разговаривали обо всем. Когда шли от ресторана к автостоянке неожиданно полил дождь. Андрей улыбался, глядя как большие капли срываются с мокрых волос его спутницы и медленно стекают с шеи и пропадают в маленькой ложбинке на груди, едва виднеющейся в вырезе платья.

Кузнецов завел автомашину и поехал к своему дому.

— Куда вы меня завезли?

— Вам нужно обсохнуть, идемте.

Андрей дал Нине большое махровое полотенце и свой халат, провондал до ванной. Переоделся, достал из холодильника фрукты, сыр, разлил по бокалам крапаное вино.

В мужском халате она показала ему хрупкой, нежной. Нина посмотрела на него, вдруг спросила:

— А можно чаю?

Мужчина засуетился. Налил чаю с лимоном.

— Есть джем смородиновый, клубничный, какой?

— Конечно клубничный.

Он смотрел, как она с удовольствием ест клубничный джем, запивая маленькими глотками горячего чая и жмурится от блаженства, и вдруг почувствовал, как горячая волна желаний охватила тело, как бешено забилося сердце и почти пропал голос. Кузнецов, молча, подошел к ней, подхватил на руки, и бережно понес в спальню. Ее волосы пахли дождем и майскими травами, а руки, обхватившие его шею, казались почти невесомыми. Андрей бережно положил женщину на кровать, чуть замешкался с поясом халата, а потом несмело коснулся ее груди, почувствовал, как откликнулись на тепло его ладони аккуратные соски, а на губах после каждого поцелуя ощущался сладковатый вкус клубничного джема...

Андрей проснулся рано утром. В раскрытое окно доносилась заливающая соловьиная трель. Мужчина давно не чувствовал себя таким счастливым. Потянувшись, протянул руку, но Нины рядом не оказалось.

Он вышел из комнаты, надеясь увидеть ее в столовой. На глаза попался листок бумаги, лежащий на банке с клубничным джемом: «Считай то, что случилось вчера, сном. Бесцветная старая тетка стала на один вечер принцессой, но в полночь ее карета вновь превратилась в тыкву. Прощай!».

Всю неделю Андрей не мог найти себе места. Кузнецов просыпался по ночам оттого, что ему казалось, что он чувствует запах ее кожи, упругую округлость груди, слышит горячий шепот. Это было каким-то навязанием, которое он пытался отогнать от себя, но чем больше старался, тем чаще думал о ней. И вдруг вспомнил адрес, который она назвала, когда села к нему в машину. Точно: ул. Юбилейная, д. 3!!!

Вечером он купил огромный букет роз. Подъехал по адресу. Странно, но эта калитка и кирпичная дорожка, ведущая к дому, показались ему знакомыми. Под цветущей яблоней у стола, накрытого в саду, хлопотала полная женщина в сером рабочем халате и белом платке на голове.

— Простите, пожалуйста.

Женщина повернулась к нему. В ее больших серых глазах застыло изумление и какой-то испуг.

— Нина?

Она взяла себя в руки.

— Да, Нина — та самая бесцветная тетка, рядом с которой ты даже с похмелья не хотел бы умереть.

Андрей смутился.

— А сейчас я жить без тебя не могу. Прости, я такой идиот... иногда...

Он подошел к ней и жарко обнял. Белый платок, соскользнул с головы и волосы мягкими волнами упали на плечи Нины. Женщина, пряча слезы, уткнулась в ему в плечо.

— А ты привез мне клубничный джем? — по-детски всхлипывая, вдруг спросила она.

Андрей рассмеялся и еще крепче сжал любимую в своих объятьях.

ДОРОГА ДОМОЙ

День постепенно угасал, сливаясь далеко на горизонте с малиновой полоской заката, растянувшейся на все небо. Дул легкий летний ветерок, впитавший в себя аромат некошеного луга и свежесть речной волны. По тропинке, ведущей в деревню, вволю накупавшись в речке, на бегу отжимая мокрые волосы, бежали две юные девушки. Ситцевые платьишки прилипали к еще мокрому, свежему от речной воды телу. На лугу они остановились и присели на поваленное дерево, наслаждаясь еще теплыми лучами заходящего солнца.

— Насть, интересно, когда мы вырастем, то кем станем? — щуря глаза, задумчиво спросила рыжеволосая, конопатая Лида.

— Я буду певицей. Представляешь, стою на сцене и пою, как Алла Пугачева или Валентина Толкунова, а люди слушают, плачут и хлопают? А потом дарят мне цветы, не ромашки, васильки, а настоящие, красивые, как на картинке в журнале, розы.

— Везет тебе, ты красивая и поешь, как артистка. А вот я ...

— Ты тоже красивая. Да и не в красоте дело.

— В чем же?

— Мама всегда говорит: «Не родись красивой, а родись счастливой»

— Как же стать счастливой без красоты? Вон и Митька только на тебя в школе и смотрит, скоро шею свернет, а я сижу рядом, он мне за целый день и слова не скажет.

— Дурак твой Митька.

— Тогда уж твой.

Девочки засмеялись и, обгоняя друг друга, побежали в деревню.

Настя зашла во двор. Навстречу шла мать с полным ведром молока, уже успела подоить корову. Настя была у нее единственным ребенком. Валентина улыбнулась, глядя на высокую, стройненькую фигурку дочери, глубокие зеленые глаза, обрамленные густыми черными ресницами: «Красавица растет, а поет как! Учительница музыки так и сказала на родительском собрании, что Настене место только в филармонии!» Материнское сердце наполнилось гордостью.

— Иди, дочка, я блинчиков напекла, поешь.

— Бегу.

Уже через несколько минут, Валентина услышала, пение дочери:

— И впрямь соловушка, дай ей бог счастья, а мы с Николаем сделаем все, чтобы она выучилась.

На следующий день Валентина решила поехать в город, продать молоко. Она договорилась со Степаном, соседом, который должен был взять в город председателя, что он возьмет ее с собой. Утром, чуть свет, проводив мужа на работу, поцеловав еще спящую дочь, Валентина собрала бутылки с молоком, банки со сметаной, творог, и поехала в город.

Проснувшись, Настя убралась дома. Полила огурцы и села разучивать новую песню. На обед пришел Николай, они вместе пообедали.

— Что-то матери долго нет.

— Может не все продала и задержалась?

— Может быть.

Погладив дочь по голове, Николай ушел на работу. Он работал в местном леспромхозе. Настя зашла домой, помыла посуду. Зная, что Валентина вернется усталой, натаскала в баню воды.

— Настя, Настюшка!

Девочка увидела, как во двор забежала тетя Надя, соседка.

— Я здесь, тетя Надь.

— А где Николай?

— На работе.

— Беда, дочка, беда.

— Что случилось?

— Валентину машина сбила, в городе она, в больнице. Беги к Николаю!

Настя и Николай зашли в палату. Медсестра не пропускала и их, но дежурный доктор, взглянув на девушку, кивнул:

— Пропусти, пусть попрощаются.

Валентина так и не пришла в себя. После похорон Николай и Настя замкнулись и тяжело переживали горе. Соседи все чаще стали замечать, что непьющий Николай стал прикладываться к спиртному, а от бывлой щебетуны и певуны Насти не осталось и следа, она как-то сразу повзрослела, осунулась.

На выпускной вечер к дочери Николай не пошел. Он уже с утра выпивал вместе с местным пропойцей и бездельником Савушкой. Лида и Настя, получив аттестаты зрелости, домой не спешили. Они пошли на свое любимое место, присели на бревнышко на берегу речки.

— Настя, я, наверное, уеду в Москву. Буду поступать в торговый институт, у меня там тетя Вера, обещала помочь.

— Конечно, поезжай.

— А ты?

— Не могу отца бросить, он без меня пропадет.

Вернувшись домой, Настя выгнала Савушку, уложила отца, убрала со стола. Потом, срезав в огороде любимые мамины лилии, пошла на кладбище.

— Мама, видишь, я школу закончила. Завтра пойду в правление, попрошу Алексея Савельевича помочь с работой. Папа теперь не работает, никто его не берет.

Девушка залилась слезами. Она долго сидела возле могилы матери и рассказывала ей о своей жизни.

На следующий день Настя устроилась на работу в правление секретарем. Зарплата была небольшая, но выручала скотина и огород.

Осенью в колхоз прислали студентов на уборку капусты и картошки. Насте было поручено принимать у них работу.

— Девушка, а как вас зовут?

Шустрый веселый студент Виктор Егоров подскочил к симпатичной секретарше.

— Анастасия.

— А скажите мне, Анастасия, как вы проводите досуг?

— Досуг провожу дома. Еще вопросы есть?

— Серьезная...

На следующий вечер к приходу Насти Виктор собрал огромный букет полевых цветов, который вручил ей при всех, смутив девушку.

Придя домой, она поставила цветы в вазу и долго на них любовалась, застилая постель впервые за все последнее время, замурлыкала под нос веселую песенку.

Через неделю студенты уехали. Виктор прибежал в деревню попрощаться и подарил Насте красивую серебряную цепочку с кулоном в виде маленького сердечка с прозрачным камешком.

— Настя, окончу институт, приеду свататься. А пока можно писать?

— Пишите, если хотите.

Окончательно обнаглев, Егоров неожиданно поцеловал девушку в щечку и побежал. Настя долго смотрела ему вслед, зажав в кулачке подарок, и улыбалась. Виктор нравился ей, но она сама себе боялась в этом признаться.

Теперь Настя, прибегая с работы, первым делом проверяла почтовый ящик. Виктор писал ей о делах в институте, потом письма стали приходиться из армии. Девушка рассказывала о деревенской жизни. Потом письма приходиться перестали. Настя волновалась на Егорова, ведь в последнем письме он предупредил, что их перебрасывают в другое место и адрес изменится.

Жизнь в деревне текла своим чередом. Настя работала, Николай продолжал пить. Из молодого, энергичного работающего мужчины он превратился в алкоголика с дрожащими руками, находящегося в вечном поиске спиртного. Дочери было больно смотреть на отца, она пыталась как-то поговорить с ним. Николай каждый раз обещал бросить, начать новую жизнь, устроиться на работу, но начиналось утро, и потребность снять похмелье вновь пересиливала благие мысли.

Вот и сегодня к приходу Насти с работы Николай сидел со своим новым товарищем Андрюхой Воскобойниковым, не днях освободившимся из тюрьмы. Пять лет назад Воскобойников после танцев избил парня из соседней деревни, за то, что тот пришел к ним на танцы.

Хозяин дома находился уже в изрядном подпитии, уснул на диване, прямо возле стола, где они отмечали возвращение Андрея. Увидев Настю, Воскобойников допил остатки самогона из своего стакана, и поднялся.

— Ничего себе, Настюха, как вымахала, прямо невеста.

— Поздно уже, вам пора.

— Сейчас пойду.

Настя прошла в свою комнату. Девушка решила постирать свои и отцовские вещи, собрала их в охапку и пошла в баню. Вода была еще теплая, топила вчера. Она замочила белье и в этот момент почувство-

вала, как кто-то большой, сильный схватил ее одной рукой сзади в охапку, а второй, зажимая рот, повалил на пол.

Настя сопротивлялась отчаянно, но силы были неравны. Мужчина несколько раз с силой ударил ее по голове и по лицу, девушка потеряла сознание. Когда она очнулась, все кончилось. С трудом она сбросила с себя потное, вонючее тело пьяного Воскобойникова. Собрав изодранное в клочья платье, она выбежала огородами к речке.

Дед Евсей сидел в кустах у быстрицы, и проверял садки, которые с утра поставил на речке. При удачном лове за день можно было поймать несколько щук. Внезапно старик услышал короткий всплеск воды и увидел, как кто-то прыгнул на самое глубокое место реки. Еще несколько секунд и человек, взмахнув руками, ушел под воду.

Выругавшись, Евсей прыгнул в лодку и подгреб к злополучному месту. Через несколько минут он перекинул в лодку бездыханное тело Насти. Дед когда-то служил на флоте и знал, как нужно оказывать первую помощь на воде.

Девушка с трудом открыла глаза. Все плыло перед ней, руки и ноги не двигались, а на лице чернели огромные синяки от кулаков насильника. Евсей помог ей сесть, накинул на плечи пиджак.

— Пойдем ко мне дочка. Я тут недалеко в сторожке.

— Зачем ты меня спас, дедушка?

— Пойдем, детка, дома поговорим.

Настя шла за дедом Евсеем. Она плохо соображала, только пустое безразличие и страшная усталость навалились на нее. Сторож достал припрятанную поллитровку, заставил девушку отпить, потом кинул сухую рубашку. Затем растер ее самогоном, накрыл одеялом. Незадачливая утопленница мгновенно уснула на кушетке. Закрыв сторожку на замок снаружи, дед отправился к своему внуку участковому Василию Петрову.

Василий доедал борщ. Он внимательно выслушал деда, потом, вздыхая, поднялся и пошел в дом Николая. Хозяин спал. На столе неприбранные стаканы, початая бутылка самогона. Василий сложил в полиэтиленовый пакет стаканы, потом заглянул в распаханную настезь баню. На полу и на полке он увидел лоскутки женской одежды, и спящего Воскобойникова. Василий позвонил в райцентр. Ночью приехала группа, Андрея Воскобойникова задержали.

Следователь Никитина Елена Сергеевна сама воспитывала двух дочерей. Ее младшая дочь — ровесница, сидящей перед ней и трясущейся в мелком ознобе девушки. Выслушав сбивчивый рассказ Насти, и оформив протокол допроса, Никитина повезла девушку в больницу.

Пришлось дать успокоительное, и договориться с главным врачом оставить девушку на пару дней в стационаре.

Утром Никитина снова пришла к Насте. Она принесла домашней еды, и, глядя на ее осунувшееся личико, сказала:

— Уезжай ты отсюда, пока совсем не пропала.

Дед Евсей и участковый Петров около двух часов беседовали с Николаем. Протрезвевший отец сидел, как истукан. Его мозг, разучившийся соображать логично, давно требовал допинга, но присутствие посторонних с трудом сдерживало желание выпить. От этого чувства неудовлетворенности Николай испытывал только агрессию. Наконец, Василий и его неугомонный дед ушли. Он начал шарить по углам и шкафам в поисках оставшейся самогонки, за этим занятием его и застала вернувшаяся из больницы дочь.

Переступив порог, Настя разрыдалась. Отец сначала пытался ее успокоить, вышел на улицу, и через несколько минут девушка увидела, как он зашел в сторону магазина.

Утром Настя собрала свои вещи. Она написала отцу записку, бережно укрыла его байковым одеялом, и пошла на остановку. Больше всего девушка боялась встретить кого-нибудь из знакомых. Накануне вечером зашла к Алексею Савельевичу, написала заявление и получила расчет. Заглянула к деду Евсею, поблагодарила, попросила присмотреть за отцом.

Когда Николай проснулся и обнаружил записку дочери, Настя была далеко. Поезд, мерно постукивая колесами, увозил ее на Дальний Восток, в небольшой портовый город, где жила тетя Зина, двоюродная сестра матери.

Зинаида Ивановна Калинина не обрадовалась приезду родственницы. Жила она одиноко, но в достатке, ничто до приезда племянницы, и не ограничивало ее свободу. Выслушав Настину историю, вздохнула: «Что взять с сиротки?». Правда девчонка была красивая, в мать. Высокая, стройная, с пепельными длинными волосами, большими ясными серо-зелеными глазами, длинными густыми черными ресницами, свежим румянцем. Зинаида выделила девушке комнату и пошла ставить чайник.

— Александр Арсеньевич, помогите, у меня племянница-сирота, приехала, нужно пристроить на работу. Лучше с общежитием. Отблагодарю, дорогой.

Зинаида Ивановна положила трубку телефона и огляделась. Она работала администратором в единственной в их городе приличной гос-

тинеце, поэтому была человеком нужным, а иногда незаменимым. Устраивать Анастасию к себе она не хотела, лишние глаза, ей не нужны.

Директор ресторана «Волна» Александр Арсеньевич пообещал взять племянку официанткой и подумать насчет жилья.

Теперь Настя работала в ресторане. Каждый вечер в «Волне» была живая музыка, работали музыканты, пела Вероника Погодина. Сегодня певица задерживалась, а постоянные клиенты требовали музыку. Настина смена закончилась, она пошла переодеваться.

Клавишник Саша Лысков бегал с трагическим видом и чуть не сшиб девушку с ног.

— Саша, что случилось?

— Вероника упала и сломала ногу. Ее повезли в больницу, а петь некому.

— А что петь?

— Да уже все равно!

— Хочешь, я спою?

— А ты умеешь?

— Когда-то мечтала стать певицей.

— Ну, не знаю... Впрочем, давай сходим к Герману.

Герман являлся руководителем ансамбля «Приморские зори». Он на ходу прослушал Настю, остался доволен и приказал переодеться,

— У меня только джинсы.

— У Вероники в раздевалке концертное платье, примерь.

Настя вышла на сцену в красивом изумрудно-зеленом платье. Саша помог уложить волосы. Девушка волновалась, но стоило зазвучать музыке, как она забыла обо всем.

— Ну, ты даешь, официантка! Мы никогда еще за вечер столько бабок не срубали! Слушай, Настя, бросай эти тарелки и фартуки, идем к нам в группу.

Так Анастасия Мальгина стала солисткой вокальной группы.

— Горько, горько! — кричали через год пьяные гости на свадьбе Германа и Насти.

Настя была счастлива. Тетя Зина довольна, что пристроила племянницу, хотя выбор мужа не одобрила. Она давно присмотрела состоятельного вдовца, которому бы могла выгодно выдать замуж племянницу.

Настя продолжала петь. Благодаря ее голосу Германа стали приглашать на различные мероприятия. Несколько раз Анастасия Мальги-

на участвовала в концертных программах на российском телевидении. Вскоре молодая семья переехала в столицу.

Настя после концерта заехала в супермаркет. Выходя из магазина, столкнулась с раскрашенной и богато одетой женщиной.

— Настена, ты?

Перед ней стояла ее подруга детства Лидочка.

— Лида!

Подруги завернули в кафе. Лида рассказала, что вышла замуж за директора крупного универмага. Правда, он старше ее на двадцать лет, но живет она обеспеченно, детей нет. Два раза в год отдыхает на шикарных курортах.

Прощаясь, Настя пригласила Лиду на свой день рождения. Роднее старой подруги в этом чужом городе для нее никого не было.

После дня рождения Лида стала активно общаться с Настей и Германом, частенько забегала в гости, к себе не приглашала, ссылаясь на то, что у мужа слабое здоровье. Настя радовалась, что Лида нашла общий язык с Германом, ведь она любила их обоих.

Анастасия получила предложение выступить на престижном концерте. Она волновалась. Герман почувствовал себя плохо, и отказался ехать вместе с ней. Певица добиралась до Дома культуры, где должен был состояться концерт около двух часов, однако, по приезду ее ждало разочарование. Администрация в последний момент сообщила, что концерт отменен. Пришлось вечером возвращаться домой.

Усталая и расстроенная Настя заехала в аптеку, купила мужу лекарство. Открыв дверь квартиры, Настя увидела, что в гостиной на журнальном столике стоит бутылка дорого вина, фрукты и два фужера. По полу разбросана женская одежда. Она услышала шум в спальне. Подойдя к двери, женщина остановилась, перевести дух, она почувствовала, что задыхается.

— Настёна сегодня точно не вернется?

— Нет, не успеет. Я сам забронировал гостиницу.

— Как ты думаешь, эта дурочка догадывается о нас?

— Нет, что ты! Она уверена, что я люблю только ее.

— А ты?

— Ты — моя звезда.

Настя подошла к двери. На их супружеской постели лежали ее лучшая подруга Лида и Герман.

Она не помнила, как выбежала на улицу, завела машину, как выехала на огромной скорости за город, сколько проехала. Перед ее глазами стояла картина, где испуганный жалкий Герман и полуголая Лида

что-то несвязно лепечут в свое оправдание. Это навязчивое видение прервалось, когда машину занесло на повороте в кювет, и наступила полная темнота...

Лида поехала домой. Герман сидел с бокалом бренди и размышлял о случившемся. Зазвонил телефон.

— Герман Петрович?

— Да.

— Вас беспокоит инспектор ГИБДД Задорожный. Скажите, автомашина «Ауди-6», государственный регистрационный знак К 188 АНТ, принадлежит вам?

— Да, машина оформлена на меня, но ею пользуется моя жена.

— Данная автомашина попала в ДТП, прошу вас подъехать на тридцать седьмой километр.

— Хорошо.

Приехав на место происшествия, Герман увидел обгоревшие останки автомашины.

— Знаете, под сгоревшей автомашиной нашли останки, возможно, ваша жена выпала из салона, но выбраться не смогла, потому что произошел взрыв.

Герман обхватил голову руками. Он только теперь начал осознавать, что произошло.

Хутор, который когда-то построили беглые латыши, местные жители обходили стороной. Молодежь давно переехала в город. По сути, хутор, состоящий когда-то из пяти крепких добротных срубленных домов, теперь принадлежал деду Федоту, работавшему когда-то лесником и после пожара, переселившегося в свободный дом, брошенный здесь хозяевами, и бабки Марты, которую в окрестных деревнях звали ведьмой.

Наверное, так и было. Марта умела лечить травами и заговорами. Жила она одна, дурная слава о колдунье будоражила всю округу. Говорят, в молодости Марта была первой красавицей и ее домогались многие. Как-то один из местных стариков рассказал историю, как молодой парень Степан, влюбившись в Марту, но, видя, что она неприступна, подкараулил ее у лесного озера, где девушка купалась.

Степан через месяц умер, на него во время лесозаготовок упало бревно, а Марта родила дочь. В пятнадцать лет девочка утонула в озере.

За красавицей приударил молодой вдовец Василий, но Марте он не нравился. Когда настойчивость его стала переходить границы дозво-

ленного, он упал с крыши, которую чинил и умер. В смерти мужика деревенская молва обвинила Марту.

О женщине пошла дурная слава, и ни один мужчина с тех пор не появлялся около хутора. А бабы ходили со своими болезнями, травмы брали и потихоньку ворожили на любимых.

Федот возвращался с сенокоса. Выехав на опушку леса, он увидел, как на большой скорости в кювет занесло красивую большую иномарку. Дед подогнал лошадь к месту аварии, открыл дверь автомашины. Сильно пахло бензином. Он вытащил женщину, находившуюся за рулем, уложил ее в телегу. Подобрал женскую сумочку, лежавшую возле машины.

Потом заметил, что колесами автомашины еще одно женское тело. Это была Алена, которая частенько подрабатывала на трассе. Девушку легкого поведения привозили с утра на черной автомашине, забирали поздно ночью. Видимо, женщина за рулем не справилась с управлением, резко затормозив при виде внезапно выскочившей на дорогу Алены. Стекла автомашины были тонированными, и Алена, в поисках клиентки, выбежала на дорогу, предлагая свои услуги.

Дед потрогал Алену, пульса не было. В этот момент услышал характерный треск, интуитивно отскочив от автомашины, упал от сильного взрыва. С трудом удерживая лошадь, дед поехал на хутор, где они с Мартой внесли в дом женщину, все еще находившуюся без сознания.

— Боюсь, Федот, до утра не выживет.

— Ты уж постарайся. Смотри молодая еще, пригожая, может детки есть.

— Нет у нее никого, всех, кого любила, потеряла.

— Ты же ведьма, сделай что-нибудь.

— Нельзя... Спассти, может, и спасу, но кто придет вместе с ней, не знаю.

— А жить-то как тебе, зная, что могла помочь и не помогла?

— Иди, Федот.

Марта заперла за стариком дверь и просила до утра не беспокоить. Она обмыла раны на теле женщины.

— И впрямь красавица, — подумала старуха, разглядывая молодое, упругое тело, потом зажгла свечу и стала нашептывать какие-то известные только ей заклинания.

К утру, Марта совсем обессилела, но поднялась, долго выбирала травы, из мешочков и пучков, висящих в сенях, затем тщательно растолкла их маленькой деревянной ступкой, приготовила отвар.

Она подошла к кровати, осторожно приподняв голову Насти, ложечкой напоила отваром. На лбу у женщины выступили крупные капли пота.

— Все, возвращается, что смогла, то сделала, — вздохнула Марта и легла отдыхать, за сегодняшнюю ночь ведьма потеряла много силы.

Вечером Федот зашел проведать Марту, он купил продукты в деревне. Знал, что старуха к людям не пойдет, потому привозил крупы, хлеб, соль и сахар. Иногда, удачно поохотившись, приносил мясо, ставил на запруде садки, рыба водилась с ранней весны до глубокой осени. А Марта лечила его, угощала отменными пирогами с брусникой, черемухой. Так они и жили на забытом богом и оставленном людьми хуторе.

Старый лесник заглянул к Насте. Женщина лежала беспокойно, стонала, шептала какие-то бессвязные слова. Марта каждый час поила ее своими отварами. После них, пострадавшая успокаивалась и засыпала.

Герман похоронил жену. Он винил себя в ее смерти, но Лида не давала ему опомниться и осмыслить происходящее. Ни Герман, ни Настя не знали о том, что Лидия не была замужем. Она была любовницей человека, который был намного старше ее. После того, как он заболел, женщине досталась подержанная иномарка и маленькая однушка в спальном районе на окраине города. Женщина всеми силами старалась казаться обеспеченной и деловой женщиной. Однако очень скоро потерял доступ в светское общество, в которое ее когда-то ввел ее богатый любовник. Без него она им была не интересна. Лиде срочно нужен был человек, который бы смог обеспечить ее безбедную жизнь и тут судьба свела ее снова с Настей. Увидев Германа, Лида поняла, что это именно тот мужчина, который ей нужен.

Вдовец сильно удивился, что вскоре после похорон Лида переехала к нему, но Германа устраивало ее присутствие. Вскоре их отношения были узаконены, а история смерти талантливой певицы Анастасии охотно раскупалась периодическими изданиями, продажа дисков с ее песнями увеличилась в разы.

Лида и Герман, не афишируя свой брак, через три месяца после трагической гибели его жены, отправились в свадебное путешествие за границу.

Настя поправлялась тяжело. Марта частенько просиживала возле нее ночами, шептала заговоры, поила целебными отварами. К зиме женщина начала вставать и выходить на улицу. Она была очень слаба, но мелкими шажочками карабкалась к выздоровлению. Между делом, Марта учила ее, всему, что умела сама, рассказывала о травах, заговорах и способах лечения людей. Телевизора и телефона в этой глуши не было, да Настя и не хотела огласки. Теперь она хотела выжить и отомстить тем, кто ее предал.

Женщина заметила, что становится жестче. К весне Настя окончательно пришла в себя. Она решила уехать.

Федот принес ей сумку, которую в день аварии подобрал возле машины Анастасии. В сумке были документы на имя Алены Красиловой. Девушка на фотографии в паспорте чем-то напоминала Настю, примерно одного возраста, только в отличие от шатенки Насти, Алена была блондинкой. Теперь Настя поняла, почему ее никто не искал, все прирания обгоревшие останки Алены за нее.

На прощанье, обнимая Марту и Федота, прослезилась и пообещала, что как только уладит свои дела, то обязательно их навестит. Федот отозвал ее в сторону и сунул в руки бархатный кисет.

— Возьми, дочка, пригодится.

— Что это?

— Потом откроешь.

— Спасибо.

Дед проводил ее до автобусной остановки и посадил в автобус. По дороге женщина открыла кисет и обнаружила туго перевязанную резинкой пачку денег. Настя улыбнулась. Она поклялась себе, что обязательно вернется к старикам, спасшим и выходявшим ее.

Выйдя из автобуса, Настя увидела вывеску парикмахерской. Она решительно открыла двери и через два часа вышла шикарной блондинкой со стильной стрижкой и королевской посадкой головы. За время, проведенное на хуторе, Настя сильно похудела, поэтому часть денег пришлось потратить на приобретение новых джинсов, курточки, футболки и обуви. Расспросив сидящих у автовокзала старушек, не сдает ли кто жилье, тут же получила ключи от малосемейки в бывшем заводском общежитии, расположенном неподалеку. В целом день, возвращения удался.

Поселившись на съемной квартире, Настя купила продукты и увидела, что денег осталось совсем немного, нужно было срочно искать работу.

На следующий день она поехала к своему дому. Женщина увидела, как из подъезда вышли Герман и Лида, они улыбались, потом сели в автомашину и уехали. Надев темные очки, Настя зашла в подъезд. Она знала, что в это время соседей дома не было.

Настя частенько забывал ключи от квартиры, как— то раз она просидела в подъезде несколько часов, пока Герман вернулся домой, поэтому в укромном месте под большим и тяжелым цветком она прятала запасной ключ. Настя достала из тайника ключ и зашла в квартиру. Она забрала из антресолей коробку с мамиными фотографиями. В спальне из матраса вытащила отложенные на новую машину сбережения. Герман не знал об этих деньгах. Настя планировала купить на его тридцатилетие в подарок дорогой внедорожник, после чего планировала поехать на отдых, на хороший заграничный курорт. Теперь этих денег вполне бы хватило купить отдельную квартиру и прожить какое-то время. Оттуда же она забрала шкатулку с дорогими украшениями. Перед отъездом, опасаясь воров, она всегда прятала украшения. Закрыв дверь, Настя уехала.

Через неделю женщина устроилась на работу в одну из строительных фирм. Никаких документов об образовании, кроме аттестата зрелости, в сумке Алены не было. Настю взяли только уборщицей, но и эта работа пока ее устраивала. Она с удовольствием мыла окна, полы в офисе, потом основную часть дня была свободна.

Настя выяснила, что дела у Германа шли не так хорошо. К истории ее гибели интерес пропал, старые диски еще покупали, но большого дохода они не приносили. Герман пытался найти нового исполнителя, даже прослушал Лиду, но петь ее подруга никогда не умела.

Лида проснулась в холодном поту, прижалась к Герману. Снилось, что она идет босой, по грязной осенней улице, ее одежда, разорванная в клочья, развеивается по ветру. Вдруг рядом с ней остановилась шикарная автомашина, из которой вышла Настя. Лучшая подруга рассмеялась и сказала:

— Видишь, здесь всё не так плохо, не бойся.

Она лежала и обдумывала этот сон, потом встала, сварила кофе, налила в чашку и подошла к окну.

На скамейке, в небольшом сквере, напротив их окон, сидела девушка. Лиде показалось, она пристально на нее смотрит. Было далеко, но этот обжигающий взгляд она почувствовала даже через расстояние. Ледяная дрожь пробежала по ее телу. От неожиданности Лида пролила на себя горячий кофе. Вернувшись из ванной, вновь выглянула в окно,

незнакомка в сквере исчезла. Одевшись, Лида поехала по своим делам. Внезапно ей стало плохо за рулем, она с трудом припарковалась, открыла дверь и выпала из машины.

Германа разбудил телефонный звонок. Спать он лег под утро, поэтому не слышал, как уходила жена.

— Да, слушаю.

— Ваша жена находится в первой городской больнице, в реанимации.

— Сейчас буду.

Германа принял дежурный врач. Он сказал, что Лиду привезла «Скорая помощь». Врач протянул Герману сумочку Лиды и назвал адрес, откуда женщину привезли, чтобы он смог забрать автомобиль.

— Что с ней?

— Острый воспалительный процесс. К сожалению, ребенка не удалось спасти. Огорчу вас, родить она больше никогда не сможет.

— Ребенок! Боже мой! — Герман опустил на стул и обхватил голову руками.

Выйдя из больницы, сел в машину, но домой ехать не хотелось. Остановился у бара и заказал коньяка.

Лида выписалась из больницы. Чувствовала она себя отвратительно. Пришла домой и обнаружила пьяного Германа, спящего в объятиях размалеванной девицы. В зале на журнальном столике выстроились пустые бутылки из-под коньяка, виски, пива. Герман ни разу за весь месяц не пришел к ней в больницу, не позвонил. Лида собрала свои вещи и поехала на вокзал.

Прошел год. Настя приходила на работу рано утром и убиралась в офисе до прихода сотрудников. Она вымыла в кабинетах полы, потом вспомнила, что не полила цветы в кабинете генерального директора. Набрал воды, зашла в кабинет. Внезапно услышала за спиной:

— С вашим приходом цветы, словно ожили.

— Спасибо.

Обернувшись, женщина увидела Виктора. Он почти не изменился, только взгляд стал серьезнее и взрослее. Не мудрено, ведь прошло около пятнадцати лет. Виктор пристально посмотрел на нее, потом подошел поближе и потрогал цепочку с кулоном в виде сердечка на ее шее.

— Настя?

— Узнал.

Они долго сидели вдвоем, пили чай. Настя сбивчиво рассказала о своей жизни, об аварии, о том, как ее спасли. Мужчина слушал, не перебивая. Вернувшись из армии после ранения, он искал ее. Узнал от председателя, что Настя неожиданно уволилась и уехала. Он и предположить не мог, что певица Анастасия и его любимая, одно лицо и жили они много лет неподалеку друг от друга.

— Я помогу тебе вернуть имя. Завтра же мой адвокат займется этим.

— Спасибо.

Герман продал квартиру и переехал в комнату в коммуналке. С утра его лихорадило. Он проклинал тот день, когда Света, одна из девушек, с которой он спал в последнее время, притащила пакетик с героином. Так и сказала:

— Ты, Герыч, просто обязан это ощутить. От него тащишься также, как от тебя.

Через три месяца Светка умерла от передозировки, а он остановиться уже не смог. Все, что было нажито им и Настей, незаметно исчезло: квартира, машина, ценные вещи. Сегодня он прихватил несколько старых дисков с записями Анастасии и пошел в переход, чтобы продать.

Он остановился около газетного киоска. Внимание мужчины привлек красочный журнал, выставленный в витрине, на обложке которого было фото Анастасии и заголовок крупными буквами: «Чудесное спасение певицы Анастасии».

Герман продал диски, купил несколько доз. Через несколько дней, соседка, вернувшаяся из сада, обеспокоенная его отсутствием, заглянула в комнату и обнаружила мертвого соседа, на полу, возле окна. В руках он сжимал фотографию Анастасии.

Виктор и Настя приехали на хутор, навестить деда Федота и Марту. Они привезли гостинцев. Старики обрадовались, благословили на долгую совместную жизнь. А Марта перед отъездом шепнула Насте, что скоро у нее появится ребенок.

Навестили молодые и Настиного отца. После ее отъезда, председатель подселил к Николаю нового фельдшера.

Мария Сергеевна, добрая, одинокая женщиной, которая волей судьбы попала в эти края, как-то незаметно прибрала к рукам Николая, навела порядок в доме и хозяйстве. Односельчане были очень удивлены, когда увидели, что в один прекрасный день мужик снова взялся за

ум, пить перестал, вернулся на работу. Вскоре они построили новый просторный дом.

Мария Сергеевна хорошо приняла Настю, а та ей была очень благодарна за отца. Все вместе они сходили, навестили могилу матери. Мария Сергеевна и здесь навела красоту. Оградка новенькая, выкрашена, а вокруг красивые цветы. Настя немного задержалась, присела на скамеечку возле могилки и рассказывала матери о своей жизни. Потом, уходя, столкнулась с Лидой. Подруга недавно похоронила мать и приходила на кладбище.

— Ты прости меня, Настя. Не зря говорят, что на чужом несчастье, счастья не построишь...

— Я давно тебя простила, Лида. Прощай.

Анастасия шла к своему дому по ромашковому полю мимо реки, и думала, что жизнь, как река, течет по своему руслу, пробегая по порогам и камням, минуя отмели, воронки, постепенно набирая силу и растекаясь широко, гордо и спокойно. И нигде в мире нет такого ощущения безоблачного покоя и счастья, как дома. Только, здесь, на родной земле, человек обретает внутренние силы, для того, чтобы не утонуть в стремительном потоке жизни, а, преодолев все невзгоды и страдания, плыть навстречу своему счастью.

Сергей Калабухин

Коломна

СПАСТИ ГЕРОСТРАТА

— А вот и господин Петров! — резко сел в кровати загадочный пациент, с надеждой глядя на вошедшего в медотсек врача. — Вы узнали, наконец, кто я, и как здесь оказался?

— Пока нет, — спокойно ответил тот, с удивлением наблюдая, как Маша осторожно, но настойчиво укладывает больного назад и, низко склонившись над ним, заботливо поправляет подушку, что-то ласково бормоча при этом каким-то нежно-воркующим голосом. — Мы обнаружили в предплечье вашей правой руки вживлённый чип-паспорт устаревшей конструкции. Такими на Земле давно не пользуются. Поэтому нам с большим трудом удалось считать с него некоторые данные: имя

— Котэ Горишвили, дата рождения — седьмое марта две тысячи сорок первого года, место рождения — Евроазиатский Союз, Грузия. Вспоминаете что-нибудь?

— Нет, — пожал плечами больной, благосклонно принимая ухаживания пухленькой симпатичной медсестры. — Я здесь уже почти неделю, а вы смогли узнать только имя?

— Мы на международной космической станции «Ю-1», расположенной на орбите Юпитера, — пожал покатыми, как у борца, плечами Петров. — Персонал нашей станции изучает атмосферу этой планеты, её огромные многолетние вихри и мощные грозы. Станции поменьше исследуют спутники гиганта: «Ю-2» занимается океанами Европы, «Ю-3» — Ганимедом, «Ю-4» — Каллисто, «Ю-5» — вулканами Ио. У нас у всех очень плотный график. Не думаете ли вы, что мы всё бросим и будем заниматься исключительно вашей персоной?

— Что же тут сложного? — удивился больной. — Пусть у меня с памятью проблемы, но у вас же должны быть всяческие компьютерные базы данных! Проверьте архивы Космофлота, мои отпечатки пальцев, ДНК, наконец...

— Базы и архивы, конечно, есть, — заметно раздражаясь, ответил Петров и сел на кровать в ногах больного. — Но они все на Земле. Здесь, до вашего появления, подобная информация была никому не нужна.

— У вас что, проблемы со связью? — вновь вскинулся больной.

— Вы, очевидно, плохо представляете себе сложившуюся ситуацию. — Петров бесцеремонным толчком своей короткопалой руки вернул больного на подушку.

— Осторожнее, — укоризненно вскрикнула медсестра, встревоженно склоняясь над пациентом.

— Маша, ты нам мешаешь, — отстранил её врач.

Та возмущённо фыркнула.

— О какой ситуации вы толкуете? — прохрипел больной. — Неужели для вас наблюдение за какими-то вихрями в атмосфере Юпитера важнее найденного в космосе живого человека? Вы сообщили обо мне на Землю?

— Разумеется! — повысил голос в ответ и Петров. — Шифровка о том, что мы обнаружили на орбите Юпитера в криокамере неизвестной спасательной капсулы живого человека, то есть вас, ушла в Центр сразу же, как только вы очутились в этом медотсеке. Дальнейшее от нас никак не зависит, а Земля пока молчит. Видимо, группы крови и имени недостаточно для установления вашей личности. Центр — не Большой

Брат, он имеет доступ только к архиву Космофлота и, наверное, к научным архивам стран-участниц проекта «Юпитер». Очевидно, вас в них пока не обнаружили. В криокамере спасательной капсулы вы были, как и положено, один. Разумеется, совершенно голый. Так что найденную рядом одежду мы можем смело считать вашей. К сожалению, на ней нет никаких меток. Обычный космофлотский комбинезон и нижнее бельё устаревших фасонов. Карманы пусты. Вы, действительно, ничего не помните? Имя «Котэ Горишвили» вам что-нибудь говорит?

— Ничего, — буркнул больной. — Но я что-то мало похож на грузина...

— Да, — согласился врач. — Вы — природный блондин с голубыми глазами. Однако на Кавказе есть целые селения таких жителей. К подобному эффекту приводят многолетняя изоляция и множественные браки между родственниками.

— Вы хотите сказать, что я — выродок? — обиженно засопел больной.

Медсестра успокаивающе погладила его по руке.

— Маша, введи ему успокоительное, — распорядился врач. — Это сейчас полезнее для его нервов, чем твои материнские ласки.

— Коля! — ошеломлённо воскликнула медсестра, отскакивая от кровати пациента.

— Хамите, господин Петров, — заскрипел зубами больной.

— Что ж, пока нет иных данных, мы будем называть вас «Котэ Горишвили», — невозмутимо сказал врач. — Не возражаете?

— Нет, — взмахнул руками больной, — Это имя ничуть не хуже какого-нибудь «Джона Доу». И всё же мне не верится: неужели, вы не нашли в капсуле никаких указаний, с какого она корабля?

— Капсула довольно древняя, — задумчиво проговорил Петров. — Таких уже лет сто не выпускают. Память бортового компьютера почему-то пуста. Вам повезло, что управление криокамерой совершенно автономно. Судя по её таймеру, вы провели в глубокой заморозке около ста тридцати двух лет. Может, поэтому у вас проблемы с памятью? Хотя, раньше подобных эффектов вроде бы не наблюдалось. К амнезии может привести физическая или психическая травма мозга. Череп у вас цел, стало быть, физическое воздействие можно исключить. Остаётся психическое. Наверное, с вами случилось что-то настолько страшное, что мозг заблокировал опасные воспоминания, чтобы уберечь разум от сильного потрясения, связанного с ними. Тогда наша задача — получить эту информацию без вреда для вашего душевного здоровья.

Медсестра охнула и порывисто схватила больного за руку. Тот ободряюще улыбнулся ей.

— Есть ещё одна возможность: гипноз или самогипноз, — продолжил врач. — Всё же довольно странно: память компьютера явно стёрта, вы тоже ничего не помните...

— Коля! — укоризненно воскликнула медсестра. — Прекрати, наконец. Как ты можешь?

— Что? — с удивлением взглянул на неё врач.

— Вы меня в чём-то подозреваете, господин Петров? — возмущился Горишвили. — Или это — личное?

Он ласково взял руку сиделки и благодарно прижал её к своим губам, вызываясь глядя на врача. Та быстро высвободила руку и выбежала из медотсека.

— Личное? — вставая с кровати, бесстрастно спросил Петров. — Что вы имеете в виду?

— Машу, конечно! — самодовольно усмехнулся Горишвили, кивнув в сторону закрывшейся за сиделкой двери. — Я же вижу: вам не нравится, что она влюбилась в меня с первого взгляда. Ревнуете?

— Вы, наверно, моложе и красивей меня, — невозмутимо ответил врач. — Если верить данным вашего чип-паспорта и отбросить срок, проведённый в анабиозе, вам около тридцати лет. Мне — сорок пять. Ваши сто девяносто два сантиметра роста и спортивное телосложение явно выигрывают против моих ста семидесяти пяти и лишних десяти кило жира. Кроме того, мы с Машей знаем друг друга более двадцати лет, а ваше загадочное появление здесь уже неделю является темой разговоров всего персонала нашей станции. Так что, не обольщайтесь: нет ничего удивительного в столь явном и откровенном интересе к вам у Маши. И не надо искать в моих словах и поступках каких-то личных мотивов. Я не только врач, но и командир экипажа МКС «Ю-1» и просто делаю свою работу: рассматриваю возможные варианты.

— Какие варианты? — злобно прошипел Горишвили. — Вы почему-то сразу не взлюбили меня, а теперь ещё и обвиняете чёрте в чём!

— Я вас ни в чём не обвиняю, — устало махнул рукой Петров и направился к двери.

— Я хочу сам осмотреть свою спасательную капсулу, — потребовал Горишвили. — Не может быть, чтобы там не было хоть какого-нибудь указания, с какого она корабля.

— Вы ещё слишком слабы.

— Я совершенно здоров! — закричал Горишвили, неуклюже вскакивая с кровати на дрожащие ноги. — Да, память отшибло, но физически...

— И физически вам ещё долго восстанавливаться, — возразил врач. — Ваши мышцы, конечно, не атрофировались, но всё же им нужно время на полное восстановление работоспособности после ста тридцати двух лет анабиоза.

— От того, что я лежу...

— Лежать вовсе не обязательно. У нас на станции есть прекрасный тренажёрный зал. Буквально, в двух шагах отсюда. Как выйдете, вторая дверь направо. А капсулу вам осматривать ни к чему. Её компьютер мёртв, вместо названия — серийный номер. В лучшем случае по нему на Земле установят, когда и где эта капсула изготовлена, и кто её приобрёл. Полтора века назад заказчиком и покупателем наверняка был Космофлот. На какой корабль её поставили, выяснить будет не так-то просто. Гораздо больше я надеюсь на ваши отпечатки пальцев и ДНК.

— Что ж мне теперь: просто качаться на тренажёрах и ждать у моря погоды? — сдаваясь, рухнул на кровать Горишвили.

— Восстанавливайте здоровье и силы. Память может в любой момент вернуться. А мы ей поможем.

— Как? — безнадежно скривился больной.

— Есть у нас тут один интересный приборчик, — усмехнулся врач. — Мем-рекордер называется. Процедура совершенно безвредная. Обещая: больно не будет.

Уже выходя, Петров неожиданно обернулся и, закрывая дверь, бросил в лицо наглого красавца:

— Кстати, о личном. Раз уж вы утверждаете, что чувствуете себя хорошо и готовы к физическим нагрузкам, сиделка вам больше не нужна.

...Котэ задыхался: система регенерации не справлялась с повышенным потреблением кислорода. Бластер раскалился и жёг руку. Жёсткие листья сельвы, свисавшие огромными лопухами с гибких ветвей, хлестали по прозрачному шлему скафандра.

Яростно вереща, гориллы бесновались в густой, почти непроницаемой для света кроне, которая, казалось, единым куполом покрывала всю сельву.

Сорвав шлем, Котэ отбросил его в сторону и, выпустив из бластера смертоносный луч в мелькнувшее над головой волосатое тело гориллы, бездумно побежал дальше. Казалось, он бежит уже целую вечность.

Сердце гулко било по рёбрам, словно птица, впервые попавшая в клетку. Спёртый, насыщенный испарениями воздух разрывал лёгкие.

Крупный плод просвистел в воздухе и сбил Котэ с ног. Почти не целясь, космонавт срезал лучом бластера злобно оскалившуюся волосатую тушу и, вскочив, бросился дальше. Только усилием воли Котэ держался правильного направления. Он знает, стоит лишь немного расслабиться, и коварная сельва заманит его в глубину, и, как обезумевшее от страха животное, он будет бегать по кругу, сам не замечая этого. Пот заливаает глаза, и стрелка компаса на руке затуманилась. Котэ попытался протереть глаза и громко чертыхнулся: раскалённый бластер ожёг лоб. Рану тут же заливаает едкий пот, и она начинает пульсировать нестерпимой болью.

Котэ уже не чувствует ударов круглых мягких плодов, которыми бомбардируют бегущую жертву гориллы. Где-то глубоко, в самом дальнем участке мозга бьётся приказ: во что бы то ни стало вырваться из сельвы на равнину. Сейчас не важно, зачем. Лишь бы вырваться.

Сельва кончилась неожиданно. Яркий свет солнца ослепил Котэ, больно ударив по глазам. Направляющий огонёк приказа в мозгу погас, зажёгся другой. Котэ почувствовал себя машиной, выполняющей команды, одну за другой. Новый приказ — добраться до катера.

Сзади нарастает рёв горилл. По земле они бегают плохо, но и человек уже почти выбился из сил. Сейчас Котэ волнуется только одно: надолго ли хватит заряда бластера?

Впереди виднеется гряда небольших холмов. Высокая трава цепляется за ноги, словно помогая преследователям. Но нет, им на своих коротких руконогах бежать ещё труднее. Вот и вершина холма. С неё, всего в двухстах метрах впереди, посреди чернеющего круга выжженной пламенем дюзы земли Котэ увидел сверкающий в лучах солнца металл катера и тут же, с маху, ткнулся лицом в жёсткую траву. Когда он вскочил, сердце в груди замерло. Холм был окружён толпой горилл. Рядом лежала узловатая дубина вожака стаи, видимо, брошенная тем ему в ноги. Сам вожак — здоровенная, уже немолодая обезьяна, быстро жестикулируя, бесновался среди толпы волосатых тел.

Обезьяна ли? Скорее, «недостающее звено» в земной истории человечества. Уже не обезьяна, но ещё и не человек.

И тут Котэ пожалел, что выкинул шлем. В скафандре ему, может быть, удалось бы спасти свою жизнь. Прочную ткань гориллам не пробить заострёнными ветками, а шлем защитил бы от ударов голову. Хотя, долго ли бы он продержался в плену у аборигенов без пищи и во-

ды? Убежать ещё раз из их поселения в сельве ему не дадут. Помощи ждать неоткуда. Он один на этой планете. Нет, сдаваться нельзя!

Котэ сбил лучом слишком близко подскочившую гориллу и, посто-янно озираясь, отдышал, восстанавливая силы. План его был прост: прорвать кольцо аборигенов, добраться до катера и немедленно стар-товать к ожидающему его на орбите кораблю.

Внезапно, по знаку вожака, большая часть преследователей пере-двинулась и заняла позицию между холмом и катером. Вожак злобно скалил зубы, делая угрожающие жесты. Котэ понял, что совершил ошибку, не убив того сразу, как только увидел. Без вождя стая превра-тилась бы в неорганизованную толпу. Среди самцов немедленно нача-лась бы борьба за власть, и всем стало бы не до убегающего чужака.

Гориллы тоже тяжело дышали. Они не привыкли бегать по равни-не. По знаку вожака с десятков из них разбежались по сторонам в поис-ках камней. Котэ взял вожака на мушку.

Но курок всего лишь сухо щёлкнул. Только теперь Котэ заметил, что индикатор заряда погас. Отбросив бесполезный бластер, космонавт одной рукой подхватил с земли корягу, а другой потянул из ножен де-сантный нож...

— Это всё, — сказал Петров, выключая плеер. — Далее пошли воспоминания, не относящиеся к его прошлому.

— Как это? — удивилась Маша. — Коля, что ты говоришь? Как мо-жет воспоминание не относиться к прошлому?

— Может, — хмуро ответил Петров. — И то, что мы с тобой сейчас видели, тоже вряд ли происходило на самом деле.

— Почему ты так думаешь?

— Память человека хранит не только то, что с ним произошло на самом деле, но и то, о чём он мечтал, что воображал, о чём читал или видел в кино, — Петров откинулся в кресле, подыскивая слова. — Па-мять — это что-то вроде интернета, куда свалено всё без разбору: от детской считалки до жёсткой порнографии. На мой взгляд, не похож этот Горишвили на героя-десантника.

— Ты к нему несправедлив! — вспыхнула Маша. — Котэ — настоя-щий герой! Трус не отправился бы в полёт на маленькой неуправляе-мой капсуле. Сам же знаешь, мы обнаружили её совершенно случайно. Пройди наш разведзонд мимо капсулы на пару секунд раньше или поз-же, и она не попала бы в его объективы. И дальше Котэ ждало бы мед-ленное, но неотвратимое падение на поверхность Юпитера...

— Не будем спорить, дорогая, — примирительно взмахнул рукой Николай. — Мы пока не знаем, что в действительности произошло с Горишвили, и как его спасательная капсула оказалась на орбите Юпитера.

— Я не понимаю, почему ты так к нему относишься? — продолжала возмущаться Маша. — Котэ рисковал жизнью! А ты ведёшь себя так, как будто он сам, специально, с какой-то непонятной преступной целью стёр все данные в компьютере, а заодно и собственную память.

— Успокойся! — не глядя на Машу, повысил голос и Николай. — Ни в чём я твоего «котика» не подозреваю. Я — врач, а не следователь. А вот любить и уважать мне его не за что. Я не падок на смазливую внешность, томные взгляды и сладкие речи.

— Что ты имеешь в виду? — покраснела Маша.

— Ты прекрасно всё поняла, — нервно забарабанил пальцами по столу Николай. — Не надо делать из меня рогатого дурачка.

— Ты... — вскочила с кресла Маша. — Ты... Как ты можешь так думать и говорить обо мне, твоей жене?!

— Как я могу? — сорвался и Петров. — Ты хотела знать, чем сменилась в памяти Горишвили сцена с гориллами? На, смотри!

Петров вновь включил плеер, и плоский экран дисплея преобразился в небольшое голографическое изображение медотсека.

— Машенька, — горячо шептал Горишвили, покрывая руку женщины страстными поцелуями. — Как я страдал без тебя. Я думал, что умру!

— Не преувеличивай, Котик, — смущённо улыбалась Маша. — Мы не виделись всего два дня.

— Всего? — пылко возмутился Горишвили. — Целых два дня! Мне пришлось «нечаянно» уронить гантелю себе на ногу, чтобы опять улечься в кровать и увидеть мою любимую сиделку.

— Очень болит? — встревожилась Маша. — Дай, я посмотрю...

— Ерунда! — отмахнулся Горишвили. — Ты пришла, и боль ушла. Иди же ко мне, любовь моя.

— Но, Котик, — вяло сопротивлялась Маша. — Сюда могут войти...

— Как мне нравится, когда ты меня так называешь, — жарко шептал Горишвили. — Запри дверь, скорее...

Петров выключил плеер.

— Достаточно? — спросил он, презрительно глядя на жену.

— Да, — растерянно сказала Маша. — Котэ мне нравится. Но я все не изменяла тебе с ним. Ты сам сказал, что прибор не отделяет

действительные события от мнимых. Этой сцены, что ты мне сейчас показал, не было! Может, Котэ просто мечтал, или увидел во сне...

— Или строил планы, — саркастически усмехнулся Николай.

— Коля, я тебе клянусь! — из глаз Маши потекли слёзы обиды.

— Я тебе верю, дорогая, — обнял жену Николай. — Не плачь. Этот негодяй не стоит твоих слёз.

— Ты опять?! — отшатнулась Маша. — Почему ты упорно называешь Котэ негодяем? В чём его преступление? В том, что я ему нравлюсь?

— Как, однако, ты его защищаешь! — раздражённо воскликнул Петров. — А твой ненаглядный Котик вместо того, чтобы заниматься на тренажёрах, опять улёгся в койку и требует сиделку. Герой!

Маша повернулась и, молча, вышла.

Услышав звук открывающейся двери, Горишвили снял ридер-очки и сел.

— Машенька! — радостно воскликнул он, увидев вошедшую медсестру. — Почему тебя так долго не было? Ещё немного, и я бы тут умер от одиночества и тоски.

— Всё шутишь, Котик, — машинально ответила Мария, подходя к постели пациента.

— Котик? — удивился Горишвили. — Это ты так моё имя переделала?

— Извини, — смутилась Мария. — Как твоя нога?

— Значит, мем-рекордер сработал, — ничуть не смущаясь, сказал Горишвили и взял Марию за руку. — Я очень рад, что ты теперь знаешь мои мечты и чувства.

— Оставь, Котэ, — сердито выдернула руку Мария. — Не время сейчас...

— А когда будет время? — надулся Горишвили. — Кто и как определяет этот момент? Машенька, я влюбился в тебя с первого взгляда!

— Я старше тебя на десять лет, — через силу улыбаясь, сказала Мария. — К тому же, может, у тебя дома осталась жена или невеста...

— Нет, это я старше тебя на сто двадцать лет! — засмеялся Горишвили. — Никто меня на Земле не ждёт: все мои возможные жёны и невесты давно умерли.

— А что, если у меня есть муж? — испытующе взглянула на него Мария.

— Я не помню своего прошлого, — пожал плечами Горишвили. — И твоего знать не хочу!

— Это не прошлое, а настоящее, — тихо ответила Мария. — Прошу тебя, Котэ, перестань говорить глупости и дай мне осмотреть твою ногу. Или я уйду.

— Хорошо, — откинулся на подушку Горишвили. — Не буду. Вот ведь женщина: я предлагаю ей руку и сердце, а она требует ногу!

— Хватит, Котэ! — сверкнула на него глазами Мария.

— Всё, всё, всё, — поднял руки Горишвили. — Сдаюсь. Машенька, называй меня Котиком, и я буду ласковым и послушным, как...

— Как кто? — улыбнулась Мария, начиная осмотр раненой ноги.

— Буду, как говорится, белым и пушистым, — засмеялся Горишвили. — Кстати, что ещё показал ваш чудо-прибор? Ну, кроме... ты понимаешь...

— Ничего определённого, — поспешила прервать его Мария. — Небольшой эпизод в каких-то джунглях. Николай даже сомневается в его достоверности. Может, это тоже только твои мечты...

— И кто там был со мной в этих джунглях, — заинтересовался Горишвили. — Блондинка или брюнетка?

— Стая рыжих горилл! — ехидно ответила Мария.

— Фу, какая гадость! — скривился Горишвили. — А почему я этого не помню? Я думал, ваш мем-рекордер разбудит мою память.

— Мозг — сложная штука, — вздохнула Мария. — А механизм памяти ещё сложнее. Представь, что ты вошёл в библиотеку, а в ней нет каталога, и на корешках книг отсутствуют их названия и имена авторов. Как ты там сможешь найти что-то определённое?

— Буду открывать все книги наугад.

— Вот и твоя память сейчас — такая библиотека. Ты — библиотекарь без каталога, а наш прибор — посетитель, наугад открывающий книги. Посетитель прочёл книгу, а не библиотекарь.

— Жа-а-аль, — протянул Горишвили. — Я-то думал, ваш мем-рекордер быстренько восстановит мой «каталог».

— Это — не лечебный прибор, — ответила Мария. — Он просто читает и записывает на кристалл память человека. Кроме врачей и полицейских мем-рекордером пользуются художники, киношники, писатели, архитекторы, учёные и все, кому не лень.

— Но теперь-то, надеюсь, Петров поверил, что я ничего не скрываю от вас? — криво усмехнулся Горишвили.

— Конечно, Котик, — грустно улыбнулась в ответ Мария. — Так уж устроен человек. Если ему сказать: «Не думай о белой собаке!», то именно о ней он и начнёт постоянно думать. Ты знал, что мы ищем, но мем-рекордер записал совсем иное. Ну, мне пора...

— Уже бросаешь меня? — возмутился Горишвили.

— Мне надо работать...

— А я? — схватил её за руку Горишвили. — Что делать мне? Умирать здесь от тоски?

— У тебя есть ридер-очки, — пытаюсь освободиться, грустно улынулась Мария. — Читай книги, слушай музыку, смотри фильмы. Что ты делал перед моим приходом?

— Да вот, нашёл какой-то древний рассказ на тему памяти, — не отпускал руку Марии Горишвили. — Тема, как ты понимаешь, для меня сейчас очень важная. Посиди ещё немного, я тебе прочту.

— Котик, мне надо идти...

— Да он коротенький! — настойчиво усаживая Марию рядом с собой, уговаривал Горишвили. — Побудь со мной ещё пару минут, пожалуйста! Мне важно твоё мнение об этом рассказе.

— Ну, хорошо, — сдалась Мария. — Пять минут, не больше.

— Слушай, — Горишвили надел ридер-очки. — Рассказ называется «Пари».

«Это глупое пари мы заключили ещё в детстве. Как-то в восьмом классе, изучая человеческий мозг, мы поспорили с Сашкой. Он говорил, что человеческий мозг имеет так называемое дно, и в доказательство приводил в пример то, что старики и старухи, мозг которых переполнен воспоминаниями, труднее запоминают новую информацию, чем дети. А я отвечал, что всё, что говорит Сашка, чепуха. У человеческой памяти нет никакого дна. Есть же случаи, когда некоторые люди после травмы или тяжёлой болезни начинали говорить на незнакомых им до этого языках. С того дня я видел Сашку только на уроках в школе.

Через год Сашка пришёл в класс в очках. Но всех удивляло не это. Троечник Александр Степанов, который ранее на всех уроках буквально «плавал» у доски, начал учиться на одни пятёрки! Вскоре он стал первым учеником в классе. Даже то, что говорил нам учитель на уроке, он помнил почти дословно!

Ещё через год Сашка начал как-то странно говорить: разговаривая с кем-нибудь, он вдруг внезапно забывал некоторые слова. Например: «Я сегодня пойду в... эту... как её... ну, в эту самую... вспомнил — в кино!»

После окончания школы мы не виделись с Сашкой вот уже лет пятнадцать. Я переехал в другой город, стал журналистом и разъезжал по стране, а он стал, как я слышал, простым библиотекарем. И вот судьба в лице моего начальника забросила меня в командировку в родной Ленинград. Я решил навестить школьного друга, но его мать сказала мне,

что тот болен и находится в больнице. Разумеется, я отложил все дела и помчался в указанную больницу. Но меня ни за что не хотели пускать к Сашке и даже не сказали, чем он болен. Но я не отступился и, узнав, что Сашку лечит наш товарищ по школе, ставший врачом, решил всё выяснить у него.

Мишка, прошу прощения, Михаил Григорьевич Карцев узнал меня сразу. Мы посидели, вспоминая прошлое, поговорили о настоящем, поспорили о будущем. Наконец, я спросил его:

— Послушай, Миха, как старый друг прошу тебя: расскажи, что случилось с Сашкой Степановым?

Хмуро взглянув на меня, тот ответил:

— Ты помнишь то школьное пари?

— Какое пари? — в недоумении, сказал я.

— Вы поспорили, имеет ли человеческий мозг дно.

— А причём тут это?

— Сашка решил доказать тебе, что он прав. Стал много читать. Буквально «глотал» книги. От переутомления у него плыли искры перед глазами, голову словно сдавливал тяжёлый обруч. Но Сашка преодолел боль и продолжал читать. Помнишь, как в последнем классе он стал забывать слова? Это было начало. Теперь его мозг заполнен. Да, ты не ослышался. Но Сашка продолжает много читать. Потому и пошёл в библиотекари. Он уже не может без чтения. Это как наркотик: раз привык вводить, уже не можешь прожить без дозы. Но мозг у Сашки заполнен, а он продолжает поглощать новую информацию. И вот старые его воспоминания разрушаются, а их место занимают новые знания. Сашка почти разучился говорить: он забыл, как это делается. Мычит что-то невнятное, как новорожденный младенец. Но он понимает всё, что ему говорят, и всё, что он читает. Не знаю, кто из вас выиграл то проклятое пари: Сашка или ты. Ведь, если кувшин полон, в него ничего больше не войдёт. А мозг продолжает вмещать в себя ещё и ещё. Это мы только предполагаем, что старая информация разрушается и замещается новой. Как в компьютере. А если это вовсе не так, и мы наблюдаем просто защитную реакцию организма? Ну, не может мозг объять всю информацию! Только новую её часть. Принято решение лишить Сашку возможности чтения новых книг, изолировать от радио и телевидения. Пусть переживёт информационную «ломку». Вдруг его мозг сам отринет всё лишнее в данный момент, и Сашка вновь заговорит? Что будет тогда с вашим пари?»

— Что здесь происходит? — прервал чтение неожиданно вошедший в медотсек Петров.

— А вот и наш строгий доктор пожаловал, — нагло осклабился Горишвили, снимая ридер-очки.

— Маша, тебя ищут по всей станции, — укоризненно сказал Николай. — Зачем ты выключила здесь громкую связь?

— Это я выключил, — поспешил ответить Горишвили. — Мне-то в этом лазарете ваши объявления ни к чему, только спать мешают.

— Что случилось? — встревоженно вскочила Мария.

— Ничего особенного, — ответил Петров, надевая на голову Горишвили шлем мем-рекордера. — Просто твоя вахта началась полчаса назад, и сеанс связи с Землёй вместо тебя пришлось проводить Белову.

— Ой, Коля, прости, — смутилась Мария. — Я совершенно забыла...

— Я вижу, — хмуро ответил Петров.

— Эй, господин доктор, — вмешался Горишвили. — Маша тут не развлекалась, она за больным ухаживала.

— Слушала какой-то рассказик, — саркастически усмехнулся Николай. — Ты прежде всего на этой станции отвечаешь за связь, — укоризненно сказал он побагровевшей от стыда Марии. — А уж потом, в свободное от основной работы время, медсестра.

— Полегче, доктор, — вновь вмешался Горишвили. — Ничего страшного не произошло, если кто-то пару минут поболтал с Землёй вместо Маши.

— Сигнал отсюда до Земли идёт тридцать пять минут, — раздражённо ответил Петров. — Ответ Центра столько же. Так что «болтать» весьма проблематично. Поэтому все сигналы шифруются и сжимаются. Кроме того, через нас осуществляется связь с Центром и всех прочих станций проекта «Юпитер».

— Перестаньте! — встала между ними Мария. — Коля, что сообщила Земля?

— Твоему герою, очевидно, это совершенно не интересно, — огрызнулся Петров. — А ты могла бы всё узнать, как говорится, из первых рук, если б уделяла больше времени своим прямым обязанностям и не заставляла разыскивать себя по всей станции.

Гневно сверкнув глазами, Мария вышла из медотсека.

— Грубишь, начальник, — злобно прорычал Горишвили. — Власть свою демонстрируешь? Твоё счастье, что у меня нога повреждена...

— Заткнись, калека! — тоже повысил голос Петров. — Ну, чего выпулсился? Героя из себя строишь? Думаешь, я не знаю, как и зачем ты

повредил себе ногу? Во время войн такие, как ты, тоже намеренно калечили себя, чтобы не идти в бой.

— Сейчас не война, и я не солдат...

— Война! — закричал Петров. — С космосом, собственным страхом. За знания и жизненное пространство. Здесь не Земля. Случайный метеорит, пробивший оболочку МКС, отказ оборудования, сбой автоматики, ошибка пилота шаттла, осуществляющего полёты между нами и станциями спутников, опоздание транспортника с Земли, доставляющего нам раз в месяц продукты и запчасти — всё, что угодно может убить нас. Мы — на передовой, и в любой момент нас подстерегает смерть. Потому что до Земли миллионы километров, и помощи, в случае чего, ждать неоткуда.

— Но ведь я тоже здесь!

— Да, здесь, — успокаиваясь, сказал Петров. — Но ты — не один из нас. Ты — обычный поганый журналюга! Сто тридцать два года назад межпланетный транспортник «Голиаф» должен был доставить сюда, на орбиту Юпитера, первую секцию МКС «Ю-1». Твоему хозяину, главе концерна «Интерньюс», пришла в голову «гениальная» идея: добавить в команду «Голиафа» «простого парня, такого, как все». Только со смазливой внешностью и хорошо подвешенным языком. Чтобы каждый земной обыватель, сидя на своём диванчике перед телеэкраном и попивая пиво, смотрел твои репортажи с борта космического корабля и чувствовал себя равным первопроходцам и десантникам космофлота. «Интерньюс» приобрёл тебе билет космического туриста. Вот как ты оказался на борту «Голиафа».

— И что случилось? — тихо спросил Горишвили.

— Никто не знает. Корабль исчез где-то здесь, на орбите Юпитера. Астрономы зафиксировали вспышку, но был ли это взрыв, в точности не известно. А ты, герой, свою память старательно запер от всех. И ключик выбросил.

— Слушай, доктор, — заскрипел зубами Горишвили. — Мне надоели твои обвинения! Ничего я не запираю и никаких ключей не выбрасывал. Зачем мне это?

— Мы узнаем, — спокойно ответил Петров, отключая мем-рекордер. — Обязательно узнаем...

Он вынул из прибора кристалл записи.

— Посмотрим, что выдал твой мозг, когда ты разозлился и утратил над собой контроль, — усмехнулся Петров и вышел из медотсека, даже не взглянув на Горишвили.

— Итак, начнём совещание, — устало сказала майор Прийма. — После катастрофы нас осталось трое.

— А я? — возмутился Горишвили. — Меня почему не считаешь?

— Ты, Котэ, пассажир, — мягко ответила Прийма. — К тому же — штатский, без специальной подготовки. Чем ты нам можешь помочь?

— Прежде всего, я — мужчина! — гордо выпрямился Горишвили. — Тебе ли, Вера, этого не знать?

— Ладно, с этим вопросом разберёмся позже, — пресекла спор майор Прийма и нажала кнопку включения видеозаписи. — Сегодня двадцать четвёртое октября две тысячи семьдесят второго года. Семнадцать часов две минуты по корабельному времени. Я — член экипажа космического грузового корабля «Голиаф» майор космофлота Вера Прийма. Наш командир, полковник Юрий Смирнов, погиб. Как старшая по званию, приняла командования на себя. Из двадцати человек экипажа корабля в живых, кроме меня, осталось ещё трое: капитан космофлота Джон Льюис, лейтенант Алексей Ветров и пассажир корабля, репортёр агентства «Интерньюс» Котэ Горишвили. Капитан, доложите, что произошло.

— Я и лейтенант Ветров были в рубке, на вахте, — начал Льюис. — Всё было в норме. Корабль шёл в точку назначения по заданному маршруту, согласно установленному графику. В пятнадцать сорок семь по корабельному времени почти прямо по курсу внезапно появился неизвестный объект.

— Что значит «внезапно»? — спросила Прийма.

— За секунду до этого его там не было, — нервно потёр лоб Льюис. — Локатор показывал чистое пространство. И вдруг появился объект, приблизительно втрое больше нашего корабля. Прямо, как в фантастических фильмах, где звездолёты «ныряют» во всякие «надпространства» или появляются из «червоточин».

— Ладно, оставим пока догадки и сравнения. Что было дальше?

— Автоматика включила сигнал тревоги и противометеоритную пушку. Объект был слишком близко и нёсся прямо на нас. Мы начали манёвр уклонения от лобового столкновения. Будь это обычный метеорит из пояса Койпера, наш лазер испарил бы его, но объект оказался чужим звездолётом. Удар пушки пришёлся, видимо, по отсеку управления инопланетян, и их неуправляемый звездолёт через шестнадцать секунд врезался в наш корабль.

— Каковы последствия столкновения?

— Произошёл взрыв топливных баков «Голиафа». Двигательный отсек оторвало. Разгерметизированы почти все жилые и рабочие поме-

щения, кроме рубки управления и вашей каюты, госпожа майор. Находившиеся в повреждённых отсеках люди погибли. Чудом в живых остались только мы трое и пассажир.

— Да, Котэ был в моей каюте во время столкновения, — покраснела Прийма. — Мы... в общем, нам повезло. Продолжайте, капитан.

— Чужой звездолёт и остатки «Голиафа» теперь составляют единый конгломерат неуправляемых обломков. Столкновение и взрыв сбили нас с курса. Мы падаем на Юпитер.

— Сколько у нас времени?

— Неделя, не больше.

— Лейтенант, что у нас со связью?

— Связи нет и не будет, — ответил Ветров. — Даже если мы найдём и каким-то образом подключим оторванную взрывом антенну дальней связи, у нас просто не хватит энергии на сигнал нужной мощности. Энергоотсек разрушен. Словом, нас никто не услышит.

— Капитан, что у нас с запасами воздуха?

— Система жизнеобеспечения рубки сейчас работает в автономном режиме. Аккумуляторов хватило бы на месяц, но...

— Понятно. Что ещё?

— Уцелело пять скафандров, — продолжил Льюис. — Каждый из них имеет суточный запас кислорода. Продовольствие уничтожено. С водой лучше: она превратилась в лёд, растопить который не составит труда.

— Спасибо, капитан. Осталось добавить, что я с лейтенантом Ветровым побывала на звездолёте пришельцев. Он тоже пострадал от столкновения и взрыва. В рубке одни обгорелые трупы. Но мы обнаружили отсек с рядами устройств, напоминающих наши криокамеры. Почти все они заполнены пришельцами. К сожалению, мы не знаем, как их «разбудить» и, следовательно, на их помощь рассчитывать не можем. Джон, а что с нашими спасательными капсулами?

— Уцелела только одна, госпожа майор.

— Понятно, — вздохнула Прийма. — Какие будут предложения?

Все молча смотрели на неё.

— Подождите, — заговорил вдруг Горишвили. — Это что же получается: нам осталось жить всего неделю?

— Успокойся, Котэ, — грустно ответила ему Прийма. — Мы что-нибудь придумаем.

— Что вы придумаете? — взорвался Горишвили. — Я же слышал: связи нет, еды нет, мы падаем на Юпитер!

— Лейтенант, проводите Котэ в мою каюту, — распорядилась майор.

— Никуда я не пойду! — заорал Горишвили. — Я хочу знать, что вы тут решите. Это меня тоже касается.

— Хорошо, — махнула рукой Ветрову Прийма, отменяя приказ. — Пусть остаётся.

Помолчав, майор сказала:

— Отложим пока звания и субординацию. Наша миссия провалена. Поговорим не как солдаты, а как простые люди Земли. Нам выпал уникальный шанс: мы, наконец-то, вступили в явный контакт с инопланетной цивилизацией.

— Ничего себе контакт! — вновь взвился Горишвили.

— Заткнись, «мужчина», — презрительно осадил его Ветров. — Тебе слова никто не давал.

— Котэ, не перебивай меня, — попросила Прийма.

— Но, Вера...

— Сиди молча, если у тебя нет каких-то конкретных предложений, или я прикажу удалить тебя с совещания. У нас нет времени на истерики и склоки.

Горишвили возмущённо запыхтел, делая вид, что поправляет ремни безопасности, удерживающие его в кресле. В целях экономии энергии система искусственной гравитации с момента катастрофы была отключена.

— Да, контакт состоялся не так, как нам всем хотелось бы, — продолжила майор. — Однако мы обязаны доложить обо всём произошедшем в Центр.

— Но как это сделать, Вера? — спросил Ветров. — Связи нет.

— У нас есть спасательная капсула, — задумчиво произнесла Прийма. — Мы можем записать в память её бортового компьютера наши рапорты и отчёты, видеозаписи столкновения, загрузить в капсулу артефакты с чужого звездолёта и оставить её на орбите Юпитера. Рано или поздно сюда прилетит следующая миссия с Земли и обнаружит наше послание. Мы даже можем попытаться заменить криокамеру на нашей капсуле соответствующим устройством с пришельцем.

— Что?! — возмутился Горишвили. — Спасать одного из погубивших нас ублюдков?

— Котэ! — укоризненно посмотрела на него Прийма. — Ты же репортёр! Контакт — это мировая сенсация...

— Я не согласен! — закричал Горишвили. — Если есть возможность спасти хотя бы одного человека...

— Замолчи, Котэ! — приказала майор.

— Он прав, Вера, — сказал вдруг Ветров. — Человек сможет рассказать больше, чем рапорты и видеозаписи. К тому же, криокамера пришельцев не пройдёт в люк нашей спасательной капсулы.

— Что ж, — вынужденно согласилась Прийма. — Тогда вам, троим, придётся тянуть жребий.

— Нет, майор, — твёрдо возразил Льюис. — Никакого жребия. Вы должны занять место в капсуле.

— Согласен, — быстро добавил Ветров. — Лично я не смогу себя уважать и смотреть в глаза людям, если сам спасусь, а женщину оставлю умирать.

— Прекратить дискуссию! — хлопнула ладонью по столу Прийма. — Здесь нет женщин и мужчин, есть командир и подчинённые. Капитан всегда покидает гибнущий корабль последним. Приказываю тянуть жребий.

— Я тоже не согласен! — взвизгнул каким-то срывающимся голосом Горишвили. — Не должно быть никакого жребия.

— Правильно, господин репортёр, — поддержал его Льюис. — Наконец-то вы ведёте себя, как настоящий мужчина.

— Вы должны спасти меня! — не слушая капитана, верещал Горишвили. — Я — пассажир на вашем корабле. Команда обязана в первую очередь спасти пассажиров, а не себя!

— Коля, нам надо поговорить...

— Я давно пытаюсь это сделать, — ответил Петров. — Но ты, в последнее время старательно избегала любых объяснений между нами.

— Ты прав, прости, — согласилась Мария. — Но больше откладывать нельзя.

— Что ж, начинай.

— Это не так просто...

— Тогда начну я.

Петров нервно сжал подлокотники кресла и глубоко вздохнул.

— От меня только что вышел прибывший сегодня на очередном транспортнике с Земли капитан Шульц. По документам, он прибыл на «Ю-1», чтобы заменить тебя. Что это значит?

— Об этом я и пришла поговорить, — виновато взглянула на Петрова Мария. — Мой контракт на «Ю-1» заканчивается через неделю, и я не стала его продлевать.

— Но почему? — удивился Николай. — И как получилось, что я об этом узнаю только сейчас?

— Центр запрашивал твоё согласие на замену меня Шульцем, — отвела взгляд Мария. — Это было во время моей вахты. Я ответила, что ты не возражаешь.

— Что? — поразился Петров. — Ты ответила Центру, даже не спросив моего мнения и не поставив меня в известность о происходящем? Маша, это же преступление! Как ты могла? Зачем?

— Прости меня, Коля, — поникла в кресле Мария. — Я не хотела волновать тебя раньше времени. Ты и так последнее время весь на нервах. Кроме того, я хотела избежать бесполезных споров и объяснений. Можешь подать на меня рапорт, всё равно это теперь не имеет никакого значения.

— Это не ответ! — вспыхнул Петров. — Зачем ты прервала контракт?

— Ты же знаешь, транспортник увезёт Котэ на Землю. Я хочу полететь с ним, — с вызовом взглянула на Николая Мария. — Я... люблю его.

— Ты сошла с ума! — ужаснулся Николай. — Подумай, что ты говоришь. Как можно влюбиться в такого подонка?

— Не смей его так называть! — гневно крикнула Мария. — Вы все тут окружили Котэ ненавистью и презрением. И всё из-за твоего дурацкого мем-рекордера. Мало ли, что он там показывает! Ты не можешь в точности определить, где настоящие воспоминания, а где бред травмированного мозга.

— Машенька, — с жалостью посмотрел на неё Николай. — Я понимаю, ты стараешься обелить и оправдать Горишвили. Но не давай чувствам заглушить разум.

— Я помню ту первую запись, что ты мне показывал, — запальчиво ответила Мария. — Битва с гориллами и моё так называемое соблазнение. И мне лучше других известно, что никакого соблазнения тогда не было! Почему же я должна верить во всё остальное?

— Значит, тогда соблазнения не было, — саркастически усмехнулся Николай. — А когда было?

— Это сейчас не важно и тебя не касается, — непреклонно ответила Мария. — Вместе с отказом от продления контракта, я послала на Землю и заявление о разводе. Видимо, поэтому Центр и не настаивал на дальнейших объяснениях и личных контактах с тобой.

— Да, я получил эти документы, — хмуро кивнул Николай. — Об этом потом. Вернёмся к Горишвили...

— Нет, о Котэ больше говорить не будем, — возразила Мария. — Ты меня не убедишь.

— А документальная запись его преступных подлых действий убедит?

— Какая запись? — презрительно засмеялась Мария. — Опять твой мем-рекордер?

— Нет, — с сочувствием посмотрел на неё Николай. — Раз ты об этой записи ничего не знаешь, значит, вы с Горишвили, как всегда, отключили громкую связь. Видишь ли, Маша, в спасательной капсуле Горишвили была видеокамера, фиксирующая на внутреннюю память всё происходящее. Мы не могли просмотреть эту запись раньше, так как в той видеокамере нет режима воспроизведения. Горишвили, судя по всему, не знал об этой камере, и потому её флэшка сохранила для нас всё, что он делал.

— Почему же вы раньше молчали об этой видеокамере? — недоверчиво спросила Мария.

— За сто тридцать лет кардинально изменились форматы записи и устройства хранения. С личным чипом Горишвили было проще — там считывание данных происходит бесконтактно. Мы обнаружили и извлекли из видеокамеры флэшку, но нам нечем было её прочесть. Рисковать с самодельными переходниками Центр нам запретил. Сегодня транспортник доставил с Земли соответствующее устройство. Расшифровку этой записи уже посмотрели по внутренней сети все свободные от вахты сотрудники «Ю-1» и команда транспортника. Хочешь посмотреть сейчас?

— Нет, — нервно сжала руки Мария. — У меня нет времени. Просто кратко расскажи, что там?

— Капсула давно уже отделилась от «Голиафа» и вышла на самостоятельную орбиту вокруг Юпитера, а Горишвили всё не решался влезть в криокамеру: тянул до последнего момента, — презрительно начал Петров. — Боялся, хотел продлить жизнь как можно дольше.

— Прошу тебя, не надо оценок и комментариев, — взмолилась Мария. — Только факты.

— Хорошо, — кивнул Николай. — Прийма, Льюис и Ветров работали почти без перерывов на отдых и сон, стараясь заснять и передать как можно больше информации о чужом звездолёте и пришельцах. С Горишвили они не общались. Его помощь, собственно говоря, им не требовалась — данные шли напрямую в память бортового компьютера спасательной капсулы.

Когда кислород в воздухе капсулы стал заканчиваться, и дышать стало трудно, Горишвили начал раздеваться, чтобы лечь в криокамеру. И тут он услышал слова Ветрова, сказанные Льюису. Космонавты счи-

тали, что Горишвили давно в глубокой заморозке и их не слышит, потому и не стеснялись в выражениях. С тех пор Горишвили и не любит громкую связь, хоть и жалуется на амнезию.

— Не тяни, Коля, — попросила Мария. — Время уходит. Мне сейчас не важно, кто там кому чего сказал...

— Ошибаешься, Маша, — возразил Петров. — Этот момент как раз очень важен. Ветров сказал Льюису, что ему жаль, что весть о величайшем открытии в истории человечества принесёт на Землю трусливый подонок. И Горишвили эти слова, к сожалению, услышал. До него дошло, что он сам доставит на себя убойный компромат. Его репутация и карьера рухнут. Времени, чтобы найти и удалить из памяти компьютера соответствующие записи, у него уже не было. Задыхаясь от страха и недостатка кислорода, этот подонок прервал связь с «Голиафом» и дал команду бортовому компьютеру спасательной капсулы отформатировать всю память. Он сознательно уничтожил все сведения о контакте и подвиге троих землян! А потом быстро залез в криокамеру и включил режим заморозки. В спешке, этот подонок даже не подумал о том, что, форматируя память компьютера, он удаляет и программу подачи аварийного сигнала. Вот почему столько лет никто не слышал «SOS» с его спасательной капсулы. Если б наш зонд случайно не пролетел рядом...

— Мне пора идти собирать вещи, — встала Мария. — Транспортник уходит через два часа.

— Опомнись, Маша! — взмолился Николай. — Зачем ты себя губишь? Расшифрованная запись уже ушла в Центр. Предыдущие кто-то скинул в интернет, и их посмотрели миллиарды людей. Когда-то в Древней Греции один ничтожный негодяй сжёг храм Артемиды, чтобы хотя бы этим прославить своё имя. Но он не достиг своей цели: люди стёрли изо всех документов имя поджигателя, дав ему кличку «Герострат», чтобы другим неповадно было повторять подобное. Имя же Котэ Горишвили, наоборот, уже стало известно всем и останется символом трусости, подлости и предательства. Горишвили ждут на Земле всеобщие ненависть и презрение. Я недавно с трудом удержал ребят от самосуда. Они хотели опять засунуть негодяя в его спасательную капсулу и выкинуть в космос.

— Именно поэтому я должна быть рядом с Котэ, — решительно ответила Мария. — Каждый может оступиться, испугаться, совершить что-то постыдное. Должен быть кто-то рядом, чтобы спасти человека от дальнейшего падения.

— Что ты говоришь, Маша? — ужаснулся Николай. — Кого ты собираешься спасти? Нельзя прикоснуться к грязи и не испачкаться. С тех

пор, как Горишвили появился на «Ю-1», ты не раз нарушила дисциплину, утаила от меня запрос Центра, подделала мой ответ, лгала мне...

— Добавь ещё: изменяла, — безучастно произнесла Мария.

— Ты не тянешь Горишвили вверх, а сама катишься вниз! — взорвался Николай. — До сих пор на меня здесь смотрели с жалостью, а на тебя с недоумением. Кто-то и подсмеивался за спиной. Но если ты окончательно уйдёшь к этому подонку, в глазах людей вы будете с Горишвили одно и то же. Все решат, что ты одобряешь его поступки. А что ты скажешь нашей дочери?

— Да, ты прав, — согласилась Мария. — Но если я сейчас брошу Котэ, то чем я буду лучше? Я узнала всю правду о нём, и мне сейчас тяжело, но моя любовь к нему никуда не делась. Чувства не подвластны разуму. Они либо есть, либо нет. Прости меня, Коля. Подпиши документы на развод и... объясни всё Ленке. Она уже взрослая, сама замуж собирается. Должна меня понять...

— Нет, Маша, — твёрдо сказал Петров. — Развод я тебе не дам. Ленку ты увидишь раньше меня, если, конечно, она захочет с тобой встречаться. Сама ей всё и объясняй. Ты права: чувства не подвластны разуму. Но я уверен в одном: рано или поздно Горишвили предаст и тебя. Здесь, на «Ю-1», ты была первой и единственной женщиной, которую он увидел после ста тридцати двух лет спячки. На Земле у него будет выбор куда больше.

— Намекаешь на мой возраст? — горько улыбнулась Мария. — Ты же сам сказал, что Котэ ждёт на Земле всеобщее презрение.

— Земные тюрьмы полны преступниками, ищущими себе подруг по интернету, — махнул рукой Николай. — Они легко находят дур, вступающих с ними в переписку. Те ездят в тюрьмы на свидания и даже выходят замуж за этих подонков. А твоему Горишвили вряд ли тюрьма грозит: нет пока такого закона ни в одном уголовном кодексе. Вот увидишь, он ещё и мемуары какие-нибудь лживые накропает, по ним снимут боевик, твой красавчик разбогатеет и обзаведётся толпой поклонниц. Ты станешь ему не нужна, и он немедленно избавится от тебя.

— Может быть, всё так и будет, — ответила Мария. — Но сейчас я нужна Котэ и не оставляю его один на один с бедой, дашь ты мне развод или нет.

— Что ж, — встал Николай. — Тогда ты должна понять и меня: я тоже не могу оставить тебя один на один с бедой. Хочу, чтобы ты помнила: есть человек, который по-настоящему любит тебя, и есть место, куда ты всегда можешь вернуться. Вот почему я не дам тебе развод. А

теперь пойдём собирать твои вещи, до отлёта транспортника на Землю осталось всего полтора часа...

ЧЁРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

...В руке Горгоны вспыхнул огненный цветок, и Сергея Быстрова окутало радужное облако защитного поля.

— Бластер! — изумился Быстров.

Уходя от губительного луча, он нырнул в белесый туман облака. По ушам бил тревожный сигнал стремительно разряжающегося аккумулятора. Ещё немного, и откажет не только защита, но и антиграв, и тогда Быстров просто камнем рухнет в море. Рядом с шипением возникали струи раскалённого пара — Горгона наугад резала укрывшее Сергея облако лучами бластера. Ещё одно попадание, и Быстрову конец. Рванув застёжку кобуры, Сергей тоже выхватил бластер и взмыл к солнцу. Спасительное облако осталось внизу. Солнце слепило Горгону, и потому та не сразу заметила Быстрова. Сергею пришлось впервые стрелять из боевого оружия в живого человека: обычно он обходился парализатором. Но для точного выстрела из пистолета расстояние слишком велико. На сомнения и колебания времени не было. Луч бластера ударил в парящую над волнами Горгону, и ту тоже мгновенно укрыло радужное облако защитного поля.

— Чёрт возьми! — выругался Быстров. — У неё не только боевой бластер, но и защитный комбез Патруля времени! Кто же ты, сволочь? Неужели одна из нас?

Вокруг Горгоны вскипали фонтаны пара — держать её на прицеле в болтанке полёта было весьма нелегко. Тем более что та тоже не висела на месте, не желая быть неподвижной мишенью. Защита Горгоны отказала на секунду позже полного разряда бластера Быстрова. Радужное облако исчезло, и Горгона стремительно полетела к виднеющемуся невдалеке берегу моря. Сергей сунул бесполезный бластер в кобуру и в запале выпустил вдогонку удирающему врагу заряд из парализатора. Опомившись, он убрал пистолет и ринулся вдогонку...

— А, вот и ты, — шеф приветливо взмахнул рукой, приглашая Быстрова войти. — Проходи, Сергей, садись.

С упавшим куда-то в желудок сердцем, Быстров плотно закрыл за собой дверь кабинета, прошёл вдоль длинного стола для совещаний к первому ряду стульев и сел. Когда шеф так приветлив и зовёт кого-либо просто по имени, значит дело — дрянь.

— Знакомьтесь, — продолжил шеф, и Быстров поднял глаза на сидящего напротив него незнакомого седоватого мужчину в штатском костюме. — Это — наш коллега из Уголовного розыска, полковник Романов. А это — наш лучший сотрудник, старший группы службы Патруля времени, лейтенант Быстров.

— Николай, — чуть привстав, протянул через стол руку Романов.

— Сергей.

— Ну, вот и познакомились, — жизнерадостно промурлыкал шеф, и у Быстрова от его довольной улыбки заныли зубы. — Полковник, введите лейтенанта в курс дела. Да и мне не помешает ещё раз послушать.

— Знаешь, кто такие чёрные археологи? — спросил Быстрова Романов.

— Конечно, — кивнул тот. — Раскапывают курганы, места былых сражений. Находки продают коллекционерам, хотя по закону обязаны сдавать их государству.

— Вам с ними приходилось сталкиваться? — повернулся к шефу полковник Романов.

— Нет, — ответил тот. — Путешествие в прошлое пока очень дорого. Хронотуризм только начинается и доступен лишь весьма богатым людям. Чёрным археологам он не по карману. А официальные научные экспедиции постоянно находятся под контролем Патруля времени. Никто из наших подопечных и шагу в одиночку в прошлом сделать не может.

— К сожалению, у нас сложилось иное мнение, — хмуро сказал полковник Романов. — Кто-то летает в прошлое, минуя ваш контроль.

— Этого не может быть! — вскочил Быстров.

— Сядь, Сергей, — успокаивающе улыбнулся ему шеф. — Сядь и слушай дальше.

— В Москве есть некий антиквар — Беридзе Котэ Шалвович. У него небольшой магазинчик на Тверском и свой сайт в интернет, — продолжил полковник Романов, когда Быстров сел на свой стул. — Жена одного из наших сотрудников работает в Налоговой инспекции. Она приблизительно год назад проводила очередную проверку бизнеса Беридзе и заметила одну странную закономерность. Сначала на сайте Беридзе в разделе «Куплю» появляется объявление о том, что магазин приобретёт некий предмет у организации или частного лица. Через неделю-две в книге посетителей сайта появляется письмо некоего владельца-частника с предложением продать магазину Беридзе искомый предмет. А ещё через неделю этот предмет уже выставляется в разделе

продаж магазина, и его практически немедленно, то есть — в течение суток, покупает какой-нибудь богатый коллекционер. Самое любопытное в этой схеме то, что покупатели могут меняться, а вот продавец-частник всегда один и тот же. Её ник — Горгона.

— Ну и что? — нервно спросил Быстров. — Ясно, что интернет-магазин Беридзе — просто посредник между Горгоной и коллекционерами редкостей. Он что — легализует краденое?

— Нет, — отрицательно покачал головой полковник Романов. — Ни одна из проданных Горгоной вещей никогда не была украдена. По крайней мере, никто не заявлял и не заявляет об их пропаже. Более того, они вообще не числятся в каких-либо каталогах: ни музейных, ни частных.

— Ну и при чём тут мы, Патруль времени?

— А при том, лейтенант, что Горгона продаёт именно то, что заказывают коллекционеры: вещи известные, но не существующие в нашем времени. Среди них, например, золотая серьга киевского князя Святослава, украшенная карбункулом и двумя жемчужинами. Того самого Святослава, сына не менее знаменитых князя Игоря и княгини Ольги, которого убили печенег на днепровских порогах, когда он возвращался с победой домой, разгромив византийцев в Болгарии. Печенег отрубили князю голову и сделали из его черепа пиршественную чашу. Судьба серьги Святослава с тех пор неизвестна. Откуда она у Горгоны?

Быстров пожал плечами.

— А откуда уверенность, что это именно та серьга?

— Горгона прилагает к каждой проданной ею вещи небольшой видеоролик, в котором запечатлён вместе с этим артефактом либо его создатель, либо известный владелец. Современные методы позволяют установить точный возраст любой вещи, а полёт в прошлое делает бессмысленным подделку видеороликов. Что ты теперь скажешь, лейтенант?

— Горгона имеет возможность бесконтрольно летать в прошлое, — убито признал Быстров. Ему стали понятны и ласковый приём, и улыбка шефа. Но почему козлом отпущения выбран он?

— Но Горгона не может что-либо забирать в прошлом и доставлять сюда, в наше время. — Вмешался шеф. — Это пока технически невозможно.

— Это ваша проблема, — развёл руками полковник Романов. — Я знаю одно: мы обязаны поймать Горгону и передать в руки правосудия.

— А мы-то вам зачем? — раздражённо спросил Быстров. — Возьмите её на передаче очередного заказа в магазин Беридзе.

— Пробовали, — вздохнул полковник. — Не получается. Артефакты приходят по почте, обычными посылками. Как они оказываются на центральном сортировочном пункте Москвы, установить не удалось. Обычные почтовые коробки без штампов и отметок каких-либо почтовых отделений. Адрес отправителя не существует.

— А деньги?

— Беридзе переводит их на счёт Горгоны в одном из Швейцарских банков. Это — номерной счёт. Горгона может управлять им по интернету или лично являться в банк. Мы всё равно об этом не узнаем — банк не даст никакой информации, так как невозможно без суда объявить Горгону преступницей.

— А за что её судить? — мрачно спросил Быстров. — Горгона никого не ограбила, ничего не украла. Что вы можете ей предъявить?

— В этом-то и проблема, — уныло ответил полковник Романов. — Мы не знаем, как и где Горгона достаёт заказанные вещи. Вот почему нам нужна помощь Патруля времени.

— А мне, лейтенант Быстров, хочется знать, каким образом эта Горгона избегает нашего контроля, — жёстко произнёс шеф. — Какие у тебя на этот счёт имеются соображения?

Быстров задумался.

— На самом деле, уйти от нашего контроля очень легко...

— Вот как? — недоверчиво подался вперёд в своём кресле шеф. — А подробнее. Так, чтобы не только я, но и полковник Романов понял.

— Мы, конечно, почти непрерывно следим за порученными нашей защите и контролю людьми, совершающими полёт в прошлое, — медленно начал Быстров. — Но бывают моменты, когда кто-нибудь из наших подопечных исчезает с глаз патрульных. Например, заходит за дерево или угол дома. Через секунду-две он вновь появится, но вот откуда?

— Поясни, лейтенант, — прервал Быстрова полковник Романов. — Я что-то не понял, о чём ты.

— Каждый хрононавт носит свою машину времени на себе, как улитка раковину, — Быстров встал и продемонстрировал полковнику широкий ремень. — Универсальный пояс хрононавта, сокращённо — УПХ. Пряжка — сенсорная клавиатура. В пояс вмонтировано всё: мощный аккумулятор, аптечка, хронокомпьютер для задания координат и управления перемещением во времени, антигравитатор для полётов в воздухе, мнемопереводчик со всех известных языков, рация — словом, всё необходимое. Горгоне достаточно незаметно или заранее ввести в хронокомпьютер новые координаты, зайти за дерево и...

— ...она уже не изучает в группе учёных процесс разрушения Колосса Родосского, а ворует кинжал у Бенвенутто Челлини, — восторженно стукнул по столу рукой полковник Романов.

— Вот именно, — крикнул от досады шеф. — А потом эта стерва спокойно возвращается к дереву практически в тот же момент, как покинула его, и, как ни в чём ни бывало, вновь появляется перед коллегами и Патрулём. Молодец, Быстров! И как это мы не предусмотрели такую возможность?

— Подождите! — воскликнул полковник Романов. — Но вы же сказали, что Горгона не может ничего принести из прошлого в наше время.

— Зато она может спрятать нужную вещь в укромном месте, — возбуждённо ответил Быстров. — Закопать, например. А, вернувшись из прошлого, уже в нашем времени откопать и продать.

— Как же вы будете ловить эту хитрую бестию? — озабоченно спросил полковник Романов.

— Элементарно! — небрежно взмахнул рукой шеф. — Так же, как ловят всех хищников: на живца.

...Быстров очнулся от боли. Он лежал ничком на берегу, почти у самой воды. Всё тело ныло. Скалистый берег пятиметровой каменной стеной круто вздымался от неширокой песчаной полосы прибоя, резко переходя наверху в гладкую, как стол, равнину.

— Повезло, что антиграв отказал уже во время приземления, а не в полёте над морем, — пробормотал Быстров, разглядывая торчащие вокруг острые зубья скал. — И всё же «посадка» была жёсткой...

Быстров вынул из кармана «сигару» зарядного устройства. Отвинтив крышку, он вытащил из капсулы туго свёрнутый рулончик. Взмах руки, и рулончик превратился в короткий плащ. Быстров накинул его на плечи и застегнул пряжку. «Ткань» плаща начала жадно поглощать солнечные лучи, заряжая встроенный в пряжку запасной аккумулятор.

Быстров пошёл кромкой моря. Придётся почти сутки ждать, пока солнце зарядит аккумулятор. А где ждать? От голода и жажды он за сутки не умрёт, но и оставаться на месте падения нельзя: на равнине полно диких племён, постоянно враждующих между собой, и кто-нибудь из аборигенов мог видеть его падение. Пистолет вряд ли спасёт от нападения местных отрядов — в запасе осталось не более двадцати парализующих зарядов.

Женский плач вывел Быстрова из задумчивости. Выхватив пистолет, он осторожно огляделся. Аборигены никогда не отпускают своих женщин одних, без охраны, за пределы поселений. Став спиной к мо-

рю, Быстров стал внимательно осматривать прибрежные скалы. Вокруг было сравнительно тихо. Ни один камешек не скрипит под неосторожной ногой. Не звенят доспехи. Только шелест волн, и где-то рядом всхлипывает женщина. Быстров осторожно заглянул за скалу, из-за которой раздавались звуки плача. Перед ним в широкой нише, прижавшись к стене обрыва, сидела девушка. «Рабыня» — отметил про себя Быстров, разглядев короткую белую тунику, окутывающую сжавшуюся фигурку.

— О, Посейдон, пощади меня! — прорыдала девушка.

«Древнегреческий» — определил мнемопереводчик, мгновенно переведя фразу, и загрузил в кратковременную память Быстрова всю необходимую информацию по этому языку.

Осколок раковины предательски хрустнул под ногой Сергея. Девушка вскочила, закрыв лицо руками, и закричала. И тут Быстров увидел, что несчастная прикована к скале. Длинная тонкая цепь спускалась от широких браслетов, охватывающих запястья рабыни, извивалась меж осколков окатанных морем валунов и кончалась вмурованным в стену кольцом.

Сергей шагнул к девушке.

— Не бойся. Я — друг, — тихо сказал он.

Увидев чужака, пленница сначала удивилась. Потом бросилась к Быстрову, прикинула к его груди и опять заплакала. Он стал ласково гладить её короткие пушистые волосы, бормоча какие-то успокоительные слова. Ткань комбеза на его груди стала влажной и горячей от слёз. Наконец, плач постепенно стих. Быстров осторожно отстранил от себя девушку.

— Сейчас я освобожу тебя, — сказал он, с сочувствием глядя на её поникшую, совсем ещё детскую фигурку.

Сердце Быстрова сжималось от жалости. Осторожно взяв худенькую руку пленницы, он достал нож и нажал кнопку. Из рукоятки забила короткая струя плазмы. Отрезанные цепи упали у их ног, как застывшие бронзовые змеи.

— Теперь у тебя на руках будут браслеты. Ну, очнись же!

Быстров потряс девушку за плечо и улыбнулся в её широко открытые, ещё мокрые от слёз глаза.

— Ты свободна, — он поднял с песка покрывало и накинул его ей на плечи. — Иди домой.

Убрав нож, Быстров сел на валун. Неожиданно девушка села рядом с ним.

— Ты что? — удивился Сергей. — Уходи, ты свободна!

— Нет, — отрицательно покачала головой девушка. — Освободить меня может только мой господин. А он этого не сделает. Моя жизнь закончится здесь, как только зайдёт солнце. А теперь и ты погибнешь вместе со мною.

— Почему?

— С заходом солнца сюда придёт Смерть. Чтобы она не выходила из моря на равнину и не нападала на город Дагон, воины царя Неарха каждую неделю приводят сюда раба или рабыню. Смерть съедает жертву и уходит назад, в море. Сегодня жребий пал на моего хозяина.

— Иди домой. Я вместо тебя буду жертвой.

— Кто мне поверит? — грустно улыбнулась девушка.

— Тогда уйди отсюда куда-нибудь подальше и спрячься, — предложил Быстров. — А утром, когда всё будет кончено, вернёшься домой.

— Ничего не выйдет, — вздохнула та. — В двух полётах стрелы от этого места — и на равнине, и по обе стороны берега — караулят воины. На всякий случай. Нам не уйти. Меня сразу же вернут сюда и опять прикуют к стене, а тебя либо убьют, либо ты займёшь моё место у этой скалы через неделю. Лучше попробуй уйти и спрятаться сам.

Девушка вернулась в нишу, вновь расстелила своё покрывало, села и с безнадёжной тоской стала глядеть на море.

— Да уж, положеньице, — вздохнул Быстров. — Воины, говоришь?

Он посмотрел на индикатор заряда аккумулятора и безнадёжно присвистнул: энергии не хватит ни на активацию защитного поля, ни на включение антиграва. Он застрял в ловушке где-то в античной Лидии на берегу Эгейского моря. Что у него есть? Разряженный бластер, нож и пистолет с двумя десятками парализующих зарядов. Вряд ли с таким арсеналом ему удастся прорвать оцепление и уйти живым и невредимым. Разве что, ночью попробовать? А куда, собственно, он собрался прорываться? Искать Горгону? Где? Операция сорвана. Надо просто дожждаться полной зарядки аккумулятора и вернуться назад, в своё время.

Быстров взглянул на стоящее в зените солнце. Что ж, по крайней мере, источник энергии ещё долго будет на нужном месте. Сергей снял плащ и расстелил его на солнцепёке — пусть заряжается. Потом шагнул в тень ниши и сел рядом с девушкой. Та удивлённо спросила:

— Ты решил умереть вместе со мной?

— Нет. Лучше сразиться с неизвестным чудовищем, чем вступить в заведомо безнадёжный бой с вашими воинами. Как говорят на моей родине: из двух зол нужно выбирать меньшее.

— Почему ты решил, что выбрал меньшее зло?

— Ну, хотя бы потому, что до заката, когда придёт за тобой Смерть, ещё далеко, — улыбнулся Быстров. — Так что я проживу немного дольше. Ваши воины убили бы меня гораздо раньше.

— Ты же можешь спрятаться в прибрежных скалах или сдаться!

— Я тоже воин, — устало ответил Сергей. — Слушай, у меня был трудный день. Мне надо отдохнуть и набраться сил для встречи с вашим чудовищем. Я немного посплю, а ты покарауль. Разбуди, если что.

Быстров лёг на горячий песок и закрыл глаза. Надо хорошенько обдумать, что делать дальше. Где искать Горгону? Негодяйка где-то здесь, рядом. Она тоже должна подзарядить свой аккумулятор, чтобы вернуться в двадцать второй век. Эх, если бы Сергей был не один, а с Генкой! Вдвоём с напарником они бы легко взяли Горгону. Кто ж мог предположить, что она вооружена и экипирована не хуже Быстрова?

— Ну что, Старшой, забьём быка? — достав из кармана монету, спросил Генка Гор. — Чур, мой «орёл»!

— Давай, — легко согласился Быстров.

Генка щелчком большого пальца подкинул монету в воздух. Та, вертясь, сверкнула в лучах жаркого летнего солнца и зазвенела на плитах террасы.

— Решка! — разочарованно вздохнул Генка, поднимая монету. — Опять мне трястись на вонючей кобыле.

— Зато тебе везёт в любви, — засмеялся Быстров, бросая окурочек в урну утилизатора. — Где ты только находишь своих красоток?

— Места надо знать! — самодовольно усмехнулся Генка и широко распахнул дверь в комнату отдыха. — После вас, сударь.

Они вошли. Миновав столики с шахматами, домино, нардами и колодами карт, за которыми коротали свободное время остальные члены дежурной команды Патруля времени, друзья сели в кресла установки виртуальной реальности.

— Хочешь, после дежурства свожу тебя в одно место? — спросил Генка, запуская «Корриду».

— Нет уж, — надевая шлем VR, ответил Быстров. — Твои красотки мне не по карману. У меня нет папаши — олигарха!

— Да брось ты, Старшой! — заржал Генка. — Я угощаю!

— Мне хватает адреналина на работе, — не желая огорчать друга резким отказом, отмахнулся Быстров. — А когда затишье, как сейчас, — в виртуалке.

— Не любишь ты меня сегодня, — укоризненно пробурчал Генка, надевая свой шлем VR. — Почему?

— Завидую, — криво улыбнулся Быстров. — Так что, поехали? Или будем и дальше лясы точить?

— Поехали! — И Генка ткнул кнопку запуска...

...Высокие сапоги из натуральной кожи противно скрипели, когда Быстров неторопливо выходил на середину арены. Солнце пекло немилосердно. Сергей поднял вверх узкий клинок шпаги, приветствуя сидевших на трибунах зрителей. Вслед за ним на арену выехал на белой, как сахар, кобыле Генка Гор. В левой руке он небрежно держал короткое копьё и пучок украшенных цветами флага России дротиков-бандериллий, положив их поперёк седла перед собой. Правой рукой Гор снял с головы широкополую шляпу и поклонился публике, принимая свою порцию аплодисментов. Его лошадь, горячась от криков множества людей, нервно перебирала тонкими ногами, громко цокая подковами по каменистой земле.

Вдруг двери загона распахнулись, и на арену выскочил огромный чёрный бык. Очевидно, солнце ослепило его в первое мгновение, так как зверь остановился, заморгал и недоумённо затряс головой. Его изогнутые острые рога были покрыты серебряной краской.

Гор пришпорил лошадь и, подъехав к быку, с силой метнул в него один из дротиков. Тот вонзился в могучее плечо зверя. Бык взревел от ярости и боли, взмахнул хвостом и бросился на наглого врага. Генка ловко увёл лошадь из-под удара острых рогов и вонзил в пролетевшую мимо тушу ещё один дротик. Бык резко затормозил всеми четырьмя ногами, взрыхлив копытами утрамбованную до каменного состояния землю, и резко развернулся. Из каждого плеча у него торчали бандерильи, и стекали алые струи крови. Шумно сопя, бык ринулся вперёд. Когда он подбежал, Гор перегнулся через шею лошади, вонзил копьё в бугор между лопатками зверя и налёг всей тяжестью на древко, держа его почти у самого наконечника. Генка изо всех сил удерживал быка, медленно отводя лошадь в сторону, пока она не оказалась в безопасности. Тогда Гор немного ослабил нажим и, когда бык, почувствовавший это, рванулся вперёд, остриё копья вспороло блестящую от пота и крови шкуру, обнажая уязвимое для удара шпаги место между широкими костями лопаток — единственную «ахиллесову пяту» могучего зверя.

Бык громко взревел от ярости и боли. Быстров ловко развернул красный плащ перед его мордой, отвлекая зверя на себя. Взбешённый бык бросился на нового врага. Размахивая плащом перед его налитыми кровью глазами, Быстров обвёл зверя вокруг себя. Когда плащ описал круг, Сергей прижал его к груди. Бык вновь бросился. Почти не сходя с места, Быстров сделал полный оборот. Торчащая из плеча быка банде-

рилья больно хлестнула его по руке с плащом и обломилась у самого наконечника. От запаха пота и крови зверя Сергея немного замутило. Три раза повёртывался он, заставляя быка бегать вокруг себя. Зрители на трибунах ревели от восторга.

На четвёртый раз Быстров выхватил шпагу и, приподнявшись на цыпочки, вонзил её в то место, где копьё Гора вспороло толстую шкуру быка. Промах! Клинок согнулся, уткнувшись в кость лопатки. Бык дёрнул плечом, шпагу вырвало из руки Быстрова, а сам он покатился по земле. Гор тут же бросил лошадь между быком и ошеломлённым падением Сергеем. Разъярённый зверь вонзил рога в брюхо несчастной лошади, поднял её вместе со всадником и, мотнув головою, отбросил в сторону. Вскочив на ноги, Быстров подхватил шпагу и кинулся к быку.

— Торо! — взмахнул он плащом перед окровавленной мордой зверя. Где-то рядом в агонии билась и кричала лошадь, но у Быстрова не было времени и возможности посмотреть, что там с Гором. Он сосредоточился на летящей на него свирепой горе мускулов и злобы. Игры на публику закончились. На этот раз Сергей не промахнулся: клинок вошёл в «ахиллесову пятю» быка. Тот резко остановился, шатаясь сделал пару шагов, роняя кровавую пену с губ, и рухнул на землю. Сергей выдернул шпагу, и горячая кровь брызнула из раны ему в лицо...

Быстров проснулся и тут же вспомнил, где он, и что с ним случилось. Но ощущение горячей влаги на щеке не исчезло. Сергей открыл глаза. Его голова покоилась на коленях окаменевшей от ужаса рабыни. Горячие слёзы пробороздили на её белых, как мел, щеках мокрые дорожки, капая ему на лицо. Быстров вскочил на ноги и замер. В застывшей давящей тишине отчётливо раздавались громкое дыхание и плеск какого-то приближающегося со стороны моря существа. Быстров вышел из ниши и в багровых лучах заходящего за горизонт солнца увидел в прибрежных волнах встающего на задние лапы огромного ящера.

— Ни хрена себе! — ошеломлённо выдохнул Сергей. Он до последней секунды не верил в приход чудовища. Ждал кого угодно: шайку пиратов, банду разбойников или отряд воинов соседнего с городом племени, пришедших за еженедельной данью в виде живого товара, но никак не чудом выжившего представителя доисторической фауны.

Тело морского змея всё выше вздымалось над поверхностью моря. Передние лапы с перепонками между огромными серповидными когтями ритмично рассекали воздух, словно зверь продолжал плыть. Толстый длинный хвост вспенивал воду позади монстра. Маленькие злобные глазки с щелевидными зрачками остановились на Быстрове. Распахнулась метровая пасть, усеянная острыми зубами-кинжалами, и

жуткий рёв поднял в воздух с прибрежных скал тысячи птиц. Звуковая волна отбросила Быстрова назад, в нишу. Из-за его спины вдруг вывернулась гибкая девичья фигурка и бросилась к морю, навстречу зверю. Выхватив пистолет, Сергей одним прыжком догнал рабыню и отшвырнул назад, в нишу. Почти не целясь, он выпустил в ящера три парализующих заряда. Тот замер на мгновение, перестав реветь, затем решительно ринулся на задних лапах к берегу. Видно, для такой туши доза, способная мгновенно свалить с ног слона, была не страшна. Быстров попятился, непрерывно стреляя в надвигающуюся зубастую громадину. Заряды давно закончились, а он всё продолжал жать на спусковой крючок. К его спине прижалась дрожащая девушка.

— Ты остановил Смерть! — вдруг услышал он её удивлённый голос.

— Что? — Быстров сунул в кобуру бесполезный отныне парализатор и внимательно посмотрел на ящера. Тот неподвижно стоял в пяти метрах от берега, опираясь на мощный хвост. Пасть его осталась открытой, глаза горели лютой злобой, но монстр не мог даже моргнуть!

Быстров поднял с песка плащ и бросил взгляд на индикатор. Аккумулятор успел зарядиться лишь на треть. Что ж, Сергей уже вновь может пользоваться защитным полем и антигравом, но вот для полёта во времени энергии ему не хватит. Придётся как минимум и завтрашний день провести на местном солнышке.

— Почему ты его не убиваешь? — спросила девушка. — Избавь нас от этого чудовища!

— Уже, — ответил Быстров, складывая и убирая в контейнер плащ. — Видишь: зверь не дышит. Не может. Получил слишком большую дозу. Скоро он умрёт от удушья. Больше Смерть не будет приходить сюда за очередной жертвой. Как тебя хоть зовут-то?

— Андромеда. А кто ты?

— Ну, раз ты — Андромеда, то я — Персей, — засмеялся Сергей. — Что будем делать: останемся на ночь здесь или поднимемся на равнину?

— А как же наши воины?

— Теперь я их не боюсь.

— И не должен, — раздался вдруг чей-то голос.

Быстров обернулся, одновременно активируя защитное поле. На берег из-за скалы вышел десяток воинов, вооружённых короткими мечами и большими круглыми щитами. У двоих за плечами висели большие луки и колчаны, полные стрел. Трое держали длинные копья.

— Кто вы? — стараясь выглядеть спокойным и уверенным, спросил Быстров. — Что вам здесь надо?

Старший над воинами сделал шаг вперёд и ударил сжатой в кулак рукой себя в грудь.

— Я — Ксанф, начальник стражи Непарха, царя Дагона. Он послал меня за тобой ещё днём. Но мы нашли тебя только сейчас.

— Днём? — удивился Быстров.

— Да. Почти весь город наблюдал бой в небе над морем. Спешу обрадовать тебя, Персей: твой враг, Горгона, тяжело ранен. Он сейчас в царской темнице.

— Что ты сказал? — воскликнул Быстров. — Горгона у вас?

— Да, — ответил Ксанф. — Он сказал, что будет говорить только с тобой.

— Ты сказал «он»? — поразился Быстров. — Горгона — мужчина?

— Да, — в свою очередь удивился Ксанф. — Ты не знаешь, кто твой враг, Персей?

— Горгона назвал тебе моё имя? — уточнил Быстров, проигнорировав вопрос Ксанфа.

— Нет. Он сказал, что мы узнаем тебя по одежде. Она у вас одинаковая.

— Хорошо, Ксанф, идём. Я хочу увидеть Горгону как можно скорее.

— Персей... — замаялся Ксанф.

— Что ещё?

— Разрешите нам отрубить голову этому чудовищу и доставить её нашему царю? Не беспокойся: мы не присвоим твою славу.

— Ладно, — махнул рукой Быстров. — Только побыстрее, солнце уже почти село...

Да, засада всё-таки удалась. Мы с шефом обсудили несколько вариантов приманки. Нужен был артефакт, известный историкам, но о котором ничего не знает простая публика. Это чтобы нам случайно не помешал какой-нибудь хронотурист. Остановились на щите Алкивиада. Никто в наши дни не вспоминал об этом афинском политике. А ведь когда-то Алкивиад был известным стратегом, воспитанником знаменитого Перикла и любимым учеником Сократа. Более того, этот явно неординарный человек слыл в тогдашних Афинах идеалом мужской красоты! Не дурак был выпить, и весьма охоч до баб.

Щиты в Афинах тогда мастерская делала по одному общему образцу. Для богатых клиентов, того же Алкивиада, например, их покрывали золотом. А чтобы в походах не перепутать, где чей, владельцы помечали свой щит специальным знаком. Так вот, Алкивиад и здесь отличился: вместо знака приказал мастеру украсить свой щит изображением

Эрота с молнией в руке, так что его ни с каким другим перепутать невозможно.

Не знаю, куда шеф отправил мой УПХ, но, когда его через пару дней вернули, в нём появилось три новых устройства.

— Этот датчик ты прикрепíš к щиту Алкивиада. — Протянул мне шеф маленький целлофановый пакетик, в котором лежала тонкая прозрачная чешуйка, размером с ноготок. — Он самоклеющийся. Когда Горгона возьмёт артефакт, у тебя на поясе загорится вот этот индикатор, раздастся звуковой сигнал и на табло хронокомпьютера появятся пространственно-временные координаты украденного щита. Ты немедленно стартуешь туда. Вот эта кнопка включает индикатор внешнего хронополя. Как мне объяснили, если рядом с тобой в радиусе ста метров появится хрононавт, индикатор загорится, и ты узнаешь, что Горгона где-то рядом. Сразу включай блокиратор хронополя — вот эту кнопку. Пока работает блокиратор, никто из вас, ни ты, ни Горгона, не сможет перемещаться во времени. То есть, сбежать она не сможет. Как бы Горгона ни маскировалась, индикатор укажет тебе направление и расстояние до неё. Ну, а когда ты её схватишь...

Потом люди полковника Романова организовали через какого-то коллекционера заказ щита Алкивиада в магазине Беридзе. И вот я здесь.

Странно, Горгона должен быть уже рядом, а индикатор на моём поясе не горит. Уж не обманывают ли меня Ксанф с Неархом? Сам, как дурак, лезу в царскую тюрьму.

Мы идём по узкому извилистому коридору. Впереди и сзади меня сопровождают вооруженные мечами воины. В поднятых вверх мускулистых руках они несут чадящие факелы. Где-то позади остались царь Неарх с фальшивой улыбкой на устах и страхом в глазах, Ксанф с кровоточащей головой ящера и пиршественный зал, заполненный вооружённой стражей и демонстрирующими веселье гостями.

Воин впереди вдруг останавливается и распахивает передо мною тяжёлую, обитую бронзой дверь. Мы входим. В колеблющемся свете факелов я вижу лежащую на середине камеры фигуру в комбезе Патруля времени.

— Ну, здравствуй, Старшой, — пронзает мне сердце знакомый голос. — Дождался-таки...

— Оставьте нас, — приказываю я воинам, и те, воткнув факелы в предназначенные для них гнёзда, выходят.

— Генка Гор, — с горечью шепчу я. — Так это ты — Горгона?

— Я, — не отрицает очевидное мой лучший друг. — Генка Гор, Гор Гена, Горгона...

Он вдруг закашлялся, на губах запузырилась кровь.

— Что с тобой? — бросился я к нему.

— Не трогай! — остановил он меня. — Твой выстрел из пистолета был на удивление удачен. Парализованный, я не мог управлять антигравом и на полной скорости впечатался прямо в скалистый берег моря. Похоже, у меня переломаны все кости и повреждены внутренности.

— Завтра я доставлю тебя в лучшую больницу, — мои ноги подкопились, и я сел рядом с Генкой, лежащим на грязном и холодном каменном полу.

— Нет, Старшой, забудь. Мне хана. Я жив до сих пор только благодаря надежде дожидаться тебя, обезболивающим и стимуляторам из аптечки.

— Меня ждал? Зачем? Ты же стрелял в меня из бластера!

— Не знаю почему, но я не смог скрыться во времени, когда ты окликнул меня по рации и приказал сдаться. Мой хронокомпьютер перестал работать. Вот я и решил укрыться где-нибудь здесь, в этом мире. Пальнул из бластера, зная, что защита у тебя включена. Думал, пока ты будешь прятаться от меня в облаках, я успею смыться.

— Подожди, я прикажу перенести тебя отсюда...

— Оставь, — удержал меня Генка. — Нет времени. Я же сказал: мне хана. Свой УПХ я уже сжёг — хватило остатков заряда бластера. Так что домой мне по любому не попасть. Как и в нашу российскую тюрьму. Лучше умру здесь. Я теперь — часть этого мира.

— Эх, Генка! — со злостью ударил я кулаком об пол. — Зачем?

— Не переживай, Старшой, — хрипло ответил он. — Я ведь не дурак. Знал, что когда-нибудь эта минута настанет, и приготовился: у меня ампула с ядом в зубе. Вы меня всё равно живым бы не взяли.

— Я не про это, — мой голос тоже звучал хрипло. — Зачем ты стал «чёрным археологом»?

— Ради денег, конечно, — криво усмехнулся Генка. — Я ж детдомовский. Как подрос, меня тут же выперли на улицу — живи, парниша, как сможешь! А что я мог? Что умел? Вот тогда-то я и прибил к «чёрным копателям». Но вскоре Крот, наш главарь, погорел на сбыте найденного нами оружия времён Второй мировой войны. И опять я остался один, сам по себе. Завербовался в армию. Пять лет бросали из одной горячей точки в другую. Все ребята, с кем начинал службу, сгинули, а на мне ни царапины! Однажды вызвали в штаб, и там один хмырь в штатском предложил мне перейти на службу в Патруль времени.

— Зачем же ты теперь-то подался в «чёрные археологи»? У нас жаванье побольше, чем в армии. Иль на баб не хватало?

— Я не в археологи пошёл. Скорее, в следопыты — искал конкретные вещи, затерянные во времени. Сопровождал как-то одну группу, изучавшую подробности смерти и похорон Чингисхана. Услышал спор учёных о том, каким образом в голом поле пометить место захоронения Чингисхана, чтобы монголы и последующие искатели могилы эту метку не обнаружили, а они, вернувшись в наше время, смогли найти. Вот тогда-то мне и пришло в голову, как можно модернизировать бизнес «чёрных археологов» и заработать на достойную жизнь.

— Что ты называешь достойной жизнью? — разозлился я. — Хождение по бабам и кабакам?

— Это всё внешнее, Старшой, — сплюнул сгусток крови Генка. — Львиную часть денег я переводил детским домам. Помогал ребятам и девчонкам, с которыми вырос. Их ведь тоже, как и меня, выпихнули за дверь без денег, жилья и работы. Теперь у моих друзей есть всё, что нужно для нормальной жизни. Ну, и себя, конечно, не забывал. Я нико-му не делал зла, Старшой! Не жалеешь теперь, что нашёл Горгону?

— В Робин Гуды метишь? — горько усмехнулся я. — Полковник Романов из МУРа всех твоих подопечных найдёт, запишет в соучастники и, если не посадит, то добьётся конфискации всего их несправедливо нажитого добра.

— С какой стати? — хищно оскалился Генка. — Я же делал всё сам, один.

— Один? — в ярости закричал я. — А кто принимал на почте без должного оформления твои посылки? Кто искал тебе информацию по заказанным артефактам? Кто ведёт твои банковские дела? Кто занимается перепиской от твоего имени с интернет-магазином Беридзе с несуществующих адресов? Думаешь, в МУРе дураки сидят? Добро он людям делал! Ты показал своим друзьям сладкую жизнь. Каково им потом-то будет, когда их опять ткнут мордой в дерьмо? Нет, я не жалею, что нашёл Горгону, потому что ненаказанное зло всегда чувствует себя добром.

— Значит, считаешь меня злом? — тихо сказал Генка. — Уверен, что их найдут и всё отнимут?

Я не ответил.

— Мы думали об этом, — вдруг сказал Генка. — Без помощи Патруля времени МУР не справится. Им придётся отследить все мои контакты в нашем времени, а это сейчас невозможно. Ты же знаешь: у каждого хрононавта есть мёртвая зона времени, куда он не может попасть —

время его собственной жизни. Один и тот же человек не должен одновременно находиться в двух разных местах, тем более встречаться с самим собой. Значит, муровцам придётся подождать не менее двадцати пяти лет, пока родится, вырастет и пройдёт соответствующую подготовку тот сотрудник Патруля времени, который сможет заняться отслеживанием моих контактов в нашем времени. Думаю, что они не станут столько ждать, ведь я не маньяк-убийца и не военный преступник. Срок давности, Старшой! А сами они и меня-то найти не смогли, раз ты здесь. Я прав?

— Не совсем, — нехотя признал я. — До этого они не знали, кто такой Горгона. Теперь ситуация изменилась. Не так уж трудно узнать, кто из твоих детдомовских друзей работает на почте или стал хакером. Их найдут.

— Найти мало, Старшой, — сжал мою руку горячими пальцами Генка. — Надо ещё доказать вину, найти улики. Ты сможешь моим друзьям? Зло ведь уже наказано...

— Как?

— Ты прав, я не гений, — усмехнулся Генка и закашлялся. Кровавый ручеек потёк у него из уголка рта. — Моё время на исходе.

— Так не теряй его, говори, что надо сделать!

— Как вернёшься назад, дай объявление в интернет-газете «Совершенно бесплатно» в разделе «Разное». Напиши, что ищешь напарника для участия в вирт-игре «Коррида». Это сигнал о моём провале. Ребята знают, что и как им надо сделать, чтобы их, как ты изящно выразился, не ткнули мордой в дерьмо. Сделаешь?

— Обещаю, — твёрдо ответил я.

— Спасибо, Старшой! Прощай...

Во рту у Генки что-то хрустнуло, он обмяк, его напряжённое лицо постепенно разгладилось, горячая рука вскоре начала холодеть...

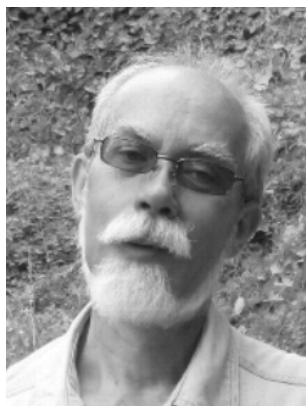
Андрей Мансуров

Ташкент

ШАРОВОЙ МИР

(Глава из романа

«Я подобрал это на свалке».)

Он так и выглядел.

Огромный шар, размером с планетовид — диаметром миль в сорок.

Когда мы с Матерью его нашли, я всё никак не мог поверить, что это возможно — построить искусственное небесное тело таких размеров. Вначале даже думал, что внутри — астероид, вокруг которого просто нарастили оболочку, превратив в правительственный экономичный шарик.

Мать сказала, что это плохая гипотеза, и ей виднее: она же — Главный Компьютер!

Да я и сам теперь видел на трёх основных экранах: и металлодетектор, который, собственно, шар и нашёл, и сканнеры указывали ясно: внутри почти одно железо. А сканнерам своим я обычно доверяю. Они обошлись недёшево, да и энергию жрут, как карнорептор — мясо, но стоят каждого заплаченного цента: проникают, как уже говорил, даже в сплошные скальные массивы до тридцати миль...

Камеры же наружного наблюдения показывали гладкий шар, тускло отсвечивающий когда-то полированными металлическими боками.

Нашли мы эту роскошь лишь на третий месяц полёта.

Поскольку маршруты нашего «свободного поиска» теперь выбирает Мать, я только похихикивал, да пофыркивал, пока мы, словно пчёлки на аэродроме — заросли клевера, то есть — абсолютно тщетно, искали «сладостный нектар» артефактов в безбрежных просторах Космоса...

Но когда в шестнадцатой солнечной системе запищал зуммер, я сразу понял: наконец-то! Хотя что-то случилось! И как в воду глядел... Вот уж случилось, так случилось.

Но, как говорят в дешёвых мелодрамах, не будем забегать. (Кстати, до сих пор не пойму, что конкретно имеется в виду: то ли — пространство перед собой, то ли — далёкое Будущее?!)

Мы с Матерью скрапперы.

Если кто не знает, поясню: космические барахольщики.

Это именно мы обшариваем старые полигоны в поисках стрелянных гильз, разбитых кораблей, и кусков металллома. Это мы лезем на все населённые и уже ненаселенные планеты в поисках сувениров туземцев, и экзотических зверушек. Это мы обрыскиваем Дальний Космос в поисках... Да хоть чего-нибудь, что потом можно продать клиентам — будь то металлургические заводы, военные, учёные, зоопарки, или маньяки-коллекционеры, падкие на ксеносувениры.

Карьера наша (Ну, вернее, моя. Мать-то ещё до меня успела належаться с предыдущим хозяином «Лебедя») началась ещё лет сорок назад.

Когда мне срочно понадобилось убрать свою физиономию с населённых людьми и наводнённых полицией планет-колоний.

Ну, теперь-то я бы мог и вернуться, и расчудесно зажечь — за давностью-то лет всё списано. Да и счета в банках девяти планет позволили бы к хлебу с маслом добавить ломтей колбасы, и ещё кое-какие излишества...

Ага — чёрта с два! Вон и Мать говорит, что у всех скрапперов шило в ...!

Согласен. А у меня — похоже, даже два! Не могу я «угомониться» и «расслабиться»...

Как сядешь, бывало, в своей вилле на Капри-2, как начнёшь там каждый день в бассейне прохладиться, да яства всякие кушать да редкие вина пить... И так тошно становится. Мотаешься из угла в угол, ищешь неизвестно чего или кого. Ну — дурак дураком... Потерявший смысл жизни, или чего там ещё говорят про такое состояние. А как подумаешь, что благодаря успехам чёртовой медицины мне ещё лет семьдесят как минимум так мотыляться — так!.. Словом — скучно! Чертовски.

Думаю, Свободный Поиск хуже любого наркотика. Раз вкусивший — не бросит до смерти. И умрёт уж точно — не в постели.

Да и ладно. Вечно не будет жить никто. А вот жить весело!..

Так, что-то я опять разболтался. Видать, становлюсь старым и сентиментальным. Так, глядишь, точно — за мемуары засяду. Старые бортовые журналы повытаскиваю из тайников. Домыслию, приукрашу...

ТЬфу! Как-нибудь потом. А сейчас — работа ждёт.

Когда Мать вывела «Лебедя» на стационарную орбиту вокруг чуда ксенотехнологии, я только успел подумать: «Не слишком ли мы близко?» — как нас здорово потрянуло.

Вытирая со стола разлитый борщ, я буркнул:

— Неплохие у них противометеоритные пушки!

— А, ерунда! — беспечно этак отзывается моя Хозяйка, — У нас и пяти процентов мощности экрана не ушло!

— А что там — сама пушка? Ты уже её?..

— Нет, конечно. Вдруг мы там ничего для себя не найдём? Надо же этим бедолагам как-то дальше жить? Так что я теперь просто глушу все электронные сигналы в орудийной башне. Что в ручном, что в авторежиме эта штука теперь не выстрелит.

— Приятно слышать. А с чего бы это такая трогательная забота о незнакомых агрессорах?

— Они — не агрессоры. Они приняли нас за опасный астероид. И правильно приняли — мы же не предупредили их о своих «мирных намерениях» по радио! Значит, их автоматика и действовала соответственно! А то, что это автоматика — я уже расшифровала.

— А почему тогда не... заглушила её работу сразу?

— Во-первых, хотела убедиться. Во-вторых — проверить мощность. А в-третьих — помешать тебе кушать позавчерашний борщ. Если ты, конечно, не ставишь целью основательно прочистить кишечник, и преждевременно прикончить запас туалетной бумаги...

— Чёрт! А просто сказать, что он прокис — трудно было?!

— Нет. Но не так интересно. Забыл, что ли? Тебе скучно! А так — хоть какое-то разнообразие. После шестнадцати пустышек.

Вот блин. Нет, это — точно последний раз! Вернусь — заставлю чёртова техника Вассю вынуть у неё блок юмора и неформальной логики! И за каким ...м я заставил его всобачить?! Впрочем, не буду зарекаться — это у меня просто присказка такая... Примета. Скрапперы все — жутко мнительные и суеверные ребята. (Хуже нас в этом плане — только спортсмены!) Так что шут с ним — пусть себе стоит чёртов блок...

Да и с другой стороны — она права: диарея мне сейчас без надобности.

Потому что кто полезет искать на ... приключений в «волшебную шкатулку»?

Правильно — я. А Мать останется на корабле, и будет подавать умные советы, и страховать мой тыл всеми уже нашими средствами нападения.

Справедливое разделение труда.

Не ей же нужны деньги.

Челнок я посадил лично. Закрепил магнитными захватами.

Одел скафандр повышенной защиты и экзоскелет. А как же! Без этой огромной штуки невозможно взять с собой все те замечательные гаджеты, которыми скраппер при необходимости может разнести полпланеты. И защититься хоть от ядерного взрыва (Правда, маленького!).

— Мать! Где резать?

— Прямо где стоишь! Это — люк стандартного шлюза. Надеюсь, так ущерб нашим друзьям будет минимальным.

Я человек гуманный. (В-смысле, всегда вначале смотрю, во что стреляю!)

Поэтому чтобы не навредить, если и правда, кто-то внутри ещё живёт, установил палатку. Чтобы, значит, воздух изнутри не улетал в вакуум. (Ну, собственно, установили-то её Мать и дроид, я только распрягался и пыхтел в предвкушении...)

Плазменный резак позволил довольно быстро проделать дыру метра в два во внешней обшивке люка. А потом — и во внутренней. Зашипело. Ух ты! Действительно — внутри шлюзовой оказался воздух. А крышка-то — ничего себе. Толстая. Многослойная.

Пока я лез вовнутрь и рассматривал уже люк, ведущий в шар, Мать довольным тоном (Словно это её личная заслуга!) сообщила:

— Состав воздуха приемлем для дыхания. Кислорода двадцать один и два, азота — семьдесят, аргона... — ну и всё прочее. А на закуску добавила, — Много болезнетворных бацилл и вирусов.

— Ну здорово, — меня передёрнуло. Значит, на обратном пути опять предстоят «процедуры» — иначе подцеплю и притащу на челнок какую-нибудь внеземную заразу. Превращусь потом в жуткого монстра...

Нет, это, конечно, легенды и выдумки сценаристов ужасиков, но... Я сам видел, что стало с Рэппером-младшим, когда он пренебрёг санобработкой.

Не могу обвинять его напарников в том, что они вместе со «Звездой мечты» сожгли его, запустив на местное голубое солнце! Да и никто не обвинил бы, хоть одним глазом взглянув на видеозаписи...

Когда спустился внутрь шлюза, обнаружил искусственную гравитацию, примерно в ноль пять «Ж». Ну и дела. Значит, всё внутри ещё работает. Может, и лампы светят?

Ладно, вот он, люк.

— Мать, — говорю, — запусти-ка в палатку чёртова азота — чтобы выровнять давление.

Слышу, загудело — значит, она уже подвела к вентилям манипуляторы с баллонами.

Теперь воздуха изнутри почти не вышло. Значит, напор рассчитали верно.

И вот я уже захожу внутрь планетоида, аккуратно вынув, и прислонив к стене (а вдруг придётся заделывать дыру обратно очень быстро?!) «выпиленный» кусочек.

А неплохо, чёрт его задери.

В таких огромных коридорах даже мне в трёхметровом скелете просторно.

Коридора увидал сразу четыре. И их аварийные крышки были открыты. Видать, всё же не сработала автоматика для предотвращения разгерметизации. Ну, или, как уже сказал, Мать точно подобрала давление.

Я долго пялился, пытаюсь решить, в каком направлении двинуться. Мать помалкивала: она знает, что мне лучше не мешать и не советовать, если явных «приоритетных» целей не видит. Ладно, я — вон туда!

Свет внутри действительно имелся. Хоть и весьма дохленький. Шёл он из плафонов на потолке. И спектр совпадал с моим. Даже не пришлось включать тепло— или инфравизоры. Я поправил наплечные камеры:

— Мать! Тебе видно?

— Отлично видно. Не забывай про промежуточные усилители.

Ну, при обследовании как пещер, так и любых других сильно запутанных и больших объектов, где есть экранирующие материалы, типа скал (в пещерах и катакомбах), или металлических стен, (В чужих Кораблях. Этот — как любезно подсказала Мать — наш пятьдесят первый.) я всегда ими пользуюсь. Как и маркерами для разметки стен — чтобы не заблудиться. Всё по сказке «Гензель и Гретель»... Только краску моего маркера не смоешь и кислотой!

По бокам коридора, который я выбрал, располагались двери лабораторий.

То, что это лаборатории, я понял, вскрыв несколько.

Такой тьмы трубочек, колбочек, мензурок, и прочих пипеток-штативов-микроскопов-центрифуг и прочей наукообразной хрени я давненько не видал... Я добросовестно отснял и просканировал всё для Матери — потом она сделает выводы и расскажет.

Продвинулся я по коридору уже шагов на сто, когда, наконец, обнаружил лестницу на следующий уровень.

Сила тяжести на корабле была направлена так, что наружная оболочка служила полом. Ну, или дном. Поэтому двигаясь к центру шара, я

как бы поднимался вверх. Оригинально, конечно — но это их проблемы. То ли дело у меня на «Лебеде»...

Ступеньки оказались практически под мою ступню. Ну, может, чуть пошире и повыше.

Значит, гуманоиды. Чуть крупнее человека.

Будем искать.

Однако в первый день поиски так и не увенчались успехом. То есть, живых я (к счастью) не нашёл. Как я тогда считал — отлично! Значит всё, что я заберу — принадлежит мне, по праву первооткрывателя! А нашёл я из артефактов много чего интересного...

Во-первых, конечно, компьютеры. Мы с Матерью всегда стараемся выпотрошить то, что сохранилось в памяти этих равнодушных фиксаторов проводившихся работ. Вот несколько блоков памяти я и выломал: Мать может залезть в любое «электронное чудо».

Нашёл я и предметы материальной культуры. На некоторых стенах висели картины, фотографии, и рисунки. Видать, тосковали они по Родине своей. Где бы она там не находилась.

Ну... красивые места. Почти как на матушке-земле. Небо только зеленоватое.

На рабочих столах и полках кое-где лежали и стояли книги — к концу первого похода набралось у меня в рюкзаке не меньше двадцати. И не все были о науке.

А ещё нашёл я... комикс! Самый настоящий, красочный, с дурацкими сериалами и супергероями. Надо же... Значит, на корабле были и дети.

Захватил и кое-какие приборы — микроскоп, масс-спектрометр и что-то ещё химическое.

Обошёл я не меньше трёх этажей-уровней, и не меньше тысячи комнат. Ну, это мне так казалось. Мать же сказала, что их было всего двести девяносто три.

Поскольку ноги несмотря на ноль пять «Ж» гудели, и спать уже хотелось, я вернулся по следам маркера в свою палатку, и прошёл в шлюз челнока. Санобработку терпел больше четверти часа. Обработала Мать и все находки. Ну, теперь самое приятное: разбирать их! Я, как всегда, был счастлив — словно мальчишка, нарвавший груш в чужом саду...

И которому это сошло с рук.

— Ладно, доброе утро, я знаю, что ты уже не спишь. — ещё бы ей не знать! Она дистанционно всегда следит за моим давлением, пульсом, и ритмами мозга... Ну и правильно — кто же ещё обо мне, бедном старом скраппере, позаботится? А то — вдруг подцепил чего заразного?!

— Привет, Мать, — отзываюсь, спуская ноги на пол. На «Лебеде» я обычно поддерживаю ноль девяносто пять «Ж», так что сплю в обычной койке, и уже порядком продавил все пружины, противоперегрузочный матрас, и чёртовы массажёры, — Ну, чем порадуешь?

— Данные компьютеров расшифровала. Ничего интересного. Обычные генетико-биологические исследования. В двух лабораториях видел мощные ставни? Ну так это иллюминаторы для пропуска излучений местного голубого гиганта. Они, то есть, учёные планетоида, изучали мутации, наследственность, и т.п.

Мушки у них почти как дрозофилы. Насекомые покрупней тоже похожи на наших. Мыши и крысы, правда, мельче. Обезьяны и свинки куда волосатей... И противней... И давно все передохли в своих клетках. От голода. То есть, перед смертью их прекратили кормить, поить, и работать с ними. Думаю, это уже о чём-то говорит.

— Говорит-то говорит... А почему мы снаружи этих «иллюминаторов» не видели?

— Это просто. Они открываются дистанционно, и защищены мощными стальными заслонками. Снаружи не откроешь. Так что теперь понятно, почему лаборатории — на первом же уровне. Хотя и на втором и на третьем — изучали всё то же. Но воздействовали другими смертоносными факторами.

— Хрен с ним, чего они там изучали. Ты мне скажи, они действительно выглядели так, как на своих картинках, или это — приукрашенное самомнение?

— Похоже, нет. Они и правда напоминали древне-греческих богов. Я нашла в одном из компьютеров фотографии семьи одного из учёных. И женщины и мужчины очень пропорционально, и гармонично сложены. Правильные черты лиц. Я бы назвала их красивыми — по земным меркам.

— И где они сейчас?

— Затрудняюсь с точным ответом. Ты обошёл не больше тысячной доли одного процента всей площади. Но предположение высказать могу: сканеры показывают наличие внутри большой полости. И внутреннего «солнца». Вот на поверхности полости, вероятней всего, и живут все те, кто уцелел.

— ?!

— Обычное дело для специализированных кораблей таких габаритов, и столь населённых. Раз есть разделение по обязанностям и правам, есть и трения. Так что — Гражданская Война.

— Это ты из компьютеров выудила?

— Не только. Помогли и материалы видеозаписи. Наши камеры — лучшие, что можно купить за деньги. Вот они всё и зафиксировали. Я нашла завещание, написанное прямо на стене. Показать?

Ну а кто бы на моём месте отказался?

Действительно, прямо на стене имелась надпись маркером, почти как моим, только сильно выгоревшим от времени — и как это я, балда такая, протопал мимо, просто скользнув по ней взглядом? А, вот в чём дело. Устал. Это было уже перед уходом на ужин — в двести восемьдесят третьей каюте. Хорошо хоть, вторая камера, которой дистанционно управляет Мать, всё зафиксировала в лучшем виде. Мать переводит:

— «Завещаю всё моё имущество, оставшееся на (как звучит название планеты, не расшифровала. Смысл же, как всегда — «Земля».) своей дочери, Лолляре Страйволь».

Нашедшим эту запись: в (год этот был примерно две тысячи семьсот земных лет назад) на корабле началось восстание. Экипаж убил почти всех учёных, и собирался лететь, наконец, домой. Но нам удалось повредить двигатели, и сделать прыжок невозможным. Так что не могу сказать, чем кончится восстание, и выживет ли хоть кто-нибудь.

Но домой наш корабль точно не попадёт.

И это правильно: выведенные здесь боевые культуры бацилл наверняка уничтожили бы (зачёркнуто) всю жизнь на (это — другая планета. Вероятней всего — противников). Пусть же этот жест (зачёркнуто). Мы решили, что с таким оружием нельзя возвращаться. Пусть это будет на нашей совести, но люди не должны (зачёркнуто, но прочесть можно — так поступать с другими людьми, даже если они — враги!).

Прощайте, мне пора идти — если найдут эту запись, её уничтожат, а меня, как учёного, всё равно убьют. Так что пусть хотя бы правда о нашем выборе станет известна тем, кто прилетит на помощь.

Коромбир Страйволь.»

Вот, обмозговывая эту записку, я и отправился умываться и завтракать.

Поскольку никто, похоже, на помощь так и не прилетел, домыслить судьбу обеих враждующих планет было нетрудно. Похоже, Матери нужно найти-таки их координаты. Вдруг что-то для нас найдётся и там...

Отработка на тренажёрах и с робо-ли занимает у меня обычно всё утро — часа два.

Скраппер (Если хочет, конечно, пожить подольше!) должен обладать отменной реакцией и крепкими мышцами. Мне в этом плане чуть легче: руки у меня искусственные, ещё с тех ностальгически далёких и наивных времён, когда... Не важно.

До обеда, в рубке, Мать всё мне показала и подробно рассказала.

Секретная, стало быть, Станция. Имеющая только одну цель — создать бациллу для убийства всех врагов. Да и служить, в крайнем случае, резервом для сохранения жителей этой самой воюющей планеты — если враги успеют раньше, и уже в своих лабораториях создадут чего покруче!..

А враги-то, судя по всему, с чем-то таким уже сталкивались. Значит, нужно было что-то ну жутко смертоносное, и неубиваемое обычными средствами.

Какая молодец у меня Хозяйка — она сразу всё это вычислила. Но, зная наши возможности и средства против микро-врагов, не возражала, что я лезу в самое пекло. Я ей так и сказал.

— А, ничего-ничего, надо же тебе порезвиться на свободе! А то сиделся в «Лебеде» — небось, клаустрофобия замучила! А как мой мальчик чувствует себя теперь? Хочет ещё погремушечек, книжечек с картинками и машинок? Полезет внутрь?

— Полезу! — нет, она у меня дождётся... Знал бы точно, где этот чёртов блок — сам бы вывернул! Плевать на суеверия!

Я запомнил из объяснений, где находится лифт. Сразу к нему и протопал. Чего это я должен таскаться пешком по двум тысячам пятистам уровням, которые вычленил сканнер, когда меня могут довести прямо до места?! В смысле, до вожденной внутренней полости?

Однако ничего с первой попытки не вышло.

Нет, лифт, для машинки, которой не пользовались почти три тысячи лет, шёл очень быстро и плавно, и проехал весь путь минут за двадцать. Но вот двери на верхнем этаже почему-то не открывались. А поскольку оставлять промежуточные усилители во время поездки было проблематично, я остался и без связи, и без выхода.

Впрочем, сориентировался быстро. Вернул лифт на пару уровней назад. Дверь и открылась.

Вернулся, уже пешком, на две лестницы. Тащить на спине все эти баллоны и остальное барахло было нетрудно — при ноль пяти-то «Ж»...

Сюрприз!

Выходная площадка завалена чем-то вроде баррикады. (ну, в моём-то экзоскелете я развалил её легко) А люк какие-то хорошие люди заварили. Причём с той стороны.

Подумаешь, испугали...

Занялся люком после разных нужных процедур с чёртовыми баллонами, палаткой и кварцевыми лампами. Нужно быть «простерилизованным». А то вдруг они и правда там живут.

Плазменный резак прорезал сталь легко.

Но вырезанный кусок я, зайдя, приварил на место. Чтоб те микрогады, что здесь живут, не проникли... А то и исследовать-то будет некого. Вот чужая моя ... (Ну, то есть, особо чувствительные детекторы тела!) — что нужно.

Внутри было светло. Даже слишком. Пришлось скомандовать светофильтрам.

Ну что? «Откроем для себя широчайшие возможности Новых Миров»? — как пишут в дешёвых Проспектах для Пионеров-колонистов?

Странно. Обычно меня ничем не проймёшь — ни монстрами, ни роботами, ни даже мраморными муравьями... А тут — волновался.

Наконец развернулся я и осмотрелся уже капитально.

Матьер божья! Плутония! (Читал я когда-то и такую книгу!)

Отлично видно загибающийся сверху горизонт в лёгкой дымке, заменяющей здесь небо. Солнце! Совсем как наше, земное! Вот только застыло навеки в зените. А при взгляде на расстилающуюся везде (Даже над головой, что несколько... непривычно!) поверхность, просто дух захватывает!

До чего дико смотрятся прямо над макушкой все эти дубравы, луга, мирно пасущиеся (!) стада, колосющиеся нивы, и... Замки.

Да, не смейтесь — здесь высились над плоскими равнинами чёрные громады монументальных замков.

И настолько больших, что легко обнаруживались и без оптоусилителей. Чуть позже, когда первый приступ удивления прошёл, обнаружил и деревеньки — они были разбросаны хаотично на первый взгляд, но как-то кучковались вокруг имений феодалов.

А что? Я не тупее Матери. И тоже почитал книги по истории, социологии и сравнительной антропологии... Ну, или хотя бы по диагонали просмотрел.

Так что в том, что здесь царит старый добрый феодальный строй, я уже не сомневался.

Замков было видно шесть. При каждом — семь-десять селений. И никаких других признаков жилья.

Значит, всё правильно — каждый Большой Босс захватил и обустроил свой сектор шара. И площадь подвластных земель, и число вассалов примерно равные у каждого.

О! Какие богатые возможности для междуусобиц, интриг, сговоров и союзов: за, и против... Наверняка — что-то мне подсказывает! — руководят этим большим (вернее — маленьким) бардаком потомки экипажа, то есть — офицеров, а пашут-сеют потомки остального населения Секретного Корабля.

Значит, меня, как представителя неизвестных пока Сил, будут склонять к союзу. А в принципе, если бы я захотел, очень даже легко мог бы и всё тут завоевать... И стать реально — Королём. Или даже Императором.

Только надо ли мне оно? Ведь это — не Свободный Поиск, где каждый раз — что-то, пусть смертельно опасное, ядовитое, кусачее — но новое.

Нет уж. Это — скучное болото, где спать надо со взведённым пистолетом. И не под подушкой. А — в руке. Иначе станешь жертвой заговора своих же приближённых.

Так что подумав ещё раз, я приваренный кусок люка ещё и самовспенивающейся изолентой заделал по кромке. Чтобы уж ни одна зараза ни отсюда, ни сюда не выбралась и не забралась. Вовсе мне ни к чему, если такой диверсант сможет там, внизу, что-то нарушить, и испортить царящую здесь «гармонию» и «равновесие». Так же ни к чему впускать сюда, возможно, сохранившиеся внизу бактерии.

Теперь я поднялся на крышу бункера, из лаза которого вышел. Так...

Такие же бункеры торчат через каждые полкилометра. И все, наверное, завалены и заварены. Но — не засыпаны. Странно. Может, мало земли? Или они — просто «табу»?

Видимость была отличной — а, собственно, почему бы и нет? До противоположной стены сфероида оказалось не больше двадцати пяти миль. И везде — равнина. Ни гор, ни рек. А, нет — вон: три озера... И немаленьких.

Интересно, а бывают ли тут дожди? Скорее всего, да. Иначе как бы поливались все эти луга-поля-леса. Но уж в том, что экология здесь отличная, я не сомневался. Иначе нашёл бы только кладбище. А тут...

Живы-живёхоньки. Вон — бегут.

Действительно: со стороны деревеньки, расположенной от меня всего в паре миль, бежала толпа народу. Усилители в ушах передавали странный сигнал — звук, как от рожка. Догадаться, что это, смог с одного раза.

Потому что ворота ближайшего замка открылись, и оттуда железным потоком понеслась лавина всадников в доспехах и на конях.

Ну, выбор за мной: пока они преодолеют пять миль от замка, можно вполне тихо и мирно свалить обратно в лифт, и заварить за собой всё, что положено.

Да, только где вы видели скраппера, который бы... Вот именно. Как там Мать выразилась — клаустрофобия замучила? Заскучал?

Значит, повеселимся!

Я уже видел косы, палки и вилы в руках приблизившихся на милю смердов-вассалов. Пожалуй, они придут на место раньше, чем тяжёлая кавалерия. Звуки бессмысленного рёва, когда все криками и возгласами подбадривают друг друга, чтобы преодолеть страх, или приобрести «боевой дух» усилители передавали отлично — я хмыкнул.

Ну, пусть детишки порезвятся.

Я спустился вниз, и прислонился спиной к люку. Какое-никакое, а прикрытие тыла. Дерзайте, несчастные!

И вот они набежали. И стали «дерзать».

Пока в меня тыкали вилами, кололи, рубили и колотили, я рассматривал человечков.

Да по-другому и язык не повернулся бы их назвать. Прямо хоббиты какие-то.

Роста в каждом было не больше четырёх футов. Смуглые до черноты, одеты в какие-то жалкие обноски... Видать, держат их тут местные синьоры в чёрном теле. Но от гомо сапиенс они не отличались ничем. И меня они почему-то совершенно не боялись. А, может, они больше боялись своего Сюзерена — а ну как он велел подданным убивать всех незваных агрессоров и врагов, как бы они не выглядели?

Подоспела бравая дружина. Передний всадник, в шлеме со старым добрым плюмажем, что-то свирепо проорал. Толпа утихла, и бросилась врассыпную. Впрочем, отбежав недалеко.

Все явно хотели пронаблюдать за шоу.

Ну и я не подвёл.

Эти вояки были чуть покрупнее. Я бы сказал — по породистой: футов пяти. Эдакие миниатюрные качки. Нападали свирепо, ломали об меня копыя всерьёз. Они ж не виноваты, что материал скафандра повышенной защиты прочнее молибденистой стали...

Когда парочка особо ретивых послезала с коней, и стала рубить меня «в капусту» мечами, мой транслятор справился, наконец, с языковым барьером. (Ну, аналитический блок у него, конечно, куда слабей Материнского — ни в какое сравнение не идёт. Вот и копался целых пять минут!) Теперь мне переводили все самоподбадривающие (В свой адрес!) и оскорбительные (эти уж касались меня, «монстра поганого»!) наглые выкрики. Не слишком-то информативно.

Зато эмоционально.

Ладно, надоело. С другой стороны, не бить же мне этих придурков, чтобы угомонились?

А, чего я мучаюсь, у меня же есть... Командую процессору скелета:

— Мне — заглушки. Включить звуковой генератор на двенадцать процентов. Частота — семнадцать килогерц. На десять секунд.

Похоже, с частотой угадал. Во всяком случае, все, кто стоял поближе, с воплями попадали, а те, что подальше — разбежались с гримасами на лице, и открытыми ртами... Пусть радуются, что я добрый: сорок процентов убивают на таком расстоянии даже китов. (Да, случалось: воевал и с ними на очередной «земле-океане»!)

С минуту царила, как принято изящно выражаться в романах, всеобщая паника.

Я двинулся вперёд, и сцапал предводителя. (А то убежит ещё!)

Поднял его до уровня глаз. Скомандовал:

— Транслятор! Переводи! Звук — на трёх процентах мощности.

— Я пришёл к вам с миром. Почему вы напали на меня?

Был бы я социолог, или историк... на худой конец — психолог, наверное, было бы интересно наблюдать за мимикой и эмоциями человечков в доспехах. Конечно, если бы я предварительно озаботился снять с них хотя бы шлемы. Ну а так на месте лица — ведро и ведро. Только в глубине кто-то моргает и мычит.

Ничего, я не гордый. Да ещё терпеливый какой. Я повторил вопрос, уже поставив несчастного на ноги. А то вдруг такое обращение унижает его в глазах подчинённых.

— Мы... э-э... Да, напали. Мы должны... убивать проклятых лазутчиков Голубого Властелина!

— А с какого это... э-э... Почему вы считаете меня — лазутчиком? Раньше вы уже видели... Такого как я?

— Нет. Такого ещё не видели. Видели разных — в том числе и похожих тоже. Потому что враг не дремлет! Он придумывает всё новых и новых монстров! И натравливает их на нас постоянно! Правда... Ни один из них до сих пор не разговаривал.

— А почему он насылает монстров, вместо того, чтобы не напасть со своей дружиной — вот так, как вы?

— Ха! — предводитель явно очухался, и даже встал в позу, картинно подбоченившись, — У него на это людей уже не хватит! Мы выбили его вассалов и солдат, а те, кто выжили, прячутся в замке! Так что он теперь очень ограничен в силах. Вот и пытается огрызаться не людьми, а монстрами! Но на этот раз мы не поддадимся! Его замку конец! Мы не позволим ему вернуться!

— Куда вернуться?

— Как — куда?! Обрато на свои земли! Когда его крестьяне пытаются засеять их снова, мы регулярно вытаптываем и сжигаем всё, что там вырастает! Рано или поздно они все там вымрут с голода, и Голубой Замок будет наш!

Чёрт! Вот только «продвинутого» Средневековья мне и не хватало! Осталось только и правда — вступить с кем-нибудь в «вечный и нерушимый союз», или «сочетаться династическим браком!»

И точно, как в воду глядел:

— А ты, о странное существо... Разве не он тебя создал? И ты не служишь ему?

— Нет, чёрт возьми! (Блин. Это переводить не надо!) Нет. Меня никто не создал. Я никому не служу. Я вообще пришёл в ваш Мир из... другого Мира.

Ох, вам бы послушать, как все они сразу загудели — ну прямо потревоженный осинник!

Транслятор помолчал, потом его мозг ухватил суть: «местное население уверено, что их Мир — единственный мир во Вселенной. То, что ты сказал, является кощунством, святотатством и...» Я не стал дожидаться продолжения. Уточнил:

— Вы неправильно поняли! Не из другого Мира, а из другого Времени этого Мира! Я — Посланник Древнего Бога! Первого Бога вашего Народа! (Так — лучше?) — а чего мне терять? Уж врать — так по-крупному!

Гул поутих.

Теперь процессор транслятора смилостивился: «Да, эта трактовка не вызывает такого возмущения, и вполне приемлема для их морали и Религии!»

— Могу ли я рассчитывать на ваше мирное отношение и гостеприимство? — а вот этот вопрос вызвал у них лёгкое, а затем и сильное замешательство. Потом предводитель утихомирил всех, и высказал обобщённое мнение:

— Мы можем лишь обещать, что не будем пока стараться убить тебя! Но твою судьбу должен решить Священный Конклав и наш Барон! А ты... действительно — Посланник Бога?

Хм. А на что я рассчитывал? Вот никогда ещё никто не верил мне на слово, что могу реально разворотить полпланеты! И от имени «Бога», и от себя лично!

Но если ничего большого и ценного не портить, вполне можно продемонстрировать этим наивным и милым людям...

Я выбрал маленький отдельный кусочек — буквально огрызок — леса в полумиле, и буркнул:

— Смотрите туда! — указав «могучей дланью».

Теплогенератор на десяти процентах за пару секунд превратил всю эту чудесную зелень в пепелище. Дым поднялся мощной чёрной шапкой. Уж теперь-то можно быть уверенным: моё прибытие заценили в ближайшем замке. Да и в остальных почухаются — не заметить такой сигнал может только слепой.

Ну, или очень занятый работой. Или — похмельем.

Эффект впечатлил даже меня: все крестьяне повалились на колени, воздев руки к небу. Бравая дружина тоже стала молиться. Чёрт. Как сказала бы Мать, «Здесь всё ещё действует вера в чудеса. Религия, вероятней всего, напоминает Христианство. То есть поясняю для тебя — монотеизм! И Бог обычно выражает свой гнев, что-нибудь сжигая!..»

— О могущественный... э-э... Посланник! Прости, не знаем твоего имени... Прости и за сомнения в твоей сущности! Просто мы... до сих пор... не видели в материальном воплощении ни Посланников, ни самого Бога! — ха! Ещё бы они видели... Впрочем — у меня дома тоже его в последний раз видели аж три тысячи лет назад. Да и то, в привычном человеческом обличи. Но верить это не мешает.

— Прощаю! — а здорово приятно, оказывается, ощущать себя предметом, ну, если не поклонения, то хотя бы почитания... — Можете звать меня... Гавриил!

— А для чего же тебя... послали? — его голос предательски дрогнул. Видать, и здесь есть сказка о втором Пришествии. Воспользуюсь — больше в голову ничего путного не лезет.

— Я... (э-э...) Контролёр. Послан проверить ваши... Деяния. Оценить вашу Веру! Взвесить груз грехов. Посмотреть, не отошли ли вы от Древних Заветов. И решить, что делать с вами.

Некоторое время стояла мёртвая (Ну, почти мёртвая. Все только переглядывались. Потом стали и шушукаться) тишина. Я прямо ощущал, как меня всё больше и больше боятся.

Плохо. Наверняка постараются убить как-нибудь исподтишка!
Переборщил, что ли?

Наконец начальник латников решил, что всё же он тут за всё в от-
вете. Говорит:

— О, могущественный Гавриил! Мы... Готовы показать тебе всё. Не
почтишь ли пока своим присутствием скромную обитель нашего мудро-
го барона люРайцига? Если позволишь, я отправлю людей вперёд, что-
бы подготовить тебе достойную встречу? — показалось мне, или он за-
мялся перед словом «достойную»? Уже началось?! Не страшно.

Я же не собираюсь снимать скафандр, даже если предложат яств и
напитков на пиру в мою честь! И не потому, что боюсь ядов. А вот не-
чего им видеть моё настоящее лицо — пусть зрят чёрный шар.

Так и опознать не смогут, если когда-нибудь подадут на меня в
Системный суд за «мошенничество в особо крупных»... Или «обман сла-
боразвитых цивилизаций».

Прибытие моё в замок (А он и вправду был огромен! Словно строи-
ли его не для мелочи пузатой, а для людей ростом футов под семь...) действительно прошло с помпой. Не зря же я дал всадникам-гонцам
полчаса форы, неторопливо двигаясь туда пешком. Шумный эскорт
крестьян оказался вежливо, но неумолимо оттеснён всадниками-«почётным эскортом» ещё перед рвом с водой (!), и ворота за моей спиной
закрылись.

Блин. (Из культурных слов только это более-менее подходит. Разве
что ещё — «Твою мать»!)

Здесь торчали на стенах и выраженные, как для карнавала, героль-
ды, по сигналу продудевшие в дудки с флажочками что-то торжествен-
ное, и море обслуги — вот ведь дармоеды наглые, они скалились из ка-
ждого окна, или проёма. И кормится весь этот «стафф» (Персонал!) на-
верняка тем, что выращивают бедолаги, оставшиеся там, за рвом.

Не люблю холуёв. Особенно — крикливо разряженных.

И, само-собой, здесь имелся прямо цветник придворных: в ещё бо-
лее ярких, и жутко помпезных и неудобных нарядах: с неизменными
рюшечками, жабо, кринолинами и лосинами для мужиков. Тьфу!

Как они в таких ходят?! Впрочем, лица некоторых дам были весь-
ма... милостивы. И все они, в смысле, дамы — словно под копирку, бы-
ли затянuty в корсеты, что делало их почти стандартно стройными и
статными. На что спорим, им жутко тяжело дышать, и они, чуть что —
хлопаются в обморок?..

Ну, и конечно, что они, что их бравые кавалеры, пялились на меня во все глаза. И никакого дружелюбия или симпатий (не говоря уже о почтении) во взглядах заметно не было. Да ладно, я и не претендую на звание «Мистер Вселенная».

Я прошёл вперёд, и встал перед балконом.

Оттуда на меня, сдерживая эмоции так, что желваки ходили на скулах, взирал почтенный старец, окружённый самыми расфуфыренными и чванливыми придурками. Вот он поднял руку, и все заткнулись. Хм. А хорошая дисциплина.

— Высокочитимый Гавриил! Мы рады приветствовать тебя в нашем Замке! Твоё прибытие — великая честь для нас, скромных служителей... — в принципе, кто хоть раз смотрел трансляцию встреч лидеров Государств, или планет, легко сможет продолжить эту пафосную речь вплоть до самого, глубоко прочувствованного, но абсолютно противоположного тому, что думают друг о друге такие Главы на самом деле, конца. Включая аплодисменты в нужных местах.

К счастью, всё это уложилось в разумные пределы времени.

— Благодарю за радушный приём. — отозвался я на десяти процентах: так, чтобы во всех закоулках уж точно услышали. — Я согласен погостить у вас некоторое время, и почтить своим присутствием торжественный Пир в мою честь. Ведите!

Если кто читал хоть самый примитивный роман в стиле фэнтези, без труда нарисует себе и всё окружающее: и огромный и высоченный пиршественный зал с готическими сводами, и повыгоревшие и потёртые гобелены со сценами «благородных» развлечений или «исторических» сцен, галерею под потолком с музыкантами и певчими, и грубомассивные длинные столы, и лавки. Даже без скатертей, и подстилок-ковриков.

Стол действительно ломился от красочных и явно вкусных блюд. И каждому приближённому (И его жене, конечно!) регулярно подносили и подливали все те шустрые ребята, что здесь заменяли официантов и сомелье.

Под ликующе-помпезный хор (Явно из какой-то старинной оперы!), распеваемый акапелло (впрочем, в последующих славословиях появились и музыкальные инструменты), я позволил усадить себя во главе всего этого безобразия, сообщив, что в силу своей Сущности не ем и не пью. Типа, моё «духовное воплощение» не знает мирских потребностей. Но их — ни в чём не ограничиваю: мне будет приятно, если они будут есть, пить, и поднимать тосты в честь меня... И гостеприимного

Хозяина. После чего «милостиво» велел барону люРайцигу занять почётное место справа от себя, а его жене — весьма худой и явно желчной, судя по цвету лица, особе — слева.

Не похоже, что она была в восторге от соседства. Я, впрочем, тоже.

Особенно после того, как транслятор усилил то, что она нашёптывала своей фрейлене-приживалке. Я, конечно, не красавец, особенно в скафандре. Но — всё же вовсе не мерзкий монстр. А чуткий и ранимый мирный скраппер. И мне не нравится, когда меня называют «шарлатаном», «уродом», и «наглой тварью».

В-общем, с моего благословения, все ели, пили. Вначале, конечно, сдержанно и смущённо. Но потом, примерно после пятого тоста, всё понеслось, как я понял, по накатанной дорожке.

Поскольку делать мне ничего не надо было, разве что делать вид, что слушаю высокопарные тосты в мою честь, я посвятил своё внимание изучению именно того, что говорилось слугами, вельможами и фрейлинами шёпотом. (Из-за этого иногда не сразу реагировал на эти самые тосты и обращения — поэтому на всякий случай довольно часто кивал.) Но зато узнал много нового и интересного про быт и обычаи населения замка.

Всё-таки остронаправленный микрофон, фильтры, и программы для расшифровки у нас самые дорогие. Даже, как уже говорил, в скафандре. Знание — всегда сила. Логический блок дополнял то, что я не слышал:

— ... самый старый меч! И он мне предлагает всего три барана за этот надёжнейший...

— ... нет, миледи, у него наверняка нет никакого... э-э... Ну, признаков пола... Я? Я думаю, он мужчина, но проверять на вашем месте я бы не...

— ... святой Конклав почти наверняка признает его самозванцем! А броня у него — куда там нашей! И как нам тогда с ним?..

— ... вот и я думаю: раз он — во плоти, то должен быть так же смертен, как и все. Но, возможно, срок жизни...

— ... нет-нет, мессир виконт! Прошу вас — больше ни кусочка, иначе... Вы же не хотите, чтобы ночью мы просто спали, объевшись?.. А я ещё вовсе не так стара, чтобы...

— ... пусть это и пахнет святотатством, но я бы ни за что не поверил, что Посланник будет выглядеть как простой рыцарь в доспехе! И если б не его неуязвимость, и Небесный Огонь...

Мой вывод: если бы я хотел действительно серьёзно и вдумчиво изучить средние века — по местным сплетням и традициям, это было

бы и занятней и верней той скучно-застывшей картины, что веками прозябала в стандартном учебнике. Да тут не один фильм можно было бы снять! Документальный. И целый сериал — художественный. Много-сезонный. Причём — без идиотского и наивного «сценария»!

И я уже почти решил, что делать. Я продам их мирок с потрохами социологам-историкам! Пусть и правда — снимают уникальные подлинные документальные фильмы для школьной программы! А как наиграются, или захотят денег — пусть продадут «права» и киношникам!

Наконец, за полночь, меня почтеннейшее спросили, не пожелал бы всесильный и бессмертный Посланник отдохнуть в персональных (самых шикарных, естественно) спальнях апартаментов.

Ну, я милостиво сообразовал принять любезное... И всё такое прочее.

Апартаменты и вправду, оказались вполне приличными.

Я нагло развалился на шикарной кровати под балдахином (она жалобно заскрипела, но нас с экзоскелетом выдержала), хоть ноги и не совсем поместились. После чего возжелал остаться один.

Уж мне нашлось о чём подумать, и что прослушать повторно... Я велел включить запись, и стал изучать особо заинтересовавшие меня куски бесед. И то, что процессор записал, но я ещё не прослушал. Жаль, что нельзя записывать и мысли — оборудование для снятия энцефалограмм осталось на «Лебеде».

Но и так неплохо — особенно для одного дня наблюдений. Хотя, как сказали бы учёные — нет чистоты эксперимента.

Да и откуда бы ей взяться? Не жучков же мне запускать сюда? А так — согласен. Моё вторжение — провокация, и шок для местных. Вот волнение, вызванное таким стрессом, меня и интересовало больше всего. А в спокойной обстановке тут всё пусть изучают социологи. Тут для них море материала.

Потому что мне-то тут, в тухлом закутке распрей и застоя, ловить нечего. Все предметы местного «террариума» никто не признает за инопланетные: скажут (И не без оснований, возможно!), что я просто разграбил средневековый Отдел какого-то Музея.

Значит, надо закругляться, да спускаться снова вниз — к замороженному техно-наследию. Там есть хоть какие-то шансы.

Внезапно, словно повернули выключатель, наступила темнота. Выглянув в окно, я понял, что примерно так и произошло. Местное солнце гасло, проходя все оттенки от оранжевого до тёмно-бардового. Логично — должен же быть и здесь цикл день-ночь. И, наверное, ночью тут

конденсируется и выпадает в виде лёгкого дождичка вся влага, что испаряется днём, поливая луга-леса. Я прилёг обратно.

Спать мне не хотелось, и я стал думать.

Скрипа двери я не слышал, но с фактами не поспоришь: вот она стоит.

Пятифутовая фигуристая красотка, на которой я не без удовольствия задерживал взгляд там, на пиру. Она тогда говорила мало, и сама всё поглядывала... Вот до чего доглядывалась.

Да, она уж точно вызвала во мне, несмотря на разницу в росте, определённые эмоции и порывы!..

Словно почуяв мои мысли, (а я верю, что каждая женщина в этой области — телепат, почище Пустотников, и чётко ловит мысли окружающих её существ мужского пола, которые её хотят... Просто — хотя!) она подошла почти вплотную. Постояла. Вот зараза — в её взгляде было всё. Ну, или это я так понял в силу природной извращённости. Хотя для неё я — экзотика. Да и престижно.

Не каждой Женщине выпадет шанс попытаться совратить Посланника Бога...

Процесс раздевания я пронаблюдал с большим интересом. Жаль, не было музыки...

Чё-ё-ёрт... (Удивительно — но плавочки-стринги оказались вовсе не «средневековыми»!) Действительно, шикарное тело! А как действует, хоть я и выше её на добрых полтора фута! Реально сексапильная коза! Или это я так соскучился по этому делу?!

Но что-то меня удерживало от того, чтобы начать и самому вылезать из брони.

Может, этот голос?..

Он нарастал и креп, и вот уже бьёт прямо в уши:

— Тревога! Внимание! Тревога! Попытка несанкционированной разгерметизации! Попытка... — я проснулся. А молодец у меня скафандр!

Ого! А они — весьма коварные и злобные ребята! Собственно, как я и ожидал.

Троих, пытавшихся отсоединить шланги подачи гидравлической жидкости к сервоцилиндрам двигательного аппарата, я просто отшвырнул на другой конец комнаты. Да так, что они упали вместе с замызганным гобеленом.

Остальных, пытавшихся разнообразными железяками поддеть шлем в месте крепления к корпусу, я постряхивал, уже встав. Их я немного

попинал ногами — не сильно, а так, чтобы вразумить. Пара-тройка сломанных рёбер не в счёт.

Свору попов в дурацких рясах и клобуках, и со злобными бледными лицами, явно руководивших операцией, я выбросил в окно, не посмотрев, что пятый (условно!) этаж. (Если этой братии станет меньше — всё легче крестьянам!)

После чего был несколько удивлён тем, что в «мои» покои вбежал сам хозяин замка. Вот уж не ждал его. Или инициатор глупой провокации — не он?.. А руководство чёртова Конклава?

Неважно. Я пресёк попытку хозяина что-то объяснить, или извиниться, царственным жестом. Затем встал в позу оскорблённого достоинства и сообщил:

— Мне нанесено серьёзное оскорбление. Действуем.

Конечно, я мог бы сравнять этот замок с землёй, и убить всех, кто здесь живёт. Однако это ниже моего достоинства. Да и не в моих правилах перекладывать вину отдельных глупых, — тут я недвусмысленно посмотрел на всё ещё лежавших на полу и указав дланью на окно, — представителей высокого Конклава, и благородного Дворянства, на всех обитателей Замка!

Поэтому я просто... Удаляюсь. Ухожу к вашим врагам: возможно, они сумеют по достоинству оценить оказанную им милость! И выгоду от такого Покровителя! Прощайте!

Удалился я вполне тихо и мирно. Всего-навсего разворотив наружную стену наногенератором. Он неплохо превращает камень в пыль и труху. А уж свистит!..

А что: круглая дыра футов в пятнадцать получилась весьма внушительная. Особенно, если учесть, что толщина стены была футов восемь.

Ну и куда, как вы думаете, я полетел?

Правильно — к несчастному затерроризированному парню, поля которого бессовестно вытапывали и выжигали.

Опустившись к нему во двор в вихрях пыли и струях пламени, я мог рассчитывать на определённое внимание к себе, великому и ужасному... Ещё бы — рёв от форсированных движков, если не работают глушилки, разносится миль на двадцать! А уж видно реактивную струю в темноте — за все пятьдесят.

Ага, эти сразу поняли, в чём суть. Вон — попадали, выбежав, на колени, стали возносить молитвы. Я прислушался — хорошо! Просят опадать, и не разрушать, не губить...

Хм. А что — я, вроде, начинаю входить во вкус. Мне уже нравятся почтение, преклонение и уважение. (Вот уж от Матери не дождёшься!)

Но тут на шум выбежал и Хозяин — мужчина лет пятидесяти пяти, с худым и измождённым лицом. Видать, заботы одолели. Он, правда, на колени не упал. Зато спросил:

— Кто ты, странный пришелец? И зачем ты здесь?

— Я — Гавриил. Я Посланник Бога, из вашего прошлого. И сейчас я прилетел к вам, чтобы изучить, и судить. Кто вёл праведную жизнь, и кто достоин Царствия Небесного. А кто — Тьмы Нирганны.

Это я из придворных сплетен нахватался основ местных верований, и знал, что, в принципе, они как раз и ждут чего-то такого — типа Пришествия, и Правосудия Свыше. А мне эта легенда-суеверие очень даже подходит, чтобы изучить их получше, да и отвалить себе с богом...

— Я должен навести порядок в вашем Мире. И сегодня заночую здесь. — в восторг (странно, да?), конечно, никто не пришёл, но возразить тоже — не посмел!

А кто бы посмел?!

От торжественного банкета я, естественно, отказался. Сыт, как говорится, по горло. Да и уверен я был, что с продуктами у них туго...

Просто не мог себе представить, что настолько туго.

Пшеница росла и на крепостной стене: между двумя парапетамии кто-то умный догадался насыпать слой земли, и они даже насыпали её и на крышах, и сделали ограду типа каменных бордюров — чтоб земля не съезжала. Я, когда подлетал, оценил масштаб сельхозработ. И нужды.

Народа здесь, само-собой, оказалось существенно меньше, чем у люРайцига, да и выглядели они... Позачуханней, что ли. Но эти — смотрели на меня с надеждой, а не с подозрением и злобой.

Меня... Стала мучить совесть.

Сволочь она всё-таки. Иногда эта назойливая дрянь заставляла меня уходить с пустыми руками, оставив чертовски перспективные вещи во владении туземцев... Вот поэтому я и не люблю населённые Миры. Убивать и грабить жителей таких — это для совсем уж беспринципных мерзавцев. Вроде Кривого Пита, или Линден. А я...

Зачем я обещаю им справедливый суд, если собираюсь отсюда просто свалить?

Впрочем... Может, удастся что-нибудь этакое, нормализующее ситуацию, придумать? Как-то помочь? Для чего мне, в конце-концов, самый социологически подкованный в обозримом космосе, компьютер?! С миллионноядерным процессором.

Я высказал пожелание удалиться на отдых. Меня провели в большую и совершенно пустую — если не считать постели — комнату. И вот я лёг, и стал думать. Потом позвал:

— Мать! Я знаю, ты давно здесь. Посоветуй, что делать?

— Это зависит от того, чего ты хочешь добиться. — приятно услышать до боли родной и знакомый чуть ворчливый голос. Я понял, что улыбаюсь, как дурак. Но мысль не потерял:

— Я хотел бы свалить отсюда к ... матери, но... Перед этим я хотел бы как-то восстановить статус кво. Недавно тут были примерно равные силы. Бессмысленных жертв и сильно несчастных, вроде, не было. А сейчас, когда вот этот парень в загоне, даже и не знаю, как вернуть всё обратно. Ну, чтоб все остались и живы, и... утихомирены.

— Поняла. Мне кажется, эту проблему можно решить вполне традиционно — ограниченной демонстрацией силы, и выставлением устного ультиматума. Например, если ты разрушишь в каждом замке по крылу, и пригроишь докончить начатое, если они до истечения, скажем, пятидесяти, или сколько-тебе-там-будет-угодно лет, вылезут за разграничительную черту, то ты их, таких-сяких непослушных!.. Отшлёпаешь.

Теперь о методах. Я могу синтезировать несмываемую краску.

Или можем установить силовой барьер. И разместить его генераторы по всем границам — понадобится всего двенадцать штук. Как тебе идеи?

— М-м... Неплохие. И, вроде, можно обойтись простыми средствами... Вот только генераторы устанавливать не надо. Это ж сколько кабеля надо тянуть! Думаю, краски будет достаточно. А потом, я же всё равно продам этот Мир учёным-социологам. За пятьдесят-то лет они додумаются, как предотвратить тут войны?

— Очень смешно. Они и на земле-то не додумались... Ладно, шучу. Начинаю изготавливать краску. Можешь текст ультиматума продумать сам.

Ну, продумать-то я продумал... Но всё равно заставил её кое-что подкорректировать.

К тому времени, как таймер снова зажёт местное «солнце», я уже был готов к работе.

Перво-наперво мы обошли все подвалы и секретные лаборатории, где местный замковладелец действительно изготавливал монстриков и чудовищ.

А что, оказалось занятно посмотреть на всех этих мини-гидр, циклопов, драконов (правда, с единственной головой), грифонов (если я

правильно помню название так выглядящих тварей), и омерзительных гигантских крыс...

Где он взял генный материал и автоклавы, я догадывался, но недоумевал: почему остальные ничего такого не имеют? Или имеют, но забыли, как пользоваться? Или — табу? И на такие крайние средства можно идти лишь тому, кто вот так, как сейчас — в упадке?

Хозяин — барон люДоввер — просветил: действительно, такое в подвалах есть у каждого. Но религия запрещает производство монстров под угрозой отлучения. Ну а он, плюнув на отлучение, пошёл на это, чтобы хоть как-то защитить своих пашущих-сеющих. Правда, пока всё оказалось без толку.

А как бы оно было с толком, если самая крупная его тварь не достигала и двадцати футов в длину!

Конечно, с такими можно справиться и копьями-зубочистками! Вот уж где раздолье для «подвигов»! И сочинителей хвастливо-хвалебных баллад.

А для получения и выращивания полноценных крупных монстров не хватало пищи и времени.

Я остался доволен отснятым материалом. Но производить дальнейшие опыты запретил.

В архиве я сам пролистал кое-какие «рукописи» из самых древних. И были они — вот провалиться мне! — на полимерной плёнке! Поэтому и сохранились. Мать прямо урчала от удовольствия, расшифровывая. А то я её не знаю: девушка она сугубо прагматичная, но сравнительную историю обожает. Я даже иногда подумываю, (когда она «особо удачно» шутит) закончив карьеру, передать её в Нью-Йоркский Университет Ксеноистории.

Да, она тоже на такие угрозы только посмеивается. Знает, что я не настолько жесток.

Материала, само-собой, пришлось пролистать — будь здоров! Но самым интересным мне показался первый. То есть, самый ранний. Записи там касались ещё бунта:

18.09.3098г. Сегодня основные силы восставших атаковали нас с трёх сторон, и через четыре часа кровопролитного боя захватили Рубку. Отступаем на палубы «Джи-35» и «И-1». Потери — до 140 человек. Похоже, улететь не удастся уже никому. Двигательный отсек полностью разрушен, все шлюпки отстрелены. Хорошо хоть, аккумуляторную и реакторы как бы по взаимному соглашению пока не трогаем — словно понимаем, что только благодаря генераторам и Котлу мы всё ещё

живы. (...) Раненных нечем даже перевязать — все мед. средства остались в заражённой Зоне. (...)

27.09. Сегодня нас выбили с палубы Джи-35. Со мной осталось не более ста офицеров. Если трюмная команда победит... (зачёркнуто) Мы должны пойти на переговоры. Незараженные женщины ни с нашей, ни с их стороны, не участвуют в Конфликте: даже восставшие понимают, что они-то никакого отношения к чёртовым бациллам не имеют. И пока они заперты за шлюзами Внутренней Оранжереи, им ни мы, с нашими разборками, ни страшные болезни, хочется верить, не угрожают. (...)

02.10. (запись другим почерком. Прим. Моё.) Сегодня, после Полевого Суда, мы, «Комитет за Справедливость», единогласно проголосовали за расстрел оставшихся офицеров «Прометей». Их вина доказана, Протоколы допросов прилагаются к Постановлению. Приговор приведён в исполнение, тела спущены в конвертер.

13.10. Из Протокола 204 заседания Комитета.

Председательствующий Паттерсен:

— Сегодня на повестке дня стоят три основных вопроса: ремонт двигателей, обеззараживание заражённой территории, и выборы нового Капитана. (...) Предлагаю свою кандидатуру. (Шум, выкрики, через две минуты слово берёт суперкарго Мурконин):

— Не много ли вы на себя берёте, боцман? То, что вы можете отлично стрелять, ещё не делает вас умнее! Я уже не говорю, что в эпидемиологии вы — полный ноль! А вот я — кое-что нужное помню! (...) ...и, главное — теперь, когда офицеров нет, я — старший по званию! И уж если кому и налаживать наше проживание здесь — так это мне, Команданту! (Шум, крики, выстрелы, Мурконин ранен.) (...)

Вот этот, и аналогичные моменты «Протоколов», и беспорядочных и бессистемных, в общем-то, записей, показались мне характерными. И, чтобы не томить вас подробным воспроизведением склок и разборок среди захвативших корабль рабочих и техников средней и низшей категории, коротко о сути:

После расстрела всех учёных и офицеров не осталось никого, кто реально знал бы, как бороться с угрозой заражения. Выборы нового Капитана закончились ещё одним кровопролитным конфликтом, с применением оставшегося ручного оружия. Когда кончились боеприпасы, сражающиеся перешли на ножи. Затем изготовили и копья, и луки...

Затем, когда их стало уже настолько мало, что возникли опасения вообще вымереть, заключили Перемирие. Созвали Малый Совет. (на «Большой» уже не потянули)

Шестеро выживших Техников Второй категории договорились о разделе сфер влияния.

Сочинили, сильно напрягши то, что называли мозгами, «Кодекс невмешательства».

Наконец, разобрали своих женщин, (оставшихся «ничейных» честно поделили) собрали все материалы и запасы, оставшиеся в незараженной части корабля. И герметично запечатались во внутренней Оранжее.

После этого у каждого, возглавившего свою Группу, начались отдельные Летописи: в соответствии с собственной дурью. Но, судя по результатам, наладить, пусть примитивную, но довольно стабильную жизнь, помог именно старый добрый феодализм.

И я так думаю, главную роль тут сыграл страшный дефицит мужчин: поэтому они и стали «баронами», «виконтами», «графьями», и прочими дармоедами, традиционно сидящими на шее работающих женщин. Не слишком честно... Зато — все выжили. И к «демократии» больше не возвращались. Хе-хе. (Хотя это — моё личное мнение о «социальных процессах», приведших к тому, что получилось. А антропологически-хреновы-историки пусть думают, что хотят!)

Мой вывод об изменении их роста Мать подтвердила: действительно, раньше все люди тут были куда крупнее... и умнее. Тут подействовал фактор ограниченного пространства.

Ну как на маленьких островах — случайно попавшие туда крупные звери начинают стремительно мельчать, «чтобы приспособиться к ограниченному объёму местных пищевых и пространственных ресурсов». (Это Мать задвинула столь умную фразу. У меня на такое терпения не хватило бы.)

Ещё много чего мы вычитали. Но это было уже не столь интересно.

Я оказался прав. Здесь заключались то династические браки, то «нерушимые союзы» «на вечные времена», то происходили вероломные убийства из-за угла, отравления, заговоры, смена династий, и всё то замечательно нескучное действо, так шикарно описанное Шекспиром, Дюма и Дрюоном...

При Катастрофе погибло до девяноста процентов людей. Причём мужчин — так и вообще — до девяноста девяти. И я понял — все они давно рассыпались в труху там, на служебно-лабораторных ярусах.

Всё, что мне было нужно, я узнал. Поэтому в умеренно тёплых выражениях поблагодарив за оказанное гостеприимство, полетел к ближайшим соседям. (Ха-ха! Я — ужас, летящий на крыльях Ночи! Я — пу-

чок волос, забивший ваш унитаз! Я... Ну и так далее: «Чёрный плащ» — вообще мой самый любимый мультяшник из старых.)

В обличительной речи, которую мы с Матерью подготовили, красочно расписывалось о грехах, нарушении заветов Предков и канонов Религии, и Высшем суде...

Все в третьем замке внимали, стоя на коленях.

После речи я озвучил и Ультиматум. На двенадцати процентах мощности — чтоб уж запомнили! А для того, чтобы уж поверили — сейчас, за мной не заржавеет!

Чтобы потом не возвращаться, нежилиую часть замка я развалил сразу. (Ну, я же «гуманист» — предварительно термолокатором выгнал оттуда всех работников!) Для вящего эффекта применил и пушки, и плазму — чтоб уж полыхало, так полыхало!

Грохот стоял невероятный: наверняка в любом уголке (Ха-ха! Вот уж посмотрел бы на «уголок» — в шаровом пространстве!) этого Мира было слышно.

Хоть я и не спросил имени владельцев всех остальных замков, пока «работал» у них, совесть меня не сильно доставала. А уж о том, чтобы разрушить что-то «от души», меня дополнительно просить не надо.

За пять часов я управился со всеми пятью замками, (включая и «гостеприимного» люРюйцига) не тронув только того, кто обещал уничтожить уже понаделанных монстров... И успел, действительно, уничтожить. Теперь в его дворе срочно коптели и солили кучу «око-рочков» и т.п.

Затем я полетел к «своей» шахте.

И вижу, что только зря потратил время, заваривая люк и герметизируя швы: Мать всё повскрывала обратно. В проделанное отверстие она уже высунула огромную тарелку антенны, накрыв всё это дело пластиковым герметичным фонарём. А кабель по шахте провёз дроид, предварительно прорезав дыру в дне лифта.

Теперь дроид же привёз и огромные ёмкости с краской.

Ярко-рыжий цвет не вызвал у меня восторга. Но видно его наверняка будет отлично. Мать обещала, что почва не пострадает.

Добрых четыре часа я, пользуясь указаниями Матери, летал по границам секторов, и по линиями на вспомогательном псевдозэкране скелета распылял чёртову краску. Ни экзоскелет, ни примитивный краскопульт хоть и не были приспособлены, но не подвели. Закончил засветло. Потом солнце погасло, и я убедился, что все линии великолепно фосфоресцируют в темноте — похлеще любых гнилушек.

Спать я улёгся тут же, возле антенны, смело отдавшись под защиту дроида.

Наконец-то выспался! Дурное настроение как рукой сняло. Даже зарядку сделал.

Теперь я совершил, так сказать, контрольный облёт замков, оказавшихся точно в центрах своих секторов. Заодно убедился, что хилый дождичек нашим линиям никак не повредил. (Вот бы я удивился!) Убрать нашу краску можно только бульдозером.

Сверху пейзаж смотрелся изумительно.

Да и с земли не хуже — всё плавно загибалось, и нависало со всех сторон волшебным туманным куполом.

Красивый Мир. Но — как и везде. Жестокий. Подлый. Несправедливый.

Всё по Дарвину.

Ладно, на какое-то время, надеюсь, угомонятся...

Собственно, особо делать мне с ними ничего уже было не нужно.

Все и так падали ниц, только завидев моё приближение. Хорошо. Уважают.

Поэтому я только спрашивал громовым голосом, хорошо ли видно границы, которые им запрещено пересекать не менее пятидесяти лет, и обещал решить судьбу как праведников, так и грешников, позже. Правда, не уточнял, когда именно.

Конечно, я понимал, что испортил нашим историкам-социологам пресловутую «чистоту эксперимента», но был уверен, (это Мать рассчитала) что через каких-то двести двадцать лет в предания обо мне никто верить не будет. Ну а столько-то наши потерпят... Вон — тмудов изучают четыре века. И феринхов — три. (Правда — толку с этого... Ну, это уж — моё мнение.)

Радовало и то, что везде уже вовсю велись восстановительно-строительные работы, а мой старый знакомый выгнал в поля пахать и сеять всех. Даже зачуханных вельмож.

Всем баронам я сообщил, что удаляюсь доложить... А затем, в ожидании Высших Указаний — буду наблюдать.

Уж не сомневайтесь — камер наблюдения понатыкать и замаскировать я и правда — не поленился. Батарей их трансляторов должно хватить года на три. А дальше — пусть социологи-историки думают, как подзарядить. Кабель для ретрансляции сигналов я оставил на месте в шахте. Записывающий блок разместил у выходного шлюза — пусть себе пишет. Не пропадать же материалу.

После этого сделать мне оставалось немного.

Полазил я по всем две тысячи пятистам (Шучу, конечно! Но по некоторым побродил, почти как на прогулке.) уровням корабля. Понатастал себе горы книг и блоков памяти от компьютеров. Мать всё тщательно дезактивировала и обеззаразила. Вот удивительно: там, наверху, никто, вроде, ничем таким не болеет, а вот если бы они жили здесь...

О-о! Последствия болезней, действительно, ужаснули даже такого заматерелого циника, как я. Вероятно, это и было одной из причин, вынудивших замуровать все эти помещения. Или то, что и правда — никто уже не знал, как обеззаразить всё это гарантированно...

(Кстати — не думайте, что я свинья! Я тоже, перед тем, как забраться вовнутрь шарика, провёл полную свою дезинфекцию — чтоб уж точно никого ничем притащенным снаружи не заразить! Даром что ли, пёр на себе чёртовы баллоны с химикатами, палатку, и излучатели! И из скафандра не вылезал ещё и поэтому! А в конце выходной люк мы с дроидом снова тщательно заварили и загерметизировали.)

Потом мне повезло. Ну, вернее, это Мать вычислила, куда мне зайти, чтобы мне «повезло».

Огромную галерею с предметами искусства я очищать полностью не стал — иначе мне бы это припомнили наши крючоктворцы-бюрократы из Колониальной Администрации. И ЮНЕСКО. Отбирать что-либо, подпадающее под категорию «Культурное Наследие» у гуманоидов категорически запрещено. Штрафуют. И лишают лицензии. А торговать с «местным населением» в таких условиях я ну никак не мог. Но не волнуйтесь — я всё сделал по уму.

Фиг они докажут, что здесь что-то стояло, лежало, или висело. (Свидетелей же нет!)

К блоку двигателей, складам оборудования и прочим служебным помещениям я даже не совался. Рубку Мать нашла, но она оказалась как раз на противоположной стороне сфероида. Я поленился снова возиться с палаткой и всем прочим. Да и что нового я мог там найти?

Копии почти всех материалов корабля до «Эры Средневековья» имелись, вероятно, в каждом баронском архиве. (Очевидно, их копировали «в назидание потомкам».) Во всяком случае, в том, который я изучил подробно, они были.

Здесь эту Хронику пересказывать смысла нет — обычная история о людской лени, глупости, верности «долгу перед Человечеством», и

стремлению к власти... Словом, см. всё ту же Историю. Только уже не средних средних, а «поздних» средних веков.

Или правильной говорить — зрелых?..

Будете смеяться — через два года мне присвоили звание ещё одного «Почётного члена-корреспондента Университета Сорбонны» за какие-то там невероятно важные в области социологических и исторических... И даже премию дали. Мать посмеивалась. И обзывалась — «двукратным членом!..»

Но я-то знаю: она тоже гордится тем, что мы реально вносим вклад в «дело изучения закономерностей развития — как антропоморфных Общественных Формаций, так и...»

Ага, согласен — смешно... Но — и приятно.

Вы можете спросить, для чего я рассказал эту, довольно банальную и ничем не примечательную историю — без чудесных находок и злобных инопланетян? Сам удивляюсь. Но всё же...

Почему-то постоянно возвращаюсь мыслями к этой... приснившейся мне фигуристой красавице. Чёрт! Вот уж произвела впечатление: ни об одной нормальной (ну, нашей, а не карикатурно миниатюрной) женщине столько не думал! Может, вернуться, и?..

Только одно останавливает. Мать будет отвратительной свекровью...

ТЕАТР

Роберт Геттих

Калужская область

ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ

драма в 2-х действиях

время действия: декабрь 1919 года

место действия: Украина

действующие лица:

РОДИН

СУПРЯДКИН

ГАЮСОВ

ЛИЗА

РАИСА

МРАВИНСКИЙ

ГАЛИМОВ

СЕВРУК

ДОРА

Действие 1

СЦЕНА 1. 3 декабря 1919 года. Госпитальная палата в Киеве. В кровати спит Родин. У окна курит Супрядкин.

СУПРЯДКИН (напевает).

«Тройка мчится, тройка скачет,

Вьётся пыль из-под копыт,

Колокольчик звонко плачет,

И хохочет, и визжит.

По дороге голосисто

Раздаётся яркий звон,

То вдали отбрякнет чисто,

То застонет глухо он»...

Входит Гаюсов.

ГАЮСОВ. Ну, что ж вы опять в палате курите! Аркадий Семёнович, так нельзя, вы здесь не один живёте, и не один живы. Коматозник наш сказать не может, но он же чувствует, вдруг ему худо от табака. И Лиза рассердится...

СУПРЯДКИН (поёт, пританцовывая).

«— Здравствуй, Лиза-Лизавета!..

Ни ответа, Ни привета...

— Что ж молчишь ты, Лизавета?

— У меня во рту конфета!»

ГАЮСОВ. Полегчало?

СУПРЯДКИН. Не могу справиться, зависть сильнее моих жалких потуг, какого бы цвета она ни была. В коловороте войны ваша любовь, штабс-капитан, как цветок в трещине утёса, а кругом льды и сугробы, и стужа. Одного остаётся пожелать, чтобы имя цветку оказалось «незабудка».

ГАЮСОВ. Бог с вами.

СУПРЯДКИН. Если бы! Если бы, Гавриил Иванович! Когда бы так-то, небось, и войны никакой не случилось бы, особенно нашей, гражданской. Убогой, вонючей, склизкой, и даже беззлойной в своей беспощадности. Не желаете умыть руки?

ГАЮСОВ. В каком смысле?

СУПРЯДКИН. Сегодня, на рассвете 3 декабря 1919 года, большевики перешли Днепр и заняли окраины Киева. А Киев, господин Гаюсов, есть тот самый город, в котором мы, с вами, в сей час разговариваем про любовь, песенки распеваем, коленцы выкидываем.

ГАЮСОВ. Вы знаете точно?

СУПРЯДКИН. Да вот стою, курю, верховой прокричал и сгинул. Не встретить нам Рождество в уюте, отступление армии, думается, не загородная прогулка.

ГАЮСОВ. Где же Лиза. И нет покуда никакого отступления, есть военные маневры. Ничего, перетерпим, не таких босяков в землю вбивали. Вернёмся.

СУПРЯДКИН. Переживаете, конечно, за любимую. Но что конкретно вы намерены ей предложить: бега или ёлку у камина? Ах, да, вы же не отступаете, вы маневрируете. Нет-нет, вы сказали «вернёмся». Но чтобы вернуться, надобно уйти. Нет?

ГАЮСОВ. Рождество с большевиками? А Вельзевул вместо Николая Угодника?

СУПРЯДКИН. Как точно вы обрисовали сложившуюся ситуацию, господин штабс-капитан, чувствуется стратег, образами мыслите. Как хотите, а только кажется мне, что пора кончать с братоубийством, хотя бы ради страдающих сестёр. Не находите?

Из кровати доносится стон.

ГАЮСОВ. Что с вами?

СУПРЯДКИН. Что?

ГАЮСОВ. Стонете как-то необычно.

СУПРЯДКИН. Думал, вы. Нет, не я... Коматозник?

ГАЮСОВ. Верно! Я — за доктором! Или вы?

СУПРЯДКИН. Бегите, вас лекари слышат и любят.

ГАЮСОВ. Мигом! (Убегает.)

РОДИН. Эй...

СУПРЯДКИН. Эй! Эй! Доброго дня, господин... Или гражданин, не знаю. Как вы? Как же вас... Павел, что ли? Вы же Павел?

РОДИН. Хорошо. Мне.

СУПРЯДКИН. Вы в госпитале, всё в порядке. Сейчас придёт врач. Не вставайте, Павел, лежите.

РОДИН. Павел?

СУПРЯДКИН. Не Павел? Я-то не знаю наверное, может быть, и нет. Какая разница, молодой человек, главное, жив. Верно?

РОДИН (поднимаясь в кровати). Надо встать...

СУПРЯДКИН. Да не надо же, ни к чему! Напрягаться не стоит, врач скажет...

РОДИН. Госпиталь? Что такое «госпиталь»?

СУПРЯДКИН. Эх, как вас приложило. Боевому офицеру не знать госпиталя...

Входит Лиза, в пальто, надетом на сестринскую униформу, с сумкой в руке.

ЛИЗА. Как тут без меня? Павел!? Господи, пришёл в себя!

СУПРЯДКИН. Не похоже. Гаюсов за доктором побежал.

ЛИЗА. Паша, здравствуй, дорогой.

РОДИН. Кто? Кто!

ЛИЗА. Тих-тих-тих-тихо... тихонюшки. Я — Лиза, Лизавета, дочка горничной ваших родителей вашей матушки. Павел Романович, помните?

РОДИН. Я... Я! Кто — я...

ЛИЗА. Павел. Вы — Павел Романович Родин. Родились в Киеве.

РОДИН. В Киеве? Да, да-да, Киев! Ну, конечно, помню. Госпиталь? Да! Я понял. (Супрядкину.) Я — военный, вы сказали?

СУПРЯДКИН. Вот, сестра милосердия так сказала.

РОДИН. Не помню. Не помню! (Вставая.)

ЛИЗА. Нельзя резко вставать! Вы долго лежали, без сознания. Голова закружится, упадёте. Павел Романович, я принесла вашу форму, документы.

РОДИН. Где я ранен?

ЛИЗА. Нет конкретной раны. Я нашла вас около дома, вы лежали на мостовой, привезла сюда, где сама служу. Врач констатировал сильный ушиб головы. Вы третий день без сознания.

СУПРЯДКИН. Или просто спал. Устал от войны, ответная реакция организма...

РОДИН. Документы! Я вспомню.

ЛИЗА. Вот, сейчас. (Достаёт из сумки командирский планшет, подаёт Родину.) И оденьтесь, пожалуйста, нам, всё одно, уходить. Госпиталь расформирован. Тяжело ранеными занимаются, остальным предложено самим принять решение...

РОДИН (разбирая планшет). Так, так... так?

Входит Гаюсов.

ГАЮСОВ. Лиза! Ого, наш болящий-то уже в полный рост...

ЛИЗА. У него западение памяти. Надеюсь, кратковременно...

ГАЮСОВ. Надо уходить. Весь город поднялся. Говорят, Киев сдадут сегодня.

СУПРЯДКИН. Давно сдали, с потрохами, со всеми нами. Ладно, собираем манатки и уманываем отсель...

РОДИН (разбирая документы). Бред. Здесь удостоверения на разные фамилии...

ЛИЗА. Давайте, помогу.

РОДИН. Пожалуйста. (Подавая документы.) Мы, с вами, хорошо знакомы?

ЛИЗА. Да. (Разбирает документы.)

ГАЮСОВ. Елизавета Марковна, нельзя задерживаться.

ЛИЗА. Без него я отсюда шагу не сделаю. А вы можете идти. Павел, здесь различные удостоверения личности, как у многих, они выправле-

ны от разных учреждений и даже от большевиков. Вот от Петлюры. От англичан.

СУПРЯДКИН. У меня их штук двадцать. У штабс-капитана девять. А что за журнал? Позвольте?

РОДИН. Да, конечно. (Подает журнал Супрядкину.)

ЛИЗА. Оденьтесь, надо идти.

РОДИН. Я не могу идти без памяти.

ГАЮСОВ. Разберёмся по ходу событий.

ЛИЗА. Благодарю, Гавриил Иванович.

ГАЮСОВ. И оставаться без памяти нельзя. Павел, прошу вас, настаиваю, оденьтесь.

РОДИН. Что?

ГАЮСОВ. Штабс-капитан Гаюсов.

РОДИН. Да-да, я без памяти, но не без мозгов. (Одеваясь.) Кто представился, я уже знаю. А вы, простите, ротмистр?

СУПРЯДКИН (спрятал под матрац журнал). Точно так. Ротмистр Супрядкин, Аркадий Семёнович. Артиллерия — богиня войны. Пехота — царица полей. Вспоминаете?

РОДИН. Нет.

ГАЮСОВ. Однако, одевайтесь по-военному, быстро и верно. Отлично, что вы в порядке, иначе не знаю, что мы делали бы. А сверху?

ЛИЗА. Бекеша в каптёрке. Гимнастёрку-то я домой брала, стирать...

РОДИН. Люди, один простой вопрос. Что происходит? Не в частности, а в целом?

ГАЮСОВ. Война. Гражданская война.

РОДИН. Гражданская... что значит?

ГАЮСОВ. Брат против брата, отцы против сыновей, и так далее. Народы бывшей Российской империи остались без царя и разделились на два лагеря. Мы — белые, они — красные. Детали доложу на ходу.

РОДИН. И вы уверены, что я — белый?

ГАЮСОВ. Я... не знаю.

СУПРЯДКИН. В яблочко, юноша!

ЛИЗА. Я уверена, да.

РОДИН. Что ж, да будет так, покуда не этак.

ГАЮСОВ. Мудро. Соберите свои документы и — айда. Вы с нами, ротмистр?

СУПРЯДКИН. Нет, отправлюсь на поиски своей батареи.

РОДИН. Супрядкин, будьте добры, журнал.

СУПРЯДКИН. Я вернул его на место, посмотрите. Мне надо срочно, всё же дизентерия — это вам не амнезия.

РОДИН. Журнал!

СУПРЯДКИН. Ой, да поищите лучше.

ГАЮСОВ. Ротмистр!

СУПРЯДКИН (выхватив пистолет). Стоять! Всех положу... А ну, малыш, посторонись! Два шага назад. Назад, я сказал! (Вынимает из-под матраца журнал.) Прощайте, господа, не поминайте... Гаюсов!

ГАЮСОВ (наставив пистолет на Супрядкина). Двум смертям не бывать, вы знаете, я скорострельнее.

СУПРЯДКИН. Знаю. Но я не вас, я вашу Лизу пристрелю первой, а там, как карта ляжет.

РОДИН. Люди! Я вас прошу, успокойтесь. Пусть ротмистр берёт журнал, а мы — наши жизни, и разойдёмся. Пожалуйста. Идёмте. (Проходя мимо Супрядкина, вынимает из планшеты небольшой пистолет, приставив дуло к его затылку.) Опустил пистолет, Супрядкин, я даже до трёх считать не стану, вышибу мозги. Живо.

СУПРЯДКИН (опуская руку с пистолетом). Надо же, какой прыткий.

РОДИН. И простой. (Бьёт рукоятку по шее Супрядкина.)

СУПРЯДКИН. Ох. (Падает без чувств.)

ЛИЗА. Павел! Ты вспомнил!

РОДИН (подобрав журнал, просматривает). Если бы. Что за журнал?

ГАЮСОВ. Круто.

РОДИН. Штабс-капитан, вы проверили бы ротмистра, и ежели жив, связали бы руки, на всякий случай.

ГАЮСОВ. Да. Сейчас. (Проверив пульс.) Жив. Простынёй, пожалуй. И ручки, и ножки. Благодарю, Родин. (Вяжет Супрядкина.)

РОДИН. Не за что.

ГАЮСОВ. Как вы ловко всё провернули. Подготовочка, однако.

РОДИН. Возможно. Самому удивительно. Журнал Алексева. Ежедневник... Кто таков?

ЛИЗА. Может быть, в конце указано? Хотя должно быть в начале, на титульной странице, так принято.

РОДИН. А вот, мелко как написано: Михаил Васильевич.

ГАЮСОВ. И всё?

РОДИН. Мельком просмотрев, однозначно военный.

ГАЮСОВ. Только один человек мог вызвать такой интерес: генерал от инфантерии Алексеев. Человек, создавший нашу Добровольческую армию, в прошлом начальник Императорского Генерального штаба. Кабы не скончался, стал бы единственным общепризнанным лидером Бе-

лого движения и, возможно, с большевиками уже было бы кончено. Интересный документ носите вы в своём планшете, Павел Романович.

РОДИН. Знать бы, зачем.

ГАЮСОВ. Куда любопытнее не «зачем», а «за что». Два варианта: или вам дали поносить, или же вам доверили сокровище.

РОДИН. Я не знаю. Сокровище?

ЛИЗА. Господа, слышите канонаду, всё ближе.

ГАЮСОВ. Сокровище. Всё, уходим.

ЛИЗА. Лучше, бежим.

РОДИН. Ведите.

ЛИЗА. Прежде — каптёрка. За мной. (Уходит.)

РОДИН. Честное слово, не вспоминается. (Уходит.)

ГАЮСОВ. Да я верю. И пистолетик прихватить.

СУПРЯДКИН (приходя в себя). А, чёрт побери...

ГАЮСОВ. Ну, ротмистр, вы и штучка. И какой сообразительный.

СУПРЯДКИН. Развяжите...

ГАЮСОВ. Прошу прощения, некогда заниматься жульём, да я и не архаровец. А я подозревал, что вы, Супрядкин, непорядочны. И, похоже, не наш.

СУПРЯДКИН. Бросьте. Просто бес попутал.

ГАЮСОВ. А ваш бес — Фрунзе или сам Троцкий?

СУПРЯДКИН. Гаюсов, будь мужчиной...

ГАЮСОВ. Попросила баба в штанах. Не попадайся мне впредь, не пощажу. (Уходит.)

СУПРЯДКИН. Это ты мне не попадись... герой-любовник. (Оценивая положение.) Ничего, не в гробу, выпутаюсь. (Борется с перевязью.) Грамотно повязал... дьявольское благородие. И ведь не встать! (Борется и напевает.)

«По пыльной дороге телега несется,

В ней по бокам два жандарма сидят.

Сбейте оковы,

Дайте мне волю

Я научу вас свободу любить.

Юный изгнанник в телеге той едет,

Скованы руки, как плети висят.

Сбейте оковы,

Дайте мне волю

Я научу вас свободу любить.

Дома оставил он мать дорогую,
Будет о нём безутешно рыдать.
Сбейте оковы,
Дайте мне волю
Я научу вас свободу любить.

Дома оставил он милую сердцу,
Будет она от тоски изнывать.
Сбейте оковы,
Дайте мне волю
Я научу вас свободу любить.

Вспомнил он правое дело народное,
Вспомнил, за что он так долго страдал.
Сбейте оковы,
Дайте мне волю
Я научу вас свободу любить.

Вспомнил и молвил он: Дайте мне волю,
Я научу вас свободу любить.
Сбейте оковы,
Дайте мне волю
Я научу вас свободу любить».

Входит Раиса, в шубе.

РАИСА. Знакомое пение...

СУПРЯДКИН. Мать моя вся в саже, Психея!?

РАИСА. Цыц. Не ори. Один?

СУПРЯДКИН. Как хрен во лбу!

РАИСА. Как же ты так?

СУПРЯДКИН. Рая, золотко, сбей с меня оковы и поболтаем.

РАИСА. Потерпишь.

СУПРЯДКИН. Вот она, чекистская хватка.

РАИСА. И вполголоса, Мичман, а лучше шёпотом. И помни, времени нет.

СУПРЯДКИН. Рая...

РАИСА. Отвечать на вопросы! Почему ты связан?

СУПРЯДКИН. Один против двоих.

РАИСА. Тебя раскрыли?

СУПРЯДКИН. Да нет, застучали за присвоением чужого имущества.
РАИСА. Браво.

СУПРЯДКИН. Поклонюсь, когда развяжешь.

РАИСА. Ты забыл, что значит «вопрос-ответ» в моём исполнении?

СУПРЯДКИН. О, нет, такого не забыть, товарищ Психея.

РАИСА. Что украл?

СУПРЯДКИН. Журнал покойного генерала Алексеева, ежедневник.

РАИСА. Михаила Васильевича?

СУПРЯДКИН. Точно так.

РАИСА. Он у тебя?

СУПРЯДКИН. Нет, конечно.

РАИСА. По распоряжению ВЧК мы с тобой должны внедриться в отступающие части Белой армии.

СУПРЯДКИН. Нет! Ты, может быть, не в курсе, но я подчиняюсь реввоенсовету и моё задание выполнено.

РАИСА. Ты вновь переподчинён нам.

СУПРЯДКИН. Я два года вшей кормлю, в земле роюсь, мне нужен отдых, море, воздух! Я — моряк, комиссар! Неделя — минимум, потом, чёрт с вами, вернусь к вам, червям береговым...

РАИСА. Кто владеет журналом Алексеева?

СУПРЯДКИН. Развяжи, поговорим на равных.

РАИСА (достав пистолет). Повторяю вопрос в первый и последний раз.

СУПРЯДКИН. Раненный офицер, потерявший память при невыясненных обстоятельствах около собственного дома, куда, по-видимому, возвращался с фронта.

РАИСА. В Киеве?

СУПРЯДКИН. Да.

РАИСА. Где он?

СУПРЯДКИН. Ударился в бега, вместе со штабс-капитаном, который лежал с нами в одной палате, здесь. С ними санитарка Елизавета, по фамилии, кажется, Горобец, она и доставила офицера в госпиталь по ранению. Оказалась дочерью горничной из дома того офицера, по фамилии Родин.

РАИСА. Имя?

СУПРЯДКИН. Павел. Павел Романович. Знакомы? Ты же местная.

РАИСА. Журнал царского сатрапа, главного врага революции нужен молодой Республике.

СУПРЯДКИН. Да они уже усвистели, Рая!

РАИСА. Да я ж беру журнал не за основу, а по ходу выполнения основного задания. В журнале может оказаться чрезвычайно много полезного.

СУПРЯДКИН. А ежели вспомнить, что частенько бывал за карьеру главным квартирмейстером, то там могут оказаться указания на какую-никакую казну. Его все держали за бессребреника, но что-то я не верю в сказки про честного царедворца. А ты, товарищ комиссар Серебряная?

РАИСА. Для меня все, кто не с нами, тот против нас.

СУПРЯДКИН. Он, конечно, из наших, из простых, поднялся, но мы-то знаем, что у нищоброта не хватит сил отказаться от золота, очень уж оно блестит зазывно.

РАИСА. И я теперь не Серебряная, супруг перешёл на вражью сторону. Резак есть? Пути перерезать.

СУПРЯДКИН. Ну, наконец-то! Под матрацем, в изголовье. И какая у нас теперь фамилия?

РАИСА (взяв нож из-под матраца, срезая пути с Супрядкина). Девичья, урождённая Родина.

СУПРЯДКИН. Родина? Родин! Ты, случаем, не родня ли беспмятному бяляку?

РАИСА. Кто знает, я прошлое не помню. К делу. По легенде мы, с тобой, супруги. Твоя легенда остаётся при тебе. Мои данные тоже те же. Нуансы и финансы оговорим по ходу. Идём на Белую Церковь, далее до Одессы.

СУПРЯДКИН. Товарищ Родина, пощади!

РАИСА. Мы — воины революции, никого не щадим и ни от кого пощады не ждём.

СУПРЯДКИН. Рая, солнышко, дай хотя бы день на расслабушку! Я вымотался, меня эти два доха чуть не раскололи, я на выдохе, измотался. Молку!

РАИСА. Нельзя, Аркаша, революция нуждается в нас. Оперативные сведения, сведения, сведения — вот, что ждёт от нас руководство. Несколько диверсий тоже не повредят, но это дано на откуп. Всё, Супрядкин, свободен.

СУПРЯДКИН (освободившись от пут). Не могу...

РАИСА. Мичман, ты что, слабее меня, слабее бабы?

СУПРЯДКИН. Ты — не баба, Раиса, ты — богиня. Суровая, каменная, вечная. А я — человек. Мне нужно пар выпустить. Завтра, в это же время, где скажешь, пересечёмся и пойдём. А лучше того, Раюшка,пусти меня в свой рай. Как в семнадцатом, помнишь, в Харькове? В драм-

театре, при первой же возможности, между расстрелами беляков на сцене, вместо перекуса, в укромный уголок забивались, особенно, на колосниках, и нежились, и ласкались, и летали...

РАИСА. За две тысячи офицерьа в оркестровую яму положили. Сколько трудового народа от лютой смерти сберегли. Эх, мореман ты мой, мореманчик. Хорошо, до завтра.

СУПРЯДКИН. Что?

РАИСА. Отдыхай. Я найду, чем заняться. Встретимся на выходе из города, в нашем трактире.

СУПРЯДКИН (собирая вещи). Ух! Ты — настоящая богиня. Откуда только взялось такое великодушие?

РАИСА. Иди, пока не передумала.

СУПРЯДКИН. Спасибо, женщина моей мечты. Ну, я пошёл?

РАИСА. Резак не забудь.

СУПРЯДКИН. Ой. (Берёт нож.)

РАИСА. Всё-всё, иди.

СУПРЯДКИН. А-то вместе?

РАИСА. С радостью, Аркаша, но руку надо держать на пульсе. Поцеловать, разве, на посошок?

СУПРЯДКИН (в дверях). Ой, нет, не надо, чего дразниться-то. Прощай. (Поворачивается.)

РАИСА (выстрелив в спину Супрядкину). Прощай.

СУПРЯДКИН. Так и знал. (Падает в коридор.)

РАИСА (подойдя к порогу). А знал, что ж спину подставил. Голова красивая-красивая, тупая-тупая... Ещё раз для надёжности. (Стреляет в Супрядкина.) Ненадёжен ты стал, Аркадий. Сейчас не время слабаков. А вот резак мне пригодится. (Подбирает нож.) Спи спокойно, дорогой товарищ. Ты должен понять, что революция не может ждать до завтра, она веками томилась в царских застенках и подвалах. Не волнуйся, никто не узнает, что ты ослаб и раскис. Шаги? Послышалось. Шаги! Прости, товарищ, некогда, дело делать надо. (Распахнув окно, взбирается на подоконник.) Ну, почему декабрь, зачем не лето. Так студёно... (Уходит в окно.)

СЦЕНА 2. Тот же день. Роща на окраине Киева. Родин и Лиза.

РОДИН. Скверная погода для прогулок.

ЛИЗА. Голова болит?

РОДИН. Терпимо.

ЛИЗА. Сделать ещё порошку?

РОДИН. Сказано же, терпимо!

ЛИЗА. Пощадите организм, Павел Романович, сделайте поблажку.

РОДИН. Ещё чего. Пусть борется, исцеляется, функционирует сам, иначе для чего он нужен.

Входит Гаюсов.

ГАЮСОВ. А вы, Родин, были правы, никого на сборном пункте не оказалось.

РОДИН. Воздух пронизан бегством.

ЛИЗА. Люди не всё ещё даже поняли, что мы уходим.

ГАЮСОВ. Уже ушли. Уже поняли. Сколько народу вышло из Киева... от горизонта до горизонта — уходящие, уходящие, уходящие. Змея, нет, лента из людей, прерывается оврагами, снова показывается, снова скрывается, и тянется в бесконечность. Военные, штатские, взрослые, дети... идут, идут. Рабочие, студенты, гимназисты, чиновники... идут, идут. На легковых автомобилях, на грузовиках, на крестьянских дровнях... едут, едут... коляски, сани, таратайки, телеги... едут, едут.

ЛИЗА. Страшно. Это уже не отступление, а настоящий исход. Как люди будут кормиться, где ночевать?.. Ни одна деревня не вместит такого множества.

ГАЮСОВ. Особенно отвратительное зрелище — Государственная Стража. Громадный обоз. Отдельно от всех. В санях, с сытыми лошадьми, сытые полицейские, мало, что в шинелях, так сверху ещё и бурки с шубами. С жёнами в манти и ротондах.

ЛИЗА. И хорошо, они могут выдержать любой мороз.

ГАЮСОВ. За каждым чином по несколько подвод с захваченным "на скорую руку" имуществом. Свернутые в трубку ковры, громадные деревянные ящики, тюки, швейные машины, бесчисленные чемоданы всевозможных фасонов и размеров. Государственная стража здоровая, упитанная, хорошо одетая. Это вам не изнуренные потрёпанные воины Добровольческой армии. А Киев красный.

ЛИЗА. Что с нами будет?

ГАЮСОВ. Раньше Одессы на достойное сопротивление, боюсь, рассчитывать не приходится. Там, говорят, строятся укрепления. Там корабли союзников. Все надеются, что оттуда уж наверное погоним большевиков вспять.

РОДИН. Надеются? Или только говорят?

ГАЮСОВ. Вы-то что, Родин, вспоминаете?

РОДИН. Готов голову расшибить обо все стволы этой рощи. Нет, господин штабс-капитан, ничего не вспоминаю.

ЛИЗА. Надо что-то решать, господа.

ГАЮСОВ. Вам, Лиза, разумнее было бы остаться. Квартира есть, происхождение подходящее, наладиться как-то. А нам, с Павлом Романовичем, быть среди своих до конца.

РОДИН. Среди своих... среди своих.

ГАЮСОВ. Единственное, у нас нет еды.

ЛИЗА. Если пойдём на Васильков, по пути будет наша деревня, разживёмся.

ГАЮСОВ. Оставайтесь в городе.

ЛИЗА. Нет, уж лучше в деревне, подальше от красной мясорубки. Наслышаны. Выхаживала не одного, прошедшего большевистский плен. Правда, последнее время, говорят, порядок у них навели, Троцкий с Фрунзе ввели жёсткую дисциплину.

ГАЮСОВ. Потому и бьют нас. Был у нас порядок — мы били.

ЛИЗА. Даже мораторий объявили, что ли, не казнить и не пытаться. На месяц. Идёмте, господа, идёмте. Нам до темноты поближе к деревеньке бы.

РОДИН. Каков красавец Киев...

ЛИЗА. Купола на солнце — восторг.

ГАЮСОВ. Там теперь уже большевики.

ЛИЗА. Красота — это дар, за него спрос строгий.

ГАЮСОВ. Потому Киев так часто и горько страдает. И мы не защитили. Кто отдал приказ об отступлении? Куда мы, зачем, почему...

РОДИН. Кто мы.

ЛИЗА. Гаюсов, милый, пора.

ГАЮСОВ. Да.

РОДИН. Что ж. Куда идти?

ГАЮСОВ. Покуда по тропинке, выйдем на тракт. Лиза, как вы?

ЛИЗА. Готова. Вперёд. (Уходит.)

ГАЮСОВ. Родин, не отставайте. (Уходит.)

РОДИН. Иду. (Уходит.)

Входит пьяный Мравинский, в форме, с шампанским.

МРАВИНСКИЙ. Господа! Куда вы все? То везде, то нигде. Народ, ау, не теряйся, у нас ещё есть шампанское! А, сударь! Сударь, стойте! Вы искали спутника и вы ешл нашли. Но сначала шампанское.

Входит Севрук, в гражданской одежде, с котомкой.

СЕВРУК. Шампанское сегодня. Постыдились бы, подполковник.

МРАВИНСКИЙ. Что? Молчать!

СЕВРУК. Так я и шёл мимо, молча, да смолчать трудно.

МРАВИНСКИЙ. Я — боевой офицер! (Распахивает шинель, открывая китель с орденами.) Чёрт с ним, с шампанским, но ты мне ответишь, сударик...

СЕВРУК (об орденах Мравинского). Святого Георгия 4 и 3 степени. Хорошо. Теперь смотри сюда. (Достаёт из котомки орденскую планку.) Чётко видно?

МРАВИНСКИЙ. Боевой орден Станислава 2-й степени с мечами и Владимира 4 степени с мечами и бантом. Солидно. Почему в гражданской одежде?

СЕВРУК. Теплее и уютнее. А главное, честнее.

МРАВИНСКИЙ. Звание?

СЕВРУК. Прощайте, ваше сиятельство, недосуг, бежим-с.

МРАВИНСКИЙ. Мы знакомы?

СЕВРУК. Водки принял бы, а шампанское на холоде — нонсенс. Майор Севрук. Здесь, прошёл слух, собирают подразделения?

МРАВИНСКИЙ. Потому и пришёл.

СЕВРУК. Пятнадцатый год. Карпаты. Упоротые австрийцы и упёртые кадеты во главе с лихим поручиком Мравинским.

МРАВИНСКИЙ. Пся крев, прапорщик!? Пан Войцех!?

СЕВРУК. Точно так, Леонид Евгеньевич.

МРАВИНСКИЙ. Где ж вас носило?

СЕВРУК. По Сибири, по Уралу.

МРАВИНСКИЙ. Вспоминал как-то, уверен, что все поляки, за исключением сволочного Дзержинского, упорхали на родину, обретшую независимость.

СЕВРУК. Туда и шагаю. Хотя сам я коренной петербуржец и понятия не имею, что ждёт на родине предков. Но подумалось, лучше неизвестный Пилсудский, чем однозначный Ленин. Простите, если обидел.

МРАВИНСКИЙ. Обиженных, пан Войцех, сами знаете, я не жалую и себе подобной слабости не позволю. Сидели в ресторане на Крещатике, а тут большевики. Такую гулянку испортили, холопы. Мы как раз подняли бокалы за предателя экс-императора экс-империи. Не оставлять же французский нектар хрюкающему крестьянству с красными бантами, не оценят.

СЕВРУК. Вы, граф, помнится, держались убеждённым монархистом.

МРАВИНСКИЙ. Так и держусь. Но гражданина Николая Александровича Романова виню.

СЕВРУК. Пойду. Не признал сразу, простите. Впрочем, ежели требуется сатисфакция, извольте, я готов.

МРАВИНСКИЙ. Дурак ты, прапорщик, какие счёты между боевыми товарищами. Подлые большевики, такое славное понятие испоганили: товарищ. Боюсь, майор, ваша новая старая родина окажется снова под чьей-нибудь пятой.

СЕВРУК. Не станет. За тем и возвращаюсь, чтобы отстаивать. Как вино. Родина, как вино, Леонид Евгеньевич, белое ли, красное ли, хоть красно-белое, это дело вкуса и состояния организма, главное, чтоб было от чего пьянеть. А для правоверного поляка, как я понимаю, главное, жизнь без русских.

МРАВИНСКИЙ (напевает).

Jeszcze Polska nie zginęła,

Kiedy my żyjemy.

Co nam obca przemoc wzięła,

Szablą odbierzemy.

СЕВРУК. Кто бы спорил!

МРАВИНСКИЙ. А если непьющий, прости, Господи? То есть, к примеру, отрицает человек границы и ненавидит отчий кров?

СЕВРУК. Тогда это уже мудрец.

МРАВИНСКИЙ. Вот как!?

СЕВРУК. Как-то так, да. По-моему.

МРАВИНСКИЙ. Посмотрим и будем думать. Прощайте, пан Севрук, и пусть вам ваша Польша станет счастьем. А мы уж тут... уж мы тут... уж мы-то о-го-го.

СЕВРУК. Не думаю, что император в чём-то виноват. Мы сами виновны во всём, что происходит. Люди есть люди. Не он нас предал, скорее, мы его, когда оставили без любви, уважения, без защиты.

МРАВИНСКИЙ. Возможно.

СЕВРУК. Никто не виноват, ежели по большому счёту. Ни красные, ни белые, ни военные, ни гражданские. Нам не повезло, что Богу пришло в голову одарить нас образом и подобием своим. Люди — животные, как собаки, птицы, рыба, и наша животность крепче дарованной божественности. Одно нас извиняет, мы Бога о таком даре не просили. А ежели предки и просили, то зря. Не потянули. Не сдюжили. Не смогли. (Уходит.)

МРАВИНСКИЙ. Добрый путь, пан мудрец. Ваша светлость, говоришь? Я и забыл, что граф. Нет, давно уже не светим, ни к чему. Так, мерцаем слегонца... и то сдуру.

СЦЕНА 3. Изба, горница. Лиза расстилает кровать. Входит Родин.

РОДИН. Для меня постель?

ЛИЗА. Лучшее место в избе господину.

РОДИН. Вроде бы равноправие воцарилось?

ЛИЗА. Не во всём, Паша, и не для всех. Ох, Павел Романович, конечно...

РОДИН. Красавица моя, давай определимся. То, что вы сбиваетесь с «вы» на «ты» лично мне намекает на одно: между нами что-то было.

ЛИЗА. Думала, не спросите. Было. Всё наше детство было. А потом, когда вы приехали в четырнадцатом на побывку, случилось всё... остальное.

РОДИН. Я так и подумал! Но это же прекрасно! Целиком и полностью отвечает моим тайным помыслам. Лиза, давай, порадуем друг друга, как тогда, соединимся...

ЛИЗА. Тогда вы меня любили.

РОДИН. И сейчас то же.

ЛИЗА. Нет. Вы меня не помните. Но это ничего не меняет, я готова ради вас на всё. Одно прошу, чтобы Гавриил Иванович не видел. Он, конечно, поймёт, но мне не хочется его расстраивать.

РОДИН. Вот как? И с ним у тебя тоже было?

ЛИЗА. Нет, конечно. Он меня просто любит. Даже предложение сделал. А тут вы, и я не посмела вас предать. Да, ещё одно. У нас, с вами, родился сын. Теперь ему пять лет, в марте исполнится шесть.

РОДИН. Сын... Неужели я мог забыть такое?

ЛИЗА. Нет, конечно. Просто ты не знал. Твои родители приказали скрывать. Как только узнавали, что ты едешь домой, меня с сыночком отсылали в деревню, сюда. Хочешь, покажу его игрушки? На чердаке. Там, к слову, и нужду сможете справиться.

РОДИН. Нужду?

ЛИЗА. А как по-другому?

РОДИН. Сколько нам было?

ЛИЗА. Тебе было пятнадцать, мне четырнадцать.

РОДИН. Сын. И как назвала?

ЛИЗА. Роман, в честь деда. Вашего папеньки, то есть. Они же не отказались от него, не вышвырнули. Полюбили, как вас. И после октября семнадцатого, когда решили, что надо уезжать, Ромашку с собой забрали, с моей матушкой. А меня оставили вас дожидаться. Я и дождалась. Теперь можем ехать в Италию, к семье. Со мной поступите, как сочтёте нужным, но решите уже не здесь и не сейчас.

РОДИН. Сын. Интересно.

ЛИЗА. Идёмте? Покажу его игрушки на чердаке.

РОДИН. А где ты намеревалась ночевать?

ЛИЗА. В соседней комнате. Гаюсов — в кухне, на печи.

РОДИН. Пусть так и будет. Игрушки покажешь в другой раз.

ЛИЗА. Благодарю, Павел Романович.

РОДИН. Ты меня разлюбила?

ЛИЗА. Не знаю. Мы теперь слишком взрослые для прошлого. И не живём как будто, но существуем, непонятно зачем, куда, почему. Когда всё утрясётся, все угомонятся, тогда и прояснится. Можно станет и обдумать, и обсудить, и определиться.

РОДИН. Ступай. И погаси мою лучину, я неловок, обожгусь.

ЛИЗА. Доброй ночи. (Уходит, погасив лучину.)

РОДИН. Прощай.

Пауза.

ГАЮСОВ. Павел Романович, подъём. Мы собирались выйти засветло. Павел Романович. Родин, э-ге-гей. (Зажигает лучину.) Родин, вы где? Ку-ку. Вот те на. Лиза! Елизавета, его нет!

Входит Лиза, в переднике, с чугуном в руках.

ЛИЗА. Что? Как нет...

ГАЮСОВ. Чугунок дайте, тяжёлый же...

ЛИЗА. Ушёл. Ночью ушёл.

ГАЮСОВ. Лиза, аккуратнее, там горячая каша.

ЛИЗА. Да что я, маленькая!

ГАЮСОВ. Ну, нет его, чего теперь шуметь.

ЛИЗА. Простите. Просто не ожидала. Ну, конечно! Вчера, уходя, попросил погасить лучину, а на моё «доброй ночи», ответил «прощай». И что теперь с ним будет? В его-то состоянии, он может во что угодно ввязаться, вплоть до убийства.

ГАЮСОВ. На то и война, чтоб люди убивали друг друга.

ЛИЗА. А в мирное время не так! Поняла. Я призналась, что у нас сын, он, очевидно, всполошился. А я ему, глупая, добавила, мол, Гавриил Иванович мне предложение сделал.

ГАЮСОВ. У вас — сын?

ЛИЗА. Да. Внебрачный, ежели что. Детская влюблённость, переходный возраст.

ГАЮСОВ. И где он?

ЛИЗА. Родины забрали с собой.

ГАЮСОВ. Да-да, вы говорили, они уехали. Лиза, может быть, так лучше? Или вы любите Родина?

ЛИЗА. Нет, не люблю. В чём ему вчера и призналась. Но я не могу оставить его без присмотра.

ГАЮСОВ. Дорога теперь для всех одна, одною стороною в Белую Церковь, другою — в красный Киев. Повстречаем, не сомневайтесь.

ЛИЗА. И ещё. Когда Павлу Романовичу захочется взять меня в жёны, я не откажу.

ГАЮСОВ. Неразумно, неприятно и несправедливо.

ЛИЗА. Он — отец моего сыночка.

ГАЮСОВ. И что! Был бы сын с вами, другое дело, но вы же отдали его в чужие руки, избавились, и — ничего, мир не перевернулся, жизнь продолжается.

ЛИЗА. Идёмте кушать, господин штабс-капитан. Потом поступайте, как вам покажется верным, а я пойду в Белую Церковь и далее, до упора.

ГАЮСОВ. Что ж, вы мне категорически отказываете во взаимности?

ЛИЗА. Да.

ГАЮСОВ. И пойдёте одна?

ЛИЗА. Я давно одна иду, иду.

ГАЮСОВ. Но надежду-то оставьте, Елизавета!

ЛИЗА. Стоит мне согласиться, вы можете поступить с Павлом дурно...

ГАЮСОВ. Что! Да что ж я разбойник какой или, того хуже, комиссар? У меня и в уме не было ничего подобного, пусть живёт и здравствует, сколько влезет. Мне лишь бы вы меня от себя не прогнали. В конце концов, и меня могут убить. Мы же направляемся не на отдых, а на переформирование армии, не в тыл, на передовую.

ЛИЗА. Павел Романович — мой господин, глава семьи, которой, может быть, и нет формально, но есть по сути, и я не посмею перечить воле хозяина. Никогда и ни за что. Только вы, пожалуйста, не погибай-

те. Я должна жить с другим, но жить без вас не смогу. Любый мой...
(Уходит.)

ГАЮСОВ. Звёздочка... небо моё.

СЦЕНА 4. Спустя несколько дней. Сквер в городе Белая Церковь. На скамье сидит Родин.

РОДИН. Никого. Ничего. Никто. Ничто. Некто. Нечто.

Входит Галимов.

ГАЛИМОВ. Думали, Васильков будет крайним пунктом отступления. Остановимся, приведёмся в порядок, сформируемся и поведём наступление. Капитан Галимов. Александр Шарифуллович. В просторечии Сан Саныч.

РОДИН. У вас подошвы на валенках едва держатся.

ГАЛИМОВ. А что на поверку? Власти бегут первыми!

РОДИН. В валенках по Украине ходить не стоит.

ГАЛИМОВ. И в Василькове, и здесь, в Белой Церкви, и, думается, в Умани будет то же.

РОДИН. Поручик Родин. Павел Романович.

ГАЛИМОВ. Невероятное зрелище! Ощущение ненормальности. Вы же видите, чувствуете, поручик, да?

РОДИН. Нет.

ГАЛИМОВ. Ни обуви, ни одежды, ни еды. Отступление застало меня врасплох.

РОДИН. Не вижу, не чувствую, не знаю, не помню.

ГАЛИМОВ. Верно. Действительность оказалась не той, что должна была бы быть. Люди сорвались с места. Народ рванул за властью, как бараны за козлами. Знаете, бараны настолько глупы, что в отару нарочно подселяют козлов, чтобы те показывали путь. Козлы понимают жесты пастухов, окрики, а бараны годны лишь на бешбармак.

Мимо проходит Раиса, с баулом в руках.

РАИСА (вглядевшись в Родина, возвращается). Господа, не возражаете?

ГАЛИМОВ. Ради бога, сударыня, если не отпугивают солдатские вши и офицерские тараканы.

РАИСА (поставив баул). Одна скамья на весь сквер. Офицерские тараканы — что-то новенькое.

ГАЛИМОВ. В голове, в голове, сударыня.

РАИСА. Говорите-говорите, мне есть, над чем своим личным поразмышлять, вы мне не помешаете.

ГАЛИМОВ. Громада людей сдвинулась с места, сила, мощь, но без цели! Где единая воля? Организация где!

РАИСА. Стихия отступления.

ГАЛИМОВ. Капитан Галимов. Позвольте представить: поручик Родин.

РАИСА. Вот как?

РОДИН. Может быть, и не так.

РАИСА. Вы ранены, больны?

РОДИН. Ни то, ни другое. Впрочем, головная боль изводит.

РАИСА. Господин капитан, обратитесь к коменданту, говорят, он легко устраивает новое добротное обмундирование.

ГАЛИМОВ. Ага, и ставит в охрану поезда генерала Победова. Длинного, бесконечного, армейского поезда, который занят, кем угодно, только не армией; купчики, банкирчики, тыловички и куча девиц на все вкусы, на всякое время суток. Победов! Как же, победишь с таким. Пусть меня гангрена укоротит, крупоз задушит, но в охрану генеральского скарба я не наймусь. Жизнь за царя — безусловно, за идею — да, возможно, но не за чужой скарб.

РАИСА. Местные ворчат, мол, добровольческие власти дуже воруют, оттого у них и народ такой несчастный. А петлюровцы — богатые; что ни возьмут, за то и платят. Часто и серебро дают за овес и солому. Спрашиваю: — Откуда у них серебро-то, нигде его теперь не видать. — Да не знаю, отвечает, только не русское. То ли австрийское, то ли английское... Петлюровцам, говорят, все государства помогают, потому Москву задавить надо... Всем она, выходит, опасна. Отрежем её от Чёрного моря, и ладно.

ГАЛИМОВ. А что говорят о дорогах?

РАИСА. Дорога на Сквиру, что к польской границе, занята Петлюрой. Чтобы пройти на Дон, нужно миновать Таращанский уезд, но там бушуют большевики. Всего безопаснее идти прямо к югу, на Умань.

ГАЛИМОВ. Именно, что идти, на железную дорогу надежды нет, автомобили тоже не про нашу честь.

РОДИН. Можно рисковать жизнью за Победу, но за Победова не стоит, вы правы.

ГАЛИМОВ. И шагать не один день. Дойду ли. Я-то дойду, да валенки сомневаются. Может, плюнуть на всё да пуститься в путь по зиме босиком. Ходят же юродивые как-то. Но мусульманину Христос не в помощь. Аллах велик, поможет, не сапогами, так хоть смертью.

РАИСА. Рабочие сегодня утром открыли стоявшую без дела кожевенную фабрику и роздали желающим всю находившуюся там кожу, чтобы она не досталась в руки большевиков. (Доставая кожу из баула.) Мне ни к чему, а вам, господин Галимов, кстати.

ГАЛИМОВ. Мне нечем заплатить.

РАИСА. Подарок. Но вам стоит поспешить к сапожнику. Берите.

ГАЛИМОВ (взяв кожу). Рахмат. Благодарю. Сударыня, вы — ангел.

РАИСА. Я знаю.

ГАЛИМОВ. За кого свечку ставить? Ваше имя!

РАИСА. Разве вы не татарин?

ГАЛИМОВ. Ничего, руки-ноги не отсохнут, если мусульманин зайдёт в церковь.

РАИСА. Раиса.

ГАЛИМОВ. Рай! Истинный рай! Прощайте! (Убегает.)

РОДИН. Красиво. Лучше сказать, прекрасно. Легко и непринуждённо, огромное состояние первому встречному... Настораживает.

РАИСА. Капитан не просто первый встречный, он просто без обуви в декабре. Помощь нуждающемуся — святая обязанность человека. Тем более воину. Он ведь наверняка германца воевал, честь и славу российского гражданина отстаивал. И с большевиками, наверное, не лясы точил. А ещё я могу поделиться с вами чудодейственной прессованной пилюлей или, как теперь всё чаще называют, таблеткой. (Достаёт из баула упаковку.) Примете, и боль отступит. Более одной предложить не могу, сама частенько прибегаю, возраст, знаете ли.

РОДИН. Я не принимаю лекарств от людей, доверяю здоровье природе, пусть она реабилитирует, коли допускает хворь.

РАИСА. Вы идеалист?

РОДИН. Я амнезист.

РАИСА. Как?

РОДИН. В рифму. У меня амнезия.

РАИСА. Ого! И как вы в наше время, в нашей ситуации, справляетесь?

РОДИН. Просто, просто навожу справки, и шагаю вместе со всеми.

РАИСА. Не дурите, не мучьте несчастный организм, просто примите таблетку, запейте из моей фляжки и шагайте себе далее, уже без офицерских тараканов.

РОДИН. Может быть, вы точно богиня? А давайте.

РАИСА. Умница. (Подаёт Родину таблетку и фляжку.)

РОДИН. Подумалось, ну, побежал счастливый Галимов с новой кожей к сапожнику, а денег-то нет. Сколько надуманного в жизни человека, и всё лишь для того, чтобы сделать ему больно. На здоровье. (Принимает таблетку, запивает.) Благодарю. (Отдавая фляжку.) Туман, туман... Так хочется кушать... спать, спать. (Заваливается на скамью.)

РАИСА (толкая Родину). Эй, эй... Готов. (Толково обыскивает Родину, находит журнал, листает.) Алексеев Михаил Васильевич. Да! Вот ведь бывает же, такая встреча.

РОДИН (резко поднявшись, хватая Раису за руку). На войне, как на войне.

РАИСА. Пусти.

РОДИН. Журнал отпустите.

РАИСА. Я женщина, мне больно!

РОДИНА. Меня женщина рожала, весь мир прокляла от боли, а после любили мы, с мамой, друг друга, более всех.

РАИСА. Много ты знаешь, беспамятный.

РОДИН. Может, и бес, может, и чистый ангел, кто знает.

РАИСА. Я не люблю.

РОДИН. Журнал!

РАИСА (выпустив журнал). На!

РОДИН (прибрав журнал). Кто вы?

РАИСА. А ты кто?

РОДИН. Зачем вам дневник генерала?

РАИСА. А тебе?

РОДИН. Ловка, признаю.

РАИСА. Пусти.

РОДИН. Нет.

РАИСА. И что станешь делать? Полицейские сбежали — все, и гражданские, и военные. Сам судить будешь? Или просто разойдёмся?

РОДИН. Мы же случайно встретились. Я заметил, вы меня узнали, потому и вернулись, чтобы заговорить. И кожи на капитана не пожалели, лишь бы избавиться от него. Ну, тут-то ясно, дело в журнале. Но вот вопрос: кого вы узнали во мне?

РАИСА. Померещилось, обозналась.

РОДИН. Но про журнал знали точно.

РАИСА. Чтоб ты сдох при родах.

РОДИН. Вот как...

РАИСА. Как!

РОДИН. Память меня оставила, но ум, поверьте, не бежал. Не хотите по-доброму, не хотите по-деловому, захотите от боли. Поверь, женщина, мне тебя не жаль.

Возвращается Галимов, достаёт пистолет, наводит на Родина.

ГАЛИМОВ. Поручик! Пустите Раису! Немедленно! Никаких комментариев, просто пустите женщину!

РОДИН. Хорошо, отпущу. Только будьте бдительны, капитан, как бы дамочка не выхватила из-за лифа маузер и не сшибла с плеч вам голову.

ГАЛИМОВ. Что вы такое несёте!

РОДИН. Я предупредил. Вы готовы? Я отпускаю. (Отпускает Раису.)

РАИСА. Капитан, вы — душка. (Убегает.)

РОДИН. Смешно бежит, но быстро.

ГАЛИМОВ. Объяснитесь.

РОДИН. Она хотела меня отравить, чтобы ограбить.

ГАЛИМОВ. Как вы поняли?

РОДИН. Притворился отравленным. Просто я за здоровый образ жизни и не принимаю пилюли, несмотря на подорванное здоровье. Баул бросила. Зачем вы-то вернулись?

ГАЛИМОВ. Сообразил, что за спасибо сапог не сошьют, хотел вернуть кожу.

РОДИН. Не выдумывайте, кожа ваша, вы — воин, вам нужнее. Думаю, Сан Саныч, в бауле найдутся деньги на труд сапожника. Прощайте. (Уходит.)

ГАЛИМОВ. Я не разбойник! Проклятая гражданская война, чтоб тебя уже разорвало. Откуда берутся враги, когда все братья и сёстры! И такие щедрые, добрые, симпатичные. Махнуть на всё, да пойти домой. Присяга. А кожа — да, моя, мне нужно. (Уходит.)

Возвращается Раиса, берётся за баул.

РАИСА. Что ж это за журнал такой роковой, Супрядкин погиб, я едва выжила. Забыть, забыть, и просто нести службу. А ведь могла бы пристрелить. Да хоть обоих. Малодушная тётка, подвела революцию, не подняла руки на сына. (Уходит.)

Действие 2

СЦЕНА 5. Рождественский вечер. Окраина города Умань. На крыльце дома курит Супрядкин, с перебинтованной головой.

СУПРЯДКИН (напевает).

«Господин, господа
Господин, господа,
Господинова жена,
Двери откройте
И нас одарите!
Пирогом, калачом
Или чем-нибудь ещё!
Коляда, коляда
Коляда, коляда,
На другой день Рождества!
Кто подаст пирога,
Тому двор живота.
Кто не даст пирога,
Тому сивая кобыла
Да оборвана могила!»

К тыну подходит Мравинский.

МРАВИНСКИЙ (напевает).

«Торжествуйте, веселитесь
Люди добрые со мной,
И с восторгом облекитесь
В ризу радости святой.
Ныне Бог явился в мире —
Бог богов и Царь царей.
Не в короне, не в порфире
Сей Небесный Иерей».

МРАВИНСКИЙ и СУПРЯДКИН (хором).

«Он родился не в палатах
И не в убранных домах.
Там не видно было злата,
Где лежал Он в пеленах.
Невместимый Он вместился
В тесных яслях, как бедняк.

Для чего же Он родился?
Для чего же бедно так?
Для того, чтоб нас избавить
От диавольских сетей
Возвеличить и прославить
Нас любовью своей
Вечно будем Бога славить
За такой день торжества!
Разрешите Вас поздравить
С Днём Христова Рождества!
Много лета вам желаем,
Много, много, много лет».

С другой стороны подходит Севрук.

СЕВРУК. Колядуем, ваше сиятельство?

МРАВИНСКИЙ. Рад видеть, пан Войцех.

СЕВРУК. Христос родился.

МРАВИНСКИЙ. Славьте Его.

СУПРЯДКИН. Будете смеяться, господа, но дом принадлежит еврею.

МРАВИНСКИЙ. Или Иисус был русским? Авось приютит.

СУПРЯДКИН. Ротмистр Супрядкин.

МРАВИНСКИЙ. Подполковник граф Мравинский.

СЕВРУК. Майор запаса пан Севрук.

СУПРЯДКИН (кричит в глубь двора). Дора! Дора, где отец? Офицеры на постой просятся! Сейчас придёт, со скотиной возится. Я здесь уже три дня кантуюсь. Раны свежие, сил немного. Сюда-то прибыл транспортом, на перекладных.

МРАВИНСКИЙ. Похоже, Умань тоже не оправдает надежд?

СУПРЯДКИН. Поверьте, нет. Впереди одна Одесса.

СЕВРУК. Но, чтобы добраться до нее, надо было миновать всех этих Петлюр, Тютюнников, махновцев, григорьевцев...

МРАВИНСКИЙ. А вы, прапорщик, передумали идти на Польшу?

СЕВРУК. Напротив, утвердился.

СУПРЯДКИН. Простите, господа, но мои силы кончились, пойду вылёживать здоровье. Хозяйская дочка сейчас подойдёт. А вам, похоже, есть, что обсудить. Успеха. (Уходит в дом.)

СЕВРУК. Леонид Евгеньевич, вы решительно решили идти на Одессу?

МРАВИНСКИЙ. Не решительно, но более ничего не видно.

СЕВРУК. Идёмте вместе.

МРАВИНСКИЙ. Вот как? Неожиданная мысль. Благодарю. Всё же я ещё мечтаю о возвращении императора. Вдруг в Одессе развиднеет.

Из сарая выходит Дора.

ДОРА. Господа?

МРАВИНСКИЙ. Можно ли остановится в вашем доме до утра? Обещая, колядовать не станем.

СЕВРУК. Только переночевать.

ДОРА. Папа как раз сам пошёл искать постояльцев.

СЕВРУК. Да ладно!?

ДОРА. Приведёт кого, вам придётся утесниться.

МРАВИНСКИЙ. Чудо чудесное, одни на порог не пускают, другие соломённым тюфяком торгуют, а они сами зазывают!

ДОРА. И ужин подадим.

МРАВИНСКИЙ. Чёрт, я не ел четыре дня!

СЕВРУК. А я купил сала на «керенки», денкинские картинки в Украине не в ходу.

ДОРА. Просим только никого не впускать, если бы кто станет ломиться в дом ночью. Нас теперь все грабят. Белые, красные, петлюровцы, разные атаманы. Одно спасение — иметь на квартире кого-нибудь из военных. Мой папа сам бывший солдат и зла вам не желает. Видели по дороге разбитые лавки, сожжённые, разгромленные дома? Работа петлюровцев. Сколько тут было разграблено, сколько народу убито, одному Богу известно. И откуда Петлюра таких зверей понабрал? Одной еврейке живот распорол и младенца выкинули, а нашего соседа увели и ему, извините, в половой член серной кислоты вспрыснули... Да вы проходите в дом, я — сейчас, обувь очищу.

МРАВИНСКИЙ. Благодарю. (Уходит в дом.)

СЕВРУК. Спасибо, девочка. Прости нас всех за всех. (Уходит в дом.)

Мимо проходит Родин.

ДОРА. Эй, сударь!

РОДИН. Да?

ДОРА. Вы, должно быть, ночлег ищете?

РОДИН. Не знаю. Возможно. Должно быть.

ДОРА. Можете остаться у нас, с папой.

РОДИН. Вам нужна защита от погромщиков?

ДОРА. Да.

РОДИН. Теперь ночь?

ДОРА. Почти. Вы странный.

РОДИН. Пугаю. Простите.

ДОРА. Нет-нет, вы не страшный.

РОДИН. А вы слишком красивы, чтобы в такие времена оставаться без защиты. Но я видел, как к вам в дом уже вошли двое офицеров...

ДОРА. Там есть и третий, раненый. Возможно, папа приведёт тоже, дом тесный...

РОДИН. Что ж, прощайте.

ДОРА. Нет! Я постелю вам в стайне, на пуди.

РОДИН. Что?

ДОРА. Ой, я на украинском размовляю! Совсем растерялась. Переночуете в сарае, на сеновале? Там тепло.

РОДИН. Благодарю, не откажусь.

ДОРА. А ничего, если я там тоже лягу, вдруг места в доме не окажется?

РОДИН. Ваш дом, ваш сарай, ваша воля.

ДОРА. Идёмте, покажу. За мной. (Уходит в сарай.)

РОДИН. Иду. (Уходит в сарай.)

К тыну подходит Галимов.

ГАЛИМОВ. Хозяева... Э-эй. (Поднимается на крыльцо.) Не могу я ждать, все валенки выморозил. (Стучит в дверь.) Хозяева! (Открывает дверь.) Разрешите войти? (Уходит в дом.)

СЦЕНА 6. Ночь. Сеновал. Родин и Дора вместе.

РОДИН. Не оставлю тебя.

ДОРА. Не оставишь, не разрешу. И когда меня будет терзать насильники, я не заплачу, не сойду с ума, потому что ты будешь со мной, во мне...

РОДИН. Никаких насильников.

ДОРА. От всех не отобьёшься и ты не отобьёшь. Один Бог может защитить, когда захочет. Ты уйдёшь, обязательно уйдёшь, не надейся на меня. Я — дочь отца и буду с ним, покуда он жив. Что бы ни случилось с ним, случится и со мной. Ты уйдёшь. Я подарила тебе себя нам, с тобой, на радость, не на горе, не ради страсти, ради счастья. И мы

всё ещё вместе. До утра целая жизнь! Долгая, светлая, счастливая... радуйся.

СЦЕНА 7. Месяц освещает горницу. Супрядкин, Мравинский, Севрук и Галимов расположились на ночлег.

МРАВИНСКИЙ. Первое и последнее Рождество на родине Николая Васильевича Гоголя. Из родины Ивана Андреевича Крылова прогнали. И ждёт теперь кого родина каракатиц, кого-то родина червей.

ГАЛИМОВ. «Тиха украинская ночь.

Прозрачно небо, звезды блещут...

Луна с покойной высоты

Над Белой Церковью сияет»...

СУПРЯДКИН (напевает).

« Місяць на небі, зіроньки сяють,

Тихо по морю човен пливе.

В човні дівчина пісню співає,

А козак чує серденько мре.

Ця пісня мила, ця пісня люба,

Все про кохання, все про любов,

Як ми любились тай розійшлися

Тепер навіки зійшлися знов.

Ой очі, очі, очі дівочі

Темні як нічка, ясні як день

Ви ж мене очі плакати навчили

Де ж ви навчились зводить людей».

Всё, господа, концерт окончен, пора на боковую. Может беседовать, меня можно разбудить только залпом батарей. Надобранич, господа временные хохлы.

ГАЛИМОВ. За десять дней я впервые поел.

МРАВИНСКИЙ. Голодание полезно для кишок и желудка, особенно, когда за душой ни гроша.

СЕВРУК. Среди рабочих недовольство и большевиками, и добровольцами. Большевики несут голод и террор, а добровольцы — старое, но только в худшем безобразии. На железных дорогах дело просто швах, паровозов нет, на узлах скоплены составы, движение закупорено.

ГАЛИМОВ. Начальство бежало, распоряжаться некому, а коменданты станций бессильны что-нибудь наладить.

МРАВИНСКИЙ. Государя нам всем не хватает! Или хоть покойного генерала Алексеева.

ГАЛИМОВ. Того, что принудил императора к отставке?

СЕВРУК. Генерал Алексеев надеялся на Великого Князя Константина и был, по-моему, прав по сути, Николая Кровавого мало кто любил, со всеми его распутиными, но Константин струсил в пользу царевича. Михаил Васильевич сам был ошарашен. А ради России и армии присягнул Временному Правительству. И затем лично, по приказу Временщиков, взял под арест царя.

МРАВИНСКИЙ. Как-то так, да, я слышал то же.

ГАЛИМОВ. Значит, не точно?

МРАВИНСКИЙ. За точность сегодня никто ручаться не может. Как бы ни было, прошлого не изменить. Но лично я ни за что не дал бы императора взять под арест, никому.

ГАЛИМОВ. Нет бы взять власть в свои руки, объявить военную диктатуру и было бы всё чики-чики.

СЕВРУК. Кто знает, что было бы.

МРАВИНСКИЙ. Я был на Дону, на Кавказе, в Крыму, едва не во всей Украине побывал. Везде одно и то же — разложение. И почему — не понимаю. Не понимаю и того, как этого не видят люди, стоящие около Деникина. Они хотят свергнуть большевиков силой, то есть армией; а позаботиться об армии, снабдить ее хотя бы самым необходимым — никто не думает, и та разлагается у них на глазах. Армия разложена, не верит ни в бога, ни в чёрта, больше путешествует, чем сражается. Но без армии же и их делу, и им самим придет конец. А ведь поначалу и сочувствие населения было на нашей стороне, и перевес в артиллерии, в энтузиазме, в умении...

ГАЛИМОВ. Начальство отовсюду бежит. Я всегда был высокого мнения о русских государственных деятелях. Но теперь получилось так, что, вынужденные действовать в обстановке революции, они стали какими-то бесталанными, несмотря на бесспорные дарования. Почему это?

СЕВРУК. Не только в начальниках да командирах дело, господа, но и в нас самих. Разве не разошлись мы ещё на войне по группкам да кастам? Кадровые отдельно, нестроевые отдельно, национальные деления, иудеев так и вовсе не допускали в офицеры, по возрасту, по происхождению. И всё разрывало армию, и, таки, разорвало. Пока мы чинили да рядили, большевики после японской и возмущений Пятого года, строго и конкретно занимались агитацией и пропагандой в армии,

на флоте. Мы сами допустили то, что произошло. От вахмистра до императора, виновны мы сами.

МРАВИНСКИЙ. Аминь.

ГАЛИМОВ. Что для меня Россия? Для вас, для вас... для нас? Родина. За неё-то мы и воюем. И бьют нас за неё, за родину. Потому что бьют нас те, кто воюет за государство. За идею, за гимн, за стяг. Если угодно, за конструкцию. Конструкцию быта, дома, красного угла. До тех пор, покуда мы знали, что воюем за государство, без царя, но государства, мы били, мы побеждали. Войны начинают, ведут и выигрывают государства, они в них нуждаются, они их знают, они их понимают. А родина, она, как мама, жизнь отдаст за дитё, но защитить не сможет; ну, спасёт, а что дальше...

Пауза. Входит Гаюсов.

ГАЮСОВ. Добрый вечер, господа. Позвольте представиться, штабс-капитан Гаюсов Гавриил Иванович. Господин Штильман, хозяин, сказал, что отыщется уголок.

МРАВИНСКИЙ. Конечно, штабс-капитан! Но только у окна, на лавке, боюсь, вам будет поддувать.

ГАЮСОВ. Ничего.

МРАВИНСКИЙ. Из немцев?

ГАЮСОВ. Из нас.

МРАВИНСКИЙ. Наконец-то, среди нас истинный русский офицер.

ГАЮСОВ (смеясь). Ура, ура, ура.

ГАЛИМОВ. Представляться всем?

ГАЮСОВ. Бог с вами, ежели не хочется, всё одно друг друга не видим и завтра разойдёмся.

МРАВИНСКИЙ. Однако, подполковник граф Мравинский Леонид Евгеньевич.

ГАЛИМОВ. Капитан Галимов, не поверите, Сан Саныч.

СЕВРУК. Здесь ещё я, отставной майор Севрук Войцех Адамович, и раненый ротмистр, который спит, с вами — пятеро.

ГАЮСОВ. Признаться, в шоке от нашего хозяина, сам пригласил. Невиданное гостеприимство по нынешним временам. Правда, я со спутницей, сжалился, возможно. Так её и вовсе на кровать уложил.

ГАЛИМОВ (смеясь). Немец, поляк, татарин, русский, а не исполнить ли нам «Интернационал»?

СЕВРУК (смеясь). На мотив «Боже, царя храни»? У нас был такой виртуоз, и фамилия подходящая. Тоже, к слову, поручик.

ГАЛИМОВ. Фамилия Соловьёв?

СЕВРУК. Поручик Галкин. А вот фельдфебель Соловьёв, бывало, так разгалдится... и галдит, и галдит, так и хотелось сделать его рыбкиным.

ГАЮСОВ. У спящего раненого национальность «ротмистр»?

ГАЛИМОВ. Он-то, как раз, русский.

ГАЮСОВ. Четверых приговорили, пятый-то, какого роду-племени?

ГАЛИМОВ. А вот их сиятельство без определения остаётся, сияние-то национализации не подлежит.

МРАВИНСКИЙ (смеясь). Трепачи.

СЕВРУК. За стенкой — еврей. Да уж, интернационал, ни дать, ни взять.

ГАЮСОВ. Потрясающий человек — Штильман.

МРАВИНСКИЙ. Попал я как-то, что-то вроде плена. Здесь уже, в Украине. Шайка какая-то очередного атамана. Спросили одно: ты — еврей? Нет, говорю. И всё, более ничего их не интересовало, дали оружие, поставили на довольствие. И вот вам наша тёмная и трагическая черта, едва мы проходим через какое-нибудь значительное селение, мои товарищи соскакивают с телег и лихорадочно ищут евреев, чтобы растерзать.

ГАЛИМОВ. Но не находят, что почти всегда случается, еврейское население спасается под защиту большевиков.

СЕВРУК. Я видел. Куча убитых евреев — и какая куча! — выше моего роста... Женщины, старики, молодые, дети... На полу кровь... Раны ужасные, видно, их топорами и саблями рубили, ножами резали, штыками кололи...

ГАЮСОВ. А с нашим братом не так, разве. Не дай Бог попасться в петлюровские руки. Они хуже зверей и убивают добровольцев не сразу, а сперва пытаются. Животы вспарывают и так оставляют валяться, кому живьем кожу сдирают, отрубают руки и ноги, вырезают языки. На нашем хуторе гайдамаки захватили семь офицеров — те за солью для своего полка ехали. Так гайдамаки заставили офицеров соль есть, а потом на ночь пленных в баню заперли. Крик, вопли всю ночь стояли. До тех пор я не знала, что соль хуже всякого яда. А утром связали всех вместе и с плотины в речку бросили: "Щобы проклятые москали воды напились". Этому Петлюре и его сподвижникам одной смерти человека мало, надо замучить его...

СЕВРУК. Нас, поляков, они не трогают. Теперь у нас есть свое государство, кое-какое войско, Петлюра заискивает даже у нас, боится. Все эти петлюровцы больше против безоружных и беззащитных воюют. Вот тут они показывают себя...

МРАВИНСКИЙ. Один ужас не забывается. На ночном переходе передняя конная стража задержала едущую к северу, то есть к Киеву подводу. Там была старушка-еврейка с сыном, 30-летним человеком. Старуху посадили ко мне. Она громко плакала и спрашивала: "Вы меня убьёте?". Её вопрос мне показался таким чудовищным, что я принялся её успокоить. И как раз в тот момент подбежал ко мне какой то партизан и тихо, видимо был из новых, смущенно сказал: «Атаман казали забити стару...» Не могу описать моего возмущения таким приказанием. Отчетливо понимая, что мой отказ исполнить приказание может повредить, я кричу: "Скажи атаману, что я не убиваю старых женщин и, вообще, безоружных людей". Через несколько мгновений около меня появился, держа в руке обнажённую шашку, мой сосед по подводе, спокойный, симпатичный человек. Он стащил за руку старуху, отвел на несколько шагов от телеги и я услышал моль бы и крики отчаяния, которые прервались мгновенно и навсегда после стука клинка о что-то твёрдое. А там дальше, такой же крик, но мужской, отчётливо раздавшийся стук и не менее жуткая внезапная тишина...

ГАЮСОВ. Откуда эта вражда между евреями и неевреями. Я им зла никакого не сделал и не сделаю. Но считать за своих тоже не могу, потому что и они меня своим не считают. Верующего еврея, у которого есть Бог в душе, я уважаю больше, чем не признающего ничего святого русского. Но когда я подумаю о тех, которые заполняют сейчас большевистские учреждения, пытаются и уничтожают ни в чем не повинных людей в чрезвычайках, помогают большевикам разрушать Россию, что-то подымается в душе, что сильнее меня.

ГАЛИМОВ. "Пусть вам Бог поможет... в самую трудную минуту..." Так пожелала мне несколько месяцев тому назад бедная простая еврейка. Пожелала за то, что ей живым и невредимым я вернул сына. Завтра с этими словами в сердце я встречу рассвет...

СЕВРУК. Пора спать.

МРАВИНСКИЙ. Государя не хватает! Или хоть покойного генерала Алексеева.

СЕВРУК. Государь ныне тоже покойный.

ВСЕ (хором). Что!?

СЕВРУК. Случилось это в городе Екатеринбурге. После того, я уволился в отставку и пошёл прочь из России. Жил я недалеко от того дома, где была заключена царская семья. Однажды стою у окна, смотрю, как хозяйка, у которой я на хлебах жил, на задний двор поило телятам ташит. Не прошла она и половины пути, как какой-то человек в ворота вбежал, сам в исступлении. Перед хозяйкой бух на колени и быстро-

быстро что-то такое заговорил. Из дому люди понашли, мол, что такое, и я вышел. А человек кричит, задыхается, мол, покаяться хочу... Ну, кто-то там за попом побежал... Пока бегали, стали его спрашивать, что приключилось? Он и говорит: царскую семью покончили, и царя, и царицу, и невинных детишек... Все ахнули. Начали тормозить, как да что? Он через пятое на десятое и порассказал... Накануне, значит, царских дочерей отделили и в особой комнате поместили. И опоганили их. Спротивлялись девчата, кусались, так их к кроватям попривязывали, платья порвали. Одну не могли опоганить, так ей, извините, девичью честь пальцем порвали. Пуще всех один художник издевался, такой, что статуи делает. Страшно слушать было... И сам тот рассказчик бледный-пребледный, глаза полоумные. Когда, говорит, издёвка кончилась, девушек обратно отвели. Увидела царица дочерей, заплакала и по морде одного, из тех, кто привел, съездила. Тот взъерепенился, ежели так, говорит, всех вас, как собак, перебьём. Приказали всем арестованным в одну комнату собраться. Одну дверь забыли закрыть, через неё тот очевидец и видел всё. Собрались арестованные, значит, дети с родителями сгрудились, царица царевича обняла, дрожит. Вырвали у неё мальчика и на глазах убили. Стрельба поднялась. Стреляли, покуда всех не положили. Потом с убитых драгоценности собирали. Коснулись императрицы, а она вдруг поднялась. Лицо страшное, в крови, закричала, мол, "Ника", что ли, и на императора упала... Тут убийцы и попятись... И тот, кто через дверь глядел, убежал. Только он кончил рассказывать, как двое чекистов пришли и забрали его, вместо поповского причастия. А нам сказали: со дна морского достанем, если болтать будете. Пусть те, кто убил эту семью, сделают из России рай. Лучше уж где-нибудь да как-нибудь маяться, только бы крови той не чувствовать. Но я всегда буду помнить, что вход в российский рай залит человеческой кровью. Священной кровью царя. Братской кровью, сестринской. Отцовой, материнской. Невинных детей. Нашей кровью!

ГАЮСОВ. Помянуть нечем.

ГАЛИМОВ. А я погоны сохранил. Сапог нет, страны нет, а погоны есть. Золотые... Вот! (Достаёт из-за пазухи пару погон.) Я тогда был поручиком Крымского конного Его Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полка.

СЕВРУК (достав золотые погоны). И я сберёг. Поручик 12-го Восточно-Сибирского стрелкового Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексея полка

ГАЮСОВ. Не поверите, я тоже. Поручик Семёновского лейб-гвардии Его Величества полка. (Достаёт золотые погоны.)

МРАВИНСКИЙ. Да. Поручик Лейб-гвардии Гусарского Его Величества (Достаёт золотые погоны.)

ГАЮСОВ. Эх, господа поручики. Нам была поручена империя... Россия!.. а мы...

МРАВИНСКИЙ. Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная. Сам Един еси Безсмертный, сотворивый и создавый человека, земнии убо от земли создахомся, и в землю туюжде пойдём, якоже повелел еси, Создавый мя и рекий ми: яко земля еси, и в землю отъидеши, аможе вси человецы пойдём, надгробное рыдание творяще песнь: аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа. Достойно есть яко воистинну блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь. Господи, помилуй (Трижды), благослови. Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь. Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшим рабам Твоим Николаю, Александру, Алексею, Ольге, Татьяне, Марии, Анастасии и сотвори им вечную память. Вечная память. (Трижды) Душа его во благих водворится, и память его в род и род.

СЦЕНА 8. Утро. Двор. На крыльце сидит Дора, плачет. К тыну подходит Раиса.

РАИСА. Доброе утро. Ваш дом крайний, более не к кому обратиться. Нельзя ли остановиться у вас дня на два, на три?

ДОРА. Не сейчас.

РАИСА. Ой, вы плачете! Простите, простите!

ДОРА. Ближе к вечеру приходите. Некогда, дом прибираю.

Из дому выходит Севрук, за ним — Родин.

СЕВРУК. Спасибо, хозяйюшка, за приют, за доброту.

РОДИН. Мы собрались.

ДОРА. Всех благ. (Уходит в дом.)

РОДИН. Дора!

СЕВРУК. Не надо, поручик, не травите душу. Вы же не намерены остаться?

РОДИН. Нет.

СЕВРУК. Просто идёмте.

РОДИН. Вы правы.

СЕВРУК (Раисе). Сударыня, здесь живут замечательные люди.

РОДИН (Раисе). Вы меня преследуете?

РАИСА. Ой, я вас умоляю, Родин! Я обошла всю эту растреклятую окраину.

РОДИН. Прочь отсюда.

РАИСА. Вам какое дело!

РОДИН (достав пистолет). Вон.

РАИСА. Да ладно-ладно, ладно! (Уходит.)

СЕВРУК. Что произошло?

РОДИН. Минутку. Дора! (Идёт в дом.)

Из дому, навстречу, выходит Дора.

ДОРА. Я всё видела, всё поняла. Прощайте.

РОДИН. Позвольте остаться хотя бы на день...

ДОРА. Нет. Ни минуты. Уходите.

СЕВРУК. Родин, там же ротмистр остался, прикроет.

РОДИН. Уходим. (Уходит.)

СЕВРУК. Ушли. (Уходит.)

ДОРА. Наконец-то.

Из дому выходит Супрядкин.

СУПРЯДКИН. Пройдусь в город. Пора набирать физическую форму. (Уходит.)

ДОРА. Ночь кончилась, кончается утро, начинается день. Со вчера всё так как-то в мире изменилось...

СЦЕНА 9. Умань. Сквер. На скамье, с чемоданами, сидит Лиза.

ЛИЗА. Где же ты, где же ты, где же ты...

Вбегает Гаюсов.

ГАЮСОВ. Ура, повезло!

ЛИЗА. Извелась без тебя...

ГАЮСОВ. Собираемся. Договорился, едем товарным вагоном, зато до самой Одессы.

ЛИЗА (собираясь). Едем.

ГАЮСОВ (собираясь). А как там Родин? Он как вышел сегодня к завтраку, я просто обомлел. Жаль, я спешил.

ЛИЗА. Он, оказывается, на сеновале спал. Ушёл с этим... бывшим майором...

ГАЮСОВ. А, с Севруком. В Польшу пошёл, что ли?

ЛИЗА. Да. Убеждал нас идти с ними. Утверждал, что ничего хорошего в Одессе не ждёт, а по морю дальше бежать невозможно, только вплавь, кораблей на всех не хватит.

ГАЮСОВ. Мы встретим красных и отбросим назад.

ЛИЗА. Я не спорила, просто сказала, что ты уже всё решил за нас.

ГАЮСОВ. За нас?

ЛИЗА. Да.

ГАЮСОВ. Так и сказала?

ЛИЗА. Да.

ГАЮСОВ. А он?

ЛИЗА. Можно сказать, благословил, отпустил с Богом.

ГАЮСОВ. И мы от Родина теперь свободны окончательно?

ЛИЗА. Да.

ГАЮСОВ. Что с его памятью?

ЛИЗА. Всё то же, одна головная боль.

ГАЮСОВ. Что ж, добрый путь.

ЛИЗА. Едем.

СЦЕНА 10. Чернозёмное бескрайнее поле, по которому бредут Мравинский и Галимов.

ГАЛИМОВ. А что нам говорил Штильман? Советовал же подождать. Говорил же, что в большую оттепель по чернозёму нельзя проехать ни на санях, ни на телеге. А мы пешком вязнем.

МРАВИНСКИЙ. Ради аллаха, Галимов, не нойте.

ГАЛИМОВ. Я за двоих говорю, чтоб не так тоскливо. Вы, подполковник, с той поминальной молитвы едва пару фраз произнесли...

МРАВИНСКИЙ. Вот, что. Застрелиться на войне подло, хотя следовало бы. Я возвращаюсь. Вернее, остаюсь. Не могу оставить государя. И Россию надо защитить.

ГАЛИМОВ. Ваше сиятельство! Как!?

МРАВИНСКИЙ (снимая сапоги). Что — как?

ГАЛИМОВ. Зачем сапоги снимаете?

МРАВИНСКИЙ. Как защитить? Один только способ остался, Сан Саныч, молится. Война ничего не решает. Я уже точно знаю, нет ничего мудрее молитвы. Дойду до первого монастыря, там пережду большевистскую жажду крови, а потом отправлюсь в Екатеринбург, где император с семьёй. Держи сапоги, а мне давай твои ошмётки.

ГАЛИМОВ. Нет!

МРАВИНСКИЙ (бросив сапоги к ногам Галимова). Как хочешь, босиком дойду. Ежели прав, дойду. А ежели не прав, значит, и не лев. Прощай, мой последний товарищ.

ГАЛИМОВ. Я не возьму сапоги!

МРАВИНСКИЙ. Ну, и дурак.

ГАЛИМОВ (снимая валенки). Стойте! Возьмите! Возьмите мои валенки, Штильман их за ночь подлатал...

МРАВИНСКИЙ. Слова не мальчика, но мужа. Благодарю за понимание, господин капитан. Поручик поручика всегда поймёт.

ГАЛИМОВ (подавая валенки). Леонид Евгеньевич...

МРАВИНСКИЙ (обуваясь). Не думай о плохом, хуже, конечно, может быть, но не обязательно. Времена. (Уходит.)

ГАЛИМОВ (обуваясь). А я-то куда... зачем... Аллах Акбар. (Продолжая путь.) А пройдет дождь, чернозём вовсе размякнет и станет, как тесто. И человека замучит, и лошадь зарежет... (Уходит.)

СЦЕНА 11. 31 декабря. Граница с Польшей. Ручей, с перекинутым стволом дерева для перехода. Из-за деревьев выходят Родин и Севрук.

СЕВРУК. Есть! Ручей. Граница!

РОДИН. Переход.

СЕВРУК. Успели! В самый, что ни на есть, канун нового года. Ходу, Паша! В новую жизнь. Пограничный разъезд может вернуться.

РОДИН. Сил нет.

СЕВРУК. Вместе не перейти, и подморозило, бревно скользкое. И глубоко, похоже.

РОДИН. Не хватало в феврале вброд гулять.

СЕВРУК. Небось, не Сибирь, не обледеем.

РОДИН. Только в очень крайнем случае, костёр развести нечем. За меня не волнуйся, куда денусь. Ступай, я — за тобой.

СЕВРУК. Давай, посидим, вздохнём.

РОДИН. Нет, Войцех, столько пройти, чтобы не хватило одного шага... Иди.

СЕВРУК (ступает на бревно). Скользко-то как!

РОДИН. А ты на четвереньках.

СЕВРУК. Да ладно! Несолидно как-то.

РОДИН. Зато надёжнее.

СЕВРУК (встаёт на четвереньки). Зоопарк в Вене как-то посещал, в шестнадцатом году, там обезьяны так же передвигались. (Переползает на другой берег.)

РОДИН. Как?

СЕВРУК. Да! Перешёл, обалдеть...

РОДИН. Как ощущения?

СЕВРУК. Как на празднике, всё ликует.

РОДИН. Здорово.

СЕВРУК. Давай, Паша, соберись.

РОДИН. Ага. (На четвереньках доползает до середины, распластывается, удерживаясь за бревно.) Нет. Не могу.

СЕВРУК. Что?

РОДИН. Не могу. Не хочу.

СЕВРУК. Что!?

РОДИН. Уходи, друг. Мне надо решиться, побыть сам-на-сам.

СЕВРУК. Я обожду.

РОДИН. Не дури, нашим пограничникам доверять нельзя, могут и на чужой территории снять.

СЕВРУК. Нашим?

РОДИН. Вот видишь, сам не понимаю: наши, не наши...

СЕВРУК. По чести, большевики в Украину вторглись, поправ её суверенитет. Ещё не всю подмяли, а границы уже хапнули. Так когда-то затоптали Польшу, Прибалтику, Кавказ, Сибирь. Россия никого и никогда не уважала. Себя-то вон, как ненавидит, такую гражданскую мясорубку устроила. Шлёпнуть парочку перебежчиков — плевать да растереть.

РОДИН. Видел же, патруль осетинский.

СЕВРУК. И что! Осетины, конечно, мудрее русских, но они же не службе.

РОДИН. Оставь меня, сам не подставляйся, иди, пожалуйста.

СЕВРУК. Пожалуй. Ежели что... А что? А ничего. Ты, Павел, настоящий друг. Координаты мои тебе известны, понятно, приблизительные, меня же никто не ждёт, да и не знает, но всё же. Не забудешь?

РОДИН. Друг мой, ты же знаешь, крепости моей памяти любой позавидует.

СЕВРУК. Крепись.

РОДИН. Войцех, будь счастлив. Я рад за тебя. Прости.

СЕВРУК. Прощай. (Уходит.)

РОДИН. Глупо сидеть над ручьём, что-то надо решать.

Из-за деревьев выходит Раиса, с взведённым пистолетом.

РАИСА. Чуть не упустила.

РОДИН. Ну, надо же.

РАИСА. Журнал.

РОДИН. Нет.

РАИСА. В этот раз пристрелю.

РОДИН. Я готов.

РАИСА. Ты хоть вспомнил, зачем тебе поручили хранить его, кому передать?

РОДИН. Нет.

РАИСА. Но прочитал же?

РОДИН. Нет.

РАИСА. Если не знаешь, что за журнал, зачем отдавать за него жизнь!

РОДИН. Очевидно же, что мне поручено его хранить. Разве этого понимания мало? Не зря же вы за ним охотитесь.

РАИСА. Генерал Алексеев был государственным человеком высшего ранга, сам едва не стал государством. Соответственно, его записи наверняка содержат в себе ценные сведения, что могут принести пользу или вред новорождённому государству, нашему, моему. Как всякому ребёнку, новой революционной России нужны знания, основанные на опыте предшественников.

РОДИН. Верно. Так вы — большевичка?

РАИСА. Да.

РОДИН. Ваша Россия — не мой ребёнок. Или стреляйте, или оставьте меня в покое.

РАИСА. Почему ты без оружия?

РОДИН. Потерял.

РАИСА. Павел... Не вынуждай меня убить тебя.

РОДИН. Почему?

РАИСА. Пожалуйста, просто отдай журнал.

РОДИН. Вы убивали прежде?

Из-за деревьев выходит Супрядкин, с взведённым пистолетом.

СУПРЯДКИН. Как семечки щёлкала. Стоять! (Стреляет в Раису.)

РАИСА. Супрядкин!? (Падает.)

СУПРЯДКИН (Родину). Меня, например, убила. Но не до конца. (Проверяет пульс на шее Раисы.) Ранена. Думаешь, убивать просто? Не в смысле отнятия жизни человека у человека, а в смысле точности попадания. Даже в упор, порой, добить не получается. Успею добить, пусть послушает, ежели в себе. Она — отличный стрелок, прямо-таки, Вильгельм Телль расстрельного дела. Но и на старуху бывает проруха. Старуха не по возрасту, по количеству пережитого. Революция молодит, а вот гражданская война, оказывается, старит. Поверь, лучше быть убитым на баррикаде, чем в окопе. Когда вы меня бросили в госпитале, связанным, потом пришла она, сняла с меня путы и в меня же и стреляла; дважды: в спину и в голову. А я выжил, непростительный промах, роковой. Я поклялся отомстить, и вот она, у моих ног валяется. Раиса — комиссар. Чекистка. Я тоже большевик, хотя рангом ниже. Покуда мы — шпионы. И нам пограничники не страшны, мандат имеется. Я — мичман, мы с тобой по званию равня. Мы могли бы плечом к плечу стоять вчера на поминках императора Николая Кровавого в доме жида Штильмана, голосить с соплём в горле «Вечную память», но я притворялся спящим, а ты влюблённым. С памятью, как я понял, у тебя всё так же никак. Жаль. Вдруг узнал бы Родину Раису Романовну. У вас и фамилия одна, и отчество. Брат с сестрой, что ли? Разница в годах великовата, но почему нет. И она тебя хотела убить. Родня. Чего молчишь? А, я тебе не даю слово вставить? Извини, когда ажиотаж, треплюсь без умолку. Круто, если бы Родина тебя убила. Да? Звучит! Но я спас тебе твою жизнь, потому что я убил Родину. И это тоже звучит. И это верно для каждого, кто рубится друг против друга на гражданской войне, мать против сына, дочь против отца, брат против брата, дед против внука! Мы убили нашу родину, поручик, её больше нет. Есть нечто другое, не родное, чужое. Пусть прекрасное, но не наше, ни белое, ни красное — нечто. Прощай, Россия! Но спаслись. И чёрт с ней, коли мы живы. Ты жив, парень! Без памяти, без родины, новый человек, радуйся! Родин, ты мне обязан, благодари спасителя! Нет-нет, не словами, делом. Доставай Алексеевский журнал, где там ты его хоронишь, бросай сюда и кукуй себе тут на жёрдочке хоть до скончания времён. Приступай.

РОДИН. Нет.

СУПРЯДКИН. Тогда сдохни. (Падая.) А!

РАИСА (сбив Супрядкина с ног, вонзает в него нож). Сдохни сам! Нож надёжнее пули, вернее. (Поднимается). Эй, я — к тебе. (Идёт к Родину.) Я родила в семнадцать лет. Понесла от друга по большевистскому подполью, вытравиливала, опоздала. Приехала рожать к родителям. Они тебя присвоили, меня вышвырнули. А я и рада, свобода! Равенство полов... Революция. Кровавый карнавал. Весело. Шумно. На людях. Помоги сесть рядом. Не бойся меня.

РОДИН. Хорошо. (Помогает Раисе сесть рядом.)

РАИСА. Павел... Ты — мой сын. Нас даже после родов друг другу не показали. Здравствуй, сынок. Я ни о чём не жалею. (Умирает.)

РОДИН. Я точно знаю, меня нет. Но вот мне дают имя. Почему. Потом говорят, где-то есть сын. Почему. Вот мама. Почему. И, самое интересное, ничего из этого я не знал даже, когда был при памяти, без революций и войн. Но ведь жил же. Почему. И, говорят, был. Почему. Да полно, был? Жил? Отечество разгромили, разбросали по берегам. Зачем. А я сижу посередине. Я? Нет, не я. Некто сидит над пропастью. Зачем. Кто я, если меня нет, и не было. Кто. Зачем.

СКВЕРНАЯ ИСТОРИЯ

пиздец в последнем акте

Ненормативная лексика!!!

место действия: сквер

время действия: надысь

действующие лица:

АВТОР

ПЬЕСА

Майское раннее утро. Теплынь. Птицы щебечут, поют, горланят. Городской сквер на окраине. Заросший, запущенный кустарник. Тополя. Пара изломанных бесцветных скамей. Каменные урны. Старые пя-

тиэтажки сереют далеко. На одном из тополей приколочен небольшой пожухлый погребальный веночек. Листва тополя зашевелилась, из неё, на толстом суче, появляется Пьеса, суетливо привязывает верёвку с петлёй на сук, что повыше.

ПЬЕСА. «Сколь верёвочке ни виться, есть верёвочке»... Как там. Заело. Вспомнить, вспомнить. На хрена!? Вспомнить. С первой строчки начать, на автопилоте вспомню. (Поёт.)

«Мы с тобою пешеходы
Мы шагаем по судьбе
И лихие от природы
Водят годы хороводы
Как на праздничной гульбе
О дороге забывали
У весёлого огня
Бесконечные привалы
Мы с тобою затевали
Выпивали всё до дна
Сколь верёвочке ни виться
Есть верёвочке предел
Что ж к пределу торопиться
Лучше станем веселиться
Как бы кто ни захотел
Наша братия не знала
Ни порога ни окна
Лишь дорогу признавала
Знала как она устала
Лишь обочина одна».

Да! Да... «Сколь верёвочке ни виться, есть верёвочке предел»... В жопу всё, в жопу. (Высматривает за кустарником.) Что такое... Идут? Да ладно! Мимо же... Да нет, блядь, сюда прётся. Вот, что ты будешь делать... только соберёшься и — облом. Нет, не сегодня, хватит уже стучать хуем по столу, хватит. Пора кончать. (Прячется в листву.)

По бывшей асфальтовой дорожке входит Автор. Осматривает пространство, закуривает. Садится на скамью, равнодушен, угрюм. Пьеса из листвы поглядывает на Автора, как на помеху в серьёзном мероприятии. Покурив, Автор идёт к тополи, справить малую нужду. Пьеса едва сдерживается, чтобы не заорать на Автора.

АВТОР (писая, замечает венок). Ох-хо-хо. О! Не заметил. Ладно-ладно, я — в сторону. (Повернувшись спиной к венку.) Венок-то здесь чего! Такие по обочинам вывешивают. Ну, народ даёт. На машине, что ли, сюда въехали. Пописать спокойно не дадут. Деревьев, что мало, столбов вдоль дороги. Космонавты, разлетались... истребители. Ох-хо-хо. (Заправив одежду, возвращается на скамью, на ходу доставая из кармана книгу.) Ладно, Сол, уломал, потрындим манёхо. Слышь: птицы. Соловей, что ли? Не разбираюсь. Не могу сосредоточиться на их концерте, слышь, Сол? Так наяривает, подлец, точно ведь соловей. И ты мне хуже горькой редьки, Ваше Величество. Ох-хо-хо.

Из-за деревьев выходит Пьеса.

ПЬЕСА. Вопрос... Эээ, мужчина.

АВТОР. Да.

ПЬЕСА. Читаете. Или учите? То есть, наизусть хотите?

АВТОР. Спрашивайте.

ПЬЕСА. Стихи, наверное. Сверху видно, текст в столбик.

АВТОР. Что-то хотели?

ПЬЕСА. Нет. Хочу. Долго вы ещё? Ну, вот это — ещё долго?

АВТОР. А что?

ПЬЕСА. Да нет. Экзамен, конечно, понимаю.

АВТОР. Я не учу наизусть.

ПЬЕСА. Вы же сказали.

АВТОР. Я не сказал. Вы сказали. В чём проблема?

ПЬЕСА. Ни в чём.

АВТОР. А вопрос в чём?

ПЬЕСА. Ни в чём.

АВТОР. Тогда прощайте.

ПЬЕСА. В вас. Вопрос в вас.

АВТОР. И?

ПЬЕСА. Долго вы здесь... собираетесь. Ну, быть ещё долго?

АВТОР. Понятия не имею.

ПЬЕСА. Как это?

АВТОР. Да так как-то. Как пойдёт. Вам-то что?

ПЬЕСА. А всё же?

АВТОР. Женщина... Дама.

ПЬЕСА. Уйдите, а? Вам не всё равно, где книжку лапать. А?

АВТОР. Нервничаете вы очень. Что-то случилось? Что-то хотели попросить?

ПЬЕСА. Хочу. Уйдите.

АВТОР. Почему! Здесь общественное место. Девушка, вас всю уже трясёт, успокойтесь. Если не можете держать себя в руках, просто ступайте домой, выпейте лекарство, не знаю, лягте, укройте.

ПЬЕСА. Тебе, муфлон, какое дело, как я живу? Ты что, сучок, по-человечески не понимаешь?

АВТОР. Эй-эй!

ПЬЕСА. Вежливо же просила, свали. Чё ты нарываешься, баклан! Порхай, нахер, порхай, сказано, упорхивай!

АВТОР. Что ты сказала!

ПЬЕСА. Что слышал. Загрызу!

АВТОР. Зоолог?

ПЬЕСА. Чё?

АВТОР. А, понятно, орнитолог.

ПЬЕСА. Ты чё пуржишь, козлина...

АВТОР. Достала. Уйди.

ПЬЕСА. Сам уйдёшь сейчас на тот свет, понял!

АВТОР. Ну, бабьё пошло, без тормозов. Придать скорости, срань господня? Уберись, пожалуйста.

ПЬЕСА. Я здесь первая пришла!

АВТОР. Драться со мной решила?

ПЬЕСА. Сволочь, чтоб ты сдох. (Уходит.)

АВТОР. Ишь как! Одуреть можно. Шагу не сделать, чтобы какая-нибудь дрянь права не начала качать! Ничтожество. Господи!.. успокой меня, пожалуйста, меня же разорвёт сейчас... Дыши! Глубже, глубоко... Мразь болотная, выползет такое... Чёрт, диафрагмой же. Живот?.. раздувается. Нормально. Я дышу, успокаиваюсь... дышу... дышу, блин, дышу!.. С задержкой же надо! Так, по новой. Крыса облезлая. Да какая ты — крыса, куда тебе, коза драная. Стоп! Стоп, стоп. Вдох, задержка, выдох. Вдох, задержка, выдох... Сидя лучше?.. стоя?

За спиной, из зарослей, выскакивает Пьеса, с толстым суком в руках.

ПЬЕСА (ударив Автора по голове). Лёжа, блядь, лёжа.

АВТОР (упав). Ооо.. (Стонет.) Башка...

ПЬЕСА. Уёбывай, ушлёпок! Просила по-хорошему, не понимаешь. Теперь понял?

АВТОР. Всё, всё.

ПЬЕСА. Понял или нет!

АВТОР. Да понял, понял, дай встать.

ПЬЕСА. У тебя ещё что-то стоит? Не переживай, сейчас всё ляжет...
Лежать!

АВТОР. Ухожу! Хватит!

ПЬЕСА. Лежать, сказала.

АВТОР. Да лежу же!

ПЬЕСА. Разлёгся, сучок. Вставай и вали.

АВТОР. Всё-всё. (Поднимается.) Могла же убить.

ПЬЕСА. Плевать.

АВТОР. Ты же женщина.

ПЬЕСА. Заткнись.

АВТОР. Убери дубину.

ПЬЕСА. Дубина? Чувачок, это ветка. Дубина рядом, если надо, лежит под рукой.

АВТОР. Ты же не убийца.

ПЬЕСА. Я — нет! А все — да!

АВТОР. Полегче бы.

ПЬЕСА. Иди уже, иди. Такого убьёшь, конечно, вредный упоротый гусь...

АВТОР. Точно, орнитолог. (Схватив увесистый сук с земли, бьёт Пьесу.) На тебе! (Гнилой сук рассыпается.)

ПЬЕСА. Гнилуха! Ну, всё, тебе капец...

АВТОР. Тебе!

Автор и Пьеса борются за сук, что в её руке, визжат, рычат, пинаются. Автор одолевает, взяв Пьесу «мёртвым хватом».

ПЬЕСА. Пусти... пусти! (Рыдает.)

АВТОР. Ты чего? Плачешь? Ёоо, рыдает же.

ПЬЕСА. Пусти... Пожалуйста...

АВТОР. Драться опять?

ПЬЕСА. Нет, нет, нет... клянусь.

АВТОР (отпускает Пьесу). Смотри мне, я тебя пасу.

ПЬЕСА. У меня тут было. (Достаёт из-под скамьи початую выпивку.)

АВТОР. Так ты пьянь...

ПЬЕСА. Срань, дрянь. Будешь?

АВТОР. С утра, с тобой... брысь.

ПЬЕСА (выпивая). Не хотела, думала, перебьёт, откажусь.

АВТОР. И ведь без закуски...

ПЬЕСА. Хошь, травой заем? Я могу, я всю жизнь на подножном кор-
ме.

АВТОР. Ой, да отвали. Парнокопытное.

ПЬЕСА. Будь человеком, оставь меня здесь одну.

АВТОР. Чего бы вдруг!

ПЬЕСА. Тебя слёзы не трогают?

АВТОР. Ещё как трогают, вся рука мокрая.

ПЬЕСА. Были бы деньги, дала бы. Нету. Но могу дать. Слышь? Хо-
чешь? Бабу, спрашиваю, хочешь?

АВТОР. От женщины не отказался бы, а баба пусть отдыхает без
меня.

ПЬЕСА. Ну, чего ты привередничаешь? Я нормальная, без претен-
зий.

АВТОР. Не надо.

ПЬЕСА. А в голосе слышна предательская дрожь.

АВТОР. Не спорю, я же тоже нормальный. Но я человек, а не жи-
вотное.

ПЬЕСА. То есть, брезгуешь. Брезгуешь, спрашиваю?

АВТОР. Не обижайтесь... Вроде того.

ПЬЕСА. Что же мне делать, как тебя отсюда выпроводить?

АВТОР. Просто объясни, почему я должен уйти, а ты остаться? Ни-
кому не нужная территория. Заброшенный сквер на городской окраине,
погоды стоят расчудесные, комаров нет, птицы заливаются, я в на-
строении, и вдруг выходит тётка с дрыном и ну лупцевать. Ты здесь
живёшь? Купила место?

ПЬЕСА. Слепой? Или тупой? Память здесь моя. Так что, да — жизнь,
если угодно! А ты его не просто занял, ты его осквернил.

АВТОР. Обнеси забором, нарисуй нужные буквы и — все дела. Ещё
и осквернил!

ПЬЕСА. Венок видишь? Ты его обоссал.

АВТОР. Что у меня, пожарный шланг, чтоб достать до венка! Не
сразу заметил, он от старости уже сросся с корой. А подсматривала,
так видела, что я отвернулся.

ПЬЕСА. Что это меняет, дорогой ты мой прохожий. Что это меняет...

АВТОР. Влюблялась здесь? Потом поженились, а он умер? Или он
увистел к другой, или ты по рукам пошла...

ПЬЕСА. Здесь умерла моя доча.

АВТОР. Вот чёрт... Извини. Правда, что ли?

ПЬЕСА. Что ли, что ли.

АВТОР. Соболезную.

ПЬЕСА. Чё ты гонишь! Соболезнует он.

АВТОР. Честно.

ПЬЕСА. Ну, и где? Где у тебя заболело?

АВТОР. Чего?

ПЬЕСА. В каком месте у тебя болит?

АВТОР. Ты про что?

ПЬЕСА. Про соболезнование. У меня болит вот здесь. Значит, у тебя болит там же?

АВТОР. Ладно. Сочувствую-то точно.

ПЬЕСА. И каким? Каким же чувством ты ко мне присоседился? Зрением? Обонянием? Осязанием? Блядь, какие там ещё чувства, не помню.

АВТОР. Всё понял. Пойду.

ПЬЕСА. Спасибо. Как я выгляжу?

АВТОР. Не знаю...

ПЬЕСА. Не видно, что ли?

АВТОР. Да ну тебя на хрен, что ни скажешь, всё не по тебе, не так, не этак. Неприлично выглядишь, как распоследняя сука в кювете.

ПЬЕСА. Поэт, ёбтворюмать, романсеро!

АВТОР. Ничего себе, словечки знает...

ПЬЕСА. Ни рожи, ни кожи, ни денег, ни просвета. Тем более.

АВТОР. Что — «тем более»? «Более» чего?

ПЬЕСА. Давай, пой отсюда, соловей занюханый. Тьфу на тебя, задрипа.

АВТОР. Опять начинаешь?

ПЬЕСА. Ты же собрался уже отвалить, какая тебе разница, что здесь будет: опять или снова, просто пыли, накручивай километраж, и — вся любовь.

АВТОР. Хорошо, я согласен.

ПЬЕСА. То есть.

АВТОР. На оплату.

ПЬЕСА. Не поняла... Ба! Я правильно вас понимаю, вы меня передумали брезговать?

АВТОР. Да я и не брезговал. Просто как-то спонтанно, как под дых.

ПЬЕСА. И потом уйдёшь?

АВТОР. Да.

ПЬЕСА. Клянёшься?

АВТОР. Вы как-то серьёзно настроены.

ПЬЕСА. Или ты думаешь, что я торгую на все четыре стороны всякому встречному-поперечному!

АВТОР. Извините.

ПЬЕСА. Хорошо. Как?

АВТОР. Не знаю.

ПЬЕСА. Как заведено?

АВТОР. Ну.

ПЬЕСА. Так-то бы сухо. Я здесь лягу. Дальше сам знаешь.

АВТОР. Опасно. Горло подставить придётся. Обещали загрызть.

ПЬЕСА. Не бойсь, я не зверь.

АВТОР. И запах алкоголя.

ПЬЕСА. Бля, не в публичке, бери, что дают. Спиной не повернусь, не мечтай.

АВТОР. Ну, да, да... да я не про то...

ПЬЕСА. Дрожишь, милый.

АВТОР. Да так что-то...

ПЬЕСА. Давно не было?

АВТОР. Ага.

ПЬЕСА. Тогда поторопимся, а-то не дотерпишь. Вся же не стану раздеваться?

АВТОР. Нет, нет, зачем. Ой, извини. Конечно, так-то бы да, но в траве, тут насекомые, ещё что...

ПЬЕСА. Всё, погнали. (Заголившись, ложится в траву.) А ты хороший человек.

АВТОР (спуская штаны). «Высока трава Твоя, Господи, она скрывает меня до плеч».

ПЬЕСА. Не сейчас!

АВТОР. Да муфлон — я, муфлон. (Ложится к Пьесе.)

ПЬЕСА. Это хорошо, попробую муфлона, люблю новое... (Ощувив проникновенность.) Ох...

АВТОР. О... боже.

ПЬЕСА. Чёрт, да иди же ко мне!.. Возмись!

АВТОР. Всё. Я — всё.

ПЬЕСА. Да не всё же!

АВТОР. Всё. Пустите меня... пожалуйста.

ПЬЕСА. Ах, ты ж, боже ж ты мой... Там сумка под скамьёй, где я выпивку брала, подай. Да не одевайся пока, салфетки же подам.

АВТОР (подавая сумку). Сплошное разочарование, да?

ПЬЕСА (доставая салфетки из сумки). Нормально. Главное, чтоб ты был удовлетворён. На салфетки, у меня ещё есть упаковка.

АВТОР. Спасибо.

ПЬЕСА. В расчёте?

АВТОР. Конечно. Сейчас отдышусь и пойду. Вы красивая.

ПЬЕСА. Не ври.

АВТОР. Я выпил бы.

ПЬЕСА. На здоровье, бокал не предусмотрен. Без закуси.

АВТОР. Я курю.

ПЬЕСА. А я нет. Хотя всяко бывало.

АВТОР (выпивая). Как ваше имя?

ПЬЕСА. Да как ни назови, одно враньё.

АВТОР. Почему у меня не спрашиваете?

ПЬЕСА. Что?

АВТОР. Имя.

ПЬЕСА. Во-первых, мне неинтересно. Во-вторых, что это меняет.

АВТОР. Я так понимаю, с вашей дочерью... случилось не вчера?

ПЬЕСА. А что?

АВТОР. Просто любопытно, сколько лет можно себя изводить, чтобы извести. Вместо того, чтобы нормально жить. Венок старый. Лет десять?

ПЬЕСА. Пять.

АВТОР. И раз в год вот так с ума сходить? Ну, ещё дни рождения. Два раза. Всего десять. Запой, небось. Отходняк, похмелье. Прочие радости. Ещё там какие-нибудь памятные даты, штук пять, десять. Короче, пять лет — псу под хвост. И как там? Хорошо живётся? «Воздух чист, И дышится легко. Тому порукой Гнездо стрижа. Нам этот летний гость Ручается, что небо благосклонно К убежищу. Нет выступа, столба, Угла под кровлей, где бы не лепились Подвешенные люльки этих птиц. А где они гнездятся, я заметил, — Здоровый край».

ПЬЕСА. Интеллектуал.

АВТОР. Ну, что ты, куда там, так — интеллигентствуем помалёху.

ПЬЕСА. А сам мужлан.

АВТОР. Извини, Шекспира приплёл, слабость у меня к великой драматургии.

ПЬЕСА. Недержание. Понос. Ах, пардон, диарея. Миль пардон, миль пардон... миль пардон...

АВТОР. Эй. Ау...

ПЬЕСА. Ай-йя...

АВТОР. Ты как?

ПЬЕСА. Мне так плохо... так плохо!.. так... так...

АВТОР. Одна?

ПЬЕСА. Ай-йя...Ни рожи, ни кожи, ни денег, ни просвета. Тем более.

АВТОР. Что — «тем более»? «Более» чего?

ПЬЕСА. Уже было, повторяешься.

АВТОР. Однако, держишь под контролем.

ПЬЕСА. Что?

АВТОР. Происходящее.

ПЬЕСА. То есть?

АВТОР. То и есть, что не столько горюешь, сколько упиваешься.

ПЬЕСА. Горем...

АВТОР. Гореванием.

ПЬЕСА. Сукин ты сын.

АВТОР. Как и все млекопитающие.

ПЬЕСА. Шёл бы на пляж, там выбор, хрен ли сюда припёрся.

АВТОР. Почему она здесь умерла?

ПЬЕСА. Судьба.

АВТОР. Трепаться в таких делах — грех.

ПЬЕСА. Скончалась в больнице, а умирала тут.

АВТОР. Сколько ей было?

ПЬЕСА. Тринадцать.

АВТОР. Акселератка, конечно.

ПЬЕСА. Конечно, как все.

АВТОР. Износили. Сто пудов. Да?

ПЬЕСА. Ну-ну, продолжай?

АВТОР. Сам факт, безусловно, вопиющ. Люди, как будто нарочно изгоняют свои души, целенаправленно избавляются от тяжести размышлять, резюмировать и, соответственно, нести ответственность за решения. Одно отличает человека от животного в межполовых отношениях: похоть. Человеку лишь бы справить нужду, а животному надо продолжить род. Суть одна. Я даже не говорю о разнице в смыслах. Я говорю о последствиях. Самка зверя знает, что в безопасности, независимо от того, произошло ли спаривание. А наши женщины всегда под дамочным мечом расправы, как изюминки на пирожном секса. Одно не понимаю, почему чувство самосохранения вами игнорируется? Зачем провоцировать мужчину на интерес? Вы ж ему и так желанны, как минимум, любопытны. К чему лосины, маечки? Прилюдные раздевания для чего? Зря, что ли, придуманы ухаживания! Даётся время на оценку степени риска, на подготовку защиты, на возможность аннулировать контакт. О любви речи нет, для того нужна душа. Нынешнему человеку обоих полов плевать на продолжение рода, ему нужно только справить нужду. Без просвета. Разве не так? Не то?

ПЬЕСА. Да вы, батенька, банальный мудозвон. И примитивное хамло.

АВТОР. Почему!

ПЬЕСА. Я — мать, потерявшая ребёнка. У меня жизнь. Вот такая, как есть. А ты мне тут моралите сооружаешь. Мою дочь не изнасиловали.

АВТОР. Во как.

ПЬЕСА. Почему тринадцатилетняя девочка не может умереть от простой болячки, от случайности? Почему обязательно должно быть изнасилование? Потому что тебе скучна обыденность? Потому что ты сам бездушное существо.

АВТОР. Кто вы? Кем работаете?

ПЬЕСА. На панели. Уборщицей гондонов. Типа тебя.

АВТОР. То-то мне ваше лицо показалось знакомым, а главное, молистые ручонки. У вас, очевидно, высшее образование.

ПЬЕСА. И какое же, умник?

АВТОР. Судя по лексикону и дубине — педагогическое.

ПЬЕСА. О, мудрец, ты обещал свалить в туман.

АВТОР. Да. Книжка — в кармане. Прощайте.

ПЬЕСА. Её забили. Замолотили. Затоптали. Уж лучше похоть, был бы шанс на спасение. Хотя бог его знает. А умерла в больнице. Хорошо, не дома, или мне теперь было бы негде жить.

АВТОР. Право на жилплощадь как-то зависит от дочери?

ПЬЕСА. Право на сон. Какой-никакой. Право на телевизор. Как на обезболивающее. Право на мужчину. Как на заменителя смысла существования. Сон оставил. Телевизор полетел. Мужчина так и не явился. Вчера я зачистила кошелек. На сегодня я пуста и бессмысленна. Самое то, чтобы.

АВТОР. «Чтобы» — что?

ПЬЕСА. Отстаньте, пожалуйста. Вы наполняете мою пустоту, нагнетаете сомнения. Я вас презираю за деланный гуманизм. Паяц с книжкой. Лжец.

АВТОР. Ханжа. Ах, доченька, ах, кровинушка, ах, жизнь без тебя не мила. Не по ней ты болишь, по себе. Подержанный мешок с костями. Никто носить не хочет. А нехер было молодость на ребёнка разминывать. Профукала любовь, семью. Себя. Неужели так трудно влюбиться, что во всём должна быть золотая середина, что всему есть мера, особенно для близости. Отмерь дистанцию, вывери её опытным путём и держи. А лучше отрежь, к ебням собачьим, чтоб не поддаваться искуше-

нию страсти. Короче, всё, вот тебе твой сквер, делай с ним, что хочешь, мне на вас обоих насрать.

ПЬЕСА. Слава богу, прощай.

АВТОР. Иди нахуй.

ПЬЕСА. А он у тебя есть?

АВТОР. Сволочь.

ПЬЕСА. Говнюк.

АВТОР. Аминь. (Уходя, замечает верёвку с петлёй, останавливается у тополя.) Блядь... Сука! Тварь поганая! Это что! Это то, зачем ты здесь сегодня? Это петля!?

ПЬЕСА. Даже намыленная. Тебя чёрт принёс.

АВТОР. Из-за дочери?

ПЬЕСА. Ради неё.

АВТОР. Так тупо попасть! Я не про тебя, я про себя.

ПЬЕСА. Опять всё сначала: настроиться, собраться. Ладно, мои проблемы.

АВТОР. Да? Ты так думаешь? Понарожали дебилоидов, а ты живи среди них, как хочешь. Включи мыслительный процесс хотя бы раз в жизни на непродолжительное мгновение. Как я теперь смогу уйти, когда увидел расклад! Не отговорил от самоубийства — виновен, отговорил — то же.

ПЬЕСА. Перед кем, перед Богом, что ли? Спасибо, мне Он не нужен, и ты не парься, Его просто нет.

АВТОР. Перед собой, дура, я-то ведь есть.

ПЬЕСА. Уж не Бога ли я, старая грешница, тут дубинкой охаживала. Ай-я-яй, кампания! Ой-ё-ёй, коллектив. Цугцванг.

АВТОР. Да заткнись уже.

ПЬЕСА. Что делать станешь? Интересно, есть ли выход?

АВТОР. Я думаю! Не видишь, что ли? Думаю я!

ПЬЕСА. Может, обмоем такое дело.

АВТОР. Какое?

ПЬЕСА. Твой мыслительный процесс.

АВТОР. Не идёт процесс. Завис.

ПЬЕСА. А что такое?

АВТОР. Прикрой плечо, задёрни. Тебе для чего дана одежда! И не выгибайся, не вертись, как на подиуме...

ПЬЕСА. Ты чего?

АВТОР. Альбина... Альбина! Твоё имя Альбина.

ПЬЕСА. Ничего чумнее не мог придумать?

АВТОР. Аля... Аленька...

ПЬЕСА. Так вот ты какой, цветочек аленький. С ума-то не сходи.

АВТОР. Алёнушка.

ПЬЕСА. Ты решил всех своих шмар на меня повесить? Сам ты — Алик.

АВТОР. Да и хрен с ним.

ПЬЕСА. С кем?

АВТОР. Со мной. (Хватает Пьесу.)

ПЬЕСА. Эй, пусти!

АВТОР. Нет, моё. (Задирает подол.)

ПЬЕСА. Нет! Нет! Орать буду!

АВТОР (спустив штаны). Ори.

ПЬЕСА. SOS! SOS!

АВТОР. Соснёшь ещё, не страдай, но не сейчас!

ПЬЕСА. Порвёшь всё...

АВТОР. Порву... порву. (Рычит, пристраиваясь к Пьесе.)

ПЬЕСА (ощутив проникновенное, отдаётся). О, чёрт... Боже ж мой...

Милый.

АВТОР. Альбина!

ПЬЕСА. Да. Да. Да.

АВТОР (замерев). Ох.

ПЬЕСА (подчиняясь). Что, дорогой?

АВТОР. Чувствую себя...

ПЬЕСА. Я тоже.

АВТОР. Странно...

ПЬЕСА. Сильно. Стой! Не уходи, побудь со мной. Помедитируем ещё... Глянь, у меня из ушей сперма не льётся? Это был фонтан! Столько не рождённого народа полегло... Не в коня корм, не в кобылу сперма. Мне надо отойти.

АВТОР. Зачем?

ПЬЕСА. Для верности.

АВТОР. Куда?

ПЬЕСА. Дурашка, да за кустики. Ты что вообще забыл женщин?

АВТОР. Да так как-то.

ПЬЕСА. Осалфечивайся.

АВТОР. Что?

ПЬЕСА. Я говорю: «Салфетки помнишь, где. Я — сейчас. Ты говори, если хочешь, говори, я услышу. (Уходит в кустарник.)

АВТОР (приводясь в порядок). «На все это я обратил сердце моё для исследования, что праведные и мудрые и деяния их — в руке Божией, и что человек ни любви, ни ненависти не знает во всем том, что

перед ним. Всему и всем — одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злему, чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы. Это-то и худо во всем, что делается под солнцем, что одна участь всем, и сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их; а после того они отходят к умершим. Кто находится между живыми, тому есть ещё надежда, так как и псу живому лучше, нежели мёртвому льву. Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению, и любовь их и ненависть их и ревность их уже исчезли, и нет им более части вовеки ни в чем, что делается под солнцем. Итак иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твоё, когда Бог благоволит к делам твоим. Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей. Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это — доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем. Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости. И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у разумных — богатство, и не искусным — благорасположение, но время и случай для всех их. Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них. Вот ещё какую мудрость видел я под солнцем, и она показалась мне важною: город небольшой, и людей в нём немного; к нему подступил великий царь и обложил его и произвел против него большие осадные работы; но в нём нашелся мудрый бедняк, и он спас свою мудростью этот город; и, однако же, никто не вспоминал об этом бедном человеке. И сказал я: мудрость лучше силы, и, однако же, мудрость бедняка пренебрегается, и слов его не слушают. Слова мудрых, высказанные спокойно, выслушиваются лучше, нежели крик властелина между глупыми. Мудрость лучше воинских орудий; но один погрешивший погубит много доброго».

ПЬЕСА (вернувшись). Всё?

АВТОР. Ну, девятая глава — да, вся.

ПЬЕСА. Нахрена козе баян?

АВТОР. Почему бы ей не помузицировать.

ПЬЕСА. Она и так с бородой и с рогами.

АВТОР. Жизнь остановилась. Упёрся в эту книгу и ни вперёд, ни назад.

ПЬЕСА. Давно?

АВТОР. Выпьём?

ПЬЕСА. Что за книга?

АВТОР. Уже тринадцать лет.

ПЬЕСА (подавая выпивку). Пей первым.

АВТОР. Екклесиаст.

ПЬЕСА. Оставь глоток. А ты, Алик, блин, мужчина.

АВТОР. Не хочу, ты пей. Мне дымнуть и — хорош.

ПЬЕСА. Жаль, пропало добро... для меня.

АВТОР. Дикость — уходить, не досмотрев, не договорив, не дожив. Даже ради близкого человека. У каждого своя смерть, у каждого своя жизнь. Тем более женщина! Прости за правду жизни, ты, может быть, не знала, но человек женского пола, чисто по природе, может рожать неоднократно.

ПЬЕСА. Екклесиаст — это про что?

АВТОР. И добро для тебя не пропало, если ты обо мне. Вот он я, пожалуйста.

ПЬЕСА. А, это про то, что всё — суета сует? Что всё на свете уже было, и нет ничего нового, и не будет?

АВТОР. Каков есть, конечно. Пусть не для семьи, а так — для радости. Или удовольствия.

ПЬЕСА. Херня это — твой Екклесиаст. Подтёрся и показал всему миру бумажку со своим срачем. Алик, это его срач. У тебя — свой, у меня — мой. И они никак не схожи. И не были до нас. Единственное, что всех нас объединяет в данном случае это сортирная бумага для подтирки, и то не факт, что мы пользуемся услугами одного производителя, одного леса, одной страны. Без меня ничего не было, после меня ничего не будет. Есть только здесь и сейчас. Вот это и называется жизнь. Она моя, личная. Что хочу, то с ней и делаю. К примеру, могу остаться с тобой. На всё отпущенное нам, порознь, время. Как?

АВТОР. Семья?

ПЬЕСА. Да.

АВТОР. Зарегистрированная?

ПЬЕСА. Что в лоб, что по лбу, Алик, лишь бы не убило, а болеть будет по любасу одинаково. И радовать. Я согласна.

АВТОР. Из-за одного удачного полового акта?

ПЬЕСА. Удача здесь не при чём. Главное, потенциал, уж поверь, я знаю, что ради этого стоит жить; или я не женщина.

АВТОР. Ради траха? Не маловато?

ПЬЕСА. Остальное приложится. Или приложим.

АВТОР. Шустрая.

ПЬЕСА. Тогда прощай. Лично я считаю, что прощание удалось на славу.

АВТОР. Уходим вместе.

ПЬЕСА. Сначала ты, я — потом.

АВТОР. Я должен знать, что с тобой произойдёт после меня.

ПЬЕСА. Не заморачивайся.

АВТОР. Значит, Екклесиаст, по-твоему, врёт.

ПЬЕСА. Брешет.

АВТОР. Но текст священный, хоть и Ветхий.

ПЬЕСА. Он тебе писал?

АВТОР. Нет, конечно.

ПЬЕСА. На каком языке?

АВТОР. Царь Соломон-то?

ПЬЕСА. Так он ещё и не Екклесиаст! Псевдоним, что ли?

АВТОР. Типа того.

ПЬЕСА. На родном тебе языке?

АВТОР. Древнееврейский уже мало кому родной.

ПЬЕСА. То есть, кто-то написал, кто-то сделал подстрочник, кто-то подобрал синонимы, кто-то отредактировал, кто-то подкорректировал, кто-то отцензурил, и это всё ты воспринимаешь, как истину? Алик, ты дурак или что?

АВТОР. Я, было дело, так же подумал, но испугался, что глуп и слишком мал, ведь не царь же Соломон, в самом деле.

ПЬЕСА. Мы рабы, Алик. Пусть Божьи, но рабы. Не дети. И чтобы выжить в мире мы вынуждены не строить, не слагать, а торговать. Товар раба — один: рабство. И так из века в век. Если твой Екклесиаст говорит об этом, тогда он прав, у рабов нет сегодняшнего дня, у них всегда вчера, которое произойдёт завтра.

АВТОР. Мы не уживёмся. Потому что не забудем уже никогда друг друга уродами, что стакнулись в заброшенном сквере на окраине.

ПЬЕСА. Даже если полюбим?

АВТОР. Я — уже.

ПЬЕСА. И я — вот-вот.

АВТОР. Как говорится, единожды солгавший, кто тебе поверит.

ПЬЕСА. Да выкинь ты из головы цитаты, я сожгу все твои книги.

АВТОР. Отолью. Я — сейчас. (Идёт к тополи.)

ПЬЕСА. Алик, блин-банан, там венки!

АВТОР. Альбина, не держи меня за склеротика. Ты говори, если хочешь, говори, я услышу. (Уходит за тополь.)

ПЬЕСА. Алик-Алик, Альберт. Кто ты? (Поёт).

«Очарованные плечи
Тёплым зовом рук моих
Обещают снова встречи,
Ночь и утро на двоих.
А пройдёт очарованье —
Разбежимся, кто — куда,
Но напрасные старанья —
Скоро встреча, как всегда.
Где-то что-то потеряем
И друг друга вновь найдём —
Мы с тобой друг друга знаем:
И утешим, и поймём.
И тогда опять на плечи
Будет литься рук тепло...
Вновь чарующие встречи,
Вновь от сердца отлегло».

Листва тополя зашевелилась, из неё, на толстом суке, появляется Автор, берётся за верёвку, набрасывает петлю на шею.

АВТОР. Нравится... песня.

ПЬЕСА. Шутник...

АВТОР. Мне нельзя тебя оставить.

ПЬЕСА. Шиздец...

АВТОР. И верёвка твоя, и петля... и сквер.

ПЬЕСА. Слезай с ветки, гибнотвоюмать!

АВТОР. Занять твоё место — это единственный выход. Зато я тебе уступаю моё. И книжку можешь сжечь, хрен с ней. Пожалуйста, не умирай. (Прыгает с ветви, повисает.)

ПЬЕСА. Спасибо, не умру. До чего ж, блядь, скверная история!..

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ЗА КРОВАТЬЮ

иллюзия-буфф

персонажи:

СЕМЁН

ЗОЯ

ИВАН

ФЁДОР

ЛИДУШКА

МАРИЯ

РАИСА

АРКАДИЙ

Жилая кровать.

СЕМЁН (выбравшись из-под одеяла). Эй!? Эй-е-ей... Чего пялитесь? Живого человека никогда не видели? Точно не видели. Вот, прям, видно, что впервые. Здравсьте, это я. Точно-точно не видели? Завидую. Лично я меня насмотрелся выше крыши, вот крыша и съехамши. Или откуда вы здесь? Да ещё столько... Я же ведь здесь ведь дома же. Сплю. Или не дома...

ЗОЯ (выбравшись из-под одеяла). Опять разговаривает. Тебя в науку сдать надо, на лабораторные опыты. И ля-ля-ля, и фа-фа-ля, и бур-бут-бур. Никому покоя не даёт, и, главное, мне. Уйду ведь.

СЕМЁН. Иди.

ЗОЯ. Чего?

ЗОЯ. Кого!

СЕМЁН. Того!

ЗОЯ. Гонишь!?

СЕМЁН. Толай-толай.

ЗОЯ. Ни за что.

СЕМЁН. Ясно дело.

ЗОЯ. Чего ясно?

СЕМЁН. Того! Некуда.

ЗОЯ. Есть.

СЕМЁН. Нет.

ЗОЯ. А я говорю, есть.

СЕМЁН. Так и куда же?

ЗОЯ. Так и туда же!
СЕМЁН. Так вперёд.
ЗОЯ. Леня возвращаться.
СЕМЁН. Зачем.
ЗОЯ. Нам нельзя порознь.
СЕМЁН. Так у нас любовь?
ЗОЯ. У нас кровать. И теперь никто из нас уже не скажет, есть ли за ней жизнь.
СЕМЁН. За кем?
ЗОЯ. За кроватью, болван.
СЕМЁН. А по бокам и спереду? Тоже не скажешь или просто нет?
ЗОЯ. Сам-то, как считаешь.
СЕМЁН. У меня с арифметикой заторы, нелады и полный завал.
ЗОЯ. Кто бы знал, как я мечтаю выспаться.
СЕМЁН. И что мешает?
ЗОЯ. Твои разговоры среди сна, храп и крик, как будто в атаку ходишь, а сам в армии даже не служил.
СЕМЁН. Среди сна. Так я сплю или проснулся?
ЗОЯ. Как хочешь, сам выбирай, а я спать.
СЕМЁН. Стой. А это кто?
ЗОЯ. Где?
СЕМЁН. Ну, вон, сидят скопом, рядами, и зырят на нас.
ЗОЯ. Лично я в упор никого не вижу и в дали тоже.
СЕМЁН. А я? Я-то же вижу.
ЗОЯ. Как хочешь, я спать.
СЕМЁН. Но зырят же!
ЗОЯ. Если зырят, значит, зырики.
СЕМЁН. Эй.
ЗОЯ. Я тебе не «эй», я Зоя. Для всех.
СЕМЁН. На всех или для всех?
ЗОЯ. Да хоть как, всё равно, одна. Если бы не ты. Да и то, если вдуматься...
СЕМЁН. Зоя.
ЗОЯ. Ау.
СЕМЁН. А ты кто?
ЗОЯ. Опять двадцать пять!
СЕМЁН. Двадцать пять чего?
ЗОЯ. Да хоть чего. Всего!
СЕМЁН. А всё же?
ЗОЯ. Так-то бы я твоя подруга.

СЕМЁН. А что, если дружба, так обязательно должна быть кровать и мы должны в ней жить?

ЗОЯ. А куда деваться.

СЕМЁН. Некуда.

ЗОЯ. Жалко же, я же у тебя одна.

СЕМЁН. Да ладно!?

ЗОЯ. Стопудово.

СЕМЁН. Жалко.

ЗОЯ. Мы встретились где-то, как-то, когда-то, зачем-то, почему-то, ты как раз пел под гитару «Ты у меня одна», да так проникновенно! И проник ведь! И тут я как прониклась тоже, насквозь, хоть выжимай.

СЕМЁН. Уверена, что песня была моя?

ЗОЯ. Ты же пел.

СЕМЁН. Но не песня не моя.

ЗОЯ. Теперь-то что умничать, поздняк метаться. Дай поспать!

СЕМЁН. А я как же?

ЗОЯ. Покуда ты не спишь, дай мне пожить в тишине и покое, пожалуйста! Бывай! (Прячется под одеяло.)

СЕМЁН. Бывай тут, как хочешь. Всё же, есть ли жизнь за кроватью, если не обращать внимание на зыриков? Проверить. Опробовать. Страшно одному-то, неловко. Зоя... Зойка? Эй, ты где? Никого! Смылась Зойка, наваждение, морок, фокус! Следовательно, здесь, как минимум, не Зойкина кровать, что радует. И, может быть, очень даже, здесь, как максимум, мой дом. Эй, зырики, а вы-то что думаете? Или даже знаете? Или не знаете и не думаете? Завидую. Ну, хорошо, а как полагаете, без кровати жить можно? Так-то бы, вроде, и незачем. А под кроватью? Ну-ка, ну-ка... Пусто... Никого. Тьма. Типа ночь кругом, во всём. А что это за проблески? Эй, что тут блестит? И тут, и тут... Глаза блестят не так. Не так, я вам говорю, не так! А на слух если? Блестки звучат хоть как-то? Тихо! Пожалуйста, дайте послушать! Вдруг то жизнь! Тихо... Слышите? Пошумливает... Да ведь вода же, водище! Река, что ли? Пороги, излучины... Шумище-то! Нет, не водопад. Тишина, разве что. Бог мой, так вот как шумит тишина... Море? Океан? Может, больше океана нечто, только я такого слова не знаю. Океан и — ладно. Ночной океан. Океан ночи. Да как ни назови. Тьма тьмушая. Ни берега тебе, ни неба, и только сквозь толщу воды чьи-то глаза зырк-зырк, как у вас, зырики, только зыркастее... злее. Точно, наверное, хищники. И пусть я потерпел крушение, я всегда в тельняшке. Типа я моряк или даже адмирал, да хоть боцман, зато в тельняшке! Зато выплыл и наткнулся на плот. Или просто одинокая мачта? Да нет, плот. Реальный плот! И сколотил

ведь кто-то, связал же, наладил. Ура, повезло, Бог меня любит, я точно теперь знаю. От знания голова вон, как гудит. Я мозгом о плот стукнулся, когда выныривал. И вот теперь живу посреди океанической действительности, может быть, даже я атлант, если, конечно, океан Атлантический. А если он Тихий, тогда я — тихант. Северный Ледовитый если, значит, я — северант ледантный или ледант северантный. Какой ещё там есть океан? Был, вроде, какой-то... А, Индийский! И, значит, тогда я — индант. Так что не пугайте мне мою тельняшку, пуганые!

ИВАН (выбравшись из-под одеяла). Руку, помоги!

СЕМЁН. Вот это ты вынырнул...

ИВАН. Брат!

СЕМЁН. У меня только сёстры.

ИВАН. Друг!

СЕМЁН. Мы не выпивали.

ИВАН. Тону же!

СЕМЁН. Не вижу, не слышу.

ИВАН. Океан не видишь и не слышишь?

СЕМЁН. Ты, разве, тоже в океане?

ИВАН. Чёрт тебя дери!

СЕМЁН. Так бы и сказал. На тебе мою руку, незнакомец, держи.
(Отсоединяет руку, подаёт Семёну.)

ИВАН. Эй! Ты отсоединил руку...

СЕМЁН. Ты же просил её.

ИВАН. На что мне твоя рука без тебя?

СЕМЁН. Возможно, на спасение?

ИВАН. Упереться же не во что.

СЕМЁН. А я не отвечаю на вопрос «что», я отвечаю на вопрос «кто».

ИВАН. Ну, надо же было посреди великого океана нарваться на системное образование. Эй, ты, одушевлённый предмет, мозги подключи, ради бога, здесь же акулы, скаты, кубомедузы...

СЕМЁН. Кубомедузы? Это серьёзно.

ИВАН. Подай уже руку! Ту, что ещё при туловище. Протяни и — всё.

СЕМЁН (протягивает руку). Так просто? Пожалуйста. Дольше не протягивается... Длины не достаёт.

ИВАН. Так удлини за счёт первой.

СЕМЁН. Логично. Какой-то ты мыслящий, товарищ, не по ситуации, как будто и не тонешь. Удлиняю. (Берёт руку в руку.) А ты точно тонешь?

ФЁДОР (выбравшись из-под одеяла). Да тонет он, тонет, мне отсюда видно.

СЕМЁН. Ты-то кто?

ФЁДОР. Я тоже погибающий.

ИВАН. Эй, свобода конкуренции здесь не прокатит, я первый вынырнул!

ФЁДОР. А, может, тендер объявим, грамотей?

ИВАН. Он без очереди!

ФЁДОР. Я всегда соблюдаю очередь.

СЕМЁН. И чего тогда встревать?

ФЁДОР. Просто хорош мозги полоскать, ребята, мне тоже хочется уже на сушу, пусть и в очередь.

СЕМЁН. И что?

ФЁДОР. Поторапливайся.

ИВАН. Справедливо.

СЕМЁН. Одни философы вокруг, один я дурак, как бы ничего не понимаю, и вообще не гуманист. Как тебя звать?

ИВАН и ФЁДОР (хором). Кого?

СЕМЁН. Первого.

ИВАН. Иван.

СЕМЁН. Будем знакомы, Семён.

ИВАН. Очень приятно!

ФЁДОР. А я тут замерзай и тони, безымянный.

СЕМЁН. Не встревай, всех влёт не запомню. Эй, который Иван, давай, Ваня, хватайся и выползай уже.

ИВАН (хватается за руку Семёна). Есть, держись! Ай, ой, меня вниз тянет... ааа!!! (Пропадает под одеялом, с рукой Семёна.)

СЕМЁН. Иван! Иван, гад, ты куда! Руку отдай!

ФЁДОР. Что с ним? Сорвался? Утонул? Рыбы сожрали? Спасите! Помогите! Погибаю!

СЕМЁН. Так и знал, всё подстроено! Он нарочно зубы заговаривал, чтобы руку мою утопить! Что мне теперь делать без руки, что!?

ФЁДОР. Ещё же одна осталась.

СЕМЁН. Даже не мечтай.

ФЁДОР. Меня Фёдор зовут. Федя.

СЕМЁН. Это ничего не меняет.

ФЁДОР. Будь человеком.

СЕМЁН. На всех рук не напасёшься.

ФЁДОР. Мне оставшейся хватит.

СЕМЁН. Чтобы утопить?

ФЁДОР. Чтобы не утопиться. Я же гибну!

СЕМЁН. А я однорукий, как мне теперь рулить, чтобы добраться до суши, к людям?

ФЁДОР. Вот и вытащи меня, я рулить буду, и кормить тебя, и поить, и стирать, только вытащи!

СЕМЁН. Логично. Федя, говоришь?

ФЁДОР. Да.

СЕМЁН. А ты ел медведя?

ФЁДОР. Я вегетарианец. Я даже рыбу не ем, потому что уважаю, а она меня нет, она любит человека так, как человек человека никогда полюбить не сможет, и потому жрёт человечество, не разбирая имён! Дай руку, товарищ.

СЕМЁН. Ох, где-то это я уже слышал, не припомню, а так знал бы, чем там дело кончилось.

ФЁДОР. Семён, дружище, Сёма, братец ты мой, помоги!

СЕМЁН. А родственников-то в океане, прям, пруд пруди. Ну, ладно, рискну остатками тела, так и быть, помогу. Давай, Федя, хватайся и выползай. Только аккуратнее, рука у меня последняя осталась

ИВАН (хватается за руку Семёна). Есть, держусь! Ай, ой, меня вниз тянет... ааа!!! (Пропадает под одеялом, с рукой Семёна.)

СЕМЁН. Рука! Верни! Отдай! Подлые люди, пооторвали все мои руки! Как же теперь быть... Никак. Ну, кушать можно безруким, если есть что, ну, спать, если не страшно, можно ходить, если есть куда. Но ни рулить, ни ласкать, ни даже морды набить, ни дать, ни взять... Так страшно жить. А как жить... Ааа!!! Всё, без рук, я, как без жизни, и без жизни, как без рук. Эй, зырики, я пропадаю. Можно сказать, пропал. Эх, зырики-зырики, как вам без меня... Да ведь и я к вам попривык. Теперь нам всем мучайся — отвыкай друг от друга. Куда деваться. Всё. Меня нет. Прощайте. И за борт меня бросаю в набежавшую волну. (Забирается под одеяло.)

ЛИДУШКА (выбравшись из-под кровати). Аркадий Аркадьевич же, когда приезжает же, сегодня?

МАРИЯ (выбравшись из-под кровати). Знает ведь и переспрашивает, и переспрашивает...

ЛИДУШКА. Так надо же о чём-то беседовать, доча.

МАРИЯ. И бесит меня, и бесит. И почему она зятя, даже за глаза, называет с отчеством... И называет, и называет, и не лень выговаривать...

ЛИДУШКА. Бывшего же зятя. Нам, бедным людям же, полезно уважать кормильца же даже за его спиной. Такого мужика же профукала.

Это же не муж, это же железобетонная крыша же над нашими же непокрытыми головами. Была.

МАРИЯ. Как будто не она его шпыняла при совместной жизни, мол, непутёвый, зарабатывать не умеешь... то ли дело моя доча с высшим образованием... Нас развела. Неучёный зять, обезьяна обезьяной, поднялся, вскарабкался. А где дипломированная доча, где? Сказать-высказаться?

ЛИДУШКА. Сама ботанику же выбрала, а надо же было химию долбить, вот же теперь хлеб...

МАРИЯ. Разве уборкой чужих квартир должна заниматься настоящая учительница? Разве не с детских душ должно мне стирать пыль? Разве не юные мозги драить? Разве не новые сердца подметать? Не квартиру прибирать бы мне, планету... а, Лидушка? На носу очередной век...

ЛИДУШКА. А у меня на носу очередные очки. И не на надо же меня порочить! Никакая же тёща не разведёт собственную же дочь, если у неё в семье командует не законный брак, а настоящая же любовь.

МАРИЯ. Эх, Лидушка ты Лидушка, откуда тебе было знать, брак у нас с Аркадием или любовь?

ЛИДУШКА. Или я же сама же не любила же...

МАРИЯ. Тогда, где мой отец?

ЛИДУШКА. Где-нибудь же есть же.

СЕМЁН (выбравшись из-под одеяла). Здравствуйте.

ЛИДУШКА. Я же тебе не про самца и самку долдоню же, я же рассуждаю же про любовь между полами. А любовь-то же моя-то, тут она, в сердце.

СЕМЁН. Ау...

МАРИЯ. В дверь звонят... И звонят, и звонят...

СЕМЁН. Ох, голова болит как. Ау, я сказал!

ЛИДУШКА. Для меня же всегда же сердечное чувство важнее же конкретного человека же.

РАИСА (выбравшись из-под кровати). Привет.

СЕМЁН. Ещё одна! Расплодились бабы...

МАРИЯ. Райка!? Прощай, утро — здравствуй, жизнь.

ЛИДУШКА. Как же ты-то же здесь-то?

РАИСА. Не спрашивайте, сама скажу. Что за дом стал, а. Как я съехала, так всю художественную галерею котиков задевали, в чулан, небось. Где кошачий царь в красном углу?

ЛИДУШКА. А где красный угол?

РАИСА. В вашем возрасте, Лидушка, все углы в лицо знать надо.

МАРИЯ. И лицом, и лицом...

СЕМЁН. Не докричаться, и рук нет, чтоб достучаться.

ЛИДУШКА. Рая, пришла же с новостью, говори же уже же.

РАИСА. Не знаю, как язык-то повернуть. Ну, я приступаю. Семёна нашего, бабоньки, родные вы мои, первенца нашего не стало.

ЛИДУШКА. Нет же! Не верю. Нет!

МАРИЯ. Да... вот и всё.

ЛИДУШКА. Не верю, повтори.

РАИСА. Семёна нет. Нигде и никогда.

СЕМЁН. Эй, если про меня, то я — Семён, здесь.

МАРИЯ. Везде проверили?

РАИСА, Конкретно и непосредственно. Собственными глазами видела: нет его, нет. Отвечаю.

МАРИЯ. Ну, что ж, одни говорят, жизнь — это иллюзия, а другие, иллюзия — это смерть. И то, и то — мы. Мы есть иллюзии иллюзии.

РАИСА. Что застыли? Не знаете, как на Руси провожают ушедших иллюзионистов? Ну-кося, резко пали на мою грудь, небось, повместительнее некоторых, и станем голосить.

МАРИЯ (примеряется). Так надо, да?

ЛИДУШКА (примерившись). По другому-то же как?

РАИСА. Иди сюда, Маруся, сама прижму. И вы, Лидушка, давайте. (Прижимает головы обеих к груди.) Ну, как вы там?

ЛИДУШКА. Теперь понимаю же, почему Семён от нас с тобой остался.

МАРИЯ. Да? Разве у женщин цимус только в груди?

РАИСА. Не только, Маруся, не только. У русской женщины вообще, весь цимус в натуре. Только как же разглядеть её, светлую натуру нашу, когда в каждом мужичьем глазу отражаются исключительно сиськи. Неизбывная у них тоска по детству, всё мамку им подавай.

ЛИДУШКА. Это верно же, мне ли же не знать.

МАРИЯ. Долго ещё, так и заснуть можно, дальше что?

ЛИДУШКА. Командуй, Райка же, текст продумала?

РАИСА. А то. Командую: три — четыре. (Голосит, женщины подхватывают.) Улетел от нас наш ясный сокол... хоть и пьянь был беспробудная, так ведь не всю же жизнь... был же и наш мужчина когда-то человеком... иначе, не выскочили бы мы за него замуж, обе дуры набитые... умер наш Сенечка, дорогой наш Семён Аркадьевич... Всё.

ЛИДУШКА. И всё же я должна же удостовериться же сама.

РАИСА. Легко. За мной! (Уходит.)

ЛИДУШКА. Пошли. (Уходит.)

МАРИЯ. Я тоже. (Уходит.)

СЕМЁН. А я!? Я-то, что же? Ноль внимания, как будто и нет. Нет? Неужели точно нет. Это меня-то! Меня нет! Да такого быть не может. Особенно, когда я вот он, есть я, здесь. Это вас нет, никого нет! Правда, зырики? Зырики, зырики... Нету! Ааа, а яая...

ЗОЯ (выбравшись из-под одеяла). Хватит орать, хватит, хватит.

СЕМЁН. Зоинька, у меня руки оторвали...

ЗОЯ. Проснусь, пришью.

АРКАДИЙ (выбравшись из-под одеяла). Лучше степлером, чего пальцы колоть.

ЗОЯ. Аркадий, и ты отстань. После, всё после. Спать. (Забирается под одеяло.)

СЕМЁН. Аркаш, тебе от меня не холодно?

АРКАДИЙ. Мне от тебя муторно. Куда наши гримзы делись?

СЕМЁН. Не понял. Ты про женщин? Тут были две уборщицы и ещё одна попозже.

АРКАДИЙ. Я с дороги, устал, не придуряйся.

СЕМЁН. А почему «наши»?

АРКАДИЙ. Всё же хорошо, что у меня врождённое чувство юмора. Ну, давай, поюморим, брателло. Ты не узнал двух наших общих бывших жён, не считая одной на всех заветной тёщи?

СЕМЁН. Да ну! Ну, не одновременно же?

АРКАДИЙ. Нет, попеременно.

СЕМЁН. Так-так-так. Ну, ты-то же ведь точно мой родной брат?

АРКАДИЙ. Есть сомнения? Я был бы счастлив не знать тебя никогда.

СЕМЁН. Ты имеешь ввиду, что те чертовки, которые здесь суетились, и есть ничто иное, кроме, как мои жёны... с нашей тёщиной мамой? А я смотрю, лица у тёток вроде знакомые...

АРКАДИЙ. Вот ведь какой мутный человек! Ты — омут, Сёма, омут. Да, я был женат на твоих бывших жёнах, с их мамой.

СЕМЁН. Да ладно! А ты — сом, что в омуте всё моё хрум-хрям-хрясь и сожрал. А почему был?

АРКАДИЙ. Мы избавились от формалистики. И друг от друга. Не совсем, потому что я их, таки, подкармливаю, пусть кушают, всем надо. Смысл? Смысл в гуманизме.

СЕМЁН. Переведи.

АРКАДИЙ. Гуманизм — это любовь к людям. Сострадание. Жалость. Мне было неудобно перед теми, кого кинул мой брат.

СЕМЁН. И дети у меня есть?

АРКАДИЙ. Ну, ты... клоун.

СЕМЁН. На себя посмотри! Не сбивай с логики, я соображаю, на каком свете нахожусь, а он с грубостями тут! Сам ты клоун. Отвечай на вопросы, и всё. Ладно?

АРКАДИЙ. Нет у тебя детей.

СЕМЁН. Ага, значит, и совесть моя чиста. В том смысле, что сирот не плодил. Вывод: мужчина, да ещё и совестливый... вот, я какой.

ЗОЯ (выбравшись из-под одеяла). Ты как твой брат во сне разговариваешь, вот семейка. Ох, Аркаша, как подумаю, покуда мы там с тобой любилась, он здесь без нас... без меня.

СЕМЁН. Любились!?

АРКАДИЙ. Вы тут сами разбирайтесь, я кушать хочу. (Забирается под одеяло.)

ЗОЯ. Ты куда пошёл? Аркадий, вернись тут же, ау.

СЕМЁН. Любились они! Ну, ты, Зоюшка, фря!

ЗОЯ. Я за тобой бегать не буду, а ну, вернись!

СЕМЁН. Мне сказала, что едешь в Торжок, к маме, а сама с братом!

ЗОЯ. Аркадий, я жду.

СЕМЁН. Я с тобой разговариваю, прекрати отвлекаться на посторонних.

АРКАДИЙ (выбравшись из-под одеяла). Кто посторонний, я? Ну, да, я — на этой стороне, она — на той, ты, меж нами, нейтральная полоса с цветами.

ЗОЯ. Аркадий, ко мне!

АРКАДИЙ. Что такое? Меня женщина командует?

ЗОЯ. Милый, прости, сорвалось. Я в таком шоке, всё-таки, Семён был наш единственный брат.

СЕМЁН. Блин, она тоже про похороны...

АРКАДИЙ. Да подожди ты, Сёма, тут не в тебе дело. Я уже всё понял, наши тётки договорились свести меня с ума, чтоб упрятать в психушку, а мои деньги поделить.

ЗОЯ. Аркаша, ты держись. Говори мне сегодня, что хочешь, всё стерплю. Понимаю тебя, как никто. Я сегодня с ним тоже, как с живым, разговариваю. Ау...

АРКАДИЙ. Ты про что?

СЕМЁН. Она хочет сказать, что меня нет. Она не хочет даже, она уже сказала. Хватит! Зоя, глядя мне в мои живые, блестящие от бывшей любви и нынешнего гнева глаза, ты продолжаешь утверждать, что меня здесь нет?

ЗОЯ. Аркадий...

АРКАДИЙ. Сёма, отодвинься, я Зойку не вижу.

СЕМЁН. Со мной говори, не с ним, со мной!

ЗОЯ. Аркаша, ты сегодня так красив.

СЕМЁН. Ага, обезьяны всего мира отдыхают!

ЗОЯ. Милый, долго я ещё буду буровить тебя взглядом?

АРКАДИЙ. Ты меня видишь сквозь него!?

ЗОЯ. Сквозь кого?

АРКАДИЙ. Это кто?

ЗОЯ. Ты.

СЕМЁН. Я!

ЗОЯ. Аркашенька, не сходи с ума на самом деле...

СЕМЁН. Я её сейчас прибую...

АРКАДИЙ. Ты всех своих бывших перебил, и что?

СЕМЁН. Правда? Так ведь живы же.

ЗОЯ. Времени нет, надо успеть везде...

АРКАДИЙ. Зоя, вон он.

ЗОЯ. Кто?

АРКАДИЙ. Семён. Вот.

ЗОЯ. Где?

АРКАДИЙ. Вот он, вот он, вот он!

ЗОЯ. Там — пустота.

СЕМЁН. Я — пустота!?

АРКАДИЙ. Хочешь, потрогай. Трогай, говорю, просто протяни руку влево от себя, не стесняйся. Могу отвернуться.

ЗОЯ. Ну, ты, Аркадий, совсем ау! Давай так, я сейчас уйду, займусь ритуальными делами, а ты пока успокойся. Да, смерть Семёна — это небесная кара нам, обоим, и мне в частности. Я ведь его любила. И мне здесь и сейчас так плохо. Даже где-то стыдно.

СЕМЁН. И где же?

АРКАДИЙ. Нет, так просто не уйдёшь... ты его потрогаешь! За какую часть туловища предпочитаешь? Дай руку! (Хватает руку Зои, отрывает.) Чёрт, оторвалась.

ЗОЯ. Ай.

АРКАДИЙ. Давай, другую. (Хватает другую руку Зои, отрывает.) Чёрт-те что! И эта! Зоя! Сёма! Вы же видели, оба, я не нарочно!

ЗОЯ. Как ты мог! Ты сделал мне так обидно, так некрасиво, так неинтеллигентно. Теперь мне никогда нем выйти замуж, кольцо надеть не на что. Эх, Аркаша-Аркаша... Мне же даже сейчас больно очень, и душой, и туловищем. И ведь ни за что! Прощай. (Забирается под одеяло.)

АРКАДИЙ. Мамочки, батеньки мои!.. Семён, ты же тоже без рук... Вы оба одинаковые, вы похожи, вы отражение друг друга, вы — одно и то же! Мне страшно. Я пойду, пойду вон. А руки возьму на память, можно? Только никому не говори, брат, что они у меня, пожалуйста, не сдавай родную кровь. А твои где? Может, я тоже взял бы на сохранение, вдруг срастётся... Ты меня любишь, как я тебя, просто мы всю жизнь рядом, устали, я знаю, Ты есть, брат мой, есть, меня нет, и никогда не было здесь! (Забирается под одеяло.)

СЕМЁН. Здесь сыро, зябко и гнилостно, что ли. Здесь, где я на самом деле. Но где же, где...

ФЁДОР (выбравшись из-под одеяла). Готова рыбка, прожарилась, держи! Ох, дьявол, забылся, прости, Сэм, давай, покормлю.

СЕМЁН. Федя, ты чего? Нашёл Сэма...

ФЁДОР. Какой я тебе Федя, я — Теодор. Что у тебя с памятью? Мы же на необитаемом острове. Я — немец, Ванька, он же Жан, — француз, ты — американец.

СЕМЁН. Нет-нет, только не американец.

ФЁДОР. Перестань, проголосовали же.

СЕМЁН. Что-то не припомню.

ФЁДОР. Ты отдышал, сладко так спал, будить было страшно жалко. Мы, с Жаном, как положено в демократическом обществе, тайным голосованием избрали всех нас троих обитателей на соответствующие национальности.

СЕМЁН. Без меня!

ФЁДОР. Зачем ты нужен, если нас, по любасу, большинство.

СЕМЁН. Давай, я буду хотя бы англичанин, а? Ну, не климатит мне быть в американцах, их же не любят ни в одной стране мира, а в некоторых даже на государственном уровне, что я, рыжий, что ли.

ФЁДОР. Зато их все уважают.

СЕМЁН. Со страху.

ФЁДОР. Ну, и что, зато уважают. И обхаживают, как мы тебя, безрукого. Вот, пожалуйста, мистер Сэм, кушайте с моих рук.

СЕМЁН. Без рук! Ну, и какой же я американец? Всем известно, у американцев руки длинные.

ФЁДОР. Ничего подобного, руки застолбила за собой Россия. Есть выражение «рука Москвы».

СЕМЁН. Да, но рука — не руки.

ФЁДОР. Руки-руки, просто одна видимая, а другая нет, другая, она исключительно чувствительная.

СЕМЁН. Давай, без политики, не надо рассуждать за Родину, тем более осмысливать, она есть и с этим уже никто ничего поделать не может. Для рассуждений, тем более для осмыслений, есть остальной мир, хоть урассуждайся. О, в этом деле нам и целого мира мало...

ФЁДОР. Ну, что ты, Родина — вне рассуждений! Мы обсуждали и пришли к выводу, что у американцев рук нет, у них щупальца.

СЕМЁН. Я вам что, спрут?

ФЁДОР. Спрут — это в Италию. Помнишь, сериал? Америка — это кальмар.

СЕМЁН. О, кальмары я люблю, особенно под майонезом.

ФЁДОР. Вот, мы же твои друзья, мы тебя знаем. А щупальца отраснут, щупальца — дело наживное, природа позаботится.

ИВАН (выбравшись из-под одеяла). Ребята, я клад нашёл!

ФЁДОР. Да брось, Жан, не фантазируй.

ИВАН. Реальный сундучок, человеческого изготовления.

СЕМЁН. Жан — это канадец?

ИВАН. Француз, прошу прощения, француз!

СЕМЁН. Дьявол, и этот европеец, а меня запульнули куда-то за океан. Не хочу быть американцем!

ФЁДОР. Может, фиг с ним, пусть будет англичанином?

ИВАН. Ну, не знаю. Нет-нет. Кого нам тогда бояться? Со скуки же передохнем. В конце концов, ребята, какая разница, как обзываться, мы-то же знаем, что мы русские.

СЕМЁН. Ну, уж не так всё просто, как корабль назовёшь, так он и поплывёт.

ИВАН. А ты, Сэм, если плыть собрался, так плыви.

СЕМЁН. Это не смешно! Грешно смеяться над убогим! Если мы русские, давайте, так и станем жить, чтоб все зырики на свете видели, кто мы такие и что мы есть.

ФЁДОР. Ага, тут же какие-нибудь зыриковские санкции последуют.

СЕМЁН. Например, перестанут зырить? Так это только на здоровье. Станут глядеть, а-то и видеть. Присмотрятся, а ничего нет. Ничего. Отличная штука санкции, стимулируют зрение...

ИВАН. Сэм!

ФЁДОР. Аккуратнее, он не Сэм, а Саймон. И к тому же псих.

ИВАН. О, кей. Жаль, был бы символом — дядей Сэмом, а так... Ну, как скажете, пацаны, что в лоб, что по лбу — болячка-то одна. Саймон, слушай сюда. Чтобы выжить на необитаемом острове посреди мирового океана, нужно чётко неукоснительно соблюдать законы. Вспомни на

минуту, что ты не Сэм, то есть не Саймон, а Сеня, и соотнеси этот факт с соблюдением закона. Соотнёс?

ФЁДОР. Завис. А ведь это всего лишь вопрос. К тому же, если мы тут что-то накосячим, втроём, или насвинячим, спрос с американца, француза и немца, а русские не при делах.

СЕМЁН. Ну, предположим, вы правы. Но как насчёт законов-то? Уж что-что, а Конституция США самая правильная установка в мире, так что, законы нашего обитания устанавливать буду я. И сразу ремарка, я не Самуил, чтоб быть Сэмом, я — Саймон, грамотеи.

ФЁДОР. Хорошо, Саймон, но куда ты спал, мы установили и законы.

СЕМЁН. Оборзели, европейцы! К порядку!

ФЁДОР. Ты не сможешь найти возражений против Десяти Заповедей. Вспомни их. Вспомнил? Хотя бы пару-тройку...

ИВАН. Завис. Значит, вспомнил.

ФЁДОР. Вывод?

ИВАН. Эй, Саймон, ау.

СЕМЁН. Как страшно жить.

ФЁДОР. Да, жить без Заповедей просто ужас.

СЕМЁН. Я, Теодор, как раз, наоборот подумал.

ИВАН. А что тут думать, хочешь выжить, надо жить.

ФЁДОР. Жан, покажи уже клад, хотя что нам делать здесь даже с драгоценностями, ума не приложу.

СЕМЁН. Я приложу, не переживай, у меня есть. Открывай сундук, Жаня.

ИВАН. Прежде, чем открою, напомним тебе, Теодор, и оповещу тебя, Саймон, об одиннадцатой заповеди, которая гласит: «Всё, что ни делается, всё — по чесноку».

ФЁДОР. Да-да, чеснок любую дрянь отгонит и всякую заразу излечит.

СЕМЁН. Короче, склифосовский, клад!

ИВАН (открыв сундук). Вуаля! О-ля-ля... Три предмета: нож армейский, топор обыкновенный и, блин-банан, раскладной настенный календарь на, жутко сказать, одна тысяча девятьсот девяносто первый год.

СЕМЁН. Конец СССР.

ФЁДОР. Мне армейский нож, нам, германцам, всё военное к лицу и впору.

ИВАН. Мы, французы...

СЕМЁН. Первое слово дороже второго.

ИВАН. Тысяча чертей! Этот американский дядя уже застолбил кресло арбитра!

ФЁДОР. Но Саймон справедлив, согласись.

ИВАН. Вся сила рук перешла в голову? Ладно, топор в умелых руках покруче и понужнее.

ФЁДОР. Бери, Саймон, календарь...

СЕМЁН. Как я возьму, чем!?

ИВАН. Так ты же умный, придумай. А мне некогда, надо обустроить мою Францию.

СЕМЁН. Чего?

ИВАН. Ты не поставил его в известность?

ФЁДОР. Всего не упомнишь. Мы вчера, покуда ты спал, поделили остров на две части: справа — Германия, слева — Франция.

ИВАН. Протестую. Франция — справа, а Германия — слева. Если встать лицом на север.

ФЁДОР. Всё-таки, придётся установить границы, чтоб и зримо, и наощупь.

СЕМЁН. А-то получится наотмашь. А где же моя Америка?

ИВАН и ФЁДОР (хором). Так ведь, за океаном.

ФЁДОР. Тебе выделим нейтральную полоску, всё равно нам тебя кормить, работать-то тебе нечем. Живи — не хочу, в собственное удовольствие.

ИВАН. Гля, мужики, а календарь-то с обнажённой! Мать моя женщина, нет! Не стану смотреть и тебе, немец, не дам, всё по чесноку. Сёма, забирай эти весёлые картинки с глаз наших долой. Я пошёл. (Уходит.)

СЕМЁН. Как я возьму, чем!?

ФЁДОР. Так ты же умный, придумай. И мне некогда, надо обустроить мою Германию. (Уходит.)

СЕМЁН. Уберите картинки! Засуньте календарь обратно! Верните меня домой. Домой хочу, домой! Где дом? Как вернуться? Можно, можно, я чувствую, я могу всё, всё, всё. Надо только понять, где я. Где? Где я!?

Из-под кровати выбираются уборщицы Лидушка и Мария.

МАРИЯ. Как мы, Лидушка, не боимся находиться здесь, после вчерашнего? Вдруг Аркадий Аркадьевич, с горя, конкретно увидел привидение Семёна?

ЛИДУШКА. Чего же нам делать со страху теперь, не работать же, что ли? А на что тогда же кушать же. Меня когда же так мандражирует, голод же одолевает же жуткий.

МАРИЯ. А бутылка водки открытая кому стоит? Зачем Аркашка её оставил, если покойницкая стопка налита?

ЛИДУШКА. Может же для нас стоит, родственницы же, чтоб помянули же?

СЕМЁН (выбравшись из-под одеяла). О, кого я слышу сквозь ресницы.

МАРИЯ. Не стыдно?

ЛИДУШКА. Она же большая же, доча, никто не заметит...

СЕМЁН. Поднимите мне веки... Сам-сам. О, покойницкая! То есть, моя. Последняя и — всё, ухожу в отказ. Эх, руки мои, когда нужны, никогда вас нету. Употребим бесконтактным путём. Ну, за то, что меня тут нет. Мысль моя, выпей её! (Выпивает.) Вот. Хорошо.

РАИСА (выбравшись из-под одеяла). Не ждали? А дождались.

МАРИЯ. Куда деваться.

РАИСА. Лидушка, Маруська, одевайтесь, идём за венком. И не шутите, у меня дел по горло.

МАРИЯ. Неужели нельзя без нас венки заказать?

РАИСА. Нет уж, если венок от нас всех троих, так все трое и пойдём заказывать. Ты — педагог, надпись процитируешь на траурную ленту. А без Лидушки ты разве бываешь где? Всё продумано. А почему поминальная стопка пустая?

МАРИЯ. Пустая, ага... пустая!

ЛИДУШКА. Только же был, аж с горочкой же... не я же, не я!

РАИСА. Я налью. Нельзя же, чтоб стопаш покойного пустой был, обидится, такого может натворит в наших невесёлых жизнях, о-го-го.

ЛИДУШКА. Как же!? Как же...

МАРИЯ. Обхохочешься с вами, суеверные невежды.

ЛИДУШКА. Сеня неплохой же был человек.

СЕМЁН. Кто бы спорил.

ЛИДУШКА. Кому же тяжесть поднесёт, походя, кому же окно без спроса вставит же. Это же он тянул родителей же на своём же горбу.

РАИСА. А потом явился, откуда ни возьмись, Аркашка, на делёж наследства и обездолил нашего Сеню.

МАРИЯ. Разве? Или они оба получили не равные доли? Только, как каждый из них распорядился?

СЕМЁН. Ещё налили? Отлично. Нет, та была последняя.

МАРИЯ. Если один на родительские гроши сколотил состояние, а другой, что ни роздал, то пропил, кто виноват?

ЛИДУШКА. Покойник никогда же не противился злу, особенно если выпьет. Не хотел же, а прощал же угрюмо.

РАИСА. Силком себя заставлял быть настоящим человеком.

МАРИЯ. Так, а где опять водка!? Стопка снова пустая или мне мерещится? Рядом из нас никого, вроде, не стояло?

РАИСА. Господи, помилуй, лично наливала!

ЛИДУШКА. Уже же две же порции же пропало безвозвратно, лучше выпила бы...

МАРИЯ. Может быть, стакан протекает? Сухо...

РАИСА. Привидение?

ЛИДУШКА. Да иди ты же! Пугаешь...

РАИСА. А что, запросто, что привидение. Неотмщённые души бродят по родным и близким. Души людей, говорят, которые до смерти вели неправедный образ жизни и не отбывшие до конца свой жизненный срок, остаются на земле привидениями.

МАРИЯ. Теперь я налью, уж мне-то доверять можно.

РАИСА. Тем самым, они и живым не дают покоя, и сами маются, и засоряют атмосферу.

ЗОЯ (выбравшись из-под одеяла). Ау!

ЛИДУШКА, МАРИЯ и РАИСА (хором). Зойка! Напугала...

ЗОЯ. Вот, что я вам хочу сообщить, старушки-поскакушки. Аркаша, ваш кормилец, сразу после сороковин женится на мне. Так вот, видеть всех вас здесь я впредь не желаю. С настоящего, причём, момента. Вон. Ключи от квартиры — на стол.

СЕМЁН (выглядывает из-под одеяла). Что здесь? О, женщины мои воркуют, милые... С меня хватит. Пойду-ка я вон. (Исчезает под одеялом.)

ЛИДУШКА. Без куска же хлеба пожилых же людей оставляешь!?

МАРИЯ. Не надо, мама, ругаться.

РАИСА. Правильно, надо отбиваться.

МАРИЯ. Постойте все и помолчите! Что тебя так бесит, девушка? Я и моя мама не просим с Аркадия Аркадьевича милостыни, мы честно зарабатываем свой хлеб уборкой квартиры, помимо основных заработков. Раиса, так и вообще по полному женскому праву получает с него алименты за сорванные плоды любви.

РАИСА. Сказать нам всем, троим «вон» — полное бесстыдство.

ЛИДУШКА. Это же и наш дом тоже!

ЗОЯ. Симпозиум, на тему «Аркадий и его прошлое», окончен. Теперь я здесь поселилась и желаю жить единственной хозяйкой. Ни одна из вас не имеет права находиться здесь без регистрации. Вы кого предпочитаете: милицию или братков?. Очистить помещение, живо. Ау? Я сказала: вон.

ЛИДУШКА. Человек же не понимает, что сила-то же не в желаниях, а в коллективных действиях же.

МАРИЯ. Согласна.

РАИСА. Тёмную ей? По-стариковски.

МАРИЯ. По-нашенски, от всей души, по-женски.

ЛИДУШКА. Ходит же тут с ногами выше колен, как голая!

ЗОЯ. Нет же, нет, что вы надумали!?

РАИСА. Поотрывать ей еённые красивые ноги и что от крали оста-
нется?

МАРИЯ. Ничего.

ЛИДУШКА. Ату же её, дочери мои, ату!

Куча-мала из женщин скрывается под кроватью, оставив две ноги
Зои.

АРКАДИЙ (выбравшись из-под одеяла). Что случилось, ни одной на-
шей женщины не могу разыскать, куда все подевались... Сёма. Сёма, а
ты где?

СЕМЁН (выбравшись из-под одеяла). Здесь.

АРКАДИЙ. Зою не видел?

СЕМЁН. Здесь? Здесь, где я на самом деле?

АРКАДИЙ. Ноги, что ли? Точно! Узнаёшь, Зойкины ножки. Сколько
мужского народа они впечатлили насмерть, с ума сойти. Ты меня по-
нял? Понял-понял, Зойка — она о-го-го. Порассказали. И пропала не-
спроста, точно зависла с кем-то. Так что, не один ты остался с рогами.
Возьму и ноги, пусть лежат вместе с её руками. Мало ли, вернётся, бу-
дет искать, а я ей: опаньки, и ручки, и ножки, и рожки. Прощай, брат.
Сегодня твой последний день на земле, дальше только подземелье.
Ухожу и я отсюда, надоело мне здесь, с тобой. Зря мы с тобой братья-
ми оказались, будь не так, всё сложилась бы этак, по-другому. Быть
может, веселее, озорнее, быть может, скучнее, тоскливее, но главное
без тебя. Если бы ты знал, как мы надоели друг другу, и нет у меня к
обоим ничего, даже сострадания. Эй, ты где?

СЕМЁН. Здесь.

АРКАДИЙ. Где?

СЕМЁН. Здесь, где я на самом деле.

АРКАДИЙ. А, ну, бывай. (Забирается под кровать.)

СЕМЁН. Здесь сыро, зябко и гнилостно, что ли. Здесь, где я на са-
мом деле. Являешься сюда, и в тебя вбираются, гнусавят, зудят, расца-
рапывают ощущения дурного и, обыкновенно, трагического. Голова тя-
жела, невыносима, и хочется, в мусорной вазе, на углу, найти писто-
лет, чтоб стреляться с собою. Непременно, в висок. Тогда выстрел вы-

несет мозг, и в черепной коробочке станет свежо и чисто. Разве, что темно. Уж Бог с ним, со светом. Здесь сумеречно, горестно и душно. Снимаешь, лоскут за лоскутом, одежды. Сцарапываешь, маску за маской, пахнувший серой и дымом, свой карнавал. Стягиваешь, шкуру за шкурой, прожжённую и пропоротую оболочку. И застываешь. В единственном и последнем вечном мгновении. На пороге проёма неизбежного конечного пристанища, густо-синего в бордовых сполохах. Потом. Наполненный стужей и высотой, желаешь ступить. Непременно ступить! Выходит же просто шаг. Только шаг. Всего лишь шаг. Суетливый, мелкий. Не свершается поступь, комкается, рвётся на шажочки: точка-тире... точка-тире... правая нога то подворачивается, то вытягивается, и не выходит ровно, уверенно, достойно; не выходит. И не выходит.

ИВАН (выбравшись из-под одеяла). Саймон, слышь, я тебе гостинцы принёс.

СЕМЁН. Опять.

ИВАН. Не опять, а снова. Каждый раз, как рождаюсь. Да ладно, чувак, ты же мужик. Дашь?

СЕМЁН. Значит, так, переходим на деловые рельсы. Согласен?

ИВАН. Главное, не ехай на красный семафор, локомотив ты мой, и не переедь обоих.

СЕМЁН. Я буду давать без вопросов и возражений, в точно оговорённое время, а ты мне за это отдаёшь в личную собственность топор.

ИВАН. Топор-то тебе к чему!

СЕМЁН. К тому, что я тебе сдам его в аренду.

ИВАН. Мне же — моё же? Ловкач, трюкач.

СЕМЁН. Итак?

ИВАН. Да я у тебя и так всё возьму, что захочу.

СЕМЁН. Ты, помнится, пытался. Мало я тебя тогда отпинал?

ИВАН. Да уж, ноги ты наладил изрядно. Но я уже готов к такому противостоянию.

СЕМЁН. Тогда мы были один на один, а сейчас на моей стороне будет ещё и Теодор.

ИВАН. Ты ему тоже даёшь, что ли!?

СЕМЁН. Он такой же мужик, как и ты.

ИВАН. Так-то бы так, просто я думал, что в этом плане немцы толстокожее французов. Не ожидал, думал он кремень, а он тоже из кожи и меха, мужчина.

СЕМЁН. Итак?

ИВАН. Согласен. Давай.

СЕМЁН. Нет, сначала принеси топор.

ИВАН. Не доверяешь...

СЕМЁН. Доверяю. Но с ножом в ногах получается доверчивее.

ИВАН. Идёт.

СЕМЁН. Не идёт, Жан, а бежит. Короче, одна нога здесь, другая там.

ИВАН. А ты покажь, как это, весельчак.

СЕМЁН. Что?

ИВАН. Как это — одна нога здесь, другая там?

СЕМЁН. В философию вдарился? А ты много не думай, береги ум, для практической пользы пригодится, и вообще не размышляй. Ну, всё, я сказал — ты сделал.

ИВАН. Тиран. Повтори, ради смеха, как ты сказал? Чтоб веселее идти.

СЕМЁН. Одна нога здесь, другая там! (Пинает воздух, нога отрывается и улетает.) Нога! Моя нога! Жан, принеси, верни!

ИВАН. Ну, ты даёшь... У тебя что, все члены организма так непрочно растут или столько дури нажил?

СЕМЁН. Ваня, дорогой ты мой товарищ, пожалуйста!

ИВАН. Как же приятно слышать: Ваня... Перед внутренним взором встают берёзки, ивы над ручьём и целлюлозно-бумажный комбинат на Байкале. Я ж бумажник, инженер-наладчик. Эх, Родина. Ностальгия, блин, ностальгия! Спасибо, Сеня. Найду и принесу. Только в условиях сделки сделаем поправку на возврат ноги. Идёт?

СЕМЁН. Аминь.

ИВАН. Дай хотя бы глянуть на посошок, а? Изнемогаю! Я имею право!

СЕМЁН. Нет, Жан, ты знаешь, конституция конституцией, но законы, установленные мной на моей территории, она не отменяет. Иди уже, иди!

ИВАН. Да, Саймон, ты прав. Жди. (Уходит.)

СЕМЁН. Вот только не хватало мне ещё без ног зависнуть на необитаемом острове, караул!

ФЁДОР (выбравшись из-под одеяла). Саймон, слышь, я тебе гостинцы принёс.

СЕМЁН. Опять.

ФЁДОР. Не опять, а снова. Каждый раз, как рождаюсь. Да ладно, чувак, ты же мужик. Дашь?

СЕМЁН. Значит, так, переходим на деловые рельсы. Согласен?

ФЁДОР. Главное, не ехай на красный семафор, локомотив ты мой, и не переедь обоих.

СЕМЁН. Я буду давать без вопросов и возражений, в точно оговорённое время, а ты мне за это отдаёшь в личную собственность нож.

ФЁДОР. Нож-то тебе к чему!

СЕМЁН. К тому, что я тебе сдам его в аренду.

ФЁДОР. Мне же — моё же? Ловкач, трюкач.

СЕМЁН. Итак?

ФЁДОР. Да я у тебя и так всё возьму, что захочу.

СЕМЁН. Ты, помнится, пытался. Мало я тебя тогда отпинал?

ФЁДОР. Да уж, ноги ты наладил изрядно. Но я уже готов к такому противостоянию. Э, да у тебя одна нога!?

СЕМЁН. Зато на моей стороне Жан!

ФЁДОР. Да ладно, я пошутил, мы, немцы, народ правильный, уважаем не только конституцию, но и законы, и всякие-разные подзаконные акты, согласен. Но как ты умудрился ногу потерячь!?

СЕМЁН. Непонятно. Я сказал Жану примитивную шутку, правда, типа, грозно, пнул воздух, нога оторвалась и улетела, дура какая-то.

ФЁДОР. Да ладно! А что за шутка?

СЕМЁН. Одна нога здесь, другая там! (Пинает воздух, нога отрывается и улетает.) Нога! Моя нога! Теодор! Принеси, верни!

ФЁДОР. Очуметь...

СЕМЁН. Федя, ради бога!

ФЁДОР. Как же приятно слышать: Федя... Перед внутренним взором встают берёзки, ивы над ручьём и все атомные электростанции Сибири. Я ж электрик по специальности. Эх, Родина. Ностальгия, блин, ностальгия! Спасибо, Сеня. Найду и принесу. Только в условиях сделки сделаем поправку на возврат ноги. Идёт?

ИВАН (возвращается с обеими ногами Семёна). Эй, чья нога?

СЕМЁН. Моя!

ИВАН. Ещё одну решил отбросить? Думаешь, ящерица, новые отращишь?

СЕМЁН. Думаю, старые обратно вставить.

ИВАН. Ну, что, сосед, вставим ему? Или нет, давай, сначала полюбуемся. Так достало умолять этого сквалыгу.

ФЁДОР. Ну, не знаю, как-то не очень...

СЕМЁН. Ванька, так не по чесноку, так по беспределу! Федюня, не поддавайся, на провокацию!

ФЁДОР. А ты дашь до монтажа ног?

СЕМЁН. Не дам, сначала договор...

ИВАН. Чё, Федя, будем уговаривать или силой возьмём?

СЕМЁН. Да нет же, нет...

ФЁДОР. Да, Сенюшка, да. Я первый!

ИВАН. Давай, хором?

ФЁДОР. Давай.

ИВАН и ФЁДОР (хором). Ключ. Ключ!

СЕМЁН. Ой, да у меня для всех всегда всё нараспашку, пользуйтесь.

ИВАН и ФЁДОР (хором). Ура! Наша взяла! (Достают из сундука календарь, смотрят.) А! Кайф... Январь — чёрт с ним, хочется марта, а? Точно. Ооо... Восторг! Сентябрь? Точно-точно, сентябрь — то, что надо...

СЕМЁН. Ребята, вы же хотели только глянуть, потом уже подробности. Пожалуйста, вставим мне ноги, а?

ИВАН и ФЁДОР (хором). А? (Друг другу.) Ты хирург? И я не хирург. Не получится? Никак. И не надо. Скормим рыбам и — вся любовь?

СЕМЁН. Ребята, одумайтесь!

ИВАН и ФЁДОР (хором). Поздно. Потом досмотрим. Омочим Сеньку в океане!

СЕМЁН. Нет!

ИВАН и ФЁДОР (хором). Да, да, да. Эх, за руки бы да за ноги, да что осталось, то и есть. И раз, и два, и... три! (Выбрасывают Семёна с кровати.) И марш отсюда, марш, марш... (Скрываются под кроватью.)

СЕМЁН. Есть! Есть жизнь за кроватью, есть! Не надо меня есть! Больно же, больно! Хищники вы, стервятники... кусают, рвут... Нет, нет. Щекотно. Ласково как-то. Ха, это же волны. Ой, зырики! Да нет же, не зырики, звёзды в океане, звёздочки, звездинки! Созвездие зырика. Здрасьте!

ЗОЯ (выбравшись из-под кровати). Эй, плыви на восток, к новому пирсу, десяток кабельтовых, не больше.

СЕМЁН. Зоя?

ЗОЯ. Семён!

СЕМЁН. Родная, милая моя, что с тобой?

ЗОЯ. То же, что и с тобой.

СЕМЁН. Со мной? О, боже! Не может быть... И это всё?

ЗОЯ. О, это немало. Голова и позвоночник, что ещё надо человеку после ухода, согласись, так удобнее передвигаться в воде.

СЕМЁН. Соглашусь. Мы — позвоночные головастики! Или головастые позвоночники. Что за светящиеся точки на тебе, как фонарики?

ЗОЯ. Маячки. И у тебя тоже.

СЕМЁН. Кто мы?

ЗОЯ. Скоро кончится моя вахта, и поплывём к ответам вместе, не возражаешь?

СЕМЁН. Я не то что возражаю, я тебя обожаю!

ЗОЯ. Надо подкрепиться, ни рук, ни ног не требуется, там, за пирсом, молочная заводь с кисельными берегами. Ну, здравствуй.

СЕМЁН. Здравствуй, Зоя моя, здравствуй.

ЙОГАНАНДА-ЛАЙФ

драма

место действия: США

время действия: 20-е годы XX века

персоны:

ЙОГАНАНДА, 27 лет

МАРИЧКА, домохозяйка

ДЖОН

ХАВИ

БИЛЛ

ЭНН

ИДА

СЦЕНА 1. Вечер. Перекрёсток. Входит Маричка, с набитыми сумками.

МАРИЧКА. Ой, не знаю... Ой, не пойду тут... Ой, не знаю... Тут же ближе... Ой, не знаю...

Входит Йогананда.

ЙОГАНАНДА. Маричка!

МАРИЧКА. Нет, не я! Меня нет!

ЙОГАНАНДА. Маричка, не бойся, открой глаза, это же я, твой жилец.

МАРИЧКА. Какой жилец, где жилец... Йогананда!

ЙОГАНАНДА. Дай, помогу.

МАРИЧКА. Что? Как?

ЙОГАНАНДА. Сумки поднесу до дому. Маричка, успокойся.

МАРИЧКА. А я боюсь. Имею право! Есть у меня хоть какие-то права в этой стране, или одни только обязанности! Йоганандушка, миленький, как чудно, что ты подвернулся. На, неси, все руки болят. (Отдаёт сумки.) Никакой управы на бандюганов! Где полиция, я вас спрашиваю, когда мне надо напрямки, почему меня никто не бережёт!

ЙОГАНАНДА. Маричка...

МАРИЧКА. Всё-всё-всё, малыш, идём. Эй, куда? Ты собрался переулками? Да ни за что! Ты же понимаешь английский и не глухой, не знаешь, что ли, там бандиты террор устроили! Вся эта шантропа, нищоброды, работать не хотят, учится лень, одна радость людей грабить и убивать, да-да-да, и убивать!

ЙОГАНАНДА. Радость приносит только любовь и Бог, Маричка, успокойся, так намного ближе, идём, я рядом.

МАРИЧКА. Нет! Отдай сумки, иди, где хочешь, как хочешь, но без меня, сумки верни!

ЙОГАНАНДА. Пожалуйста.

МАРИЧКА (забрав сумки). И что, таки, пойдёшь напрямки?

ЙОГАНАНДА. Конечно, я всегда хожу здесь.

МАРИЧКА. Обиделся? Я же не со зла.

ЙОГАНАНДА. Я не помню, что значит обидеться, забыл.

МАРИЧКА. Ты, кажется, заплатил за комнату?

ЙОГАНАНДА. Конечно, за три месяца вперёд, как договаривались.

МАРИЧКА. Ну, тогда иди. Не жалко. Хотя нет, жалко, ты же хороший, и платишь исправно. Йоганандаушик, родненький, помоги донести продукты, в обход, пожалуйста.

ЙОГАНАНДА. У меня нет лишнего часа, прости.

МАРИЧКА. А ведь мог бы так хорошо поужинать, вкусно, а прямоком в руки бандитов да натошак, совсем уж дурь какая-то вредная. Чёрт с тобой, иди с Богом, а я поковыляла, как все нормальные люди, в обход. (Уходит.)

ЙОГАНАНДА. Славная женщина. (Уходит.)

СЦЕНА 2. Переулок. Входит Йогананда, его окружают вооружённые Хави, Джон, Билл и Энн, в масках.

ДЖОН. Стой.

БИЛЛ. Индюк.

ДЖОН. Не индюк, индус.

ХАВИ. Деньги, золото, камни! Чего пялишься!

ЭНН. Не ори, крыс распугаешь.

ЙОГАНАНДА (достав кошель). Вот, ребята, ради бога, всё, что у меня есть.

ДЖОН (забрав кошель). Давай. Он ещё улыбается, псих. Такой умильный терпила, как бутылка сиропа, сейчас слезу пустит.

БИЛЛ. Держи на мушке, обыщи его.

ДЖОН. Нет, пусть она, так интересней.

ЭНН. Я?

ХАВИ. Чего глаза таращишь, убрал быстро!

БИЛЛ. Не заводись на ровном месте, братан.

ХАВИ. А чего он зырит...

ДЖОН (Энн). Давай уже, сестрёнка, шевели похотливыми ручонками.

ЭНН. Я тебе не служанка, не стану.

ХАВИ. А по башке!?

ЭНН. Пристрелю.

БИЛЛ. Пристрелит, а я добавлю. А точно, пялится, как на девок, сейчас всех лобызать начнёт. Эй, индюк, ты в кого из нас так влюбился?

ЙОГАНАНДА. Вам деньги нужны, не от сладкой жизни люди идут в разбой, Билли. Я понимаю, Америка переживает трудные времена, я так сострадаю вам, ребята, от всей души!

ХАВИ. Рот закрой, урод!

ЭНН. Он нормальный.

БИЛЛ. Всё, пацаны, бабло взяли и гуляем отсюда.

ДЖОН. Согласен. Уходим.

ХАВИ. Нет.

ЭНН. Уговор попусту не мочить.

ХАВИ. Он нас знает.

ДЖОН. Мы же в масках, братишка.

БИЛЛ. И точно ведь, глядит как будто знает...

ЭНН. Пошли, пошли.

ХАВИ. Не твякай, схлопочешь. Я его грохну.

ЭНН. Не смей!

ХАВИ. Он нас сдаст.

ДЖОН. Без мокрухи, я сказал. Замётано, роём отсюда.

ХАВИ (вскинув пистолет). Заткнись.

ЭНН (выбив пистолет Хавиа). Нет!

ХАВИ. Дрянь! (Бьёт Энн.)

БИЛЛ. Не тронь её! (Нападает на Хавиа.)

ХАВИ (отбиваясь от Билла и Энн). Вдвоём на одного! Да я вас всех перемолочу...

ДЖОН. Всех не грохнешь. (Избивает Хавиа.) Вот так. Проверь, дышит, что ли...

БИЛЛ. Ты же можешь убить одним ударом, а тут два... Живой.

ЭНН (прощупывая пульс). Перестарался...

ДЖОН. Да ладно... Уносим.

ЭНН. Рука!

БИЛЛ. Точно, сломана.

ДЖОН. К лекарю.

ЙОГАНАНДА. Осторожнее несите, у него ребра сломаны, и лучше сразу в больницу.

БИЛЛ. Тебя не спросили!

ДЖОН. Уходим. Берись уже! А ты руку ему держи. Марш-марш-марш! (Уходит с Биллом и Энн, уносят Хавиа.)

ЙОГАНАНДА. Всё будет хорошо, будет. Насколько же мы, люди, нелепы. А сами, при том, Боги, не больше, не меньше. Зачем мы слепы, зачем глухи. Зачем треплемся, но не говорим друг с другом. Зачем темним, хотя любим свет. Зачем мутим чистую воду. Зачем рвём собственные души. Зачем губим мечты. Люди, зачем себя так не любить! Всё хорошо, хорошо. Только теперь без денег. А ведь они нам нужны, очень даже, ох, как нужны.

В переулок входит Ида.

ИДА. Добрый вечер.

ЙОГАНАНДА. Здравствуйте, девушка. Можете присоединиться, буду только рад вас проводить.

ИДА. Что-что ты сказал?

ЙОГАНАНДА. Я неважно знаю язык, простите.

ИДА. Понаехали.

ЙОГАНАНДА. А вы? Америка — страна понаехавших, разве нет?

ИДА. В точку. Это я могу тебя проводить, я здесь живу. Такой интелесный мужчина не должен пропасть в закоулках. Провожу, решено. Поняла! Чёрный, лупоглазый, красивый, сногшибательный. Ты — тот самый индус, который учит там чему-то запредельному, а сам ещё летает, исчезает, появляется.

ЙОГАНАНДА. Обращайся ко мне «Йогананда», так проще выговаривать, Ида, у нас, индусов, длинные имена.

ИДА. Ты меня знаешь?

ЙОГАНАНДА. Нет. Случайно вырвалось.

ИДА. Колдун. А ещё что можешь сказать? Давай-давай, если начал.

ЙОГАНАНДА. Ладно. Ты не случайный прохожий, ты задержалась дома и просто опоздала на стрелку.

ИДА. На стрелку!?

ЙОГАНАНДА. Разве не так вы называете ваши встречи?

ИДА. Кто это мы?

ЙОГАНАНДА. Отчаявшиеся молодые люди. Работы нет, учиться не на что, да и не хочется, ведь молодость не желает дисциплины, зубрёжки, душных зданий. Хочется вольницы. Не правда ли?

ИДА. Колдун.

ЙОГАНАНДА. Нет, я, по-вашему, учёный. Простите, мне надо идти, трудиться. Вы можете не искать друзей здесь, они спасают друга, несут к лекарю.

ИДА. Почему!?

ЙОГАНАНДА. Между ними произошло недоразумение, подрались.

ИДА. Кого?

ЙОГАНАНДА. Имен не знаю. Одного из парней.

ИДА. Но моё-то ты как-то же узнал!

ЙОГАНАНДА. Не сдержался.

ИДА. Ты можешь узнать о человеке всё, что захочешь?

ЙОГАНАНДА. Нет, я и себя-то не очень знаю, хотя продвигаюсь всё глубже в суть.

ИДА. Почему ты со мной не сдержался?

ЙОГАНАНДА. Впервые в жизни меня впечатлила женщина.

ИДА. Впервые?

ЙОГАНАНДА. Если не считать матери.

ИДА. Ты на меня запал?

ЙОГАНАНДА. Запал? Как это?

ИДА. Я тебе нравлюсь?

ЙОГАНАНДА. Очень.

ИДА. И ты хотел бы меня поиметь?

ЙОГАНАНДА. Как-как?

ИДА. Да всяко.

ЙОГАНАНДА. Ах, вот ты про что. Нет, спасибо, не надо. Чтобы закрыть тему, я — монах. И мне надо идти.

ИДА. Эй, так я красавица или просто интересная?

ЙОГАНАНДА. И то, и другое.

ИДА. Не ври.

ЙОГАНАНДА. Зачем.

ИДА. Сейчас темно.

ЙОГАНАНДА. Для меня темноты не существует, и тьмы нет. Впрочем, как и для вашей компании, как и для всего человечества.

ИДА. Подрались из-за тебя?

ЙОГАНАНДА. Они так подумали, но, на самом деле, я всего лишь оказался поводом, причиной же явилась ваша тяга к вольнице. Правда, слёту такие проблемы не осознаются. Но придёт взрослое время, и всё в вас переменится.

ИДА. Хорош мне мозги мутить! Давно они ушли?

ЙОГАНАНДА. Минут пять, не больше. Я пойду, а ты догоняй товарищей.

ИДА. Постой.

ЙОГАНАНДА. Мне уже очень пора.

ИДА. Лучше стой, колдун, или пристрелю, и суд меня оправдает. (Достаёт пистолет.)

ЙОГАНАНДА. Хорошо, постою ещё немного.

ИДА. Постоишь, сколько я прикажу.

ЙОГАНАНДА. Хочешь спросить, что с твоим пострадавшим другом? Я не знаю и знать не хочу.

ИДА. А ты узнай, колдун!

ЙОГАНАНДА. Нет.

ИДА. Даю пять секунд на правильный ответ.

ЙОГАНАНДА. Ты не выстрелишь.

ИДА. Я уже убивала!

ЙОГАНАНДА. Нет, не убивала.

ИДА. А тебя убью! Не пьялся на меня! Клянусь Богом, выстрелю!

ЙОГАНАНДА. Именем Бога убить невозможно.

ИДА. А я убью!

ЙОГАНАНДА. Не в этой жизни, Ида. И не сегодня. Мне предстоят великие труды, назначенные Богом, а я ещё только в начале.

ИДА. Никакой Бог не спасёт от пули!

ЙОГАНАНДА. Спасёт.

ИДА. Как!

ЙОГАНАНДА. Самому любопытно.

ИДА. Так узнаем! Умри. (Стреляет.) Осечка. (Стреляет.) Осечка!? (Стреляет.) Осечка... Не может быть...

ЙОГАНАНДА. Мы, с Богом, любим друг друга, что нам ваши пистолеты.

ИДА. Колдовство!

ЙОГАНАНДА. Бог с тобой, Ида. Мне так жаль, что ты всё же нажала на спусковой крючок. Ты ужесточила свою карму.

ИДА. Что-что?

ЙОГАНАНДА. Карма — это что-то вроде судьбы, только мудрее.

ИДА. Объясни!

ЙОГАНАНДА. Нельзя уяснить науку, походя, а философию на словах. Размышляй, работай. Ты же человек, рано или поздно ты поймёшь, что ты и есть Бог, просто лучше сделать это раньше.

ИДА. Что ты несёшь? Ты хоть слышишь, какую порежь чушь! Не желаю слушать, ты меня достал! Я просто хочу понять, что случилось с пистолетом!

ЙОГАНАНДА. Есть средство, чтобы понять и осознать всё в этом мире и сам мир. Достаточно остановиться и задать себе один простой вопрос. Самый важный, один-единственный. Спроси себя: кто ты есть. Бульжник, животное или человек.

ИДА. При чём здесь пистолет-то? Почему он не пальнул? Эй, я знаю, кто я.

ЙОГАНАНДА. Убийца?

ИДА. Кто! Я!? Нет...

ЙОГАНАНДА. Тогда зачем тебе пистолет?

ИДА. Да нет же, нет. Ты не так понял...

ЙОГАНАНДА. Или люди — это стадо животных, порождённое убивать друг друга?

ИДА. Да! Так получается!

ЙОГАНАНДА. Но я же тоже человек и в убийстве не нуждаюсь. И живу в том же районе того же города той же страны, где ты. В одно и то же время, в одну и ту же эпоху. Мне пистолет не нужен. Он не нужен и тебе. Тем более, что в меня он не выстрелил и не выстрелит никогда.

ИДА. Но почему, чёрт побери!

ЙОГАНАНДА. Я же уже объяснил, потому что мы, с Богом, любим друг друга.

ИДА. Ещё скажи, что ты его видел.

ЙОГАНАНДА. Да. Ты прекрасна, Ида, поверь, я очарован тобой. Прошу, задай себе этот вопрос.

ИДА. Какой? Кто я?

ЙОГАНАНДА. Да, именно так. Ответ ищи, сколько понадобится, не жалея жизни, она бесконечна. Прощай. (Уходит.)

ИДА. Пальнуть бы тебе вдогонку. Вот так. (Выстрел.) Что!? Почему ты не выстрелил, когда я хотела!? Колдовство! Бог мой... Чёрт-те что! Кто я, кто я... Никто. Никакушка.

Входит Энн.

ЭНН. Свои! Не стреляй!

ИДА. Не слепая.

ЭНН. Чего палишь?

ИДА. Так вышло.

ЭНН. Я за тобой, бешеная.

ИДА. Не я, пистолет взбесился! Хотела по индусу пальнуть, раз пять, и все разы — осечка, а тот ушёл, он сам по себе бабахнул, я даже до крючка не дотронулась. Такое колдовство творилось, ты только видела бы, просто обалдеть.

ЭНН. Говорила со страшилой?

ИДА. Индус — красавец, мозги сносит.

ЭНН. Хави отнесли к лекарю, тот сказал, чтоб немедленно отправили в больницу. Похоже, дело швах.

ИДА. Да что случилось-то!?

ЭНН. Любишь ты ужасики. Я про индуса. Всё из-за него. Мы его окружили, а он вылупился на нас таким взглядом, что даже Джона проняло, чего уж говорить про нас с Биллом. Нате, говорит, кошель, вам нужнее. Чёрт меня возьми, он глядел на нас с любовью. Сразу не врубилась, просто ошалела от взгляда, а покуда Хави тащили, в мозгу прокручивала, вспоминала, точно любовь. Но это темень, я думаю, освещение тусклое, показалось.

ИДА. Я с ним была, чуть не нос к носу. Это любовь.

ЭНН. Да куда там, на парней-то он зырил так же, тем же.

ИДА. А Хави?

ЭНН. Мы решили отвалить, а этого монстра перемкнуло, решил мочкануть индуса. Я — против, Хави мне чуть не вмазал, мой Билл, ясно-дело, заступаться, и тут Джон... Из-за тебя они точно когда-нибудь угробят друг друга.

ИДА. Так это Джон избил Хави?

ЭНН. Метелил коротко, но чётко, рука сломана, рёбра, и без сознания. Слишком долго в отключке, лекарь сказал, что вряд ли очнётся.

ИДА. Что он понимает, надомник! Я — к Хави, где он?

ЭНН. Как всех нас, не знаешь, что ли, в дармовую помойку. Не стоит, Ида, светиться, ему не поможешь, а там мусора...

ИДА. Я пойду. (Уходит.)

ЭНН. Приходи потом на хазу! Завязывать надо, пора. (Уходит.)

СЦЕНА 3. Утро. Притон. Билл за столом раскладывает деньги, ценности. На диване спит Джон. Входят Ида и Энн.

БИЛЛ. Спит.

ДЖОН. Дремлю.

БИЛЛ. Как Хави?

ЭНН. Никак. Дерьмово. Не помню слово точно, когда ни здесь, ни там...

БИЛЛ. Кома, кажется.

ДЖОН. Между небом и землёй. Всю ночь в больнице? Ида, тебе говорю.

ИДА. Убийца. Бей своих, чтобы чужие боялись?

БИЛЛ. Началось...

ЭНН. Продолжается. Я всё утро её слушаю.

ДЖОН. Не хотел я, так вышло.

ИДА. Хотел.

ДЖОН. Надо было как-то успокоить, три удара-то всего. Идуля, правда, случайно.

ИДА. Врёшь.

БИЛЛ. И правда, у чувака рука набита, вот и попал по адресу.

ЭНН. Как делится?

БИЛЛ. С деньгами — как доктор прописал, побрякушки и рыжьё куда отдельно, через час сдам, барыга ждёт.

ДЖОН. А это что?

БИЛЛ. Кошель индуса.

ДЖОН. И?

БИЛЛ. Рука не поднимается.

ДЖОН. Не врубаюсь.

БИЛЛ. Сам вскрывай, доставая, дели, я не могу. Буквально рука бессильна!

ДЖОН. Чего-чего?

БИЛЛ. Ну, вот, руку протягиваю, а она падает без сил, рядом.

ИДА. Колдун чёртов.

БИЛЛ. Точно Энн говорила, что пистолет трижды дал осечку?

ИДА. Правда.

ЭНН. Я тоже не стала бы возиться с этими бабками. Не все тут такие чувствительные, как мой Вилли, но я как вспомню его взгляд, просто немею. Столько любви.

ДЖОН. Какой, на фиг, любви, Энн!

БИЛЛ. Она про меня...

ИДА. Про индуса. Только об этом и бурчит.

ДЖОН. А ты?

ИДА. Понимаю её. Ненормальный он, не земной человек, не наш, верняк.

ЭНН. Его грабят, могут застрелить, а он бандитам сочувствует. Я сейчас таких взглядов в больнице насмотрелась, особенно мамочки с большими детьми. Ужас.

ДЖОН. Да ладно, рассопливились! Индюк испугался и, чтобы не пришли, сам отдал кошель и — всё. А пистолет просто сломан, замени и пуляй по всем, сколько хочешь, хоть по колдунам, хоть по святым, все одним миром мазаны. Билл, мне, что ли, считать?

БИЛЛ. Ты главный. А я предложил бы вернуть.

ДЖОН. Что!? С дуба рухнул!? Я даже придумать такое не смог бы! Вот же вы, германцы, сказочники! Ты ещё всплахни. Чувак, определись уже, ты или американский Билл, или сусальный Вилли. Я должен быть уверен, с кем иду на бой, кто мне спину прикрывает, из дерьма вытаскивает...

ИДА. А в тебе-то самом можно быть уверенным?

ДЖОН. Ты на кого рот открыла!

ИДА (выхватив пистолет). Вот он, тот самый, ствол! Хошь проверить, даст осечку?

ЭНН. Ида! Прекрати!

ДЖОН. За любимого своего латиноса мстить собралась? Да на, вот моя грудь, не промахнись только, потому что я тебе потом покажу, что значит настоящий американский парень в гневе!

ИДА. Ах, ты сволочь...

ЭНН. Идочка, нет!

БИЛЛ. Ида! Пожалуйста, не стреляй. Перебьём друг друга, а толку? Зачем было столько людей лишать последних денег, даже жизнью, чтобы сдохнуть от собственной дури перед кучей денег? Ида, успокойся, ради всего святого!

ЭНН. Идуля, хорошая моя, дай ствол, не бери грех на душу, не казни себя, никого не казни, не надо, хватит уже, хватит крови, слёз, боли хватит!

БИЛЛ. Энн, что ты...

ЭНН. Нам пора разбежаться. Всё! Дошли до ручки. Здоровые, молодые люди, гробим людей, сами не живём по-людски и другим не даём. Мало награбили, что ли? Да каждый уже может себе жильё купить, образование, да что угодно, и существовать уже по-человечески! С семейными обедами, с дружескими уикендами, со святыми праздниками, едрёна мать, человеки мы или звери!? Не хочу больше вас никого видеть. И ничего мне от вас не надо. Всё! Прощайте! Навсегда! (Уходит.)

БИЛЛ. Так, я забираю наши, с Энн, доли, и побежал за ней. Не парься, Джон, просто она устала, женщина же, да ещё французская, надо понимать и принимать, какая есть, другой такой нет. Успокоится, и всё вернётся на круги своя. Какие, на хрен, из нас люди, обыкновенное хулиганье с окраины большого города. Из того кошель я не возьму, и Энн не станет. Хотите, верните индусу, хотите, пустите на лечение Хави. Он наш брат, как-никак. Кровный. И сами уже помиритесь. Ну, а если перестреляетесь, что ж, увидимся на том свете, небось, на одной сковороде будут нас жарить и в хвост, и в гриву. До вечера, как всегда. (Уходит.)

ДЖОН. Ида...

ИДА. Я тоже пойду.

ДЖОН. Да, сорвался я. Из-за индуса, чёрт бы его. Да нет, из-за тебя. Если ты в больницу, могу пойти с тобой. Попрошу прощения у Хави, мы же, на самом деле, братья. Братья и сёстры.

ИДА. Он не услышит.

ДЖОН. Услышит, если захочет. Забери этот треклятый кошель, радость моя. Билл прав, надо пустить эти деньги на лечение.

ИДА. Впустую. Доктор сказал, Хави не вернётся.

ДЖОН. А вдруг! Некоторые возвращаются, говорят. Всё равно, деньги индуса какие-то ненормальные, ну, их. Да вернётся он, я уверен, вернётся. И будете вы вместе, может быть, даже обвенчаетесь, родите детей, внуков. Господи, я так люблю тебя, так люблю, что сам сейчас поменялся бы местами с Хави...

ИДА. Долю мою забираю. И кошель. Да, я сначала домой, потом в больницу.

ДЖОН. Возвращайся, родная...

ИДА. Джон. Я всегда любила тебя и только тебя.

ДЖОН. Ида!

ИДА. Стой! Не трогай меня, не подходи! Но лучше я останусь с мёртвым Хави, потому что он, хоть и бешенный, но мужчина. Настоящий. С пониманием ко мне, с уважением. Он реальный человек.

ДЖОН. Но с любимым остаться ты отказываешься!?

ИДА. Да. Потому что ты истукан. Скала. Булыжник. Прощай. (Уходит.)

ДЖОН. Нет! Ида! Стой! Бестия! Шибанутая бестия! Ничего не прощай, я найду на тебя управу, ты будешь со мной, а не с ним, будешь!

СЦЕНА 4. Пансионат. Маричка прибирает в столовой. Входит Йогананда.

МАРИЧКА. Так ты здесь? Припозднился сегодня. Кушать будешь, как мужчина, или только позавтракаешь?

ЙОГАНАНДА. Сегодня я такой вымотанный, что даже от твоего великого борща с утра не отказался бы.

МАРИЧКА. С галушками?

ЙОГАНАНДА. Вот-вот. А что есть?

МАРИЧКА. Нету, вчера же щи были. Будешь?

ЙОГАНАНДА. А что, вполне.

МАРИЧКА. Легко, один момент. Ох, и повезло же моим жильцам, что у них такая сердобольная хозяйка, другая давно бы на самообслуживание питания перевела бы, а плату изымала бы, как на полном пансионе. Чего ты лыбишься? Да, я такая, себя не похвалишь, другие смолчат, а с утра человеку доброе слово очень даже в жилу. На обед сделаю борщ. Не переживай, малыш, направление твоей желудочной мысли ясно, сейчас заполним, как надо. Неужели ты будешь на обед? (Собирает на стол.)

ЙОГАНАНДА. Нет. Уезжаю надолго.

МАРИЧКА. С собой соберу корзинку. Ты же оплатил три месяца за комнату!

ЙОГАНАНДА. Ничего, посмотрим, как сложится. Через неделю-другую станет понятно. Тогда к тебе придут от меня посыльные, разберётся.

МАРИЧКА. Что за непонятки такие?

ЙОГАНАНДА. Для меня запланировано несколько лекций в университете. Возможно, получится длинное турне, по всей Америке.

МАРИЧКА. Так ты ещё и образованный!?

ЙОГАНАНДА. Не жалуюсь.

МАРИЧКА. Правильно, жаловаться для мужика последнее дело. Образованный, а такой бедный.

ЙОГАНАНДА. Я не бедный. Я из состоятельной семьи. Я люблю родину. И за тридевять земель прибыл не ради любопытства. Бабаджи повелел поведать миру о Крия Йоганандае, о том, что Бог жив.

МАРИЧКА. Зашёл на огонёк и повелел.

ЙОГАНАНДА. Я не бедный. Радость — вот моё богатство. Радость разлита по всему миру, по всем Вселенным. Милая Маричка, страдания и бедность не от Бога, они от нас самих.

МАРИЧКА. Хочешь сказать, я сама себе устроила мою долю? И войну затеяла, и супруга на тот свет спровадила, и деток по свету разбросала?

ЙОГАНАНДА. Бог нас любит и потому не мешает жить, как нам хочется. Мы, люди, есть Божьи дети, и потому сами творцы. И мы сами творим то, что творим, и если мы слепы, то не потому, что у нас нет зрения, а потому, что мы не хотим смотреть. Не хотим слышать. Не хотим знать. И опасаемся радости, за улыбку подаяния не получишь. Бог не подаёт.

МАРИЧКА. Кто бы сомневался.

ЙОГАНАНДА. Он уже всё дал, ещё до нашего рождения. Он ждёт наших улыбок.

МАРИЧКА. Ой, да за ради бога, вот моя улыбка!

ЙОГАНАНДА. Каждый из нас — это улыбка Бога, Его любовь, Его радость. Он нас ждёт дома. И дождётся потому, что Он наш отец, а мы Его дети, все, до единого, без разбора.

МАРИЧКА. То есть, там только рай, а как же преисподняя?

ЙОГАНАНДА. Прийти к Нему мы должны сами, по собственной воле, по собственному разумению. Мы рождены свободными людьми, и потому Богу не нужны рабы, Он ждёт возвращения детей.

МАРИЧКА. Чудны дела Твои, Господи, в нашем странном мире. Всё будет. Долго тебе ехать? Может, собрать две корзинки?

ЙОГАНАНДА. Понятия не имею, кассир скажет, когда приобрету билет.

МАРИЧКА. Билет-то адрес имеет?

ЙОГАНАНДА. Лос-Анжелес.

МАРИЧКА. А чёрт его знает, как туда добираться. Садись, кушай, приятного аппетита. Брынзу можешь есть всю.

ЙОГАНАНДА. Благодарю. В Лос-Анжелесе меня когда-то похоронят. Как вкусно! О, да...

МАРИЧКА. А то. Как я люблю твои байки, Йоганандушка, ты себе не представляешь. Только у меня не укладывается, ты такие травишь божественные байки, а при этом лекции преподаёшь аж в университете!

ЙОГАНАНДА. Мои божественные байки — это не рассказы, милая Маричка, это наука, которая называется Крия-Йога.

МАРИЧКА. Ну, то, что Йогананда, Йоганандушка, я давно уяснила, а то, что она кривая, так это и к бабке не ходи.

ЙОГАНАНДА. Не криво, а Крия!

МАРИЧКА. Ой, да как скажешь, сынок! Я ж не хотела обидеть! Пусть будет так, как говоришь, я же не индуска, имею право не понимать?

ЙОГАНАНДА. Конечно, а так же имеешь право понять.

МАРИЧКА. Брось, я не девчонка, мне по-американски научиться бы толком балакать, чтоб выжить и протянуть до смерти в приличном упитанном виде.

ЙОГАНАНДА. Я тебя не агитирую, тем более, что ты христианка, а это почти то же самое, что и моя Крия Йога.

МАРИЧКА. С ума-то не своди!

ЙОГАНАНДА. При том, что моя наука, как всякая наука, не имеет отношения к религии, потому что она есть наука.

МАРИЧКА. Ой.

ЙОГАНАНДА. Проще говоря, то, что Бог есть, это не гадание на ромашке «верю — не верю», но это научный факт.

МАРИЧКА. После завтрака за билетом пойдёшь или сразу поедешь?

ЙОГАНАНДА. За билетом. Мне ещё плату строителям вносить, сегодня последний день, надо успеть до одиннадцати.

МАРИЧКА. Может, вместе пойдём, я на ферму хочу съездить.

ЙОГАНАНДА. Видишь ли, я не знаю, в котором часу выйду, мне надо денег дожидаться, должны принести. Объедение!

МАРИЧКА. Кто тебе деньги даёт, чтоб строиться! Вроде бы не пашешь, не жнёшь, не воруеть, живёшь, мягко говоря, не в хоромах, каждый цент на учёте, а вот на тебе: сейчас принесут! Мне, например, никто не приносит.

ЙОГАНАНДА. Я строю духовный центр, не личную усадьбу, от чистого сердца, по велению Маха Аватара Бабаджи, как же не быть деньгам, они должны быть.

МАРИЧКА. Маха Баба...

ЙОГАНАНДА. Маха Аватара Бабаджи. Таково имя Бога.

МАРИЧКА. Ишь ты. Понятно. А по-американски, как будет?

ЙОГАНАНДА. Так и будет.

МАРИЧКА. Ладно. А у него банк свой, что ли, у твоего Бога?

ЙОГАНАНДА. Нет, конечно, Богу деньги не нужны, ему нужны наши труды на благо человека. Просто Бабаджи на всякий час знает человека, который в состоянии обеспечить необходимую сумму. Впрочем, вчера я просил о помощи не его, а Божественную Мать.

МАРИЧКА. Ты мне мой чистый ум не засоряй чужестранными именами, всё равно не запомню. Просто любопытно. Вот ты сидишь, без гроша в кармане, просишь с вечера у Бога или его божественной родственницы денег, пусть на благое дело, и утром получаешь запрошенную сумму?

ЙОГАНАНДА. Как-то так.

МАРИЧКА. И выплаты планируешь таким образом, и командировки?

ЙОГАНАНДА. Маричка, помнишь себя в колыбельке?

МАРИЧКА. Что я похожа на ненормальную! Нет, конечно.

ЙОГАНАНДА. А из моей памяти ещё не исчезла унижительная младенческая беспомощность. Я обиженно ощущал свою неспособность ходить или свободно выражаться. По мере осознания собственного бессилия во мне поднимались молитвенные волны. Моя насыщенная эмоциональная жизнь приняла тихую форму слов на многих языках. Среди внутренней языковой путаницы моё ухо постепенно привыкало к бенгальским словам окружавших меня людей. Какая удивительная направленность младенческого ума! Но взрослые сужали её до игрушек и пальцев на ногах.

МАРИЧКА. Йоганандушенька, агушеньки! Йоганандуня, ку-ку, ты, где витаешь?

ЙОГАНАНДА. Я безмерно благодарен тебе, Маричка, за хлопоты и заботу обо мне, поверь, я в долгу не останусь. Просто хотел рассказать тебе немного о тебе. Видишь ли, мы, с тобой, отчасти земляки.

МАРИЧКА. Всё, двинулся. Йогананда, ты кончай мне тут погонять...

ЙОГАНАНДА. Не бойся. В одной из прошлых жизней мы уже встречались. Сейчас ты Маричка, родом с Карпатских гор, гуцулка, верно?

МАРИЧКА. Матерь Божья, откуда тебе знать...

ЙОГАНАНДА. Выдали тебя замуж за скорняка Дмитра из Покуття. Трое детей, все девочки. Великая война смерчем выкорчевала тебя с мужем из родной земли и выгнала за океан.

МАРИЧКА. Най тэбэ шлях трафеть! Я ж не говорила никому! И нынче там бесы пляшут гопака, ничего, дождусь когда отпляшут, и я вернусь домой. Может, кто жив.

ЙОГАНАНДА. Муж твой умер в Канаде, куда вы прибыли сначала. Ты перебралась в Америку. А сто лет назад, с небольшим, я жил кобзарём. Ты ведь знаешь, что кобзари не только слагают песни и поют, передавая каждому новому поколению древнюю мудрость о безначальности и бесконечности этого мира. Они ещё священники, а значит, и лекари.

МАРИЧКА. Язычники, да, точно, только я не украинка, я гуцулка.

ЙОГАНАНДА. Понимаю, но это теперь, ведь и я перед тобой не кобзарь. Я ж сразу сказал, что мы почти земляки. Одна тысяча семьсот девятой год. Чуть более двухсот лет. Бродяжья планида кобзаря привела меня в стан гетмана Мазепы. Слыхала про такого?

МАРИЧКА. Ну, ясное дело, исторические факты от народа не спрячешь.

ЙОГАНАНДА. Во время боёв под Полтавой, я помогал врачевать. Гетман держал сторону шведского короля, и мне приходилось выхаживать шведов. Принесли как-то юношу, ординарца самого Карла Двенадцатого, которому собственные врачи хотели ампутировать обе ноги. Но отец того юноши, генерал, по-моему, граф, или барон, не помню точно, прослышал обо мне и отправил наследника ко мне. И я выходил тебя, Густав. Ты остался на ногах и, несмотря на жестокое поражение наших войск, ты вернулся домой героем.

МАРИЧКА. Стой-стой. То есть, я мало, что была шведским графом так ещё и мужчиной?

ЙОГАНАНДА. Точно так.

МАРИЧКА. Не, ну пусть графство, пусть шведское, не возражаю. Но мужчиной! Йоганандуня, малыш, я понимаю, когда меня имеют, я с малолетства привыкла и даже не возражаю, особенно с возрастом, но чтоб я самолично пребывала мужиком!.. Да что ж я зверь какой, что ли.

ЙОГАНАНДА. Весёлая ты, озорная.

МАРИЧКА. А ты, значит, был кобзарь. Так точно?

ЙОГАНАНДА. Да.

МАРИЧКА. И ты даже можешь что-то спеть по-нашему?

ЙОГАНАНДА. Нет, конечно. Во всяком случае, не влёт. Но если целенаправленно подготовиться, войти в то состояние, то, конечно, смогу.

МАРИЧКА. Обожаю тебя! Йоганандуня, в жизни не встречала такого сказочника наяву! У нас был такой Микола Васильич Гоголь, тот тоже врал так, что летишь и улетаешь! Хоть и по чужестранному, но как на родном языке, чудно и так ласково... Эх, Йога-Йога, неужели ты веришь в ту чепуху, что мне только что наболтал? Верит ведь, верит. Ну, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Входит Ида.

ИДА. Доброе утро.

ЙОГАНАНДА. Здравствуй, Ида.

ИДА. Тебя не сложно разыскать, оказывается. Я к тебе с просьбой...

ЙОГАНАНДА. Хорошо, я навещу его.

ИДА. Что?

ЙОГАНАНДА. Я навещу Хавьера, но не сейчас, чуть позже. Мне надо срочно выходить, дела.

ИДА. Ты понял меня так сразу. Значит, я не ошиблась в тебе.

ЙОГАНАНДА. Но я не хочу влиять на него, а ситуация, согласишься, для Хавьера непростая, и, узнав, где он и что с ним, он может счесть себя должником за спасение. Ничего подобного мне не хочется. Он сам должен сделать выбор.

ИДА. Ничего не понимаю...

ЙОГАНАНДА. Я навещу его не в больнице, ведь он без сознания. Так?

ИДА. Да... но я думала, что ты придёшь в палату, не знаю, там пошепчешь заклинание или молитву, не знаю, чем ты там орудуешь, и вернёшь его к жизни.

ЙОГАНАНДА. Нет, Ида. Я хочу выслушать его и, возможно, захочу пообщаться. Для этого мне придётся навестить Хавьера в астральном плане.

ИДА. Это... это... это где!?

ЙОГАНАНДА. Если вернётся, расскажет, если пожелает остаться там, то я настаивать не стану. Каждый человек сам, по собственному выбору, управляет своей жизнью. Жизнь одна, она бесценна, и потому никто не вправе лишать человека свободы выбора. Смертей — да, смертей у каждого много, а жизнь одна.

ИДА. Я... я — в шоке.

ЙОГАНАНДА. У меня нет времени разьяснять, я уезжаю в Лос-Анжелес, возможно, не вернусь сюда. В дороге время будет и я встречу с Хавьером.

ИДА. О, боже...

ЙОГАНАНДА. Потом навещу тебя. Во сне. В твоём сне.

ИДА. Так, разве, можно?

ЙОГАНАНДА. Ну, сейчас начало двадцатого века, научно-технический прогресс далеко ещё не на том уровне, когда можно будет связываться друг с другом по телефону...

ИДА. По чему!?

ЙОГАНАНДА. Всё, красавица, закругляемся. Ты пришла с просьбой, я её исполню. Об исполнении доложу. Мне нужно, как можно скорее, кончить дела и отправиться в путь. Если же ты, всё-таки, хочешь понять или даже осознать то, о чём я тебе сейчас говорил, то обратись

вот по этому адресу, держи визитную карточку. Если не захочешь, не обращайся, и продолжай жизнь по своему усмотрению. Вспомни, с чем ты ещё пришла ко мне.

ИДА. Ах, да! (Подает кошель.) Никто из нас не посмел прикоснуться к твоим деньгам. Ну, да ты сам всё знаешь, так ведь?

ЙОГАНАНДА. Не всё, но многое. Благодарю, Ида. Если пожелаешь, можно занять мою комнату здесь, в пансионате Марички, три месяца независимости, крыша над головой, трёхразовое питание в твоём распорядке. Маричка, не возражаешь?

МАРИЧКА. Ой, люди добрые, я здесь наяву, разве, мне тут всё не снится?

ЙОГАНАНДА. Не поверишь, снится. Жизнь есть сон, точнее, сновидение. Пожалуйста, обустрой девушку, она хорошая. Очень.

МАРИЧКА. Да не морочьте вы мне оба голову! Йога, ну, ты... ну, ты даёшь...

ЙОГАНАНДА. Главное же, Ида, побудешь наедине с собой. Редкая возможность, и самая-самая важная в жизни человека. Наедине с собой — это круто! Прощайте. (Уходит.)

ИДА. С ума сойти.

МАРИЧКА. Жаль, уехал. Бывало, как замантрючит свои молитвы, так у меня ни мигрени, ни насморка, все болячки прячутся.

ИДА. Кто он?

МАРИЧКА. Учёный, говорит, а глаза хитрющие. Ладно, будем дальше жить как-нибудь. Я так вижу, мне придётся готовить тебе отдельный кошерный стол?

ИДА. Я американка.

МАРИЧКА. Гора с плеч, эти ребята мечут всё подряд. Остаёшься?

ИДА. Не знаю.

МАРИЧКА. Подумай, конечно, я отойду, мимо меня в моём доме не пройдёшь. И заявляю я тебе со всей моей шведской прямоотой, оставайся, не дури, Йогананда плохого не посоветует.

ИДА. Ты шведка?

МАРИЧКА. А то. Я бы даже сказала, шведский граф.

ИДА. Как?

МАРИЧКА. Да так как-то. Шведская мужчина. С этим Йоганандой не жизнь, а какой-то абсолютный, прошу прощения, трындец. (Уходит.)

ИДА. Да я не за плохое об индусе думаю, как раз, за хорошее. Ну, и что тут думать... Подумаешь! (Уходит.)

СЦЕНА 5. Астрал. Здесь Хави. Появляется Йогананда.

ХАВИ. Эй. Хоть кто-то. Эй... Эй! Привет. Что тут за порядки, никто даже здарсьте не скажет. Как сам? А у меня непонятки. Скалы, пески. Тут такая была, прикинь, скромная, покуда я, значит, с другой, брюнетка, а та, значит, блондинка, ну, вот. С рыжей не пошло, характеры, что ли, и вдруг с обрыва, как побегу... Ноги в песке. Вот, ты понял, сразу, только подумай про обрыв, сразу песок. Как сам?

ЙОГАНАНДА. В детстве я часто уединялся на чердаке и медитировал. Обожаю эту игру! Садись в позу лотоса и уходишь с гимном. Вот так...

ХАВИ. Со всех сторон одни, другие, и все мимо кассы. Так та брюнетка, покорная, как влюблённая в меня, ложится, как я люблю, а у неё хвост. Ты понял? Только что не было, и на тебе. Не, не длинный, типа крысиного, а такой пушистик на весь зад с поясницей. Как сам?

ЙОГАНАНДА. Многие подшучивали, другие насмехались. Родители считали, что медитация не должна мешать учёбе. Старший брат почти издевался. Прислуга видит такое отношение, ну, и тоже — кто втихую, кто в открытую. Особенно повар.

ХАВИ. Сижу в пещере, как пришитый, а там, я же вижу, выход, никак не переступить. Не хочешь жить, выбирай, пырнуть или забить, как пожелаешь?

ЙОГАНАНДА. Я несколько дней терпел, потом строго сказал повару, чтоб тот прекратил. А я вспыльчив был, вспыльчив до умопомрачения. А повар старше меня, больше, его никто не осаживает, наоборот, говорит, пожалуюсь родителям, что уроки не учишь. Меня аж захолонуло, совсем же пацанчик, хватъ повара за руку и приставил её ладонью к стене. Повар её отдирать, а не получается, как прилипла, а через мгновения сообразил, что всё его тело парализовано. Энергии во мне с рождения было с избытком, а благодаря регулярной медитации, она просто поглощала меня. Я ж маленький. Повар взмолился о пощаде. Нет, говорю, час простоишь припечатанным к стене, чтоб уяснил. Суровый оказался урок.

ХАВИ. Повар сдох? Предки выпороли?

ЙОГАНАНДА. Ничего подобного. Я сжалился, сказал, чтоб он больше не смел глумиться над святым. Я, видишь ли, погружаясь в медитацию, иногда общался с Богом. Повар уяснил, погас как-то, вскоре вовсе пропал. Сила одного человека — не повод для того, чтобы гасить другого. Наоборот. (Исчезает.)

ХАВИ. Кто я? Слышь, кто я? Знаешь? Эй, ты где? А поговорить... Опять один торчи тут, думай. Опять про себя, о себе. В тюрьме я, что ли. Как сам? Как сам... Как сам!

СЦЕНА 6. Притон. За столом Энн делит деньги. На топчане лежит Билл.

БИЛЛ. Ты точно решила вернуться?

ЭНН. Всё, я сделала это! На троих делить вкуснее, чем на пятерых. Да, Билли, я хочу домой, в Прованс. Купить виноградник и жить себе припеваючи.

БИЛЛ. Пританцовывая. Желаеть танцануть напоследок? Расшаркаться с притоном навсегда, а?

ЭНН. Хави ещё позавчера выписали, а к нам ни ногой. Давай чарльстон!

БИЛЛ. Говорят, те, кто пролежал в коме, на том свете могут оказаться, типа на экскурсию. А там шантрапе, вроде нас, сладко не покажется.

ЭНН. Идешь?!

БИЛЛ. Да не умею я твои дрыгалки, лучше потопчемся в обнимку...

ЭНН. Я не шантрапа! И я желаю чарльстон.

БИЛЛ. Без тапёра?

ЭНН. Голоса нет, что ли! Погнали! (Танцует с Биллом.)

Входит Хави.

БИЛЛ и ЭНН (хором). Хави!

ХАВИ. Лихо это вы ногами заворачиваете. Можно с вами?

БИЛЛ. Третий лишний.

ЭНН. Или я не француженка!

ХАВИ. Виноват. Ида где?

ЭНН. Билл, танец — не церковь и даже не постель, не ревнуй. Танцуй, давай, не выпендривайся. Ида нас бросила. Погнали, Хави!

ХАВИ. Амэн. (Танцует с Энн и Биллом.)

Входит Джон.

ДЖОН. О-ба-на, какой балет! Всем привет. Я с вами. Эй, чего перестали?

ЭНН. Я же сказала, разбираем доли и — врассыпную, без паузы. Перепроверишь?

ДЖОН. С возвращением, Хави.

БИЛЛ. Чувак Иду ищет.

ЭНН. Что она вам, блоха, что ли, чтобы искать. Джон, считай.

ДЖОН. Хави, я виноват в твоей болезни. Прости, брат, не нарочно я.

ХАВИ. Ладно, у вас тут расчёты, не буду мешать.

БИЛЛ. Деньги нужны? Скажи, сколько...

ХАВИ. Не надо. Я на работу устроился. На стройку. Пока рёбра не срослись, метельщиком побуду, пригляжусь, разберусь. Спасибо, ребята, за всё, что было. За грехи тоже, без них жизни не бывает.

ДЖОН. Хавьер, простишь?

ХАВИ. Значит, Ида не с вами. Ясно. Пока. (Уходит.)

ДЖОН. Думаешь, стану пересчитывать, в связи с нашим расходом? Нет, ребята, я вам, как доверял, так и верить буду до гробовой доски. Одна просьба. Расходимся, значит, расходимся, никаких проблем. Просто прошу вас помочь мне в последнем налёте.

БИЛЛ. Нет! Всё!

ДЖОН. Дело верное, плёвое. И, главное, личное. Я же уезжаю из города, а неоплаченные счета оставлять себе дороже. Энно, ты же умница, согласишься, сто долларов больше одного и больше даже двадцатки.

БИЛЛ. Хочешь сказать, что я дурак?

ДЖОН. Ну, что ты, Билли, все знают, что ты умнее многих и лучше всех. Просто на вашей лодке рулевая женщина, вот я к ней и обращаюсь.

ЭНН. Нет, Джон.

ДЖОН. Стоп! Ничего не говори! У вас весь день, чтобы обдумать. План готов, никаких-таких преград не будет. Это дом, я его отлично знаю, мы там жили, когда родители переехали, я ещё пацаном был, всё там облазил, много чего заметил. Очень хочется попрощаться. Хозяйка там дрянная тётка, всё местное детство мне испоганила. Прижми-стая и богатая.

БИЛЛ. А что ж так долго кроил?

ДЖОН. Забыл напрочь. А тут собираю манатки, думаю, валить навсегда и не попрощаться со всеми, ну, просто неприлично. Короче, оставляю вас, пойду паковать, ночью, прямо после дела и свалю. Часов в шесть встречаемся здесь. Долю мою честную забираю и — привет,

буфет. Надеюсь на вас, товарищи мои дорогие. А Хави меня никогда не простит. (Уходит.)

БИЛЛ. Энн, не ведись!

ЭНН. Пойдём в кино, как решили, я очень хочу, просто очень!

БИЛЛ. Энн, ты помнишь Джона хотя бы раз таким сладким? Неспроста...

ЭНН. Никто никуда и ни с кем не ведётся, дорогой. Я просто хочу в кино. А ты хочешь быть со мной. Вот и вся любовь. Деньги поврозь, у тебя своя свадьба, у меня своя, как договаривались. Ты же любишь Америку, а меня только хочешь.

БИЛЛ. Энн, я вас обеих обожаю всяко!

ЭНН. Давай, не сейчас. Пошли. (Уходит с Биллом.)

СЦЕНА 7. Астрал. Здесь спящая Ида.

ИДА (поёт колыбельную). А две мои кошки, Мне пекут лепёшки, Вот так чудо, Перечудо. Как же это кошки Могут печь лепёшки? Как же это квочки Сажают цветочки? Как же голубицы Кроят рукавицы? Как это собачки Нагружают тачки? Может ли баранчик Ребятишек нянчить? Могут ли волы Подметать полы? И медведь, известно, Месить не может тесто. Что это за чудо, Чудо-перечудо...

Появляется Йогананда.

ЙОГАНАНДА. Мило...

ИДА. Ты явился!

ЙОГАНАНДА. Спи-спи, тшшш...

ИДА. Не выйдет! Меня не угомонишь даже во сне, потому что я изнемогаю от любви к тебе!

ЙОГАНАНДА. Или от похоти.

ИДА. Когда одно другому мешало. Бывало, одно другому не доставало. Слышь, как меня на поэзию потянуло, что это, как не чистые чувства. Ты хочешь меня!

ЙОГАНАНДА. Я же говорил, я монах ордена свами.

ИДА. С нами? Вот, с вами — значит, с людьми, во всех их проявляниях.

ЙОГАНАНДА. Свами, в приблизительном переводе, означает «владеющий собой», «свободный от чувств».

ИДА. И что, монах же не импотент, и я не требую власти чувств, они потом, может быть, объявятся. О, член ордена, возьми меня медалькой!

ЙОГАНАНДА. Мои родители поссорились всего раз в жизни, когда отец усомнился, что просительнице нужно подать десять рупий, достаточно было бы и одной. Едва не кончилось разрывом, их примирил святой, как раз, пришедший в гости. Мои мама с папой тоже исповедовали Крия Йогу. Точнее, я тоже исповедую её, ведь они родили меня. Они нежно и предано любили друг друга. Моя ненаглядная чудесная мама уже оставила нас. Так вот, она однажды призналась моей сестре, что соединялись они с папой только для того, чтобы зачать. Нас было восемь, четыре мальчика и четыре девочки.

ИДА. Восемь раз за всю жизнь!?

ЙОГАНАНДА. Так что, Ида, невелик праздник для плоти той женщины, кто мог бы стать моей супругой, если бы я и без того не был монахом.

ИДА. Тогда не приходи ко мне больше во сне! Ни во сне, ни наяву! Перестань мучить меня! Я люблю тебя, как никто и никого, и никогда, я боготворю тебя.

ЙОГАНАНДА. Ида...

ИДА. Всё, мне надо проснуться.

ЙОГАНАНДА. Не надо, спи, пожалуйста.

ИДА. Я — это я, и даром никому не подчиняюсь.

ЙОГАНАНДА. Не просыпайся, пожалуйста, я покажу тебе дивные красоты Гималаев...

ИДА. Вон! Прочь из моих дум! Вон из моей жизни!

ЙОГАНАНДА. Спи, спи... спи... (Исчезает.)

ИДА. Не стану! Встану... сейчас проснусь и встану.

СЦЕНА 8. Столовая в пансионате. Маричка, связанная по рукам и ногам, сидит на стуле. Входит Джон, в маске.

ДЖОН. Все твои прежние тайники прошерстил, много чего надывал, а самого главного не нашёл. Где рыжьё? Золото где, спрашиваю?

МАРИЧКА. Пржежные тайники?

ДЖОН. Ещё трижды спрошу, четвёртого раза не будет, полосну, ей-богу.

МАРИЧКА. Ты здесь жил у меня? Я тебя кормила, поила, может, даже играла с тобой, сынок?

ДЖОН. Где золото — раз.

МАРИЧКА. Нету, сыночек, нету, давно сплвила и перевела в ценные бумаги, а бумаги в банке! Не в стеклянной, в сейфе. Отдам! Сходим, отдам!

ДЖОН. Где золото — два.

МАРИЧКА. Да где ж я тебе его рожу, что ли! В банке!

ДЖОН. Я знаю тебя, ты не веришь в бумаги, золото рядом с тобой, в доме.

МАРИЧКА. Да кто же ж ты такой...

ДЖОН. Где золото — три.

МАРИЧКА. Если ты кушал из моих рук, твоя рука не поднимется на меня. Сыночек!

ДЖОН. Хватит жалобить, мы не родня. Кто я? Снять маску?

МАРИЧКА. Нет!

ДЖОН. Ты же хочешь узнать, кто я?

МАРИЧКА. Снимешь маску, точно не пощадишь. Не надо!

ДЖОН. Ладно, спрошу в четвёртый раз и снимаю маску.

МАРИЧКА. Да что ж вам мало, что ли, упыри, всё, нажитое потом, кровью, слезами, выпотрошили...

ДЖОН. Где золото!?

МАРИЧКА. Кого смертью пугаешь, гуцулку! Да чтоб тебя дидько зыв! Най тэбэ шлях трафеты!

ДЖОН (сняв маску). Узнаёшь?

МАРИЧКА. Нет... Ивась... Ивасику!?

ДЖОН. Узнала. Отдашь золото?

МАРИЧКА. Золото портит людей, малыш, а я хочу, чтоб ты вырос красивым, добрым и здоровым.

ДЖОН. Так и будет, тётя Маричка, только без тебя. (Закалывает Маричку.) Покойся с миром. Вот упёртая хохла.

Входит Энн, в маске.

ЭНН. Нашли! Что здесь? Зачем ты её, мы же договаривались без жертв!

ДЖОН. Не хотела говорить, где главный тайник.

ЭНН. Мы нашли золото, Билл сейчас принесёт. Там ценные бумаги...

ДЖОН. А говорила, что в банке. Нет, я разбираюсь в людях. Правда, Энн?

ЭНН. Джон, что ты... Нет!

ДЖОН (закалывает Энн). Да, да. Покойся с миром. Прости, но ты хочешь другого парня, зачем же мне с тобой делиться. А, Билл идёт!

Входит Билл, со свёртком.

БИЛЛ. Вот это улов! Энн? Энн!

ДЖОН (закалывает Билла). Она умерла.

БИЛЛ. Зачем...

ДЖОН. Живучий.

БИЛЛ. Мы братья, Джон...

ДЖОН. Нет, Билли, я у мамы единственный. Любимый.

БИЛЛ. Чтоб ты сдох. (Умирает.)

ДЖОН. А как же! Обязательно, все там будем. Но ты перее. Покойся с миром.

Входит Ида, в халате.

ИДА. Джон? Что тут... Боже! Боже!!!

ДЖОН. Не кричи, народ разбудишь! А тут... тут... В общем, все умерли. Я только собрался за тобой, а ты сама. Любовь моя, от меня не скрыться, я так искал тебя, так искал! Всё, одевайся. Подчистили всё, что было у Марички, даже рыжё. На новую жизнь нам хватит! Уезжаем.

ИДА. Убийца.

ДЖОН. Вот новость. Как и все люди. Кто-нибудь кого-нибудь да как-нибудь невольно, но обязательно убил. Всё, Ида, хватит испытывать судьбу, роем отсюда. Пошли, оденешься, возьмёшь, что надо...

ИДА. Я тебя ненавижу.

ДЖОН. Не ври, ты меня любишь, сама говорила.

ИДА. Я тебя презираю.

ДЖОН. Эй, это перебор.

ИДА. Ты дрянь.

ДЖОН. А ведь всё из-за индуса, с переулка всё началось, с него. И дружбе нашей конец, и любви.

ИДА. Он Бог. А ты блоха. Злобная, вонючая.

ДЖОН. Не могла смолчать? Так и так долго не протянешь. Хоть ты и человек, может быть, даже человечеще, но не жилец. В этом мире такие люди ни к чему, только обуза и досада. Ты меня сдашь. А я в людях разбираюсь. (Закалывает Иду.) Покойся же с миром и ты. Ну, это я тут, конечно, натворил... с горочкой трупов. А какая классная была

компания, на все случаи жизни. Индус мне за вас заплатит, слово даю, я его достану, и мой ствол осечки не даст. Ну, прощайте, ребята. Чёрт, и ведь правда, все умерли. Один раз живём, выживает сильнейший. Выживаю я, всегда я, один я. В раю, по любому, все места заняты, обыкновенному человеку одна дорога — в ад. И какая разница, на каком огне поджарят, на медленном или быстром. Всё одно, человек для Бога — это жаркое. Интересно, кто это всё потом жрёт, для одного многовато будет. Господь, ты кого кормишь? Каких-таких обжор? Или это всё не ты? Придворные воду мутят? Тогда какой же ты господин, если тебя за нос водят. Да нет, наверное, тебя уже давно нет. А-то и вовсе никогда не было. И чёрт с тобой. И со мной тоже чёрт.

СЦЕНА 9. На авансцене, как если бы был в лектории, стоит Йогананда.

ЙОГАНАНДА. И в заключении сегодняшней лекции хочу ответить на вопрос, каков он Бабаджи и встречал ли я его наяву. Бессмертный Бабаджи — аватар. Это санскритское слово означает «сошедший»; его корни — «ава» («вниз») и «три» («проходить»). В священных индийских писаниях аватар означает нисхождение Бога во плоть. Нас не должно удивлять, что нет никаких исторических ссылок на Бабаджи. Великий гуру никогда, ни в одном столетии не появлялся открыто; яркому свету извращённой популярности нет места в его тысячелетних планах. Как Творец, единственная, но молчаливая сила, Бабаджи работает в смиренной безвестности. Великие пророки, такие, как Христос и Кришна, приходят на Землю в определённое время ради выполнения особой, специфической цели; они покидают Землю, как только цель достигнута. Другие аватары, как Бабаджи, совершают работу, которая способствует неспешному эволюционному развитию человека на протяжении столетий. Такие учителя всегда скрывают себя от грубого взгляда окружающих и могут по желанию становиться невидимыми. Бессмертный гуру не несёт на своём теле отметин возраста; кажется, ему не более двадцати пяти лет. Светлокожий, среднего роста. Изумительно красивое, сильное телом. Бабаджи излучает ощутимое тепло. Глаза темны, спокойны и нежны. Длинные, блестящие волосы цвета меди.

Входит Джон, в его вытянутой руке пистолет, в другой — нож.

ДЖОН. Бога нет. Ты труп.

ЙОГАНАНДА. Разве? Взгляни на меня, я жив. Гляди.

ДЖОН. Легко! (Долго глядит на Йогананду.) Кто ты!?

ЙОГАНАНДА. Я — Бог. Как и ты. Только я уже вспомнил это, а ты ещё нет.

ДЖОН. Я убийца! Нельзя же так любить убийцу... убери взгляд, скрой! Меня нельзя любить... нельзя... (Опускает пистолет и нож.) Как теперь мне жить... Как мне жить!? Как жить. И кто я теперь? Кто я... Я... Я. Я. (Уходит.)

ЙОГАНАНДА (возвращается к лекции). Однажды покой священного круга Бабаджи в Гималаях был нарушен приходом незнакомца. Тот с удивительным проворством забрался на почти недоступный выступ скалы, где располагался лагерь Бабаджи. «Господин, Вы, должно быть, великий Бабаджи?» Лицо человека светилось невыразимым почтением. «В течение многих месяцев я искал Вас среди скал. Прошу Вас принять меня в ученики!» Великий гуру не ответил и пришелец сказал: «Если Вы откажетесь от меня, я спрыгну в пропасть, ибо жизнь моя ничего не будет стоить, если я не смогу заручиться Вашим наставлением к Божественному». Бабаджи бесстрастно ответил: «Я не могу принять тебя, твой уровень развития недостаточен. Прыгай». И просящий бросился в пропасть. Бабаджи попросил учеников принести тело незнакомца. За тем положил руку на изуродованный труп и — о, чудо! — незнакомец ожил. «Теперь ты готов к ученичеству, — Бабаджи с любовью смотрел на нового ученика. — Ты отважно прошёл трудное испытание. Впредь смерть не коснётся тебя, отныне ты часть нашей бессмертной паствы». Затем гуру произнёс свои обычные слова на уход: «Dera danda uthao», и вся группа исчезла с горы. Прощайте же и вы. До новой встречи. Искренне Ваш, люди.

СЦЕНА 10. Спустя 30 лет. Кладбище. У могил стоит Хави. Входит Маричка, с сумкой.

МАРИЧКА. Прошу прощения, где-то здесь похоронена моя бабушка. А, так вот же! Да мы соседи...

ХАВИ. Ваша бабушка Маричка!

МАРИЧКА. А вы поминаете ребят, что погибли с ней?

ХАВИ. Да. Я — Хавьер.

МАРИЧКА. Меня тоже зовут Маричкой. Помолчим.

ХАВИ. Я оставил бы вас наедине, но должны подойти мои дети. Простите.

МАРИЧКА. Бог с вами, Хавьер, всё нормально.

Входит Джон.

ДЖОН. Помешаю, наверное, я потом подойду, навещу родителей.

ХАВИ. Джон.

ДЖОН. Узнал.

ХАВИ. Скорее, догадался.

ДЖОН. Четверть века каторги. На днях откинулся. Впервые здесь. Пойду.

ХАВИ. Нет, останься. Пожалуйста.

ДЖОН. Ты меня так и не простил тогда.

ХАВИ. Тогда не смог, теперь никаких обид.

ДЖОН. Как сам?

ХАВИ. Работаю в мэрии.

ДЖОН. Ишь ты, как исправился. Кем?

ХАВИ. Мэром.

ДЖОН. Чудеса.

ХАВИ. Америка.

Входят Ида, Энн и Билл.

ЭНН. Да он не один.

БИЛЛ. Как всегда, не скучает.

ИДА. Пап, ты как?

ХАВИ. Хорошо.

ДЖОН (упав на колени). Нет! Нет! Не казните меня! Я раскаялся и покаялся, вот вам истинный крест! Отпущение мне дали! Спросите священника...

ХАВИ. Джон, Джон, успокойся. Это не призраки, это мои дети. Дочери и сын.

ДЖОН. Нет, нет... Так не может быть... Они же... это они!

БИЛЛ. Джон? Тот самый?

ЭНН. Неисповедимы пути.

ИДА. Джон, не надо, не нервничайте. Вас никто не обидит.

ДЖОН. Это меня-то! Джона Корноухого! Пусть попробуют, не таких видали... Господи Ты Боже мой, что творится, что творится... Они же вылитые ребята!

МАРИЧКА. Я тут невольню, приехала на конференцию по Крия Йоге. Далековато, из Африки, живу в Алжире, но отказать не смогла, такая возможность посетить могилу бабушки.

ДЖОН. Маричка... Тётя Маричка...

МАРИЧКА (подаёт блюда). Вот, давайте помянем убиенных по-нашенски, православным обычаем, все же христиане, кутьёй. Меня тоже Маричкой звать. Блюдо такое, специальное. Берите, я по тарелочкам разложила.

БИЛЛ. Классно! Я слышал, но никогда не пробовал. Рис, изюм, так?

МАРИЧКА. Мёд и цукаты.

ЭНН. Как же так, Крия Йога и Православие, одновременно?

МАРИЧКА. Наука и религия не могут противоречить.

ХАВИ. Тем более, что индуизм и христианство чрезвычайно схожи. Интересовался, по работе. А вкусно!

ИДА. Джон, возьмите вашу порцию.

ДЖОН. Я убийца! Я ваш убийца!

ИДА. Все же живы, Джон.

МАРИЧКА. Все живы, но он всё равно убийца. Если бы ты знал, Джон, как я тебе сострадаю.

ДЖОН. Я вижу! Я помню взгляд индуса, помню.

МАРИЧКА. В том, что дети Хавьера так похожи на ваших друзей, нет ничего сверхъестественного. Во-первых, возможно, что это они и есть, и по их просьбе им дарована Милость Божья ещё раз прожить то, что не дожито, с надеждой на другой вариант. Кроме того, родителей мы себе сами выбираем. Но не стану загружать вас, умолкаю.

ДЖОН. А во-вторых?

МАРИЧКА. Во-вторых...

ХАВИ. А во-вторых и в-третьих, и в двадцать пятых, я могу сказать одно. Нас рождает любовь. Всех до единого. Просто мы об этом забываем. Не все. Я вспомнил и уже не посмел забыть, что люблю. Ребят люблю, тебя, Джон, Отечество, жену, Маричку, жизнь. И смерть тоже люблю. Я жду её с любовью. Смерть придёт, уведёт меня куда-то там, за облака ли, в подземелье или на дно океана, а моя любовь останется. С моими потомками. Со всеми, кого я знал и не знал. Неплохо придумано, оставить вместо себя любовь. Любовь.

□□□□□

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Вещунов
ДЕВУШКА ИЗ «НАГАСАКИ»

3

Ирина Невская	
ВЕРНУТЬСЯ ИЗ ТЕМНОТЫ	23
АРЕНДАТОР	29
Анна Гройсс	
ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ АГАТЫ КРИСТИ	44
Игорь Бёзрук	
СВИНЦОВАЯ СТРАСТЬ КАЗАНОВЫ	51
ПОСЛЕДНЕЕ ПА МАТА ХАРИ	58
Денис Чебаевский	
АУДИЕНЦИЯ У ТВОРЦА, или РОЗА ДЛЯ КОРОЛЕВЫ	62
Светлана Войтко	
СТИХИ	101
Евгений Константинов	
ВЕРЛИБР	107
Гузель Рахматуллина	
КЛУБНИЧНЫЙ ДЖЕМ	117
ДОРОГА ДОМОЙ	124
Сергей Калабухин	
СПАСТИ ГЕРОСТРАТА	139
ЧЁРНЫЙ СЛЕДОПЫТ	161
Андрей Мансуров	
ШАРОВОЙ МИР	177
Роберт Геттих	
ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ	207
СКВЕРНАЯ ИСТОРИЯ	247
ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ЗА КРОВАТЬЮ	264
ЙОГАНАНДА-ЛАЙФ	286

**Литературный
альманах
«Без цензуры»
UNZENSIERT № 51**

**ЛИТО
«Edita Gelsen»**

edita gelsen

logobo2023@gmail.com

ISBN 978-3-910935-06-8

9 783910 935068